

МИШЕЛЬ ЗЕВАКО

КАПИТАН

Мишель Зевако

Капитан

*OCR: Vladimir <http://rraymond.narod.ru>; SpellCheck Roland
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158356*

Капитан: Эксмо; Москва; 1994

ISBN 5-85585-139-7

Аннотация

Париж, 1616 год. Францией правит малолетний Людовик XIII. На фоне заговоров, устраиваемых принцем Конде, герцогом де Гизом и внебрачным сыном короля Карла IX – Карлом Ангулемским, разворачиваются приключения, участником которых является молодой французский дворянин шевалье де Капестан.

Роман «Капитан» – своего рода завершение десятитомной эпопеи Мишеля Зевако «История рода Пардальянов». Именно «Капитан» снискал самую большую популярность у читателей, был экранизирован, а главную роль сыграл известнейший актер французского кино Жан Маре.

Содержание

	4
Глава 1	7
Глава 2	48
Глава 3	78
Глава 4	117
Глава 5	154
Глава 6	186
Глава 7	202
Глава 8	211
Глава 9	236
Глава 10	263
Глава 11	281
Глава 12	293
Глава 13	325
Глава 14	347
Глава 15	369
Глава 16	400
Глава 17	436
Глава 18	462
Глава 19	481
Глава 20	500
Глава 21	518
Глава 22	547

Мишель Зевако

Капитан

*«Искать всевозможные опасности и
приключения»
(Второе правило Рыцарей Круглого стола)*

Париж охвачен страхом. Порой по улицам с дикими криками проносятся какие-то шайки; в воздухе пахнет мятежом. Горожане начищают свои старые алебарды. Дворяне, вооруженные до зубов, держатся настороже. Герцог де Гиз устраивает заговоры. Принц Конде устраивает заговоры. Герцог Ангулемский устраивает заговоры. Люин рвется к власти. Ришелье рвется к власти. Трон шатается.

А в пустынном угрюмом Лувре затаился бедный маленький пятнадцатилетний король. Печальный, как и весь народ, Людовик XIII, подобно своим подданным, с содроганием спрашивает себя: «Кто станет повелителем Франции? Гиз? Конде? Ангулем? Кто из них водрузит стопу на мою голову?»

Однако короля, заговорщиков и народ объединяет ненависть к общему врагу: готовые вцепиться друг другу в глотку, все они видят перед собой блистательное чудовище – человека, который безраздельно царствует в Лувре, в Париже, в королевстве. И со всех губ срываются проклятия – молчат лишь уста королевы-матери Марии Медичи. Ибо во Франции властвует, распоряжается, издает указы, вершит расправу и вселяет ужас любовник королевы – всемогущий Кончино Кончини!

Глава 1

Утро 5 августа 1616 года... Особняк на улице Турнон, более всего похожий на королевскую крепость. Это – резиденция Кончино Кончини, губернатора Нормандии, маркиза д'Анкра, маршала Франции и первого министра Людовика XIII.

Кабинет для приемов, блистающий роскошью, украшенный лучшими творениями итальянского и французского искусства. А вот и сам Кончини!

Это мужчина среднего роста, великолепно сложенный и при этом необыкновенно изящный. На красивом лице сверкают хищные глаза. Весь облик его дышит дерзостной отвагой, присущей великим авантюристам.

Застыв в полупоклоне, слова маршала д'Анкра внимательно слушает какой-то человек. И пока за дверями кабинета, в приемной толпа просителей, уверенная, что в апартаментах Кончини решается дело государственной важности, оживленно гадают, каким пышным празднеством собирается властитель поразить парижан или каким новым налогом разорить их, маршал глухо говорит:

– Да, Ринальдо, ненависть... Ненависть к герцогу Ангулемскому переполняет мою душу! Все прочие – Гизы, Конде – опасности не представляют. А этот – страшный противник... Либо я убью его, либо он – меня. Ринальдо, я отдал бы

десять лет жизни, чтобы Ангулем оказался в моих руках... чтобы я мог вырвать у него сердце, однако...

– Что такое, монсеньор? – ухмыльнулся наперсник.

– Однако даже ненависть к герцогу Ангулемскому отступает при голосе любви! – вскричал Кончини. – Мне нужна эта девушка, Ринальдо... – простонал маршал. – Я умру, если Жизель не будет моей...

– Терпение, монсеньор! Мы найдем ее, эту Жизель! – попытался успокоить своего господина Ринальдо.

– О, если бы я был уверен! – прошептал Кончини. – Ты получишь все, Ринальдо... серебро, золото, титулы, земли, если отыщешь ее! Кто она? Конечно, из знатной семьи, но из какой?

– Мы узнаем это, монсеньор, не сомневайтесь! – усмехнулся преданный слуга.

– Ах! – вздохнул Кончини, одновременно сжимая кулаки. – Только краем глаза удалось мне увидеть ее! Одно лишь имя удалось узнать! Жизель... Найди ее, приказываю тебе!

– Очень хорошо, монсеньор, – деловито произнес Ринальдо. – Подведем итоги. Для утоления вашей ненависти: выяснить, осмелится ли герцог Ангулемский вернуться в Париж, как говорят повсюду, и если это действительно так – расставить господину герцогу ловушку. Для утоления любви: отправиться на поиски нашей незнакомки, зная лишь одно – девушку зовут Жизелью...

– Найди ее, Ринальдо, и я сделаю тебя графом! – с жаром пообещал маршал д'Анкр.

– Монсеньор, можете считать, что она уже найдена – клянусь тем благородным титулом, что вы пожаловали мне!

С этими словами Ринальдо вышел из кабинета. Садясь на лошадь, он пробормотал про себя:

– Черт возьми! Готов поспорить на мой новенький дворянский титул, что именно эту девицу я видел вчера недалеко от Медона! Но надо удостовериться! Если радость Кончини окажется недолгой... уж я-то его хорошо знаю: он делает меня графом Бастильским – и я заживо сгнию в своем графстве! Итак, в Медон!

Медон. За последним домом деревни начинается запущенный разросшийся парк. Возле решетки слуга держит в поводу уже оседланную каурую лошадь. Сюда направляется девушка в голубой бархатной амазонке; юная наездница опирается на руку дворянина лет сорока, с гордой осанкой, седеющими висками, но еще полного сил.

Темноволосая красавица создана для того, чтобы пробуждать в мужских сердцах самую пылкую страсть. Однако более, нежели благородство точеных черт и пышность восхитительных локонов, чаруют в ней прямой, открытый взгляд и бесстрашие души, читающееся в каждом слове и жесте, во всем облике этого прелестного создания.

– Прощайте, отец, – говорит девушка, останавливаясь.

– Прощай, мое дорогое дитя, – отвечает дворянин, сжимая дочь в объятиях. – Если бы не ты, что бы со мною стало? Если судьба вознесет меня на трон, украденный Бурбонами у нашего рода, то обязан этим я буду только тебе. Ты истинная Валуа, Жизель! Тебя не страшат никакие опасности!

Вчера ты привезла мне эти бесценные бумаги из Орлеана, а сегодня вновь отправляешься в путь!

– Ну, сегодняшнее путешествие – это сущие пустяки... – улыбнулась девушка. – Всего лишь до деревушки Версаль... Вечером я снова буду здесь... К тому же, мне есть с кого брать пример, отец, ведь я внучка короля Карла IX и дочь герцога Ангулемского!

– Сегодня вечером! – повторил герцог. – Сегодня вечером в этой жалкой деревушке соберется цвет французского дворянства, чтобы сделать выбор между Гизом, Конде и мною! Король! Стать наконец королем! Если они отдадут мне предпочтение перед грубияном Гизом и скупцом Конде...

Внезапная грусть омрачила чистый взор Жизели.

– Увы! Кто знает, куда может завести вас честолюбие? – вздохнула красавица. – Будьте осторожны! Вы были в Париже! Там есть дворец, называемый Лувром... но есть и крепость, где едва не оборвалась ваша жизнь!

– Бастилия! – прошептал Карл Ангулемский. – Будь спокойна, девочка моя; я не вернусь туда никогда! Слишком много страданий испытал я в мрачных казематах... если ме-

ня схватят, я покончу с собой! Но не тревожься, дитя мое. Час нашего торжества уже близок. И первым моим деянием после коронации будет акт справедливости... возмездия... ты знаешь, по отношению к кому, ибо сама ненавидишь этого человека!

Жизель вздрогнула. Губы ее побелели, лицо стало решительным и строгим.

– Да, – вскричала девушка, – всем своим существом я ненавижу человека, принесшего несчастье моей матери! И хочу, чтобы эта благородная женщина была отмщена!

– Будь спокойна! – ответил дочери герцог, и голос его походил сейчас на львиный рык.

В эту минуту к решетке парка подкрался какой-то человек и устремил взгляд на Жизель... Это был Ринальдо, правая рука и верный подручный Кончини.

«Это она... наша незнакомка... Я нашел ее!» – трепеща от радости, мысленно воскликнул он.

– Будь спокойна, – продолжал герцог, не замечая согляда-тая. – Час отмщения близок! В скором времени я ожидаю помощи от одного юноши, Жизель... красивого, благородного, бесстрашного... Отец его известил меня, что молодой человек уже спешит сюда... Ему пришлось задержаться в Орлеане, но вчера он, как и ты, должен был проезжать через Лонжюмо.

– Лонжюмо! – пробормотала девушка, и лицо ее залилось ярким румянцем.

Отец почувствовал, как дочь задрожала в его объятиях...

– О! – воскликнул он, оживившись. – Неужели ты его встретила?

– Да, в Лонжюмо я обратила внимание на одного молодого дворянина, – смущенно опустила глаза Жизель.

– С виду не больше двадцати лет? Гордый и смелый? – спросил Карл Ангулемский.

– Да... да... – пролепетала красавица.

– И последнее, дитя мое. Тот, кого я жду, носит костюм жемчужно-серого бархата...

– Да, отец! – вновь ответила девушка.

– Слава Богу! – вскричал довольный герцог. – Ты встретила маркиза де Сен-Мара! Не задавай мне вопросов! Позднее ты узнаешь, какую роль в моем триумфе сыграет твой брак с Сен-Маром... Ты согласна на этот союз?

– Юноша промелькнул передо мной в долю секунды, – прошептала Жизель, не замечая, что грудь ее вздымается от волнения. – И все же, отец, я хочу, чтобы человек, который даст мне свое имя, походил на того, кого я увидела в Лонжюмо.

С этими словами девушка выскользнула из объятий отца, легко вскочила на лошадь и воскликнула:

– Через час я буду в Версале и там дождусь известных вам людей, а вечером вернусь обратно.

– Сегодня вечером! – глухо повторил заговорщик, и голос его вновь зазвучал как львиный рык. – Сегодня вечером

меня изберут королем! Ибо отныне меня будет поддерживать один из самых влиятельных людей в стране – отец юного Сен-Мара!

Ринальдо выбрался из кустов, в которых прятался.

– С кем, черт побери, она разговаривала? – проворчал наперсник Кончини. – И о чем? Неужели у маршала есть соперник? Впрочем, непохоже... Едет в Версаль... так она сказала! Очень хорошо. А возвращается вечером. Отлично! Остальное пустяки.

Найдя оставленного за деревьями коня, Ринальдо вскочил в седло и ровно в полдень бешеным галопом влетел в Париж через ворота Сен-Оноре, не обращая внимания на испуганные вопли и проклятия, раздававшиеся со всех сторон. Проклятия относились не столько к самому всаднику, сколько к цветам его костюма, по которым можно было определить, у кого на службе состоит Ринальдо. Судя по всему, эти цвета вызывали всеобщую ненависть, ибо при виде их у прохожих сжимались кулаки, а лица искажались от злобы.

Наконец лошадь остановилась перед дворцом Кончини на улице Турнон. Ринальдо, взбежав по лестнице, с бесцеремонной фамильярностью открыл дверь кабинета маршала д'Анкра.

Кончини, увидев своего подручного, вскочил с кресла и пылко вскричал, задыхаясь от волнения:

– Ты, Ринальдо? Уже! Что ты принес мне: радость или от-

чаяние, жизнь или смерть? Ты нашел ее?

– Она найдена! – провозгласил Ринальдо.

– Будь благословен мой ангел-хранитель, подаривший мне такое счастье! – воскликнул маршал. – Ринальдо, дорогой Ринальдо, проси все, что хочешь! Ты нашел ее, это правда? О чудесная незнакомка, известная мне лишь по имени! Жизель! Говори же... где? когда? каким образом!

– Эх! – ухмыльнулся Ринальдо. – Клянусь Господом Богом, вы мне и слова не даете сказать! Дьявольщина! Да вы просто убиты наповал...

Кончини позеленел. Маршала постоянно терзал страх стать жертвой покушения...

– Убиты стрелами синьора Купидона! – рассмеялся наперсник. – Признаюсь, графская корона весьма украсила бы двери моего жилища... Вы готовы были излить да меня свою щедрость и я теперь припадаю к ее источнику, чтобы собрать все крохи вашего великодушия.

– Говори! Где она? – нетерпеливо спросил Кончини.

– В Медоне, – ответил Ринальдо. – В последнем доме на деревенской улице, с правой стороны, почти напротив харчевни «Сорока-воровка».

– Едем! – зарычал Кончини.

– Какой пыл! – Вновь усмехнулся Ринальдо. – Успокойтесь, у нас есть время! Она отправилась в какую-то деревушку под названием Версаль. Но сегодня вечером должна вернуться в Медон. Стало быть, нам нужно только устроить за-

саду на дороге и...

– Хорошо! – проворчал Кончини. – Возьми с собой Базоржа, Шалабра, Понтрая, Лувиньяка и Монреваля. Пусть вооружатся до зубов. Выезжаем через час...

– Да, да, – насмешливо промолвил Ринальдо, – мы можем спокойно расставить сети... но что скажет ваша высокочтимая законная супруга?

– Леонора! – пробормотал Кончини, вздрогнув всем телом. – О, эта женщина! Она опутала меня цепями своей ревности, и я бессильно бьюсь в них! Ей нельзя знать даже имени той, которую я люблю... Она ее убьет... отравит, как отравила... да ты знаешь! Сколько их было!

В этот миг кто-то тихонько поскребся в заднюю дверь, выходящую в длинный коридор, который соединял апартаменты маршала с покоями маркизы д'Анкр. Дверь отворилась... вошла женщина... Это была супруга Кончини, маркиза д'Анкр... Леонора Галигаи!

Незадолго до этого она, закончив свой туалет, повернулась к камеристке, чьи ловкие руки умели с помощью искусственных ухищрений создать красоту и там, где в ней было полностью отказано природой.

– Марсела, – холодно произнесла Леонора, – ты говоришь, что Ринальдо взялся разыскать Жизель д'Ангулем?

– Мадам, герцог Ангулемский со своей дочерью находятся в Медоне, в доме, который я вам указала. Однако господин маршал не знает, что влюбился в дочь герцога Ангулем-

ского...

Леонора уже не слушала. Скатившаяся из-под ресниц слезинка мгновенно высохла на лихорадочно горевших щеках. Заломив руки, женщина простонала:

– Он ее любит! О, это не прихоть и не каприз, он ее действительно любит! А на меня не желает даже взглянуть! Горе ей!

И Леонора бросилась в кабинет Кончини; добежав до дверей, она немного задержалась, чтобы послушать, о чем говорят в комнате, а затем вошла... Ринальдо мгновенно исчез.

– Кончино, – произнесла Леонора, с нежностью глядя на мужа, – мне хотелось повидаться с вами, прежде чем отправиться в Лувр к королеве. Только что у меня побывал господин де Ришелье; он принес весьма важные новости...

– Куда он лезет, этот тщедушный прелат? – проворчал Кончини.

– Не сердитесь, мой Кончинетто... Епископ Люсонский предан нам и в очередной раз оказывает услугу. Кончино, существует план похищения короля... его хотят свергнуть, лишить престола, быть может, убить... а заодно расправиться и с нами. Во главе заговора стоит человек, хорошо вам известный – Карл, граф Овернский, герцог Ангулемский... сын Карла IX.

Кончини вздрогнул... в его душу закралось какое-то злое предчувствие.

– Честолюбию его нет предела, – продолжала Леонора, –

будучи сыном государя, он и сам жаждет стать монархом! Этот бастард Мари Туше и жалкого королька, захлебнувшегося собственной кровью, обладает отвагой... и волей! О, если бы он оказался на вашем месте, Кончино!

– И что бы он сделал? – раздраженно осведомился маршал.

– Он уже был бы королем! – прошептала Леонора. Маркиз д'Анкр с ужасом огляделся вокруг.

– Герцог Ангулемский – очень опасный человек, – вновь заговорила Галигаи. – В его груди бьется гордое и смелое сердце.

– Что же делать? – пробормотал, бледнея, Кончини, потерявший весь свой апломб.

В глазах Леоноры появилось выражение зловещей решимости. Она произнесла очень медленно:

– В броне этого железного человека я обнаружила один изъян...

– И это слабое место?.. – вскинул брови Кончини.

– У него есть дитя! – прошипела Галигаи. – Отцовская любовь делает Карла Ангулемского уязвимым. Он откажется от трона, Кончино, дабы избавить от мук свою девочку!

– Понимаю! – сказал маршал с отвратительной улыбкой. – Мы похитим ее. И граф Овернский будет ползать у наших ног.

– Да, – глухо ответила Леонора. – Но, что если отец станет упорствовать?

На минуту в комнате воцарилась тишина. Маршал д'Анкр неслышно подошел к двери, желая удостовериться, что его разговор с женой никто не подслушивает. Затем Кончини вернулся к Леоноре и изменившимся голосом произнес:

– Если отец станет упорствовать... то у Лоренцо, торговца зельями с моста Менял, найдется пара капель той жидкости, что не щадит никого! Даже ребенка!

Супруги переглянулись. Их лица почти касались друг друга. Внезапно Леонора, страстно обвив руками шею Кончини, впиалась в его губы жарким поцелуем.

– Сколько лет девочке? – хрипло спросил Кончини.

– Ей, вероятно, семнадцать, Кончино, и действовать нужно немедленно, – заявила Галигаи. – Уже завтра утром она должна проснуться здесь... Она должна быть в наших руках! И тогда... как ты сказал, Кончино, если отец станет упорствовать, то горе ей!

– Сегодня же вечером я этим займусь, – кивнул маршал д'Анкр. – Где можно найти дочь Ангулема?

– В Медоне. Последний дом на деревенской улице, с правой стороны, напротив постоянного двора и харчевни «Сорока-воровка».

Кончини пошатнулся, чувствуя, как волосы у него встают дыбом и струйка холодного пота течет по спине.

– Как ее имя? – прохрипел он. – Имя дочери герцога?

– Жизель! – ответила Леонора Галигаи.

Маршал д'Анкр застыл, словно обратившись в камень.

Леонора Галигаи в последний раз окинула мужа взглядом, и губы ее тронула легкая улыбка... Затем женщина безмолвно встала.

Утром того же дня в нескольких лье от Лонжюмо на прекрасном коне мчался галопом молодой всадник, лет двадцати на вид.

Юноша был высок и строен, его лицо с неправильными насмешливыми чертами отличалось своеобразной красотой и дышало отвагой. В глазах его сверкала несокрушимая вера в свою звезду. Молодой человек был одет в элегантный, хотя и несколько потрепанный костюм жемчужно-серого цвета, на боку юноши висела длинная шпага с рукоятью из чеканного железа.

Внезапно лошадь встала, как вкопанная, перед широким ручьем, впадавшим в реку Бьевр, которая огибала лес. Мост через реку находился примерно в одном лье вверх по течению, дорога же, петляя, терялась в лесу.

На этой дороге стояла карета, которую нашему молодому всаднику мешали разглядеть раскидистые вязы. И какая-то женщина жадно следила из окна экипажа за юношей, который тем временем обратился к своему коню со следующими словами:

– Мой славный товарищ, если уж получил ты имя Фан-Лэр¹, то к чему тебе перебираться через реку по мосту? Ес-

---

¹ Fend-l'Air (франц.) – Рассеки воздух.

ли мы с тобой и свалимся в воду, то все равно свидетелями нашего позора станут лишь солнце да ветер. Ну, давай, Фан-Лэр! Оп-ля!

Заставив лошадь попятиться, всадник резким движением послал ее вперед. Вытянувшись в струнку, Фан-Лэр совершил изумительный по красоте прыжок, а в следующий миг уже скакал к лесу, шумевшему на другом берегу ручья. Конь остановился лишь в нескольких шагах от невидимой кареты...

– Великолепно! – раздался за кустами чей-то голос.

Молодой человек, привстав в стремях, удивленно огляделся.

– Поистине великолепно, – повторила дама из кареты, высунувшись из окна экипажа. – Но вы могли убиться!

– Малышка из Лонжюмо! – прошептал всадник. – Мне все-таки не удалось отделаться от нее, хоть я и свернул с дороги! А ведь так хотелось помечтать вволю о моей прекрасной амазонке в голубом бархатном наряде!

– Вы не отвечаете мне, сударь? – обиженно промолвила незнакомка.

«Черт бы побрал эту бешеную девицу, несмотря на всю ее красоту!» – сердито подумал молодой человек.

Продолжая мысленно чертыхаться, он, тем не менее, с поклоном обнажил голову перед той, кого минуту назад назвал «малышкой». Это была почти девочка, явно не старше пятнадцати лет, прелестная и изящная, но уже с порочным взо-

ром.

– Стало быть, – продолжала она, – вы, как сказали мне в Лонжюмо, едете куда глаза глядят, то есть никуда?..

– Вовсе нет, сударыня, – ответил юноша, – я направляюсь в Париж.

– И я тоже! – вскричала странная девушка. – Что же вы собираетесь делать в Париже?

– Боже мой, сударыня, я намерен добиться успеха! – заявил молодой человек.

– Неужели? – улыбнулась незнакомка. – Совсем как я! Поедем вместе? Я могу быть вам полезна. Я знаю в Париже очень многих, например, епископа Люсонского, который чрезвычайно мной заинтересовался. Могу поговорить с ним о вас...

– У меня самого есть рекомендательные письма, в частности, к прославленному маршалу д'Анкру! – гордо проговорил юноша. – Что до вашего предложения ехать вместе, то я уже объяснял вам...

– В таком случае, прощайте! – воскликнула прелестница, смеясь. – Но запомните: я буду жить на улице Турнон, на постоялом дворе «Три короля». Если вам вдруг взбредет в голову повидаться со мной, приходите туда... Спросите Марион Делорм.

В глубокой задумчивости юноша проводил взором карету Марион Делорм, но тут чей-то голос прервал нить его размышлений. Обернувшись, он увидел перед собой очень мо-

лодого дворянина на великолепном пегом жеребце. Внезапно появившийся всадник тоже был одет в костюм жемчужно-серого бархата.

– Сударь, – гневно произнес незнакомец, – я кружу здесь вот уже три минуты.

– Три минуты? Это слишком много или, напротив, слишком мало, – заметил молодой человек.

– Чтобы объясниться с вами, мне потребуется еще меньше времени! – сердито вскричал юный дворянин.

– Так говорите! Что именно вы желаете мне объяснить? – холодно осведомился наш путешественник.

– А вот что: в харчевне Лонжюмо вы вступили в беседу с девушкой, которая только что уехала отсюда, – яростно сверкнув глазами, процедил взбешенный юноша. – Вторично вы осмелились это сделать здесь, в лесу, и я не намерен терпеть подобную наглость.

– Это все? – проворчал владелец Фан-Лэра.

– Нет, я хотел еще добавить, что у вас манеры персонажа дешевых фарсов, фанфарона-Капитана, и это свидетельствует об очень дурном вкусе, – презрительно бросил всадник.

– Сударь, у Капитана из комедии есть только деревянная шпага, моя же выкована из прочной стали. Извольте показать мне свою – и немедленно! – вскричал молодой человек.

– Мы поняли друг друга! – усмехнулся незнакомец. – Но сейчас меня ждут неотложные дела.

– Хорошо, – кивнул наш путешественник. – Вы просите

отсрочки? Что ж, вы ее получите!

– Очень мило с вашей стороны, – поклонился юный дворянин. – Приглашаю вас отобедать со мной через три дня, а уж затем мы постараемся перерезать друг другу глотки.

– Великолепно. Где мне вас найти? – осведомился хозяин Фан-Лэра.

– На постоялом дворе «Три короля», на улице Турнон в Париже, – ответил незнакомец. – Там мы и договоримся, где лучше всего произвести целительное для нас обоих кровопускание.

– Прекрасно, – ослепительно улыбнулся молодой человек. – Теперь позвольте представиться: меня зовут Адемар де Тремазан, шевалье де Капестан. А вас?

– Сударь, – откликнулся незнакомец, – мое имя Анри де Рюзе д'Эффья, маркиз де Сен-Мар.

Молодые люди, одновременно обнажив головы, склонились до самых грив своих коней. Вслед за этим они расстались.

– Недурно! – пробормотал Адемар себе под нос. – Вот уже и дуэль наметилась! Не думаю, что это сильно поможет мне на пути к успеху!

Через час молодой человек обнаружил, что совершенно не знает, куда ехать. Остановившись у первого же кабака, он уселся перекусить, а хозяин объяснил ему, какой дорогой можно добраться до деревни Медон, чтобы оттуда без помех прямым путем двинуться в Париж.

Итак, шевалье де Капестан поскакал на Фан-Лэре к Медону, продолжая грезить об амазонке в голубом наряде, которая произвела на него столь сильное впечатление накануне, в Лонжюмо. Лошадь, пользуясь задумчивостью всадника, свернула с королевской дороги на тропинку, но наш молодой искатель приключений заметил это лишь у самого Медона, когда за зарослями довольно густого кустарника показались первые дома.

Шевалье уже собирался выехать на дорогу, как вдруг резко натянул поводья: взору его предстали два всадника – мужчина и девушка, которые о чем-то ожесточенно спорили, а, может быть, и ссорились. Шевалье де Капестан не слышал слов, но при виде девушки сердце его неистово забилося, а в глазах потемнело...

Между тем на дороге происходило следующее.

– Жизель, послушайте меня, – говорил мужчина угрожающим тоном, – уже сегодня вечером будет слишком поздно! Я могу спасти от страшной опасности и вас, и вашего отца! В обмен же на мою преданность...

– Ваша преданность мне омерзительна! – резко перебила его девушка.

– В обмен на любовь человека, обожающего вас... – попытался продолжить мужчина.

– Каждое ваше слово звучит как оскорбление! – вновь оборвала красавица его излияния.

– В обмен на эту преданность и это обожание я прошу

лишь дать мне надежду! – вскричал всадник.

– Я ничего не могу вам дать и скажу только одно: езжайте своей дорогой, сударь! – сухо ответила Жи-зель.

– И это все? – глухо проскрежетал мужчина.

– Да, сударь! – отрезала девушка.

– Хорошо же! – прорычал всадник смертельно побледнев от ярости и страсти. – Вيني только себя, если отец твой умрет в отчаянии! Ты сама устремилась в пропасть...

И с этими словами Кончино Кончини, маршал д'Анкр, протянул руки, чтобы схватить нежную, как лилия, дочь герцога Ангулемского! Та отпрянула, закричав от ужаса.

В этот миг кто-то вихрем вылетел из-за кустов. Лошадь Кончини в испуге попятилась... сверкнула длинная шпага и загремел голос шевалье де Капестана:

– Назад, негодяй! Ты смеешь оскорблять женщину? Назад – или пробил твой последний час!

Жизель, трепеща, смотрела на юношу, гарцевавшего на коне, который одним прыжком оказался на дороге. И из глубины девичьего сердца рвался ликующий крик:

«Это он! Анри де Сен-Мар!»

Мертвенно бледный Кончини увидел в двух дюймах от своей груди острие прочной шпаги.

– Кто этот разбойник с большой дороги? – пробормотал маршал д'Анкр, чувствуя, как на лбу у него выступает холодный пот.

– Убирайся! – проревел Капестан.

– Ты знаешь, с кем говоришь? – прошипел Кончини. – Тебя ждет эшафот! Ужасные пытки, если ты...

– Убирайся! – загремел Капестан.

На лице его появилось выражение такой свирепой решимости, что Кончини ощутил дыхание смерти, чей холод пробрал маршала до самых костей.

– Хорошо! – пробормотал он, поворачивая коня и задыхаясь от бессильной ярости.

Шевалье де Капестан остался лицом к лицу с Жизелью. Мгновение они смотрели друг на друга, дрожа от волнения. В их сердцах пылало одно и то же чувство.

Наконец молодой человек поклонился девушке.

– Сударыня, – произнес он с бесконечной нежностью, – пока я имею честь находиться рядом с нами, вы можете ничего не бояться...

– Я не боюсь, сударь, но от всего сердца благодарю вас, – дрожащим голосом проговорила красавица.

В этот момент отъехавший на безопасное расстояние Кончини пронзительно свистнул в свисток, и тут же послышался оглушительный стук копыт.

– Схватить мерзавца! – крикнул маршал.

Восемь или десять всадников ринулись на шевалье де Капестана. Сам же Кончини с жуткой усмешкой двинулся обратно к Жизели, снова протягивая к девушке руки!

Юноша с силой сдвинул ногами бока Фан-Лэра, и тот взвился в воздух! Раздались стоны и проклятия: в живой сте-

не атакующих была пробита кровавая брешь.

Капестан, мгновенно спрыгнув на землю, выхватил из-за пояса острый кинжал. И в ту секунду, когда Кончини уже готов был схватить Жизель, его лошадь рухнула с распоротым животом.

– Берегитесь, монсеньор! – громко предостерегли своего хозяина головорезы и с дикими воплями бросились на юношу.

– Бегите, мадемуазель, – воскликнул Капестан, вонзая шпагу в ближайшего из нападавших.

– Нет, – кротко промолвила Жизель.

– Этим вы убьете меня, – воскликнул Капестан, отражая удар, грозивший раскроить ему череп.

– Взять его живым! – взревел Кончини: превосходный наездник, он сумел, скатившись с падающей лошади, приземлиться на ноги.

– Один я как-нибудь выпутаюсь, – продолжал, обращаясь к девушке, молодой человек. – Ваша очередь, сударь! – крикнул он наседавшему на него головорезу. – Вы мертвы.

Еще один подручный Кончини рухнул и затих. Двое других были ранены. Маршал д'Анкр позеленел от ярости.

– Мадемуазель, – хрипло молвил Капестан, – если вы задержитесь хоть на минуту, я погиб!

– Прощайте же! – прошептала она. – Прощайте! Быть может, я никогда вас больше не увижу, но пока я дышу, вы будете жить здесь...

И девушка, приложив ладонь к своей трепещущей груди, пришпорила лошадь. Кончины испустил дикий вопль, но Жизель стремительно скрылась под бешеный перестук копыт.

– Остановить ее! – заорал маршал д'Анкр. – Ринальдо, тысячу экю, если ты сумеешь ее догнать!

– Ко мне, Фан-Лэр! – крикнул Капестан. Одним прыжком он взлетел в седло. Ринальдо и еще двое головорезов уже устремились было в погоню за дочерью герцога Ангулемского, но шевалье встал у них на пути.

– Ни шагу дальше! – рывкнул Капестан.

В руках он сжимал лишь обломок шпаги; юноша был с головы до ног забрызган своей и чужой кровью; одежда свисала с него клочьями, шляпа слетела на землю – но от всего облика этого человека веяло яростью, походившей на безумие! Слившись воедино с громадным Фан-Лэром, он напоминал героя эпических сказаний.

– Прочь с дороги! – зарычали бандиты. Однако Фан-Лэр, преградив им путь, перешел в наступление. Казалось, от него нельзя было укрыться нигде: он вставал на дыбы, взбрыкивал, теснил врагов боком и крупом, напрыгивал и подныривал... Одна из лошадей упала с разбитой ударом копыта грудью... Вторая осела со сломанным коленом... И над всей этой жуткой сценой гремел голос Капестана: «Ни шагу дальше!»

Схватка длилась около трех минут. Большинство людей

Кончини лишилось лошадей. Раненые корчились на земле, остальные предпочли отступить. Капестан одержал блистательную победу. Кончини, рыдая, обхватил голову руками. Взор его был прикопан к молодому всаднику, удалявшемуся неторопливой рысью на своем чудо-скакуне.

– О! – прошептал маршал. – Я готов отдать десять лет жизни – только бы схватить тебя, изжарить на медленном огне и бросить твои потроха на съедение собакам!

– Беру это на себя! – тут же отозвался Ринальдо. – Я найду этого бешеного безумца! Что до малышки... – ухмыльнулся наперсник маршала, – то еще не все потеряно!

Вечерело. По белой дороге неспешно трусил Фан-Лэр, гордо неся свою прекрасную голову. Шевалье де Капестан, грязный, окровавленный и разбитый, дал полную волю своему коню, а сам погрузился в невеселые размышления. Юноша ясно понимал лишь одно: необходимо завтра же отправиться к всемогущему маршалу д'Анкру, признаться ему во всем и заручиться его покровительством. «Ведь негодяй, которого я проучил, наверняка знатный вельможа. К нему обращались «монсеньор», я сам слышал! Эх, Капестан, Капестан, если ты не сумеешь понравиться прославленному маркизу, я и пистоя не дам за твою шкуру!»

Добравшись до первых домов Медона, он вдруг почувствовал такую слабость от потери крови, что решил заночевать здесь. Увидев постоялый двор, шевалье спешился, во-

шел в гостиницу и попросил комнату с окнами на дорогу. Хозяйка, с беспокойством поглядывая на его разодранную в клочья одежду, заявила:

– Прошу прощения, но у нас в «Сороке-воровке» принято платить заранее...

Шевалье поспешно сунул руку в карман, но денег не обнаружил: он выронил кошелек во время схватки!

– Любезная хозяйка, – сказал Капестан, слегка побледнев, – считайте пока залогом сбрую моего коня, а я постараюсь отыскать кошелек, который у меня точно был... но куда-то заделался!

Трактирщица пожала плечами и удалилась, не спросив постояльца, желает ли тот пить или есть. А Капестан, подтащив единственное кресло к окну, устроился поудобнее; юноша надеялся, что прохладный вечерний ветерок освежит его пылающий лоб. Но хозяйка, показавшись через минуту в дверях, боязливо произнесла:

– У этого окна лучше не сидеть, потому что на против – дом с привидениями. Когда там появляется белая дама, слышатся стоны и крики, хотя уже пятьдесят лет в этом доме никто не живет... Нельзя смотреть на это здание... оно приносит несчастье!

Хозяйка вновь исчезла, а Капестан, развалившись в кресле у открытого окна, пробурчал:

– В глотке у меня сухо, как в пустыне, а в желудке – в желудке тоже пустыня... Чертовски хочется пить! И есть! Кто

же такой этот вельможа?

Сам того не сознавая, шевалье не сводил глаз с таинственного дома, приносившего, по словам хозяйки, несчастье тому, кто на него смотрел.

Постепенно на постоялом дворе все затихло. Молодого человека по-прежнему терзали голод и жажда; в его гудящей голове проносились беспорядочные смутные видения... Капестан заснул.

Внезапно тишину пререзал громкий крик, разбудивший шевалье. Вскочив с кресла, Капестан стал прислушиваться. В этот миг с колокольни Медона донеслось двенадцать ударов...

– Полночь! – пробормотал Капестан. – Мне снилось, что я слышу крик. Ей-Богу, пора уже мне...

Сдавленный стон заставил его умолкнуть... затем послышались приглушенные возгласы... шум борьбы... что-то, похожее на плач...

Капестан с пылающими щеками вслушивался в эти звуки.

– О! – прошептал он. – Неужто это и впрямь дом с привидениями? О! Я бы сказал, что там кого – то убивают!

С этими словами шевалье перемахнул через подоконник и спрыгнул вниз. В мгновение ока очутившись у таинственного дома, он стал колотить в дверь эфесом шпаги. До шевалье донесся еще один – последний – стон, а потом воцарилась тишина.

– Я выясню это! – сказал себе Капестан. – Я узнаю, что

там происходит!

И молодой человек с обломком шпаги в руке двинулся вдоль фасада загадочного строения, а вскоре припустил бегом, следуя за изгибами высокой стены, которая огораживала сад таинственного дома и уходила куда-то в поля. Через пять минут этой гонки шевалье обнаружил в стене пролом и влез в него.

В этот миг из-за верхушек деревьев выплыла луна, заливая все вокруг своим голубоватым светом. Капестан увидел, что находится в запущенном парке. В глубине, ближе к дороге, стоял дом с привидениями.

Это был полуразрушенный замок, явно принадлежавший какому-то знатному роду. Отводя рукой колючие ветви, хлеставшие по лицу, и по-прежнему сжимая в кулаке обломок шпаги, Капестан добрался до крыльца и поднялся в вестибюль, слабо освещенный лампой, которая висела на потолке.

– Где я? – пробормотал шевалье. – Может быть, этот замок привиделся мне в жару? Наверное, здесь обитает белая дама, о которой говорила хозяйка...

– Эй! – крикнул Капестан. – Кто тут звал на помощь? Помощь пришла!

Никто не отвечал. Вскоре юноша решил, что дом пуст.

«Кажется, я опоздал, и схватка уже закончилась! – подумал шевалье. – А может быть, все эти крики и стоны мне почудились? Я просто видел сон... О! Что это такое?»

Капестан только что вошел в просторную комнату, где со-

всем не было мебели. На четырех стенах висели мужские костюмы, начиная со шляп – все до единой с одинаковыми красными султанами – и кончая сапогами из рыжей кожи. Здесь могли бы экипироваться по меньшей мере человек пятьдесят.

– Отличные наряды!.. – прошептал шевалье. Подойдя поближе, он снял со стены один из них. – Великолепный бархатный плащ, подбитый шелком! Ба! У моего подкладка из простого полотна – но ты все равно мне милее, верный товарищ, укрывавший меня от дождя! Что до этого колета, – продолжал юноша, вертя в руках означенную деталь костюма, – то не могу не признать: блещет новизной, тогда как в моем прорех не меньше, чем у Роланда после битвы при Ронсевале. Жаль, что это не моя вещь...

Капестан со вздохом повесил обратно добротный элегантный колет, затем снял вновь, погрузившись в восхищенное созерцание этого замечательного творения портновского искусства.

Через пять минут юноша уже облачился в новый колет, а на стене теперь красовался старый – разодранный и окровавленный.

«О! В этом даже чувствуешь себя совершенно по-другому! Мне кажется, будто у меня завелось лишних двадцать пистолей, – с некоторым удивлением подумал шевалье. – Попробовать надеть что-нибудь еще?»

Примеряя все вещи одну за другой, Капестан нарядился в

новое с ног до головы – начиная со шляпы с красным султаном и кончая сапогами из рыжей кожи.

«Когда буду уходить, все повешу на место, – решил молодой человек. – Хотелось бы взглянуть на себя в зеркало и поклониться великолепному господину, которого я там увижу, словно принцу. Правда, это будет нищий принц – вроде Иова² из Святого писания... ведь кошелька-то у меня по-прежнему нет! Мне даже не на что утолить голод и жажду...»

Рассуждая таким образом, шевалье открыл вторую дверь и в изумлении замер на пороге, широко раскрыв глаза и раздувая ноздри.

«О! О! Да что же это такое?» – промелькнуло у юноши в голове.

А это был стол, полностью накрытый на четыре персоны: посредине возвышался восхитительный пирог с поджаристой корочкой в окружении паштетов, салатов и разнообразной дичи. Сию пленительную картину довершала целая батарея внушительного вида бутылок.

– Нет никакого сомнения, – сказал себе Капестан, – что здесь ожидают принца. Впрочем, я ведь уже решил сыграть эту роль. Добавлю, что аппетиту моему мог бы позавидовать и сам король. Стол накрыт не для меня. Но раз никто не уделил ему должного внимания... к тому же, я займу лишь одно место из четырех. Гм, начнем, пожалуй, с пирога.

---

² Иов – ветхозаветный праведник, лишившийся, всех своих богатств, но даже в нищете и болезнях не возроптавший на Бога.

И шевалье вонзил нож в пирог, аккуратно разделив его на четыре равные части, затем воздал должное гусю, но съел лишь четверть, а из восьми бутылок осушил только две. К двум часам ночи жизнь казалась шевалье прекрасной... Весело напевая, он поднялся из-за стола и подошел к камину, возле которого лежала длинная шпага. Дивный сон продолжался: Капестан с улыбкой прицепил шпагу к поясу. Однако тут же в третий раз воскликнул, вытаращив глаза:

– О! О! О! Что это?

Это был увесистый кошелек. Капестан высыпал на стол содержимое мешочка: в нем оказалось двести пистолей. На каминной доске стояла чернильница и лежал лист бумаги. Отсчитав пятьдесят пистолей, Капестан сунул их в карман, а потом, взяв перо, написал на листке следующее:

«Я, Адемар де Тремазан, шевалье де Капестан, благодарю от всего сердца хозяйку этого замка, уведомляя ее, что позаимствовал:

- 1) один из костюмов;
- 2) превосходный обед;
- 3) пятьдесят пистолей.

За костюм обязуюсь вернуть десять подобных, как только разбогатею; за обед расплачусь букетом лучших цветов; за пятьдесят пистолей выплачу двадцать пять дублонов; за гостеприимство прошу таинственную даму принять в дар мою жизнь...»

Подписав этот вексель, Капестан совершенно успокоился

и, замерев перед зеркалом, стал не без удовольствия разглядывать собственное отражение. Но внезапно юноша вздрогнул и уставился расширенными от ужаса глазами в зеркальное стекло, где появилась еще одна фигура... Это была женщина... с головы до ног одетая в белое... с мертвенно бледным лицом... с кровавым пятном на груди!

Привидение устремило на шевалье пристальный взор, в котором, казалось, не было ничего человеческого!

Застыв от изумления, юноша всматривался в неподвижную белую фигуру с красным пятном на груди, бормоча еле слышно:

– Белая дама! Именно о ней говорила хозяйка постоялого двора... Я в доме призраков... Надо скорее прочитать молитву!

Но это было легче сказать, чем сделать. Капестану удалось вспомнить только первые слова:

– Отче наш, иже еси... где же, черт возьми? Ах да, на небеси!

Шевалье едва устоял на ногах, услышав громкий смех за своей спиной, и, обернувшись, увидел, что женщина с раной в груди держится за стену, чтобы не упасть на пол от хохота. Возможно, она доживала последние минуты – но при этом безудержно смеялась!

– Мадам, – произнес Капестан, утирая холодный пот, – простите мне невольную слабость... я ведь обязан был помочь вам!

С этими словами он подхватил незнакомку на руки и отнес ее к креслу.

– Вы ранены? – продолжал он. – Это вы звали на помощь? Скажите, что я могу сде...

– Карл уехал, – прошептала дама. – Прощай, жизнь! Прощай, молодость!

Юноша смотрел на женщину в полном замешательстве. Только сейчас он заметил безумный блеск в ее изумительных синих глазах. У белой дамы были прекрасные серебристые локоны, но обрамленное ими лицо несло на себе печать возраста – ей было никак не меньше тридцати лет...

– А она! – в отчаянии воскликнула незнакомка. – Они похитили ее у меня! О! Кто бы вы ни были, спешите к ней на помощь! Спасите ее!

– О ком вы говорите? – вскричал Капестан в сильном волнении. – Кто это – «она»? Кого надо спасти? Что случилось?

– Кто я? – спросила она нежным мелодичным голосом. – Меня зовут Виолетта... Разве вы не знаете историю бедной маленькой Виолетты?.. Ее любил некогда... очень давно... один человек, которого она обожала... А известно ли вам, что он был сыном короля? Тогда правил добрый государь Генрих III, дядя моего возлюбленного, О, как давно это было!.. Теперь все кончено! Карл меня больше не любит...

В голосе ее звучала бесконечная грустная нежность.

– Мадам, – произнес Капестан с почтительным поклоном, – вы, должно быть, перенесли такие муки, что всякое

утешение будет напрасным, но все же...

– Тише! – прервала его Виолетта.

– Молю вас, мадам... – снова заговорил шевалье.

– Ведь это карлик? – не обращая внимания на слова юноши прошептала женщина. – Колдун из Орлеана... Ведь это он открывает окно?

Она стала напряженно прислушиваться, а затем воскликнула:

– Нет, нет, доченька! Они не посмеют! О! Вот они поднимаются! Ко мне, Карл! Нашу дочь убивают! Нашу девочку!

– Мадам, заклинаю вас... – пытался успокоить женщину Капестан. – Ничего не бойтесь...

Но белая дама, испустив жалобный вопль, подобный тому, что шевалье слышал у своего окна, бросилась бежать. Капестан нагнал ее внизу, но тут же замер, словно пригвожденный к полу, ибо она вновь залилась странным, жутким смехом.

Внезапно Виолетта обернулась и, нахмутив брови, произнесла хриплым голосом:

– Что вы здесь делаете? Никто не имеет права входить сюда.

– Но вы же ранены... – пролепетал молодой человек. – Позвольте мне...

– Дайте слово, что не пойдете за мной! – строго проговорила женщина. – Что не приблизитесь больше к этому дому,

если только я сама вас не позову!

– Мадам, ради вас же... – простонал потрясенный шевалье.

– Дайте слово! – приказала белая дама. – Вы человек чести? Ваше слово, я жду!

Юноша вздохнул и произнес с глубоким поклоном:

– Что ж, я клянусь исполнить вашу просьбу!..Кто бы вы ни были...невзирая на вашу рану, невзирая на все, я не могу допустить, чтобы дама напрасно взывала к чести шевалье де Капестана!

– Очень хорошо! – величественно промолвила Виолетта. – Я позову вас, когда вы мне понадобится.

С этими словами белая дама начала медленно подниматься по лестнице, и вскоре ее фигура растворилась в сумраке коридора. Капестан в полном смятении выскочил из дома и, подбежав к постоялому двору «Сорока-воровка», принялся из всех сил колотить в дверь.

К великому удивлению шевалье, ему открыли почти сразу. Но его ожидал еще больший сюрприз: в дворянине, отпершем дверь, он узнал маркиза де Сен-Мара, с которым поссорился несколько часов назад. Капестан инстинктивно нагнул шляпу на глаза...

Перед ним действительно стоял маркиз де Сен-Мар, до смешного похожий на него самого. Капестан кутался в фиолетовый плащ – и у Сен-Мара был точно такой же! Шевалье

облачился в таинственном замке в колет и штаны стального цвета – и Сен-Мар был одет в тот же костюм! На голове у шевалье была серая шляпа с красным султаном – точь-в-точь как у Сен-Мара!

– Вы сильно запоздали! – сказал молодой маркиз. – Наконец-то! Дорогу вы знаете, не так ли? Собрание началось уже час назад. Кстати, сударь, на вашей шпаге, разумеется, есть отметина?

– Дьявольщина! – прошипел Капестан. Действуя наугад, он выставил из-под плаща шпагу. Бросив быстрый взгляд на эфес, Сен-Мар произнес:

– Очень хорошо! Идите быстрее.

Капестан зашагал по указанному ему коридору, в конце которого виднелась дверь. Открыв ее, шевалье оказался в пустой комнате. Но из-за следующей двери до него донесся шум голосов. Подойдя поближе, он остановился.

– Подсматривать в замочную скважину? – прошептал юноша. – Фи! А если войти, убьют. Вернуться назад? Расспросов не оберешься! А-а, была не была! Вперед!

И шевалье распахнул дверь... В комнате, в которую он попал, находилось около двадцати человек. Все были одеты совершенно одинаково: колеты и штаны стального цвета, фиолетовые плащи, серые шляпы с красными султанами. Возглавляли собрание трое дворян, сидевших на возвышении.

Когда шевалье вошел, все головы повернулись к нему, затем присутствующие вновь обратились в слух, ибо один из

вожаков держал патетическую речь.

Капестан заметил, что большинство людей в комнате было в масках. Никто не удивился приходу шеваляе и не спросил, как его зовут. Из этого юноша заключил, что участники собрания не были знакомы друг с другом – и, следовательно, костюма, а также таинственной метки на шпаге было вполне достаточно для того, чтобы попасть на это сборище. Поклонившись, Капестан сел. Как раз в этот момент человек на возвышении закончил свою речь, которую шеваляе не слышал. Зато он прекрасно услышал, как его соседи, исступленно аплодируя, закричали во все горло:

– Да здравствует граф Овернский, герцог Ангулемский!
Да здравствует Карл X!

– Карл X? – пробормотал юноша. – А как же наш государь Людовик XIII? Насколько мне известно, он еще жив...

Карл Ангулемский лучился счастьем. Кожа его отличалась той нездоровой белизной, что возникает после долгих лет, проведенных в заключении; и в самом деле, внебрачный сын Карла IX всего лишь год назад бежал из Бастилии, куда его заточил Генрих IV, дабы избавиться от бесконечных интриг и заговоров докучного родственника.

Двое других мужчин на возвышении улыбались весьма натянутыми улыбками. Сидевший справа, поднявшись, провозгласил:

– Я, принц де Жуанвиль, герцог де Гиз, клянусь, что готов, невзирая на неоспоримые права на трон, завоеванные

моим отцом Генрихом Меченым для Лотарингского дома, представителем коего я являюсь, подчиниться решению собравшихся здесь дворян. Вместе с ними я говорю: да здравствует Карл X!

– Герцог де Гиз! – прошептал потрясенный Капестан.

Затем поднялся тот, что сидел слева от графа Овернского. Кусая губы от зависти, он произнес:

– Я, Генрих Бурбонский, принц Конде, хотя и принадлежу к королевскому роду, хотя и ношу на своем гербе три лилии, но готов согласиться со сделанным здесь выбором и приветствовать герцога Ангулемского в качестве нашего законного государя.

– Принц Конде! – выдохнул Капестан. Овация, вызванная заявлениями герцога де Гиза и принца Конде, постепенно стихла, и герцог Ангулемский выступил на шаг вперед.

– Господа, – сказал он, – своими словами мои прославленные кузены нанесли последний удар власти этого ничтожного королька, которого все мы считаем недостойным французского престола. Сердце мое преисполнено благодарности к благороднейшему отпрыску Лотарингского дома. Когда я взойду на трон, герцогу де Гизу будет наградой шпага коннетабля, и нет никого, кто бы мог носить ее с большим правом. Кроме того, ему будет дарован титул генерального наместника нашего королевства.

Это обещание было встречено одобрительным гулом. Гиз поклонился с ледяным лицом, словно ожидал гораздо боль-

шего.

– Что до моего прославленного кузена принца Конде, – продолжал граф Овернский, – то бескорыстие его может быть вознаграждено лишь титулом губернатора Гаскони, Гиэни и Наварры с дарованием всей полноты гражданской и военной власти.

При этих словах на губах принца Конде появилась тусклая улыбка. Он поклонился, а затем погрузился в глубокую задумчивость, вероятно, подсчитывая будущие доходы от налогов во вверенных ему провинциях.

– Что до вас, герцоги, графы, шевалье, – вновь заговорил Карл Ангулемский, – то вам я ничего не обещаю, ибо на все будет ваша воля. Я мечтаю быть лишь первым дворянином моего королевства, исполнителем ваших желаний. Итак, пусть каждый из вас к следующей нашей встрече составит список того, что хотел бы получить для себя и для своих близких, – я заранее все утверждаю.

Всеобщее ликование достигло апогея.

«Не подать ли и мне списочек?» – сказал Капестан самому себе.

– Господа, – продолжал герцог Ангулемский, – благодаря вашему решению со всеми раздорами покончено: отныне между мной и моими кузенами Гизом и Конде нет места соперничеству. Беру на себя торжественное обязательство чтить права и привилегии знати. Теперь нам пора расходиться. На следующем собрании, которое состоится в Па-

риже в моем дворце двадцать второго августа, я извещу вас, с помощью каких мер, согласованных на тайном совете, намереваемся мы достичь нашей цели. Прежде всего нам необходимо избавиться от жалкой интриганки Марии Медичи и от ее презренного любовника Кончино Кончини; затем от этого негодяя Альбера де Люина и, наконец, от опасного честолюбца – герцога де Ришелье! Невозможно более терпеть, чтобы могущественные и высокородные сеньоры с трепетом склонялись перед властью этого прелата.

Тут голос графа Овернского зазвучал глухо, и в гробовой тишине, воцарившейся в комнате, тяжело упали зловещие слова:

– Вы узнаете, каким образом мы добьемся того, чтобы французский трон вновь стал свободным... Юный Людовик XIII приговорен... Ваше решение будет исполнено!

Побледневшие заговорщики содрогнулись, а герцог Ангулемский с мрачной торжественностью закончил:

– Как? Вы это узнаете. Но уже сейчас, господа, я могу, обнажив голову и преклонив колена, провоз гласить, подобно герольду: король умер!

– Да здравствует король! – угрюмо отозвались заговорщики, и каждый вытянул руку, словно присягал государю.

Харчевня «Сорока-воровка» вновь опустела. Герцог Ангулемский, найдя Сен-Мара у дверей, сжал его в объятиях:

– Дорогой мальчик, – прошептал он на ухо маркизу, – от-

правьте к своему благородному отцу верховного с известием, что вопрос о вашем браке с моей дочерью окончательно решен. Приходите ко мне через час, я познакомлю вас с невестой.

Сен-Мар побледнел. Сен-Мар вздохнул, прошептав какое-то имя – но не имя Жизель! А граф Овернский, выйдя с постоянного двора в сопровождении герцога де Гиза и принца Конде, направился к дому с привидениями. Поднявшись по лестнице вместе со своими спутниками, он крикнул:

– Эй, Бургонь, Рэмбо! Где вы?

В доме царила пугающая тишина.

– Жизель! – с тревогой воскликнул граф. – Господа, прошу прощения. Меня охватывает страх, я чувствую, что случилось какое-то несчастье. Ни звука! Доченька моя! Жизель!

Карл Ангулемский уже не был Карлом X... это был отец, потерявший голову от горя. Он метался по дому, зовя Жизель, и наконец оказался в комнате, где стоял накрытый для ужина стол. Быстро окинув взглядом сдвинутые приборы, разрезанный пирог и пустые бутылки, герцог, шатаясь, подошел к камину, схватил бумагу, приготовленную для совещания, мгновенно прочел расписку и испустил душераздирающий вопль:

– Здесь побывал какой-то негодяй... разбойник, бандит! Это он! О, сомнений быть не может! Человек по имени Капестан... это он похитил мою дочь!

И герцог Ангулемский рухнул на пол, как подкошенный...

Герцог де Гиз и принц Конде склонились над ним. Оба были очень бледны. Кто знает, какие мысли бродили в головах этих людей, мечтавших о троне? Они одновременно приподнялись, пристально глядя друг другу в глаза.

Вероятно, каждый из них угадал, о чем думает другой... и, вероятно, догадка эта была ужасной, ибо лица их покрыла мертвенная бледность. Первым решился заговорить Конде. Он спросил очень тихо, хриплым голосом:

– Вы согласны с тем решением, что было принято полчаса назад?

– Нет! – процедил сквозь зубы Гиз. – А вы?

– Нет! – глухо бросил Конде. – Если бы и мы могли сказать вслед за ним: король умер!

Гиз вновь склонился над распростертым на полу телом. Рука молодого герцога, словно повинувшись инстинкту, метнулась к поясу, за которым что-то поблескивало... Но в этот миг граф Овернский открыл глаза.

«Поздно!» – мрачно подумал Конде.

Гиз отпрянул; в следующую секунду граф уже стоял на ногах.

– Господа, – пробормотал несчастный отец, – простите мне мою слабость... эта мука невыносима!

– Вполне естественно, – отозвался Гиз. – У вас такая престная дочь!

– Она была бы лучшим украшением вашего двора, сир! – добавил Конде.

– Нет у меня больше двора и не называйте меня сиром! – произнес герцог Ангулемский. – Пока я не найду ее... пока не схвачу мерзавца, посмевшего оставить свое имя на этом листке бумаги... Пока этого не случится, я ни на что не способен... я про сто труп!

Он умолк, ибо его душили рыдания. «Стало быть, подписание договора откладывается», – подумал Конде.

Гиз, со своей стороны, размышлял:

«Я замешкался на какую-то секунду... возможно, это мгновение будет стоить мне короны!»

– Итак, наше соглашение мы подпишем позже, – продолжал граф Овернский. – Господа, невзирая на смертельный риск, я немедленно отправляюсь в Париж... я обшарю улицу за улицей, дом за домом, но этот Капестан умрет от моей руки... Я найду дочь!

Через десять минут герцог де Гиз и принц Конде, пустив лошадей в галоп, исчезли в ночи...

Глава 2

Тем временем шевалье де Капестан ворочался на своей скверной кровати в «Сороке-воровке». Воспользовавшись суматохой, возникшей при разъезде таинственных гостей, он проскользнул к себе. Разгоряченное воображение не давало ему уснуть. Юноша бормотал:

– Король умер... да здравствует король! Значит, они приговорили к смерти маленького короля! Они убьют его! Что же делать? Разоблачить заговорщиков? Чтобы я превратился в доносчика! Но как же остановить этого графа Овернского... О, я ненавижу его всей душой! Как же помешать ему расправиться с бедным малышом... с королем...

Но тут Капестана наконец сморил сон. Усталость взяла свое...

Однако уже через четыре или пять часов шевалье был на ногах. Осмотрев раны, полученные накануне, он пришел к выводу, что ни одна из них не помешает ему сесть на лошадь.

Затем он облачился в костюм, который раздобыл столь удивительным способом, и позвал хозяйку – а та, увидев его в великолепном наряде, даже вскрикнула от изумления.

– Похоже, вы удивлены, – промолвил шевалье. – Я объясню вам все в двух словах. Этой ночью ко мне являлась белая дама... она оказалась феей: едва дотронулась до меня своей волшебной палочкой, как я совершенно преобразился.

Сколько с меня причитается? – добавил он, небрежно доставая из кармана горсть пистолей.

– Монсеньор, – пролепетала хозяйка, – умоляю простить меня за вчерашний прием. Но как мне было догадаться?.. Возможно, монсеньор окажет нам честь и пробудет у нас несколько дней? В округе нет постоянного двора лучше этого. Спросите у любого, кто такая Николетта, владелица «Сороки-воровки»...

– Имя сладкое и душистое, постоянный двор выше всяких похвал... но мне пора ехать, дражайшая мадам Николетта! – с обезоруживающей улыбкой заявил Капестан.

– Как? – переполошилась женщина. – Вы не отведаете жареных пескарей, только вчера выловленных из Сены? Таких вам больше нигде не подадут!

– Вы меня соблазнили! – вскричал, смеясь, шевалье. При виде встревоженной физиономии госпожи Николетты он мгновенно забыл все обиды. – Жареные пескари – это моя слабость... – со вздохом признался юноша.

Поняв, что прощена, госпожа Николетта присела в глубочайшем реверансе, а затем со всех ног кинулась на кухню. Вскоре шевалье уже сидел за столом в большом зале, поглощая превосходнейшую жареную рыбу и запивая ее сомюрским вином.

После всего того, что с ним случилось, Капестан яснее, чем когда-либо, сознавал: ему необходимо как можно скорее заручиться поддержкой всемогущего покровителя, которым

должен стать для него Кончино Кончини, маршал д'Анкр. Но мысли шевалье постоянно возвращались к белой даме и Карлу Ангулемскому. Молодой человек догадывался, что между этими людьми существует какая-то таинственная связь. Но что их может объединять?! От «Карла X» и других заговорщиков юноша естественным образом переходил, логически рассуждая, к Людовику XIII, а от короля – к тому незнакомому сеньору, который пытался похитить девушку.

И тогда он вновь начинал думать о ней:

«Кто эта девушка? Как она красива! Увижу ли я ее хоть когда-нибудь? Но зачем мне ее видеть? Она, конечно, из такой знатной семьи, что мне на нее и глаз поднять нельзя. Надо поскорее забыть о ней...»

Около девяти часов утра Капестан, вскочив на Фан-Лэра, неторопливо двинулся в сторону Парижа. Шевалье с наслаждением вдыхал свежий утренний воздух, напоенный ароматами цветов и трав; юноша не замечал, что за ним на некотором расстоянии следует другой всадник. А тот сверлил спину Капестана злобным взглядом. Это был Ринальдо, правая рука Кончино Кончини!

– Езжай, – шептал Ринальдо, – езжай, дьявол, теперь ты от меня не уйдешь. О, какая сладкая месть нас ожидает!

Нет, Капестан не видел своего врага! А если бы и увидел, то вряд ли бы узнал. Шевалье и в голову не приходило, что за ним следят. В этот момент он был всецело поглощен воспоминаниями о своем недавнем прошлом, о своей такой еще

недолгой жизни.

У него было счастливое детство, но в пятнадцать лет он потерял мать. Отец его, покрытый боевыми ранами и совершенно забытый Генрихом IV, которому помог взойти на трон, удалился в 1608 году в замок предков; состояния у старика не было, и единственному сыну он мог передать лишь свое умение владеть оружием да держаться в седле. Под руководством отца Капестан стал прекрасным наездником и искусным фехтовальщиком.

Что до нравственных основ воспитания, то отец внушил наследнику, что дворянин пробивается наверх доблестью и отвагой, а деньги берет там, где их находит. Старый вояка следовал в этом отношении обычаям времени и понятиям своего сословия.

Обученный таким образом, юный шевалье стал настоящим головорезом, бесстрашным и предприимчивым в осуществлении своих желаний. Отчаянный смельчак, задира и бретер, он представлял вечную угрозу для мужей и не терпел над собой никакой власти.

Вместе с тем он жаждал героических свершений, и ему случалось приходиться на выручку слабым и обиженным. Хотя манеры его не отличались изысканностью, в нем чувствовалось природное достоинство.

Когда отец его умер, юноша решил испытать судьбу. В родовом замке ему было слишком тесно. Воображение шевалье уже рисовало Париж – единственное место, где, по по-

нятиям молодого шевалье, можно было преуспеть.

Продав ковры, обстановку и драгоценности матери, он расплатился с отцовскими долгами, экипировался с ног до головы и не пожалел восьмисот ливров на покупку прекрасной лошади, которую назвал Фан-Лэром. Лишь это имя полностью соответствовало качествам великолепного коня, которого шевалье объезжал в течение двух месяцев, изучая достоинства и недостатки скакуна.

Отправившись в путь, Капестан первым делом завернул в замок старого друга своего отца; тот вручил ему рекомендательное письмо к маршалу д'Анкру, с которым был не только знаком, но и мог рассчитывать на признательность за оказанные некогда услуги.

Итак, Капестан устремился в Париж, на пути к которому мы с ним и встретились... Именно в тот странный день, когда мы познакомились с нашим героем, и начались его невероятные приключения.

...Когда Капестан подъехал к городским воротам, всадник, тенью следовавший за ним от самого Медона, уже почти нагнал его.

Но шевалье так ничего и не заметил...

Он решил спросить у первого же прохожего, где располагается резиденция маршала д'Анкра, ибо юноше хотелось поселиться поближе к своему будущему покровителю. Вокруг нарядного молодого сеньора сразу собралась небольшая толпа, но тут к нему приблизился всадник и с поклоном ска-

зал:

– Если позволите, сударь, я провожу вас к дворцу маршала.

Этим всадником был не кто иной как Ринальдо!

Капестан, бросив оценивающий взгляд на незнакомца, увидел кривую улыбку и бегающие глаза. Этот человек ему не понравился. К тому же, если само предложение прозвучало вежливо, то в повадках всадника чувствовалась плохо скрытая наглость. Лицо юноши вспыхнуло.

– Тысяча благодарностей, – промолвил он с ледяной учтивостью. – При одном взгляде на вас понятно, какую неслыханную честь вы мне оказываете.

– Perbasso! – взревел Ринальдо.

– Corbacque! – отозвался Капестан. Но Ринальдо тут же опомнился.

«Ссора? – подумал он. – Я с ума сошел. Негодяй ускользнет от меня и в случае победы, и в случае поражения.»

– Сударь, – проговорил он, силясь быть дружелюбным, – это честь не для вас, а для меня. Я не расстанусь с вами, пока вы не попадете туда, куда так стремитесь.

– О! Вы слишком добры ко мне, – произнес Капестан.

– Мы, парижане, всегда помогаем провинциалам... – выдавил из себя улыбку Ринальдо.

– Какое счастье для провинциала сразу же встретить великодушного парижанина из Сицилии, Калабрии или Ломбардии! – заулыбался в ответ шевалье.

«Per la Madonna! – злобно подумал Ринальдо. – За каждое из этих слов ты мне заплатишь пинтой крови. Терпение, терпение...»

И расхохотавшись, он добродушно заметил вслух:

– Вечно меня выдает этот проклятый выговор! Верно, я родом из Италии. Но хорошо знаю Париж. И никто не скажет, будто я оставил в затруднительном положении такого славного юношу. Тем более, что сам я направляюсь во дворец маршала д'Анкара...

Собравшиеся вокруг них горожане заулюлюкали.

– Едем, – закончил Ринальдо, – забудьте все, что мы друг другу наговорили, а я вас провожу, невзирая на свой итальянский акцент.

– Эх, сударь, – промолвил шевалье, в глубине души очень довольный благоприятным исходом дела, – пусть каждый из нас выговаривает слова по-своему. Я согласен считаться провинциалом, а вы будьте на здоровье парижанином – и речью, и манерами, и сердцем, и душой, ведь вы настоящий столичный щеголь от пера на шляпе до кончиков шпор!

– Дьявольщина! – пробурчал себе под нос Ринальдо, оглушенный этим потоком красноречия.

Но он, тем не менее, еще раз повторил свое приглашение, и оба всадника двинулись вперед стремя к стремени. Горожане провожали молодых людей криками, смысла которых наш искатель приключений не постигал, Ринальдо же, напротив, понимал все отлично, ибо поспешил пустить коня

рысью. Одна улица быстро сменялась другой. Ринальдо слегка вздрагивал, но улыбался. Он старался еще более подчеркнуть природную горделивость своей осанки, надменно вскинув голову и уперев руку в бедро.

Когда же всадники повернули на улицу Турнон, в дальнем конце ее показалась толпа людей, настроенных отнюдь не мирно. При виде Ринальдо горожане сначала замолчали, а затем тишина сменилась оглушительными воплями:

– Смерть грабителям!

– Прибавим ходу! – пробормотал Ринальдо, бледнея.

– Легче сказать, чем сделать! – ответил шевалье. – Мы же передадим этих бедолаг. А против кого они так ополчились? – беззаботно поинтересовался он.

– Пусть передадим, зато пробьемся! – взревел Ринальдо. –

Прочь с дороги!

Перед копытами взбешенных лошадей толпа отхлынула в сторону, а за спинами всадников сомкнулась вновь – словно волна, которую рассекал нос корабля. Удивленный всем происходящим Капестан нагнал своего спутника.

– Черт возьми! – произнес он. – А ведь они хотели поквитаться с вами!

Ринальдо не ответил: спрыгнув на мостовую, он ринулся на какого-то человека, решив, что тот был среди смутьянов. Схватив несчастного за горло, он зарычал:

– Я тебя видел среди этого сброда! Ты мне заплатишь за всех!

– Вы ошиблись! – завопил парижанин. – Ко мне! На помощь!

Больше он уже ничего не смог произнести, а только хрипел; Ринальдо, обезумев от ярости, выхватил кинжал... В этот момент кто-то резко отшвырнул подручного Кончини в сторону. Поднявшись с мостовой, Ринальдо увидел перед собой Капестана, подскочившего к нему одним прыжком.

– Стыдитесь, сударь! – воскликнул шевалье. – Этот малый безоружен...

– Да здравствует красный султан! – закричали горожане.

Ринальдо, посмотрев на них налитыми кровью глазами, перевел взгляд на своего молодого спутника, и лицо итальянца внезапно просветлело.

«Экая глупость! – мысленно произнес он. – Потерять его в ста шагах от дворца... от западни, откуда ему живым не выйти... О! Очень скоро я разочтусь с ним за все! Терпение!»

И, улыбнувшись с мрачным удовлетворением, Ринальдо сказал вслух:

– Клянусь Вакхом³, вы тысячу раз правы! Ничего не могу с собой поделать, вспыхиваю, как порох! Проваливай, мужлан, тебе повезло. Но впредь мне не попадайся!

– Как тебя зовут? – спросил шевалье, приближаясь к бедолаге, с трудом приходившему в себя.

– Уф! – выдохнул тот, искоса поглядывая на Ринальдо, сразу наострившего уши. – Зовут меня Незадача, сударь, к

---

³ Вакх – древнеримский бог виноделия.

вашим услугам.

– Нет уж, спасибо! – рассмеялся Капестан. – Лучше бы тебя звали Удача.

– Иногда меня называют и Удачей, – заявил изрядно потрепанный горожанин. – Но сегодня я именуюсь Незадачей...

– Будь по-твоему! – проговорил шевалье. – Только уноси быстрее ноги, дружище Незадача.

С этими словами юноша вложил горожанину в руку экую.

– Спасибо! – вскричал тот. – К вашим услугам, сударь.

Отбежав шагов на двадцать, он обернулся, чтобы еще раз взглянуть на всадников: на того, кто хотел его зарезать, и на того, кто спас ему жизнь. А Капестан в эту минуту думал, что надо бы послать ко всем чертям сомнительного спутника, который нравился ему все меньше и меньше. Но тут Ринальдо остановился.

– Сударь, – сказал он, – вот и дворец маршала д'Анкра. Я – один из приближенных этого прославленного вельможи и взялся проводить вас лишь по тому, что вы, если судить по вашим словам, ищете себе могущественного покровителя. Всем известно, что я вернейший слуга великого человека, поэтому и вынужден был сносить оскорбления ничтожных людишек, недовольных новыми – и вполне справедливыми – налогами. Я немедленно представлю вас владыке французского королевства.

– Как? – пробормотал Капестан. – Но я же с дороги, весь

В пыли...

– Это не имеет значения, юноша, – покровительственно улыбнулся Ринальдо. – Фортуна спешит к вам... ловите же свое счастье! Задержись вы на пятнадцать минут – и было бы уже поздно: маршал отправляется в длительное путешествие. Если вы любите опасности и битвы, за которыми следуют награды и почести, войдите вместе со мной в этот дворец, куда являются скромными просителями принцы, дипломаты, кардиналы... Здесь вы встретите всех мало-мальски заметных людей.

В следующий миг оба всадника спешили во внутреннем дворе, и два лакея в роскошных ливреях приняли у них лошадей. Капестан, опьяненный великолепием особняка, двинулся вслед за Ринальдо по большой мраморной лестнице.

Между тем Ринальдо успел подать лакею знак, и массивная тяжелая дверь тут же захлопнулась за ними.

Капестан ничего не заметил. Поднявшись вместе со своим спутником по монументальной лестнице, он прошел через несколько комнат, где толпились придворные и просители, затем через безлюдный зал и наконец оказался в совершенно пустом помещении с гладкими стенами. Ринальдо остановился.

– А теперь назовитесь, – распорядился он. Капестан сообщил свое имя и титулы. Ринальдо исчез. Шевалье, присмотревшись, обнаружил на стенах глубокие царапины, а на плитках пола темноватые пятна.

«О! – прошептал он. – Так здесь, значит, режут?!» И он ринулся к двери, через которую попал сюда: закрыто! Побежал к двери, в которую выскользнул Ринальдо: закрыто! Одним прыжком оказался у третьей двери в глубине этой комнаты: закрыто.

В эту минуту распахнулась та дверь, за которой исчез спутник шеваляе, и выросший на пороге солдат швейцарской гвардии торжественно объявил:

– Монсеньор маршал, маркиз д'Анкр, ожидает господина Адемара де Тремазана, шеваляе де Капестана!

Юноша вздрогнул. Подозрения его тут же рассеялись, как дым, и шеваляе твердым шагом вошел в кабинет всесильного фаворита.

Кончини был один. Он что-то писал, сидя спиной к посетителю, а тот, приосанившись, думал:

«Внимание, Капестан! У тебя есть шанс, не упусти его! От этого свидания зависит вся твоя карьера. Но прежде всего необходимо обезопасить себя от последствий стычки в Медонском лесу... нужно заручиться поддержкой могущественного покровителя, который сможет хорошенько припугнуть того незнакомого вельможу, что нападает на беззащитных девушек, того негодяя, что...»

Внезапно шеваляе застыл, точно обратившись в камень. Кончини обернулся! И Капестан узнал в маршале д'Анкре того самого трусливого похитителя, которому нанес жесто-

кое оскорбление и у которого вырвал из рук вожаемую добычу!

«Я погиб! – обреченно додумал юный искатель приключений. – Но пусть этот Кончини, этот разбойник с большой дороги знает, что Капестан ни перед кем не склоняет головы.»

И шевалье, гордо выпрямившись, надел шляпу. Это была откровенная бравада не без примеси некоторого фанфаронства.

– Вы узнаете меня? – ледяным тоном осведомился Кончини.

– Конечно, сударь, – ответил юноша. – Лица, подобного вашему, забыть невозможно. К тому же, я имел честь встретить вас при обстоятельствах, которые тоже... надолго врезаются в память.

Кончини смотрел на молодого человека. Маршал, казалось, изучал эту необычную физиономию – одновременно простодушную и лукавую, дерзкую и отважную. Во всех повадках юноши угадывалась безумная смелость и неукротимая решимость.

«Храбрец? – спрашивал себя Кончини. – Без всякого сомнения. Из человека с такими задатками может выйти превосходный наемный убийца! Ринальдо пожелтеет от злости, но тем хуже для него! Раз я способен забыть наглость этого юного нахала, то придется это сделать и Ринальдо! Над моей головой сгущаются тучи. Слуги уже не могут показаться на улице в ливреях моих цветов. Люин полностью прибрал

к рукам короля. Гиз в любую минуту готов нанести удар из-за угла. Конде показывает зубы. Ангулем вербует сторонников. Скоро, очень скоро, быть может, уже завтра, мне понадобятся бесстрашные сердца. Людей такой закалки, как этот, немного... Отомстить можно и позднее, а пока лучше купить его!»

– Сударь, – проговорил маршал, – вы учинили блистательный разгром моего отряда. Тому, что вы вытворяли верхом на коне, мог бы позавидовать и кентавр⁴...

«Уж не снится ли мне все это?» – подумал ошеломленный Капестан.

– Мне понравилась ваша доблесть, – продолжал Кончини, – и я решил еще раз взглянуть на вас, прежде чем отправить на эшафот.

– Ах, вот как! – воскликнул шевалье. – Ну что ж, в добрый час! А то я уж начал было удивляться...

– Молчите, сударь! – оборвал его Кончини. – После ваших подвигов в Медонском лесу у вас не должно быть никаких сомнений в том, какая судьба вас ожидает. Министров короля не оскорбляют безнаказанно. Вмешательство в дела государственной важности стоит головы. Защитить от нападения прелестную девушку – что может быть прекраснее? Но эта прелестная девушка – опасная заговорщица! И если кто-то препятствует аресту дочери злоумышленника и ставит тем самым под угрозу жизнь короля, то такой человек, сударь,

---

⁴ Кентавр – в древнегреческой мифологии: получеловек-полуконь.

обязан готовиться к встрече с карающим мечом палача!

– Я готов! – решительно заявил Капестан.

– Вот приказ, только что подписанный мною. Читайте! – распорядился маршал д'Анкр, протягивая юноше бумагу.

– Благодарю за великую милость. Я, стало быть, узнаю заранее, какая смерть меня ждет! – воскликнул шевалье, хватая листок.

Он принялся читать, и лицо его вспыхнуло. На бумаге было начертано:

«Приказываю господину де Лафару, королевскому казначею, выплатить по предъявлении означенного документа пятьдесят тысяч ливров Адемару де Тремазану, шевалье де Капестану.»

– Монсеньор, – пробормотал юноша, – я побежден!

– Ты будешь служить мне? – требовательно спросил Кончини.

– Располагайте моей жизнью! – воскликнул Капестан, кланясь с искренней признательностью.

– Прекрасно! Теперь слушай меня, – проговорил маршал. – Будь предан мне – и твое будущее обеспечено... Готов ли ты с той же отвагой встретить опасность, с какой собирался взойти на эшафот?

Ослепленный видениями грядущей славы, Капестан пылко произнес:

– Приказывайте, монсеньор!

– Эта девушка... Ты с ней знаком? – осведомился Кончини.

ни.

– Нет, монсеньор, – покачал головой шевалье. – Я даже не знаю ее имени!

– Стало быть, ничто тебя с ней не связывает? – уточнил маршал.

– Ничто! – ответил молодой человек, подавив грустный вздох.

– Хорошо! – хищно улыбнулся Кончини. – Вот тебе первое поручение: отправляйся на улицу Дофин. На углу набережной ты увидишь особняк; он выглядит совсем заброшенным... Ты станешь следить за этим домом. Возьмешь столько людей, сколько тебе нужно. Быть может, уже завтра в этом особняке появятся люди: их надо будет схватить. Завяжется бой... и в суматохе ты нанесешь одному из злоумышленников тот замечательный удар шпагой, после которого не успеваешь даже сказать «аминь». Этот человек – мой смертельный враг, отец заговорщицы, граф Овернский, герцог Ангулемский!

«Она дочь герцога Ангулемского! – промелькнуло и голове у ошарашенного шевалье. – Мне приказывают убить отца той, которую я люблю больше жизни!»

Кончини пристально взглянул юноше в глаза.

– Ты видишь: я посвящаю тебя в государственную тайну, Капестан... – медленно проговорил маршал. – Ты уже завоевал мое доверие.

– Вы хотели сказать – презрение? – воскликнул молодой

человек.

– Что такое? – изумленно вскинул брови Кончини.

Капестан, разорвав на четыре части приказ, предписывавший казначею выплатить новоявленному слуге маршала пятьдесят тысяч ливров, швырнул обрывки под ноги Кончини, после чего скрестил руки на груди и промолвил:

– Где ваш палач? Где эшафот? Вы вознамерились сделать из меня шпиона и наемного убийцу?! Если бы здесь оказался сеньор де Тремазан, мой отец, он бы строго спросил с меня за то, что вы еще живы... ибо вы посмели думать, что сможете купить за пятьдесят тысяч ливров честь шевалье де Капестана! Но я ответил бы достойнейшему из людей: «Отец, я не буду марать о главаря бандитов свою шпагу!»

– Мерзавец! – проверещал Кончини дрожащим голосом.

– Господин маршал, – продолжал Капестан, – я обязан дать ответ на ваше гнусное предложение. Вот он!

И с этими словами шевалье швырнул Кончини в лицо свою перчатку.

Маршал пронзил его убийственным взглядом, взмахнул рукой, словно грозя юноше всеми земными и небесными карами, хотел позвать слуг, но с мертвенно белых губ сорвалось лишь хриплое рычание.

Тогда Кончини разразился жутким смехом, и Капестан содрогнулся. Понутив голову, он начал горько упрекать себя:

«Зачем я это сделал? Зачем сразу выложил маршалу все, что я о нем думаю? Ах, проклятый мой язык! Разве не мог я

схитрить, чтобы выбраться отсюда? А уж затем откровенно высказать все в письме?»

В этот миг надменный голос объявил.

– Аудиенция господина Адемара де Тремазана, шевалье де Капестана окончена!

– Аудиенция? – прошептал ошарашенный шевалье, которому опять показалось, что он грезит.

Осмотревшись, Капестан обнаружил, что маршал д'Анкр исчез. Зато у двери, через которую юноша не так давно попал в кабинет, возник тот самый страж, что проводил шевалье к Кончини.

– Значит, – растерянно переспросил Капестан, – моя аудиенция окончена? И я могу уйти?

– Да, сударь, именно так, – величественно ответил швейцарец.

– Отлично! – вскричал юноша. – Вот тебе два экю, дружище...

И, облегченно вздохнув, Капестан протянул стражу две серебряные монеты; тот неспешно опустил их в карман.

– Но покажи мне дорогу... – обратился к швейцарцу шевалье. – Я не знаю, как отсюда выбраться.

– Легко! – откликнулся страж. – Откройте эту дверь. Пройдите по коридору. Спуститесь по маленькой лестнице – и окажетесь во дворе.

Шевалье покинул кабинет и снова попал в пустую комнату с выложенным плитами полом, в которой дожидался при-

ема; тут юноша обернулся, чтобы задать стражу еще один вопрос, но дверь кабинета уже захлопнулась. На лбу Капестана выступил холодный пот. Охваченный ужасными подозрениями, шевалье бросился к указанной ему двери – именно ее он безуспешно пытался открыть перед свиданием с Кончини.

Но в следующий миг в сердце юноши вновь вспыхнула надежда. На сей раз дверь распахнулась! Шевалье ступил за порог и тут же отпрянул: в узком темном коридоре стоял человек. Это был Ринальдо!

Подручный маршала шагнул вперед. На губах его играла ядовитая улыбка, лицо было наглым, а взгляд. – презрительным.

– Входите, господа, входите, – произнес он. – Я должен представить вам господина Адемара де Тремазана, шевалье де Капестана, с которым вы слегка повздорили в Медонском лесу.

В пустую комнату ворвались пятеро мужчин. Последний из них резко захлопнул за собой дверь. Да, их было пятеро – крепких, вооруженных до зубов людей!

Капестан отступил в угол комнаты, не сводя глаз со своих врагов, готовый в любую секунду обнажить шпагу. Убийцы встали перед ним в ряд... они были в благодушном настроении.

– Господин де Капестан, – сказал итальянец, – позвольте представиться: я синьор Ринальдо, а это господа де Базорж, де Монреваль, де Лувиньяк, де Шалабр и де Понтрай, кото-

рые сейчас будут иметь честь убить вас.

Капестан, поклонившись, ответил:

– Счастлив и польщен тем, что вижу, наконец, лица этих господ, поскольку в Медонском лесу разглядел только их спины. Так, значит, здесь вспарывают животы гостям Кончини?

– Этот юнец слишком болтлив, – промолвил Лувињьяк, – надо его прикончить без проволочек.

– Куда нам торопиться? – отозвался Монреваль. – Дадим ему время помолиться!

Капестан, выхватив правой рукой рапиру и зажав в левой кинжал, вскричал:

– Я к вашим услугам, господа палачи, подручные маршала убийц!

– Ого! – проворчал Шалабр. – Да он оскорбляет монсьюра!

– Может быть, отхлестать вас по щекам, как я поступил с вашим хозяином? – прорычал Капестан.

Он жаждал битвы. В ушах у него звенело, лицо пылало, перед глазами плыли красные крути. Нависшая над юношей смертельная опасность привела его в неистовство! Со свистом рассекая воздух своей рапирой, беспощадной, словно жало змеи, Капестан вызывал врагов на бой – и те, видя горящие глаза и бешеное лицо шевалье, выкрикивающего гневные слова и больше всего похожего на тугую пружину, каждую секунду готовую распрямиться, почувствовали неволь-

ный трепет.

– Эй! – пробормотал Понтрай. – Да этот олух выколет мне глаз! Как, ты сказал, его зовут, Ринальдо?

– Тремазан де Капестан! – ответил итальянец.

– Капестан? – ухмыльнулся Понтрай, вновь обретая утраченную было самоуверенность. – А может быть – Капитан? Ведь этот юнец – настоящий капитан из комедии, фанфарон и задира – и ему пора надрать уши!

– В таком случае, – прорычал шевалье, – я в гостях у Пульчинеллы!

– Полегче, синьор Капитан, вы слишком разгорячились, синьор фанфарон! – воскликнул Ринальдо. – Господа, сделаем-ка Капитану небольшое кровопускание!

И все шестеро молниеносно обнажили шпаги.

– Капитан? – прогремел шевалье. – Хорошо же! Согласен на Капитана! Я сумею прославить и это имя! Эй, Арлекин, Пульчинелла, Панталоне⁵, берегитесь Капитана!

Прыгнув вперед, он взмахнул шпагой, с невероятной ловкостью крутанул ею в воздухе – и стальной хлыст рассек три физиономии разом. Раздалось три вопля: кричали Ринальдо, Шалабр и Базорж. Каждый из них схватился за окровавленную щеку. У каждого багровел на лице страшный рубец...

Наступила секундная пауза. Ошеломленные убийцы попятнулись. Затем, опомнившись, они вшестером бросились на Капестана, оглашая воздух яростными проклятиями. За-

---

⁵ Арлекин, Пульчинелла, Панталоне – персонажи итальянской комедии масок.

звенели шпаги. Шевалье, подобно вихрю, перелетал из одного угла комнаты в другой, и каждый удар юноши достигал цели. У Ринальдо было кинжалом пропорото бедро. Понтрай дико выл, прижимая ладонь к выколотому глазу. Все было забрызгано кровью: стены, плиты пола, лица, руки. Бандиты, приведенные в смятение безумными прыжками своего противника, метались и кружились, сталкиваясь друг с другом и налетая на стены. Капестан был повсюду и нигде.

Он получил две раны в руку, у него кровоточило порезанное плечо, а на груди красовалась довольно глубокая царапина. Внезапно ослабев от потери крови, он опустился на колени; шпага выскользнула из онемевших пальцев, и юноша увидел, как сверкнули занесенные над ним кинжалы!

– Убейте его! Убейте! – хрипел раненый Ринальдо, сиюсья подняться.

– Прикончите его! – выл Понтрай.

– Смерть ему! – ревели четверо остальных.

И головорезы, еще сохранившие способность сражаться, ринулись на шевалье. Одна секунда могла решить исход схватки. Капестан, ценой нечеловеческого напряжения собрав последние силы, вырвал кинжал у одного из нападавших: теперь в каждой руке у юноши было по острому клинку, и, взмахнув ими, он пробил кровавую брешь в рядах атакующих, а затем с хриплым рычанием устремился вперед. Ему удалось прорваться к двери, ведущей в коридор...

– Держи его! Держи! – завопил Ринальдо. – Уйдет!

На сей раз итальянец сумел встать на ноги. Шалабр, Лувињьяк, Базорж и Монреваль бросились в коридор. В этот момент в комнате появился Кончини. Через открытую дверь он увидел в глубине коридора Капестана – живого и страшного в своей бешеной ярости! На лице маршала отразилось глубокое изумление, и он прошептал:

«Ах, как жаль! Если бы этот человек служил мне, я бы мог смело бросить вызов всему Парижу! Однако с этим юнцом необходимо покончить, иначе в один прекрасный день он проломит мне череп!»

Через несколько секунд Капестан добрался до лестницы, о которой ему говорил швейцарец, но, вместо того, чтобы помчаться вниз, во двор, начал подниматься вверх! Шевалье карабкался по ступеням из последних сил, чувствуя близкую погоню и постоянно оглядываясь назад. Наконец лестница кончилась – и Капестан увидел коридор, в глубине которого маячила распахнутая дверь.

– Проклятье! – взревел Лувињьяк.

Капестан уже был за дверью! И с грохотом захлопнул ее! Навалившись на створку всем телом, он почувствовал, что в бок ему воткнулся торчавший в скважине ключ... Шевалье повернул его и лишь тогда, испустив тяжелый вздох, рухнул на колени. Все поплыло у него перед глазами, и он лишился чувств. Совсем рядом бесновались разъяренные убийцы.

– Взломаем дверь! – вопили в один голос Монреваль, Базорж и Лувињьяк; кто-то из них пытался просунуть в замоч-

ную скважину лезвие кинжала.

– Не стоит, – произнес Кончини, с ужасной улыбкой приближаясь к своим людям...

Эта сцена разыгрывалась всего в нескольких шагах от покоев, где толпились многочисленные просители и придворные, добивавшиеся аудиенции у маршала д'Анкара. Но Кончини никого не принимал, с нетерпением ожидая, когда же Ринальдо доложит ему:

– Капестан мертв!

В блестящей разряженной толпе выделялась юная девушка, необыкновенно прелестная и изящная. Стоявший рядом с ней красивый и элегантный юноша, казалось, пожирал ее глазами.

– Господин де Сен-Мар, – кокетливо говорила она, – вы пожелали быть моим проводником в этом незнакомом для меня мире, так приступайте же к своим обязанностям.

– Марион, – вздохнул маркиз, – если бы вы поощрили меня хотя бы одной улыбкой! Но будь по-вашему: с кого или с чего я должен начать?

– Допустим, с этого молодого епископа! Своей гордой осанкой и гибкой грацией он напоминает льва... – задумчиво произнесла девушка.

– Скорее уж – тигра! – прошептал Сен-Мар.

– Он не сводит с меня глаз, – продолжала Марион Делорм. – Как зовут этого бледного прелата?

– Епископ Люсонский, герцог де Ришелье, – мрачно сообщил маркиз.

– Епископ Люсонский? – воскликнула девушка, вздрогнув. – Проводите меня к нему, прошу вас!

– Жестокая! – побледнел Сен-Мар. – Представить вас человеку, который даже и не думает скрывать, какую страсть вы ему внушили! Никогда!

– Так-то вы служите мне? – промолвила красавица с чарующей улыбкой. – Неужели мне придется найти себе другого рыцаря?

– Нет! – пробормотал Сен-Мар. – Я повинуюсь...

Он подал руку Марион Делорм, и оба направились к Ришелье, смотревшему на них... Его горящие глаза буквально впились в Марион Делорм. А та думала:

«Все ослепительные надежды я отдала бы за то, чтобы снова увидеться на берегу реки Бьевр с великолепным всадником, с моим гордым шевалье... пусть немного потрепанным и слегка худосочным! Любить его и быть любимой! О! Капестан, мой отважный рыцарь, где же вы?»

Именно в этот момент Кончини жестом остановил своих подручных, готовых взломать дверь, за которой скрылся шевалье.

Кончини шепотом отдал какой-то приказ Монревалю, пострадавшему меньше других. Монреваль задрожал, но, подчиняясь повелению своего господина, бросился вниз, тогда как остальные с любопытством ожидали, что за всем этим

последует. Монреваль вернулся в сопровождении нескольких человек, и при виде того, что эти люди несли с собой, наемные убийцы побледнели – они поняли! Один лишь Ринальдо хищно улыбался.

– Господа, – сказал Кончини ледяным тоном, – вы покочили со своим противником, теперь надо его похоронить! Пусть он будет замурован заживо!

На полу уже стоял чан с жидким цементом, лежали кирпичи и мастерки. Бандиты принялись за работу, и через час дверь исчезла. Другого выхода из коридора, в котором пытался спастись Капестан, не было...

– Что скажешь о моей выдумке? – спросил Кончини, когда они с Ринальдо вернулись в кабинет.

– Гениально, монсеньор! – с восхищением откликнулся наперсник.

– Да, – задумчиво продолжал маршал, – я позаимствовал эту идею у Екатерины Медичи: она приглашала к себе тех, кто ей сильно докучал, заводила в какой-нибудь укромный уголок, а потом, приказав замуровать дверь, забывала о своих недругах...

– Покойная королева знала толк в подобных делах, – с уважением промолвил Ринальдо. – Однако, монсеньор, прошу позволить мне удалиться. У меня распорото бедро, нужно сделать перевязку.

– Обратись к Эроару, – посоветовал Кончини.

– Королевскому врачу? Я ему не доверяю, – покачал голо-

вой Ринальдо. – Пойду к Лоренцо, торговцу травами с моста Менял.

– Ну что ж, ступай, – согласился маршал. – А мне, Ринальдо, предстоит встреча, которая страшит меня больше, чем десять Капестанов! – прошептал он. – Я должен увидиться с дочерью герцога Ангулемского! О, эта Жизель!

– Она пугает вас, монсеньор? – вскинул брови Ринальдо. – А хотите, я сделаю так, что она станет нежней газели и ласковее, чем горлица в пору любви?

– О! – закричал Кончини. – Если бы это случилось...

– В мире нет ничего невозможного, – насмешливо бросил Ринальдо. – Надо только хорошенько попросить торговца травами с моста Менял...

Через несколько минут Кончини, даже не вспомнив о многочисленных просителях, ожидавших его, завернулся в широкий плащ и вышел из дворца через потайную дверь. Оглядевшись, не следят ли за ним, он быстро направился к монастырю Босоногих кармелитов. За садом, возделанным руками почтенных отцов, располагалась пустынная улочка с редкими домами. Она называлась проулком Кассе.

В глубине этого проулка находился небольшой изящный особнячок. Кончини вошел туда, едва чьи-то услужливые руки без всякого приказанья распахнули дверь.

Когда маршал скрылся в доме, на углу между проулком Кассе и обителью кармелитов показалась какая-то женщина и тоже направилась к таинственному особнячку. Это была

Леонора Галигаи, маркиза д'Анкр!

Жизели д'Ангулем не пришло в голову спросить, как зовут молодого незнакомца, столь бесстрашно вступившего за ее честь. Для девушки он был Анри де Сен-Маром... Оставив его на поле боя, она пустила коня в галоп и к ночи добралась до загадочного дома в Медоне, где нашла своего отца, сильно встревоженного долгим отсутствием дочери. Жизель в двух словах успокоила Карла Ангулемского.

– Отец, я виделась с герцогом де Гизом и принцем Конде. Оба придут в условленное время на собрание. Когда с делами будет покончено, я расскажу вам, как по велению судьбы дочь ваша встретилась с маршалом д'Анкром... и Анри де Сен-Маром.

– Значит, ты его видела! – вскричал граф Овернский. – И ты уже любишь его, я уверен! Никаких препятствий больше не осталось. Я взойду на трон, если смогу объявить посланнику старого Сен-Мара, что сын его отныне и мой сын! Ведь я был прав, выбрав этого юношу тебе в супруги?

– Да, отец, вы были правы, – прошептала Жизель, залившись румянцем.

– Перед Богом, который нас слышит, клянешься ли ты в верности юному маркизу? – взволнованно спросил Карл Ангулемский.

– Да, отец, – трепеща, ответила красавица. Произнеся эти слова, смущенная девушка немедленно удалилась. Она по-

спешила в будуар, где ее ждала женщина лет тридцати – еще не утратившая своей красоты, с дивными серебристыми волосами, струившимися по плечам. При виде девушки в мутном полубезумном взоре женщины зажегся огонек разума.

– Доченька! – воскликнула Виолетта, герцогиня Ангулемская.

Но миг просветления оказался кратким, и несчастная горько зарыдала.

– Я хотела заснуть, но не смогла! – всхлипывала она. – Потому что боюсь темноты... Ночью ворвался ко мне негодяй, который преследовал меня своей мерзкой любовью! Ты должна это знать, Жизель! Так надо! Это случилось в Орлеане... городе, где ты родилась. Однажды я услышала рев толпы, гнавшей за каким-то человеком. Его, конечно, убили бы, но он бросился к моей двери, словно моля о помощи и защите. Я приказала впустить его, хотя он внушал мне страх. Это был жалкий уродец, карлик, колдун... Я приютила его, а он меня предал... Ночью, похожей на эту, он подтащил лестницу к стене и показал окно моей спальни мужчине! А тот пылал омерзительной страстью... это был Кончини! Они сговорились, карлик и маршал! Кончини шел прямо на меня, а уродец хохотал! До самой смерти буду я слышать звон разбитого стекла и этот адский хохот! Кончини схватил меня за руки, и я лишилась чувств... Но карлик вернется! Он уже близко! Я знаю! Ко мне, Карл! На помощь!

Когда ужасный приступ безумия миновал, Жизель с боль-

шим трудом уложила Виолетту в постель и стала укачивать мать, словно ребенка, пока больная не заснула.

Герцог тем временем отправился на собрание заговорщиков. Жизель постаралась приготовить все к возвращению отца; Карл Ангулемский должен был прийти назад вместе с двумя гостями – герцогом де Гизом и принцем Конде. Когда с хлопотами было покончено, девушка села в кресло в большом зале на первом этаже и задумалась о своем спасителе, пока и ее тоже не сморил сон.

Тогда, словно безумное видение Виолетты стало явью, ночную тишину прорезал звон разбитого стекла. Хлопнуло распахнутое окно. Жизель, проснувшись, будто от толчка, увидела, что к ней приближается какой-то мужчина с отвратительной улыбкой на устах. Много лет назад Кончини смеялся в Орлеане. И тот же самый Кончини возник теперь перед Жизелью, продолжая смеяться! Он схватил ее, а в комнату уже ворвались двое его подручных. Из прихожей доносились крики слуг, шум борьбы! Жизель почувствовала, как ей связали руки, заткнули рот кляпом и куда-то понесли. Девушку бросили в карету, лошади понеслись вскачь, и тут все померкло у нее перед глазами, словно сама эта жуткая ночь приняла ее в свои объятия...

Глава 3

Когда шевалье де Капестан очнулся, ему сначала показалось, что он все еще находится на постоялом дворе «Сорока-воровка». Затем молодой человек начал припоминать последние события: свой приезд в Париж, встречу с Ринальдо и с бедолагой, которого юноша спас от кинжала итальянца-проводящего, аудиенцию у маршала д'Анкра, бесшумное появление убийц, яростную схватку, безумное бегство по лестнице и по коридору, отчаянный рывок к распахнутой двери, за которой юноша и укрылся, успев повернуть ключ в замке.

– Да, ничего не скажешь, – пробормотал шевалье, – я здорово влип... Экая незадача! Гм! Уж очень здесь темно... Может быть, они сунули меня в печь, полную золы? Или я уже в могиле? Занятно! Неужели я умер? Однако, по-моему, тогда бы ничего не слышал и не чувствовал. А я слышу и чувствую... Надо бы крикнуть что-нибудь для проверки...

– Вот незадача! – сердито гаркнул он.

– Что? – отозвался неясный далекий голос. Капестан не уловил этого ответа – но зато услышал самого себя и остался этим вполне доволен.

«Я не умер, – с полной уверенностью заключил он. – Слышу прекрасно»

Теперь пришло время проверить зрение. Мощным усили-

ем воли Капестан заставил себя разлепить тяжелые веки – и обнаружил, что лежит в узком коридорчике, куда через щели между черепицами крыши проникал слабый свет.

С большим трудом поднявшись на ноги, Капестан оперся о дверь и вытер пот, струившийся по лбу.

Но лихая натура шевалье уже взяла свое, и он завопил во все горло:

– Клянусь Вакхом! Какая удача!

– Что? – повторил таинственный и далекий голос.

Однако Капестан не услышал его и на сей раз. Обернувшись к двери, он схватился за ключ... Ключ повернулся! Он потянул дверь на себя... Она отворилась!

Следующая секунда была для Капестана ужасной. В такие мгновения может разорваться сердце... Шевалье закрыл глаза.

– Замуровали! – прохрипел он. – Замуровали заживо! Я умру здесь от голода и жажды! Не так уж я ошибся: это и в самом деле могила. Только меня кинули в нее живым! О, как я хочу пить! Ужасная жажда жжет мне глотку огнем!

С этими словами Капестан отпрянул от кирпичной стены, наглухо закрывшей выход из коридора. Внезапно голова шевалье во что-то врезалась, и он упал на колени. В ту же секунду в коридорчике стало немного светлее; послышался такой звук, с каким по мостовой, подпрыгивая, катится камешек; затем наступила тишина – и вдруг, где-то очень далеко или очень глубоко, раздался звон – будто о булыжники раз-

билось глиняное или фаянсовое блюдо.

Присмотревшись, Капестан понял, в чем дело. Он сильно ударился головой о внутреннюю поверхность крыши с очень крутыми скатами и выбил кусок черепицы, который, соскользнув вниз, разлетелся на мелкие кусочки. Шевалье стоял на коленях под образовавшимся отверстием, откуда проникало немного света и веяло прохладой. Юноша почувствовал, как на лоб ему упала капля и, подняв глаза, увидел, что идет дождь. Моментально воспряв духом, шевалье потянулся к этим струйкам, с жадностью ловя губами драгоценную влагу... затем вскочил на ноги, выломал одну черепицу... другую! Вскоре он уже смог просунуть в дыру голову, с наслаждением подставив лицо ливню.

Однако, бросив взгляд на землю, шевалье понял, что надежды на спасение у него нет: спуститься по этой крыше было невозможно. В шестидесяти футах внизу находился небольшой дворик, мощеный булыжником. Иными словами, у молодого человека была лишь одна возможность избежать долгой и мучительной агонии – разmozжить себе голову об этот самый булыжник!

– Ну уж нет, скотина! – воскликнул он. – Я не доставлю тебе такого удовольствия! С какой радостью ты бы пришел полюбоваться на мой труп! Но Капестан привык смело смотреть опасности в глаза! И ему еще улыбнется удача!

– Что? – произнес в третий раз таинственный голос.

И Капестан, наконец, услышал этот загадочный вопрос, в

котором звучало искреннее изумление. Юноше даже показалось, что мелькнула чья-то странная голова с торчащими во все стороны космами.

Высунувшись из дыры в крыше, шевалье обнаружил, что двор обнесен высокой стеной, над которой торчит остроконечная кровля – и в самой середине этого шпиля вдруг отворилось крохотное оконце.

– Что? – воскликнул в свою очередь юноша с не меньшим удивлением, чем его таинственный собеседник.

Удивление шевалье было вызвано тем, что в окне показалась жутко всклокоченная голова с вытаращенными глазами.

– Скажите-ка, любезный! – крикнул Капестан.

– Поттише! – прервала его голова. – Не орите так, сударь! Вы что, меня не узнаете?

– Так я с вами знаком? – понизил голос шевалье. – Хотя... Мне и впрямь уже доводилось видеть этот острый нос, этот рот до ушей, эти круглые глаза, а, главное, эти космы. Вспомнил! Ты – Незадача!

– Прошу прощения, сударь, – поправила голова, – сегодня меня зовут Удачей!

– Так ведь утром ты сказал, что твое имя Незадача?

– Это было вчера, когда вы меня спасли, – объяснил патлатый. – Тогда я был Незадачей. Теперь же зовусь Удачей.

– Значит, мы встретились вчера? – изумился Капестан. – Выходит, я проспал весь день и всю ночь? А что ты здесь делаешь? – поинтересовался он.

– Я у себя дома, – с достоинством ответил горожанин.

– У себя дома? – переспросил юноша. – Стало быть, ты живешь во дворце Кончини?

– Это вовсе не дворец маршала д'Анкра, – обиделся патлатый. – Я у себя, иными словами, в самой верхней мансарде дома, который стоит последним в тупике Маладр, что выходит на улицу Гарансьер... но вы, сударь, вы-то что делаете здесь, на этой крыше – да еще под проливным дождем?

– Что я здесь делаю? – усмехнулся Капестан. – Я подыхаю, вот что я делаю! Сначала мерзавцы едва не зарезали меня, а потом замуровали в коридоре... так что если я не умру от потери крови, то протяну ноги от голода и жажды.

– Это что ж – с вами так обошлись люди Кончини? – захлопал глазами патлатый.

– Именно, черт побери! – воскликнул шевалье.

– Какая удача! – возликовал обитатель мансарды. – А я думал, вы служите маршалу д'Анкру... ведь вы были вместе с подлецом Ринальдо. Положитесь на меня. Я из Перигора... мы, перигорцы, из любого положения умеем найти выход. К тому же, я воевал в армии великого Генриха IV... и вообще, сегодня – один из тех дней, когда я зовусь Удачей... а значит, вам тоже повезло!

С этими словами голова исчезла, и окно закрылось. Капестан, изрядно промокнув, отошел от отверстия в крыше. Юноша был ошеломлен неожиданной встречей, но в сердце его затеплилась надежда, а вместе с ней и жажда жизни. В

первую очередь шевалье занялся своими ранами: разорвав рубашку на полосы и намочив их под струями дождя, он кое-как перевязал руку и плечо.

Подобно всем тогдашним искателям приключений, Капестан имел некоторые познания в хирургии. Поэтому он быстро определил, что ни одна из полученных им царапин большой опасности не представляет. Конечно, его лихорадило, он испытывал жгучую боль, но даже перевязка на скорую руку уже принесла заметное облегчение.

В Париже быстро темнело. Капестан улегся в углу сумрачного коридора в надежде обрести минутное забвение. Однако сон не шел: перед глазами юноши кружились какие-то безумные видения, он что-то невнятно бормотал и ворочался с боку на бок.

– Вот те на! – произнес вскоре Капестан. – Теперь мне будут докучать еще и мухи! Обнаглели совсем! Уже на нос садятся. У-у, сейчас я тебя поймаю!

Окончательно проснувшись, юноша схватил то, что щеколтало его по лицу. Но это оказалась вовсе не муха, а тоненькая веревочка, которая свисала из отверстия в крыше.

– Удача! – радостно вскричал шевалье, догадавшись, что веревку спустил обитатель соседней мансарды.

– Удача! – улыбаясь, повторил молодой человек.

– Нет! Сегодня вечером опять Незадача! – отозвался горожанин. – Но это неважно. Тяните за веревку... осторожнее! Главное, не упустите свой конец! Ну, тяните же!

Капестан стал тянуть, и внезапно к нему в руки упал мешок, привязанный к веревке. С бьющимся сердцем юноша заглянул в него и увидел кусок ветчины, пирог и бутылку вина. Шевалье издал восторженный вопль, с каким потерпевший кораблекрушение мог бы встретить пищу, свалившуюся с неба. Осушив одним глотком половину бутылки, Капестан накинулся на ветчину и пирог. Когда вино было выпито до последней капли, а от ветчины с пирогом не осталось и следа, молодой человек почувствовал себя сильным, как Самсон⁶.

– Что ты сейчас делаешь, Удача? – крикнул он соседу.

– Тоже ужинаю, сударь... – отозвался тот. – Как вам пирог?

– В жизни не едал ничего вкуснее! – засмеялся Капестан. – Спасибо, Удача!

– Говорю же вам, Незадача! – донеслось из мансарды. – Целых три месяца я тешил себя надеждой, что на первую же монету, ниспосланную мне свыше, я куплю себе пирог. И вчера вы дали мне экую. Но у вас такой хороший аппетит... – горько вздохнул патлатый. – А я поклялся, что буду верен вам до самой смерти! Словом, пирог я отправил вам, а сам жую корку черствого хлеба, но пытаюсь представить себе, что это кусок пирога.

Капестан был тронут.

– Сударь, – продолжал горожанин, – это еще не все. Тя-

---

⁶ Самсон – библейский силач.

ните за веревку... тяните сильнее!

– Второй пирог? – изумился шевалье.

– Нет, сударь, доска, – ответил патлатый. – Тяните. Держите крепче.

Шевалье послушно дернул за веревку – и увидел, как из оконца мансарды к нему поползла прочная длинная доска, которую осторожно придерживал сосед. Вскоре один конец доски уперся в отверстие над головой Капестана, а второй лег на подоконник мансарды.

– А теперь – вперед! – вскричал горожанин. Капестан содрогнулся при мысли, что придется пройти по этим шатким мосткам на высоте шестидесяти футов над землей. Однако, расширив отверстие в крыше, он без колебаний ступил на доску и бесстрашно двинулся вперед. Через несколько секунд шевалье влез через окошко в мансарду, а его спаситель, открыв дверь, выходящую в длинный коридор, положил на место доску с веревкой; все это он позаимствовал у плотников, чинивших крышу и хранивших здесь свой строительный инвентарь.

Затем патлатый зажег огарок свечи. Капестан огляделся и увидел, что в крохотной комнатушке из мебели наличествовали только большой сундук да табуретка. Сундук его заинтриговал.

– Это что такое? – спросил шевалье.

– Моя спальня и столовая, – ответил горожанин. – Когда меня клонит ко сну, я открываю сундук и зарываюсь в сено,

которым он набит. А перед едой захопываю крышку и накрываю на стол. Сегодня утром, выбравшись из своей спальни, я залез на табурет, чтобы посмотреть на небо, и тут мне по казалось, будто кто-то стонет во дворце моего соседа, прославленного маршала д'Анкра. Я наострил уши, но ничего нельзя было разобрать в этих моно тонных жалобных звуках; я уж собрался было слезть с табуретки, однако вдруг услышал свое имя – вроде бы из того же самого места, откуда доносились охи и вздохи. Словом, я решил остаться на посту. Тут изнутри пробило крышу – будто снарядом, выпущенным из катапульты, а из отверстия вылезла голова – ваша голова, сударь. Ну, что было дальше, вы знаете, – закончил свой рассказ обитатель мансарды.

– И ты меня выручил! – воскликнул Капестан. – Просто спас мне жизнь! Спасибо, дружище Незадача.

– Простите, сударь, – возразил тот, слегка покраснев. – Поскольку я имел честь помочь вам, то хочу сегодня зваться Удачей.

– Послушай, – промолвил шевалье, – если нам придется провести некоторое время вместе, то уж будь добр, скажи мне сразу, какое имя выбираешь на ближайшие дни.

Почесав в затылке, горожанин промолвил:

– Признаюсь вам сударь: меня зовут Коголен.

– Теперь еще и Коголен! – схватился за голову шевалье. –

Но почему Коголен?

– В нашем семействе это имя переходит от отца к сыну, –

терпеливо объяснил патлатый.

– Положительно, у тебя слишком много имен! – вздохнул молодой человек.

– Но сердце у меня одно! – вскричал Коголен. – И оно будет верным вам до самой смерти!

– Коголен, ты славный малый, – похлопал его по плечу Капестан. – Но скажи мне, что ты поделываешь в жизни?

– Ищу удачу, сударь, – отвечивал патлатый.

– Надо же! – изумился шевалье. – Вообрази, я тоже ищу удачу!

– Вы найдете ее, сударь, – уверенно заявил Коголен. – Я это вижу по вашему лицу, да и по вашей хватке тоже.

И обитатель мансарды принялся обрабатывать раны шевалье имеющейся у него целебной мазью. Когда же Капестан выразил удивление подобной запасливостью, горожанин пояснил:

– Сударь, мне довелось быть в услужении у аптекаря, который выставил меня за дверь, потому что супруга его начала строить мне глазки. Но я, сказав последнее прости аптекарям обоего пола, прихватил с собой кое-какие пузырьочки и флакончики – так, на память... А теперь, если желаете, я готов уступить вам на сегодняшнюю ночь свою спальню.

Капестан, ослабевший от потери крови и захмелевший от выпитого вина, немедленно рухнул в сундук. Сено показалось юноше мягче пуховой перины, и он сразу же уснул.

Открыв глаза, когда было уже совсем светло, шевалье об-

наружил, что лихорадки нет и в помине, что передвигаться он может, почти не морщась от боли, и что у него разыгрался зверский аппетит.

– Коголен, – сказал он, – хочешь поступить ко мне на службу?

– Хочу ли я, сударь? – воскликнул горожанин. – Да мне просто счастье привалило!

– Прекрасно! – кивнул Капестан. – Потом я объясню, что тебе придется делать. А пока возьми эти пять пистолей.

– Пять пистолей! – вскричал Коголен. – О, сударь, позвольте мне хотя бы на сегодняшний день взять имя Удача!

– Итак, держи эти пистолы – и отправляйся на барахолку, – распорядился молодой человек. – Прихвати с собой мою разодранную одежду и подбери мне по мерке новый костюм. Сам тоже приоденься, как подобает слуге шевалье де Капестана. Ступай и не забудь раздобыть еды на обед.

В восемь часов утра Капестан в новом наряде и совершенно преобразившийся Коголен спустились из мансарды на улицу. Шевалье сказал:

– Забирай все, что у тебя есть ценного и прощайся со своей конурой. Отныне ты будешь находиться при мне.

– Единственная ценность, которой я обладаю, – это моя собственная персона, – ответил Коголен.

– Тогда пошли, – ухмыльнулся Капестан. – Но заруби себе на носу: на улице следуй за мной в трех шагах, если я пе-

ший, в шести – если я верхом, – строго проговорил он. – Все должны видеть, что ты мой слуга. Говорить можешь, только если я тебя спрашиваю.

И Капестан двинулся на поиски постоянного двора, намереваясь поселиться там вместе с Коголеном.

Дойдя до улицы Вожирар, он машинально повернул направо, иными словами, туда, где дома попадались все реже, а сама улица за монастырем Босоногих кармелитов становилась похожей на проселочную дорогу. Неторопливо шествуя в сопровождении Коголена, шевалье вдруг услышал за спиной стук копыт и, обернувшись, увидел всадника, который поднимал лошадь на дыбы, пускал ее то рысью, то галопом, заставлял поворачивать и пятиться – словом, совершал все то, что обычно делают, сев на незнакомого коня.

– Это Фан-Лэр! – прошептал Капестан, вздрогнув от радости и гнева. – Его прибрал к рукам... можно сказать, опозорил один из тех негодяев, что пытались убить меня!

Действительно, шестеро наемных убийц маршала д'Анк-ра разыграли в карты лошадь, стоящую в конюшне. Удача улыбнулась Монревалью: став новым «законным» обладателем Фан-Лэра, он вывел коня на прогулку, чтобы лучше изучить его повадки.

Внезапно послышался какой-то странный свист. Фан-Лэр резко остановился. Монреваль прищпорил лошадь, но она лишь негодующе тряхнула головой и застыла на месте.

– А! – прошипел Монреваль. – Ты такой же упрямец, как

твой бывший хозяин?

Вновь раздался свист, прозвучавший немного по-другому. Фан-Лэр начал пятиться. На третий свист он двинулся вперед, взбрыкивая при каждом шаге.

Монреваль разразился проклятиями. Фан-Лэр вставал на дыбы, исполняя фантастические пируэты, кружил и метался из стороны в сторону, словно обезумев, лягался и вскидывал крупом, пытаясь сбросить всадника. Монревалю не удалось усидеть в седле: взлетев в воздух на десять футов, он шлепнулся на мостовую и остался лежать без движения.

А Фан-Лэр тут же с радостным ржанием устремился к Капестану. Шевалье, обхватив обеими руками голову благородного животного, поцеловал его в ноздри; затем легко вскочил в седло, даже не взглянув на Монревалю, чтобы узнать, жив тот или расшибся насмерть.

– Сударь! – закричал Коголен. – Мне идти в трех шагах или в шести? Вы верхом, но я-то пеший...

– Неважно, следуй за мной! – распорядился шевалье.

Через триста метров Капестан остановился возле гостиницы довольно непрезентабельного вида.

– «Генрих Великий», – промолвил шевалье, задрав голову и рассматривая вывеску, где красовалась фигура, которую, видимо, следовало считать изображением покойного короля. – Судя по названию, это весьма достойный постоянный двор.

Спешившись, молодой человек завел коня во двор, и к

юноше тут же устремился лысый толстяк с колпаком в руке.

– Как тебя зовут? – спросил шевалье.

– Мэтр Люро, к вашим услугам! – поклонился хозяин гостиницы. – Мой пирог с начинкой из жаворонков произвел фурор в Лувре!

– Так вот, мэтр Люро, мне нужна комната для меня, каморка для моего слуги, место в конюшне для моей лошади, – заявил Капестан. – Теперь слушайте внимательно. Если я увижу, что вы подсматриваете в замочную скважину, – отрежу уши. Если узнаю, что хвастаете честью, которую я вам оказываю, поселившись здесь, – вырву язык.

Хозяин принялся красочно расписывать свою скромность, клятвенно обещая, что словечка никому не проронит, а затем проводил Капестана в жалкую комнатку, к которой примыкала темная каморка.

«Это переодетый принц, не иначе», – подумал он.

– Монсеньор, – произнес мэтр Люро вслух, – это покои, достойные короля.

– Вы, часом, не гасконец, любезный? – осведомился шевалье.

– Нет, монсеньор, я из Нормандии, – ответил Люро.

– Очень хорошо. И во сколько вы оцениваете эти покои, достойные короля? – с некоторым беспокойством поинтересовался Капестан.

– За комнату, чуланчик и стойло для лошади – всего-навсего шесть пистолей в месяц, – объявил хозяин.

Комната, действительно, была лучшей на постоялом дворе, но больше двадцати ливров мэтр Люро за нее никогда не просил.

– Сударь, – сказал Коголен, едва толстяк скрылся за дверью, – позвольте мне отлучиться на четверть часа. Хочу выйти на дорогу.

– Коголен, ты открыл рот, хотя я тебя ни о чем не спрашивал, – строго заметил Капестан. – В следующий раз за подобную дерзость получишь трепку. Теперь говори, зачем тебе понадобилось выходить на дорогу?

– Как же сударь! – удивился слуга. – Я дождусь первого всадника и начну свистеть, как вы, чтобы лошадь сбросила седока и прибежала ко мне. Тогда я смогу сопровождать вас верхом.

– Превосходно, Коголен, – кивнул молодой человек. – Ступай, друг мой, попытай счастья, – милостиво разрешил он.

Окрыленный Коголен немедленно умчался. А шевалье, задумавшись, вскоре пришел к выводу, что среди стольких необычных событий лишь одно взволновало его по-настоящему – встреча с девушкой, которую он вырвал из лап Кончини.

– Она дочь герцога Ангулемского, – пробормотал Капестан, – и участвует в заговоре. Ничего нового Кончини мне не сообщил. Я сам видел Карла Ангулемского среди мятежных дворян, на собрании в «Сороке-воровке». Маршал хо-

чет разделаться с герцогом. Так почему бы мне не предупредить этого благородного сеньора? Надо пойти на улицу Дофин... куда этот негодяй хотел меня послать, чтобы я убил главу заговорщиков... Пойти и сказать герцогу... Но что же я ему скажу?

При мысли о том, что он спасет герцога Ангулемского, Капестан возликовал, однако почти сразу помрачнел и понурился.

– Дочь герцога Ангулемского! – повторил он, на сей раз с горечью. – Стало быть, внучка короля и дочь одного из самых надменных вельмож Франции. Кто она – и кто я?

И все же шевалье твердо решил предупредить герцога о грозящей тому опасности. Тут в дверях появился Коголен и произнес просто:

– Сударь, уже полдень, и я велел мэтру Люро подать вам этот знаменитый пирог с начинкой из жаворонков...

– Полдень! – вздрогнув, прервал его Капестан. – Ведь в полдень меня ждет на постоялом дворе «Три короля» этот молодой вертопрах, маркиз де Сен-Мар. Он подумает, что я струсил! Дьявольщина! Коголен, мою шпагу! Коня! – вскричал юноша.

– Сударь, – жалобно промолвил Коголен. – У вас по меньшей мере полчаса в запасе. Когда близится обед или ужин, мой желудок всегда меня подгоняет. Вы можете безбоязненно отведать благородное творение мэтра Люро, а уж затем отправиться к «Трем королям». Клянусь, вы поспеете вове-

мя!

Вместо ответа Капестан приказал Коголену собираться. Тот, вздохнув, подчинился: оседлал и взнуздal Фан-Лэра, а затем вывел вторую лошадь – к немалому изумлению своего господина.

– Что ты делаешь, черт возьми? – воскликнул Капестан.

– Седлаю свою лошадь, чтобы сопровождать вас, сударь, – спокойно объяснил слуга.

– Лошадь? У тебя завелась лошадь? Когда же ты ее приобрел? – изумился шевалье.

– Час назад, сударь, – ответил Коголен. – Как вы помните, я, испросив у вас разрешения, вышел на дорогу и стал свистеть каждому проезжающему всаднику. Только все было зря: как я ни разливался на разные лады, ни один конь не пожелал сбросить своего седока. Я уже собирался вернуться в гостиницу, но тут к моей радости вот этот рыжий жеребец остановился. К несчастью, оказалось, что его придержал сам всадник: он спешил, бросился на меня с палкой и начал охаживать, приговаривая, что научит меня, как себя вести. По его словам, я нанес ему своим свистом страшное оскорбление. Отдубасив меня, он спросил, отчего я решился на такую дерзость, и я тут же все ему рассказал. Тогда, сударь, этот человек – он оказался честным барышником из Вожирара – так вот, этот человек расхохотался и заверил меня, что если я свистну на особый манер, рыжий жеребец подойдет ко мне... а еще добавил, что уступит лошадь даром. Я

свистнул, как он показал, рыжий жеребец подошел ко мне, и я отвел его на конюшню, а барышник отправился дальше пешком. Очень добрый человек, сударь, но с причудами: из чистого упрямства не хотел показать мне, как надо свистеть, пока я не выложил несколько пистолей, взятых из вашего кошелька.

– И сколько же ты ему дал? – осведомился шевалье.

– Пятнадцать, монсеньор, всего пятнадцать пистолей, – успокоил хозяина Коголен.

Капестан знал толк в лошадях. Бросив на рыжего жеребца оценивающий взгляд, он пробормотал:

– Сто пятьдесят ливров! В общем, не слишком дорого. Барышник обошелся с тобой по-божески, Сколько же осталось в кошельке? – поинтересовался юноша.

– Девять пистолей, сударь. Вы еще богаты, – улыбнулся Коголен.

Шевалье, вскочив в седло, взял с места в карьер и вскоре уже въезжал на улицу Турнон, даже не думая скрываться, а только лишь надвинув на глаза шляпу. Это была безумная отвага... Добравшись без помех до постоянного двора «Три короля», Капестан велел проводить себя к Сен-Мару и вошел в комнату маркиза в тот момент, когда пробило полдень.

– Bravo! – воскликнул Сен-Мар. – Шевалье, наша точность воистину сродни вежливости королей...

– Вы в этом сомневались? – поднял бровь Капестан.

– Боже сохрани! Давайте сразу же обговорим условия на-

шего поединка, – предложил маркиз. – Ваше оружие?

– Назовите свое! – ответил Капестан.

– В таком случае рапира и кинжал! – заявил Сен-Мар.

– Отлично! – кивнул шевалье. – Любое оружие годится, было бы острие!

– Теперь время, – продолжал маркиз. – Сегодня, в три часа пополудни?

– Великолепно! – промолвил шевалье.

– За садами герцога Люксембургского? – спросил Сен-Мар.

– Согласен и на сады, – проговорил Капестан. Молодые люди, поклонившись, обменялись выразительными взглядами: каждый из них испытывал к противнику чувство, очень похожее на восхищение. И когда шевалье направился к двери, юный маркиз вскричал:

– Поскольку мы будем драться только в три, не окажете ли мне честь разделить со мной обед, специально заказанный по такому случаю?

Капестан не стал скрывать, что чертовски проголодался, и оба противника направились в соседнюю комнату, где был накрыт роскошный стол.

Они сели друг против друга. Обед был превосходен, беседа – необыкновенно занимательна. Сен-Мар рассказывал о своих любовных приключениях, а Капестан – о сражениях, в которых ему довелось участвовать. Правда, шевалье благоразумно умолчал о том, что побывал на собрании заговор-

щиков, куда его пропустил сам Сен-Мар. Капестан признался только, что приехал в Париж с намерением сделать карьеру, и маркиз торжественно пообещал, что если им обоим удастся пережить дуэль, то Капестан может рассчитывать на поддержку, ибо Сен-Мару предстоит играть весьма значительную роль при дворе – в особенности после женитьбы.

– Потому что, – добавил молодой маркиз со вздохом, – я должен обвенчаться... таков приказ отца, и этого требуют некоторые политические обстоятельства. Говорят, моя невеста очень красива, но я ее не видел, да, признаться, и не жажду увидеть.

К двум часам дня будущие противники уже явно симпатизировали друг другу.

«Он – сторонник герцога Ангулемского, – думал Капестан, – значит, враг Кончини. Я никому не уступлю честь предупредить герцога о том, что узнал в кабинете подлого маршала... но, пожалуй, можно рассказать маркизу о схватке с наемными убийцами...»

«Какая жалость, – размышлял в свою очередь Сен-Мар, – что этому благородному человеку вздумалось поухаживать за единственной девушкой, которая мне дороже жизни... О Марион, дорогая моя Марион!»

– Знаете, друг мой, – сказал шевалье, – я вполне мог опоздать на нашу встречу или даже вовсе не прийти. От смерти меня спасло лишь чудо!

И Капестан начал изображать в лицах беседу с Кончини,

битву с разъяренными головорезами маршала, свое отчаяние в коридоре с наглухо замурованной дверью и необыкновенное вмешательство Провидения, которому шевалье был обязан жизнью. Сен-Мар слушал с горящими глазами, не скрывая восторга и изумления.

– Это великолепно! – вскричал он наконец. – Непостижимо!

– Правда? – простодушно спросил Капестан.

– Ах, шевалье, отчего мы с вами стали врагами? – с горечью проговорил Сен-Мар.

– Действительно, маркиз, не могу понять, зачем нам драться? – пожал плечами Капестан.

Сен-Мар, пристально поглядев на своего противника, медленно произнес:

– Должен сказать, мне сегодня совсем не с руки биться с вами, потому что вечером у меня свидание... и если вдруг мне придется пропустить его из-за раны, я буду в отчаянии. Я должен увидеться с мадемуазель Марион Делорм.

Сен-Мар лгал: у него не было свидания с Марион, но маркиз хотел узнать, как отреагирует на его слова Капестан. Шевалье благодушно осведомился:

– Это та красивая девушка, с которой я познакомился в Лонжюмо?

– Именно! – угрожающим тоном подтвердил Сен-Мар.

– Есть превосходный способ все уладить: отправляйтесь сегодня вечером на свидание, а драться мы будем завтра, –

любезно предложил Капестан.

– Как? – вскричал Сен-Мар. – Вас совершенно не волнует, что у меня свидание с Марион и что она меня любит?

– А с чего бы мне из-за этого волноваться? – изумился шевалье.

– Ах, милый друг, вы сняли камень с моей души! – облегченно вздохнул маркиз. – Отныне я счастливейший человек на свете. Располагайте мной: моя шпага, мой кошелек, мои связи – все к вашим услугам!

– Но уже три часа, – в замешательстве пробормотал Капестан, – и...

– К дьяволу дуэль! – завопил Сен-Мар. – Лан-терн! Живо, подавай еще вина! Хереса! Кипрского! Разве ты не видишь, олух, что друг мой изнывает от жажды? Нас ждет схватка с бутылками: победит тот, кто выпьет больше!

– Ах, маркиз, – воскликнул, смеясь, шевалье. – Я чую западню: вы предлагаете мне дуэль на испанских и островных винах, тогда как я силен только во французских!

– Лантерн! – крикнул Сен-Мар лакею. – Анжуйское сюда! Бордо! Бургундское! Шампанское! Всю Францию выставляй на стол!

Спесивый и чванный слуга маркиза со всех ног кинулся исполнять приказание своего господина и вскоре появился, сгибаясь под тяжестью целой батареи бутылок; еще столько же тащил Коголен.

Бывшие соперники, ставшие лучшими друзьями, осуши-

ли несметное количество бокалов и расстались в пять часов, поклявшись встретиться в самое ближайшее время.

Капестан в сопровождении Коголена, послушно следовавшего за ним в шести шагах, направился на улицу Дофин и на углу набережной, о которой говорил Кончини, действительно увидел особняк – похоже, тот самый, что был ему нужен. Но от этого роскошного дворца почему-то веяло неизбывной грустью. Дом был словно погружен в траур: шевалье, посмотрев на него, невольно вздрогнул, но все же взял в руку молоток, изображавший льва, в пасти которого была зажата пластинка с надписью: «Je charme tout»⁷. Удар отозвался долгим эхом, прокатившимся по пустым комнатам дворца.

– «Чарую все»! – прошептал Капестан. – Знаменитый девиз Мари Туше, любовницы Карла IX, матери Карла Ангулемского...

Именно в ту минуту шевалье вдруг осознал, какая громадная дистанция отделяет его от внучки Карла IX, короля Франции. Таким жалким, бедным, ничтожным показался юноша самому себе, что губы его искривились в горькой усмешке. Он встряхнул головой, будто отгоняя наваждение, и, понурившись, повернул в сторону улицы Вожирар.

К «Генриху Великому» Капестан с Коголеном подошли, когда уже стемнело. Коголен отвел лошадей на конюшню, обтер их тряпкой, напоил, засыпал им в ясли овса. Закончив

---

⁷ Je charme tout (франц.) – Чарую все – анаграмма имени Marie Touchet (Мари Туше).

работу, слуга обменялся какими-то таинственными знаками с тенью, проскользнувшей во двор гостиницы.

Затем Коголен поднялся в комнату, где сидел в глубокой тоске Капестан. У шевалье гудело в голове от выпитого вина, но еще больше, чем боль в висках, терзали его горькие мысли. Капестан чувствовал себя глубоко несчастным.

– Кто позволил тебе входить без разрешения? – рявкнул он, заметив Коголена. – Ты видишь эту плетку? Вон она висит на гвозде!

– Вижу, сударь, вижу, – пролепетал слуга, дрожа всем телом.

– Сними ее и вдарь себя хорошенько, – распорядился молодой человек.

– Как, сударь, вы хотите, чтобы я сам... – захлопал глазами Коголен.

Вздыхнув, он направился за плеткой с гримасой, рассмешившей Капестана.

– Стой! – скомандовал шевалье. – На этот раз я тебя прощаю. А теперь убирайся. Подожди-ка! У тебя космы встали дыбом?

– Да нет же, сударь! – вскричал Коголен, примяв свою шевелюру ударом ладони. – Я хотел вам рассказать, какие странные вещи здесь происходят... но раз вы не хотите слушать, я ухожу.

– Что же здесь происходит? – спросил Капестан.

– Здесь... то есть, в вашем кошельке, сударь, – пояснил

слуга. – Только что в нем было девять пистолей, а потом вдруг стало девятнадцать. Вот, посмотрите! Девять первых я положил слева... а десять их детишек появились справа.

– Откуда ты взял эти десять пистолей? – с тревогой воскликнул шевалье. – Признавайся, бездельник!

– Клянусь вам, сударь... – заверещал Коголен. Капестан схватился за плешь.

– Мерзавец! – прорычал он. – Ты предал меня! Сейчас ты у меня попляшешь!

– Нет, только не это! – взмолился слуга. – Я все расскажу! Сегодня, когда вы оказали господину де Сен-Мару честь отобедать за его столом, господин Лантерн пригласил меня разделить остатки. Сидя в прихожей, мы сливали опивки из ваших бутылок, но тут господина Лантерна призвал к себе хозяин... В этот момент дверь отворилась, и передо мной появилась сирена...

– Сирена?

– Возможно, это была просто молодая женщина, но я принял ее за сирену... потому что таких красавиц не бывает! «Возьми вот это», – сказала она, сунув мне в руку десять пистолей. Затем спросила: «Ведь это шевалье де Капестан обещает здесь?» – «Он самый» – ответил я.

– Ну, вот видишь, негодяй, ты сам признаешь, что предал меня! – снова взвился юноша.

– Прошу прощения, сударь! – воскликнул Коголен. – Когда мы прибыли в «Три короля» и к нам вышел господин

Лантерн, вы сказали ему: «Передай своему хозяину, что его ждет Адемар де Тремазан, шевалье де Капестан!» Вы объявили об этом так внушительно и так громко, что на постоянном дворе не осталось ни одного человека, который бы этого не знал.

– Пожалуй, – нехотя согласился шевалье. – Что дальше?

– Дальше? – произнес юный мелодичный голос. – Дальше? Сейчас вы все узнаете от меня, шевалье!

Капестан, обернувшись, замер в изумлении и восторге. Дверь отворилась. Коголен испарился, а вместо него в комнате появилась девушка, блистающая молодостью и красотой, с дерзким взором и ослепительной улыбкой.

– Мадемуазель Марион Делорм! – прошептал ошеломленный Капестан.

Гостя приблизилась к нему и мгновенно, подчиняясь безошибочному инстинкту, сотворившему из нее неотразимую жрицу любви, обвила руками его шею. Еще невинная, но уже пылкая Марион Делорм впервые домогалась поцелуя мужчины.

– Я люблю тебя! – страстно прошептала красавица.

– Но, – пробормотал шевалье, – разве у вас не назначено сегодня вечером свидание с маркизом де Сен-Маром?

– Я люблю тебя! – повторила девушка, сильнее прижимаясь к Капестану.

Он понял, что нужно немедленно заткнуть уши и закрыть глаза, однако сделать этого не успел. Здравомыслие отступи-

ло перед натиском Марион.

Что ты хочешь, суровый читатель? Шевалье было всего двадцать лет. Добавим к этому замечательное вино маркиза, выпитое за обедом...

Так завершилась дуэль маркиза де Сен-Мара и шевалье де Капестана.

В тот момент, когда Марион Делорм, проскользнув во двор гостиницы, сделала знак Коголену, у ворот «Генриха Великого» остановились двое мужчин, следовавших за девушкой на некотором расстоянии и наблюдавших за каждым ее шагом.

Одним из них был епископ Люсонский, герцог де Ришелье. Вторым – человек по имени Лаффема, мечтавший поступить на службу к могущественному прелату.

Ришелье решил выследить свою красавицу, дабы собственноручно убить соперника, имени которого еще не знал. Лаффема удалось переубедить прелата.

– Предоставьте это мне, монсеньор, – заявил он. – Только разрешите мне быть при вас. Я уродлив и мерзок, меня презирают за то, что я ненавижу все человечество. Если вы пожелаете, ненависть моя станет вам опорой. Я буду верным слугой и в слабостях ваших, и в величии, в любовных интригах и в политике. Монсеньор, Лаффема будет вам предан душой и телом. Что вы на это скажете?

– Отлично, – произнес Ришелье, – принимаю тебя на

службу.

– В таком случае возвращайтесь к себе, монсеньор, – проговорил Лаффема. – Я же останусь здесь. Сегодня вечером начинается моя служба. Завтра вы будете знать, как зовут любовника мадемуазель Марион.

– Я убью этого человека! – вспыхнул Ришелье.

– Нет, монсеньор, – тонко улыбнулся Лаффема. – Это мое дело. Вам достаточно лишь вынести приговор. Вы обрекаете его на смерть?

На какое-то мгновение епископ Люсонский заколебался, но тут же принял решение.

– Пусть он умрет! – произнес прелат холодно. Ришелье удалился, а Лаффема вошел на постоялый двор, где провел около двух часов, а затем отправился в свой дом, стоявший напротив дворца герцога Ангулемского.

На следующий день Лаффема спозаранку явился на постоялый двор «Три короля» и приказал доложить о себе маркизу де Сен-Мару. Встреча продолжалась недолго. Сен-Мар, выскочив из комнаты, взлетел на коня и с искаженным от бешенства лицом помчался к «Генриху Великому». Маркиза обурежала жажда мести.

Лаффема, в свою очередь, устремился к епископу Люсонскому.

– Монсеньор, – сказал он прелату, – вам необходимо добиться, чтобы уже сегодня появился эдикт, карающий смертью любого, кто убьет своего противника на дуэли.

– Зачем? – спросил Ришелье.

– Затем, что маркиз де Сен-Мар собирается прикончить некоего шевалье де Капестана, который провел ночь с мадемуазель Марион! – заявил Лаффема.

Ришелье вздрогнул всем телом. Лаффема же добавил с ужасной улыбкой:

– Я устроил так, что Сен-Мар убьет Капестана. Теперь ваша очередь, монсеньор. Эдиктом о дуэли вы можете погубить Сен-Мара!

Когда шевалье де Капестан лишился чувств в узком коридоре, где его замуровали заживо, маршал д'Анкр направился в изящный особнячок в проулке Кассе.

Поднявшись по лестнице, Кончино Кончини оказался лицом к лицу с Жизелью д'Ангулем. Потрясенный красотой девушки, он тут же объявил, что готов на все, дабы завоевать ее сердце: обещал, что купит княжество в Италии и принудит папу аннулировать брак с Леонорой.

– Предлагаю вам стать моей женой! – пылко воскликнул маршал, которого ничуть не смутил ледяной взгляд девушки. – Скажите «да», и я немедленно верну вам свободу.

– Сударь, – ответила Жизель Ангулемская с глубочайшим презрением, – княжество ваше будет куплено на ворованные деньги, а корону вашу отольют из награбленного золота. Неужели вы всерьез рассчитывали соблазнить меня насилем, грабежом и воровством?

Маршал д'Анкр в смятении попятился.

– Не торопитесь! – проскрежетал он. – Поду майте хорошенько! Ваш отец в моей власти. Завтра он предстанет перед судом. Через две недели ему от рубят голову. Вам этого мало? Бельфегор!

Появился слуга-нубиец.

– Бельфегор, где находится сейчас безумная женщина по имени Виолетта? – спросил Кончини.

– В комнате этажом выше, монсеньор. Эту особу заперли там сегодня утром, – сообщил чернокожий великан.

Мать в руках этого чудовища! Жизель затрепетала.

– Поднимись наверх! – приказал Кончини. – Когда я крикну «Руби» – но не раньше! – снесешь ей голову ударом сабли!

Жизель д'Ангулем в ужасе замерла, сознавая, что жизнь родителей зависит от ее ответа, но тут внезапно распахнулась дверь, и на пороге появились две женщины.

Кончини в изумлении воззрился на них. Он узнал Леонору Галигаи, свою супругу, и Марию Медичи, королеву-мать, свою любовницу.

– Мадемуазель, – сказала Леонора, – не тревожьтесь. Ваш отец вовсе не арестован, а вашей матери нет в этом дворце. Господин маршал солгал вам. Я его жена, а это – Ее Величество королева.

Жизель бросилась к ногам Марии Медичи.

– Взываю к вам, мадам, ибо этот человек преследует меня, – вскричала девушка.

– Следуйте за мной в Лувр, дитя мое, – промолвила ко-

ролева. – Господин маршал уверил меня, что должен допросить вас в связи с вашей причастностью к заговору. Но я решила побеседовать с вами сама. Идемте!

Кончини молчал под испепеляющим взглядом Марии Медичи. Мгновение спустя королева и Жизель исчезли.

...Оставшись наедине с маршалом д'Анкром, Леонора Галигаи смело встретила его разъяренный взгляд. Женщина сознавала свою силу. О появлении соперницы в лице Жизели предупредила королеву именно Леонора – но она же могла одним словом примирить любовников. Кончини нуждался в ней. Он знал это. Однако известно ему было и другое: ради него Леонора пойдет на все.

– Что вы собираетесь сделать с этой девушкой? – пробормотал он.

– Сегодня вечером ее отпустят на свободу, – ответила Леонора. – Так нужно, ибо я рассчитываю с помощью этой особы проникнуть в самый центр заговора. Она уверена, что всем обязана мне, а, значит, выведет меня на главарей... Герцог Ангулемский, Гиз я Конде окажутся в моих руках!

– Что ж потом? – хрипло спросил маршал.

– Потом? – пожала плечами Галигаи. – Потом она умрет... так нужно! Но – слушай меня хорошенько, Кончино! – через четыре дня, не позже, умрет и король!

Кончини с ужасом взглянул жене в лицо, внезапно озарившееся светом любви.

– Тогда, – продолжала Леонора, – поскольку королевству

необходим государь, поскольку Мария Медичи всецело принадлежит нам, поскольку герцог Ангулемский и Гиз с Конде очень скоро выйдут из игры, останется только один возможный король...

Ослепленный, оглушенный Кончини был не в силах отвести взгляда от женщины, для которой единственным смыслом жизни являлось его возвышение.

После секундной паузы Леонора Галигаи произнесла наконец голосом, дрожавшим от страсти и честолюбия:

– Этим королем, Кончино, будешь ты!

В Лувре Людовик XIII, юный король Франции, готовился к предстоящей в Медонском лесу охоте.

Облачившись в охотничий костюм, Людовик пересек галерею, окна которой выходили во внутренний двор королевской резиденции. Монарха сопровождали всего лишь двое дворян. У выхода его приветствовал Витри, капитан королевской гвардии.

Более никто не склонился перед королем в поклоне: здесь не было ни придворных, ни военачальников, ни прелатов. Высокомерный и печальный, он шествовал один, остро сознавая свою заброшенность. Ему было тогда чуть больше пятнадцати лет.

Со двора доносились веселые крики. Человек пятьдесят дворян, пышно разряженных и горделивых, громко смеясь и шумно переговариваясь, толпились вокруг своего властелина, который был в тысячу раз богаче и могущественнее мо-

нарха. Кончино Кончини, маршал д'Анкр с надменным спокойствием принимал почести, приличествующие лишь государю.

«Я слишком молод, – думал Людовик, – и слишком слаб. Терпение! Силы придут, и тогда...»

Даже мысленно он не осмелился закончить начатую фразу. Но когда Люин показал ему соколов, уже подготовленных к охоте, подросток решил, что в один прекрасный день пробьет час иной травли, в которой не нужны будут ни гончие, ни ловчие птицы. Вполне хватит одной доброй аркебузы – главное, чтобы не дрогнула рука!

Кончини горделиво восседал в кресле в окружении заискивающих придворных, не подозревая, что за ним уже следит тяжелый взгляд, прикидывая, куда бы нанести удар...

В ту минуту, когда король выехал из Лувра и направился в Медонский лес, маркиз де Сен-Мар, белый от гнева, остановил своего коня перед воротами гостиницы «Генрих Великий». Спешившись, Сен-Мар вошел во двор, где не было никого, кроме слуги, обтиравшего лошадь.

«Мне знакома эта мерзкая рожа, – подумал маркиз. – Да, да, это лакей негодяя Капестана!»

Коголен, со своей стороны, тоже сразу понял, кто стоит перед ним.

– Ты узнаешь меня, мерзавец? – процедил Сен-Мар.

– Откуда же, сударь? – невинно спросил слуга. – Ведь я в

первый раз имею честь вас видеть.

– Послушай, у меня есть для тебя пять двойных пистолей! – заявил маркиз.

– О! О! – воскликнул Коголен, немедленно протягивая ладонь.

– Держи! – промолвил Сен-Мар.

Коголен поспешно сунул в карман монеты Маркиза.

– Но если ты меня обманешь или не пожелаешь отвечать, – продолжил дворянин, – то я спущу с тебя шкуру вот этой плетью! А теперь веди меня в апартаменты шевалье де Капестана.

– Сударь, это невозможно... – пролепетал Коголен.

– Ах, так! – вскричал Сен-Мар, замахиваясь хлыстом.

– Потому что у господина де Капестана нет больше апартаментов! – торопливо объяснил слуга. – Господин шевалье уехал больше часа назад... Да вот и мэтр Люро, хозяин постоянного двора, вам подтвердит!

Появившийся мэтр Люро стал усиленно кивать головой, увенчанной ночным колпаком.

Сен-Мар, трясаясь от бешенства, с досадой топнул ногой.

– Если вы ищете шевалье де Капестана, – проговорил Люро, – то найдете его в Медоне. Он от правился именно туда, потому что спрашивал меня о...

Под испепеляющим взглядом Коголена мэтр Люро осекся и почел за лучшее улизнуть на кухню.

– Послушай, – проговорил Сен-Мар, обращаясь к Коголе-

ну, – вчера к твоему хозяину приходила молодая женщина. Я знаю, что она провела здесь ночь. Они уехали вместе?

– Я вам все скажу как на духу, – затараторил слуга, – тем более, что этот бесчестный шевалье, отколотив меня, как собаку...

– Друг мой, – прервал его Сен-Мар, – возьми еще два пистоля!

– Спасибо, сударь! – с чувством произнес Коголен. – Так вот, этот негодный шевалье уехал, не заплатив мне ни гроша. И заявил, что ноги его больше не будет в Париже. А молодая женщина ушла отсюда намного раньше.

– Значит, господин де Капестан отбыл, сказав, что больше не вернется? – нахмурился маркиз.

– Именно так, сударь, я остался без хозяина, – горько вздохнул Коголен.

– Приходи завтра утром ко мне, на постоянный двор «Три короля»! Я возьму тебя на службу, – милостиво промолвил Сен-Мар.

В этот миг у ворот остановились два всадника, которых, казалось, заинтересовал происходивший разговор. Сен-Мар направился к своей лошади, а Коголен, устремившись вперед, чтобы поддержать маркизу стремя, увидел, как всадники поскакали по дороге в Медон. Это были герцог де Ришелье и Лаффема!

Сен-Мар, вскочив в седло, заколебался: то ли ему устремиться к Марион, чтобы броситься ей в ноги, то ли помчаться

ся в Медон, дабы найти и заколоть Капестана. Последнее желание возобладало, и молодой маркиз, пустив коня в галоп, понесся в Медон.

Коголен же, в ярости ворвавшись на кухню, объявил позеленевшему от страха мэтру Люро:

– С вами все кончено! Вы предали моего господина! Можете прощаться с ушами – он вам их отрубит!

Коголен солгал, говоря, будто Капестан уехал навсегда, отколотив его и не заплатив ни гроша. Но он не покривил душой, сказав, что шевалье рано утром отбыл из «Генриха Великого».

В тот момент, когда к воротам гостиницы подлетел Сен-Мар, наш герой неторопливой трусцой ехал по медонской дороге. Упустив возможность встретиться вечером с герцогом Ангулемским, чтобы предупредить отца Жизели о кознях Кончини, юноша решил оправиться к тому месту, где спас красавицу, вырвав ее из рук маршала д'Анкара.

Опустив в задумчивости поводья, Капестан прервался горьким размышлениям:

«Почему не устоял перед натиском этой бешеной чертовки? Из-за нее я все проворонил! Конечно, в голове у меня гудело от шампанского... да и сердце тоже не камень! Ну ладно, распрощались – и слава Богу! Счастливого пути, бедная Марион! Красивая, остроумная... Отчего же мне так грустно? И отчего по-прежнему так тяжело на душе? Дочь принца, внучка короля... кто ты для нее? Успокойся же, Капе-

стан! Ты и глаз не смеешь поднять на дочь монсеньора герцога Ангулемского... ты можешь только умереть с ее именем на устах!»

Вдруг конь Капестана наострил уши и заржал. А всадник услышал у себя за спиной бешеный стук копыт. Шевалье едва успел посторониться: мимо промчалась лошадь, закусившая удила и совершенно обезумевшая.

– Ко мне! На помощь! – кричал юноша в черном бархатном костюме, безуспешно пытаясь остановить взбесившегося коня.

– Несчастный! – прошептал Капестан. – Он разобьет себе голову о какое-нибудь дерево! Оп, Фан-Лэр, оп, оп!

Фан-Лэр стрелой понесся вперед. Расстояние между ним и обезумевшей лошадейю быстро сокращалось. Еще одна секунда, и они оказались почти рядом; последний прыжок – и Капестан настиг молодого незнакомца.

– Смелее! Смелее! Держитесь крепче в седле! – крикнул шевалье.

Юный всадник бросил затравленный взгляд на человека, мчавшегося бок о бок с ним. Внезапно тот пропал из вида! Исчез! Застыл, как вкопанный, оставшись позади, его великолепный конь! И в тот же миг взбесившаяся лошадь затрясла головой, заржав от боли... еще мгновение, и она остановилась!

– Вы спасены, сударь! – произнес чей-то голос. Только тут молодой дворянин в черном костюме увидел человека,

стоявшего на дороге. Капестан, догнав на Фан-Лэре незнакомого всадника, совершил бесстрашный маневр: свесившись вперед, схватился за гриву понесшей лошади и выпрыгнул из седла; Фан-Лэр немедленно замер, а шевалье, цепляясь одной рукой, второй с силой зажал ноздри животного.

Незнакомец, спешившись, проговорил:

– Сударь, я обязан вам жизнью и никогда этого не забуду.

Но Капестан не слушал его, принюхиваясь к резкому запаху, который исходил от лошади.

– Сударь, – сказал наконец шевалье, – ваш конь вдребезги пьян.

Молодой дворянин побледнел.

– О негодяи! – пробормотал он.

– Но теперь вы можете сесть в седло без опаски, – продолжал Капестан, – приступ пьяного безумия миновал, и животное слишком измучено, чтобы понестись вскачь.

«О Орнано! – подумал незнакомец. – О Люин! Значит, вы были правы? Вокруг меня бродит смерть! Все идет в ход, чтобы погубить меня! Лошадь мою напоили допьяна – французский трон мог освободиться из-за глупого несчастного случая! Да, медлить больше нельзя!»

– Сударь, – промолвил он вслух, вскакивая в седло, – я живу в Лувре. Приходите, когда вам вздумается, и спросите господина Витри. Скажите ему только одно слово – Медон – и он будет знать, что делать.

С этими словами незнакомец прищпорил своего коня и

ускакал.

– Клянусь Вакхом! – озадаченно воскликнул шевалье. – Ну и манеры у этого дворянина! Ради него я едва не сломал себе шею, а он мне заявляет: Спросите господина Витри!» Как же, жди: так я и разбежался, знакомиться с этим Витри!

И Капестан, сев на Фан-Лэра, продолжил свой путь.

Примерно в это время из Парижа в Медон выехал отряд из семи человек, которых мы видели во дворце маршала д'Анкра: это были господа Бажорж, Монреваль, Лувиньяк, Шалабр и Понтрай; во главе скакал Кончини в сопровождении неизменного Ринальдо. В глазах маршала полыхал страшный огонь. Напряженно всматриваясь вдаль, Кончини восклицал:

– Быстрее! Мы должны схватить Люина! Никакой пощады, слышите?

Что же произошло? Леонора Галигаи, вернувшись в Лувр часом позже мужа, заперлась в кабинете с каким-то женщиной, и у них состоялась таинственная беседа. Затем женщина нашла Кончини, уже успевшего примириться с Марией Медичи, и шепнула ему на ухо:

– У меня предчувствие, что с королевской лошастью приключится несчастье. Птицелов Люин может этим воспользоваться... Вам надо его опередить... Поезжайте взглянуть, что творится на медонской дороге!

Глава 4

Одиннадцать часов утра. Солнце, почти достигшее зенита, опалляет своими лучами равнины и леса. Изнемогающая от зноя природа погружена в безмолвие. Из двора дома, стоявшего напротив гостиницы «Сорока-воровка», выезжает еще один маленький отряд. Всадников всего трое. Они едут почти шагом; один из этих людей, кажется, просто раздавлен тяжестью навалившейся на него муки. На лицах у всадников маски – и в этом нет ничего удивительного! В ту эпоху путешественники часто предпочитали укрываться от слишком любопытных глаз.

Герцог Ангулемский, принц Конде и герцог де Гиз покидают дом, где собрались, дабы подготовить завершающую встречу заговорщиков, которая должна состояться через три дня в Париже... Однако Карл Ангулемский приехал в Медон не только для того, чтобы плести интриги. Он надеялся повидаться с дочерью...

Но не нашел никого, кроме Виолетты, с которой разговаривать не пожелал. И вот теперь он возвращается, трепеща при мысли о Жизели и раздражаясь проклятиями при воспоминании о Капестане, об этом наглеце, оставившем странную записку. Кто, как не этот человек, похитил Жизель?

Одиннадцать часов утра. Маркиз де Сен-Мар сломя голо-

ву скачет по лесу, устремившись в погоню за ненавистным соперником. Он уже успел побывать в «Сороке-воровке» и все выведал у госпожи Николетты, давней своей знакомой.

Шевалье де Капестан, сообщила трактирщица, заглянул к ней и обмолвился, что возвращается в Париж. Узнав эту новость, Сен-Мар одним прыжком вскочил в седло... И вот он скачет, не разбирая дороги... не замечая, что за ним неотступно следуют два всадника: замирают, когда он останавливается... пускают лошадей в галоп, когда он срывается с места. Этих двоих зовут герцог де Ришелье и Лаффема!

Одиннадцать часов утра. Король Людовик XIII укрылся под сенью буков с пышными кронами. Перед взором юного монарха проходят ужасные видения: словно пропасть разверзлась у его ног, и оттуда один за другим возникают коронованные призраки – с кровавыми ранами или с лицами, искаженными от боли, причиняемой ядом. В измученном мозгу пятнадцатилетнего короля мелькает страшная мысль: никто из его предшественников на троне не умер своей смертью! Жизнь каждого из них оборвало: убийство – явное или скрытое! Когда Людовик наконец возвращается к реальности, в глазах его сверкает мрачная решимость... Именно в этот момент он становится королем!

Полностью овладев собой, монарх отправился на поиски Альбера де Люина. Люин при виде короля испустил радостный крик.

– Да, да, я спасен, мой славный Люин, – проговорил Людовик.

«Спасен! – повторил про себя Люин. – Я спасен!»

Ибо от короля зависело само существование Люина. С юным монархом связывал он самые смелые свои мечты. К государю обращал он взор в надежде свести счеты с Кончини, своим заклятым врагом.

– Сир, нам нужно вернуться в Лувр, – произнес Люин, и голос его все еще дрожал от пережитого волнения. – Ах, как я испугался!

Король, улыбнувшись, повернул коня. Внезапно остановившись, он хлопнул себя по лбу и пробормотал:

– О! Я даже не поблагодарил этого смелого дворянина! Он рисковал ради меня жизнью, даже не зная, кто я такой... а я ускакал, не сказав ему ни единого доброго слова! О, я даже не спросил, как его зовут!

– Сир, Богом молю, вернемся в Лувр! – твердил Люин.

– Нет, Люин, – покачал головой Людовик, – охота продолжается!

Одиннадцать часов утра. Капестан, выручив из беды молодого незнакомца, поехал в Медон. Усевшись за столик в «Сороке-воровке», юноша вновь задумался о Жизели. Когда на колокольне медонского храма пробило одиннадцать, он встал, намереваясь вернуться в Париж, но тут взгляд его вдруг упал на таинственный дом, где он не так давно нашел

превосходный обед, полную экипировку и деньги!

Не в силах справиться с любопытством, шевалье решился! Бегом обогнув стену, он влез в знакомый пролом и подобрался к крыльцу. Внезапно перед Капестаном возникла белая фигура безумной дамы.

Шевалье поклонился ей, но женщина, казалось, ничего не замечала. Глядя вдаль, она произнесла с горечью:

– Герцог Ангулемский, неужели вы забыли свою возлюбленную супругу?

– Герцог Ангулемский? – вскричал Капестан, резко выпрямившись. – Мадам, умоляю вас, выслушайте меня...

– Кто вы? – спросила Виолетта. – Ах да, я вас узнала! Я велела вам прийти не раньше, чем сама вас позову...

– Мадам, одно слово... только одно... – умолял юноша. – Речь идет о жизни человека, которого я поклялся спасти, даже если сам при этом погибну! Вы назвали имя герцога Ангулемского... вы его знаете? Где я могу с ним встретиться?

Виолетта медленно провела рукой по лбу.

– Я подслушивала, – сказала она. – Они говорили о двадцать втором августа. Да, именно так. Вы хотите увидеться с герцогом?

– Чтобы спасти его, мадам! – воскликнул шевалье.

– Прекрасно! Мы его спасем! – промолвила Виолетта. – Приходите ко мне двадцать второго августа, когда солнце сядет за лесом, и я... да... О! Что вы здесь делаете? Слушайте... кто-то плачет!

Безумная, расхохотавшись, бросилась в дом. Капестан устремился вслед за ней, но она обернулась, сделав столь повелительный жест, что юноша попятился.

Вернувшись на постоялый двор, Капестан вскочил на коня и галопом поскакал в лес. В голове у шевалье вихрем проносились мысли:

«Она помешанная... сама не знает, что говорит! Двадцать второго августа, когда сядет солнце... Почему именно этот день, а не какой-нибудь другой?»

Капестан мчался по тропинкам, поворачивая наугад. Внезапно Фан-Лэр замер. Впереди виднелась большая дорога.

– Отчего я так устал? – пробормотал шевалье. – Ладно! Раз глаза у меня слипаются, а Фан-Лэр решил задержаться здесь, то я, пожалуй, вздремну под старой сосной...

С этими словами Капестан спешился, улегся на землю и заснул.

Сен-Мар, побывав в «Сороке-воровке», вновь пустился на поиски, однако на сей раз поехал рысью по парижской дороге. Он обогнал двух всадников в масках, на которых, впрочем, не обратил ни малейшего внимания. Но вот маркиз услышал справа от дороги лошадиное ржание. Около старой сосны стоял оседланный конь, а под деревом спал какой-то человек. Сен-Мар, испустив радостный вопль, спрыгнул на землю с криком:

– Великий Боже! Вот этот негодяй! Вот он, Капитан!

Похоже, шевалье разоспался не на шутку, ибо в ответ лишь со вздохом повернулся на другой бок, как человек, глубоко погружившийся в сладкое забытие. Сен-Мар, выхватив шпагу, яростно топнул ногой.

– Эй! Открывайте глаза, господин де Капестан! – завопил он.

– А, так это и есть знаменитый Капитан? – произнес чей-то голос рядом с Сен-Маром. – Хорош, негодяй...

И Лаффема, показав Ришелье на спящего шевалье и на Сен-Мара, обезумевшего от бешенства, добавил насмешливо:

– Полагаю, мы сейчас увидим отменную схватку. Не зря гонялись по лесу за этим безрассудным мальчишкой...

В этот момент Капестан открыл один глаз и увидел сначала мертвенно бледного Лаффема и мрачного Ришелье. Шевалье невольно вздрогнул.

– Поднимайся, предатель! – взревел Сен-Мар. – Береги уши!

Капестан, открыв второй глаз, заметил шпагу Сен-Мара, сверкавшую на солнце, и улыбнулся.

– Маркиз, вы не дали мне досмотреть такой чудный сон! – потягиваясь, проговорил шевалье.

– Защищайтесь! – завопил Сен-Мар.

– О! – воскликнул Капестан. – Не терпится получить урок, который я еще вчера собирался вам преподать?

С этими словами шевалье вскочил и обнажил шпагу. Два

клинка скрестились, зазвенели, засверкали. Через две секунды клинок Сен-Мара отлетел на десять шагов; Капестан повернулся к Ришелье и Лаффема, тогда как его противник устремился за своим оружием.

– Господа, – промолвил шевалье, – вы, надо полагать, секунданты маленького маркиза? Что же вы стоите? Нападайте!

– Ах, мерзавец! – прорычал Сен-Мар, налетев на Капестана и обрушив на него град ударов. – Капитан с подмостков! Фанфарон! Защищайся!

– Уж как-нибудь! – отвечал шевалье громовым голосом. – Капитан? Хорошо, пусть будет Капитан, черт возьми! Но тебя, юнец, я одолел бы и голыми руками!

– Ты боишься атаковать! – взревел Сен-Мар.

– Опасаюсь тебя зашибить! – насмешливо заявил Капестан.

Шпага Сен-Мара вновь отлетела в сторону.

– Ну же, господа, нападайте! – обратился шевалье к зрителям. – Для Капестана вас не слишком много!

– Капестан? – проскрежетал чей-то голос. – Это он! Наконец-то!

Всадник в маске, которого сопровождали двое мужчин, чьи лица также были скрыты, соскочил с коня на землю и, устремившись к Сен-Мару, что-то быстро шепнул маркизу на ухо.

– Монсеньор, – умоляюще воскликнул Сен-Мар, явно не

желая уступать своего права биться с шевалье.

– Если он убьет меня, вы отомстите за герцога Ангулемского, – заверил маркиза человек в маске.

– Будь по-вашему, монсеньор, я не смею с вами спорить, – вздохнул огорченный Сен-Мар.

– Ну, когда же вы решитесь? – проворчал Капестан. – Вперед! Теперь вас шестеро... можно, наконец, размяться!

– Всем назад! – приказал всадник в маске. – Я буду драться с ним один на один! Сударь, вы действительно шевалье де Капестан? – обратился он к юноше.

– Адемар де Тремазан, шевалье де Капестан, к вашим услугам! – поклонился тот. – А вы?

– Мое имя не из тех, что произносят во всеуслышание! – отрезал человек в маске. – Скажите, это вы оставили записку известного содержания в одном из домов Медона?

«Владелец зачарованного замка!» – подумал шевалье. А вслух проговорил:

– Да. Но должен вам сказать...

– Вы виновны в подлом преступлении! – завопил мужчина в маске.

– Ах так! Эти слова, сударь, я вколочу вам в глотку! – расвирепел Капестан.

– Мерзавец, я убью тебя! – взревел его новый противник. – Но сначала признайся, где искать похищенное тобой!

– Клянусь крестом Господним! – бушевал юноша. – За это оскорбление вы заплатите мне жизнью!

И Капестан ринулся на герцога, но в ту же секунду мозг его пронзила мысль:

«Я не могу убить этого человека, пока не верну то, что взял у него взаймы!»

Ожесточенная безмолвная схватка длилась две минуты – шевалье не нападал, а только парировал удары.

Внезапно на дороге остановилось несколько всадников. Увидев Капестана, они переглянулись в изумлении и страхе, а затем, спешившись, подошли поближе.

– Кончини! – прошептали одновременно герцог де Гиз и принц Конде, увлекая в сторону герцога Ангулемского.

– Неужели? – промолвил тот. – К нам прибыл синьор Панталоне, именуемый также Кончино Кончини? И прославленный Ринальдо, парижанин с Блошиного рынка? И вся прочая свора? Добрый день, любезные господа!

Изумление Кончини и его банды сменилось яростью.

– Это он! – прошипел маршал д'Анкр. – Он! Живой!

– Смерть ему! Руби! Коли! – завопили Шалабр, Лувињьяк, Монреваль и остальные головорезы.

Капестан, прислонившись спиной к дереву, бесстрашно взирал на своих врагов.

Герцог Ангулемский, маркиз де Сен-Мар, Ришелье, Кончини! Чудовищный квартет, источающий ненависть! А кругом – их не менее злобные приспешники!

Презрительно выпятив губу, шевалье насмешливо бросил:

– Кто желает первым попасть на мой вертел? Прошу господа!

Словно обожженные ударом хлыста, все кинулись на Капестана, страшного в своем ликовании... все как один, не исключая и Сен-Мара, который кричал:

– Он мой! Оставьте его мне!

– Опустить шпаги! – загремел чей-то голос. – Назад!

Все головы повернулись к новому участнику сцены. Все лица побледнели. Гиз, Конде и герцог Ангулемский, вскочив на коней, мгновенно исчезли. Сен-Мар тихонько отошел в сторону. Ришелье отступил в тень деревьев. Лаффема юркнул в кусты.

– О! – прошептал Капестан. – Тот самый маленький дворянин, пьяную лошадь которого я остановил!

Кончини, картинным жестом обнажив голову, произнес торжественно и звучно:

– Его Величество! Шляпы долой, господа!

– Да здравствует король! – хором возгласили убийцы.

– Король! – пробормотал Капестан в величайшем изумлении.

Людовик XIII двинулся вперед. Люин и дворяне из свиты застыли, ожидая распоряжений. Кончини тихо скрежетал зубами. С королевской лошастью все было в порядке. Обещанного Леонорой несчастного случая не произошло!

– Что тут за сражение? – осведомился юный монарх.

– Сир, – ответил шевалье, – я обещал продемонстриро-

вать этим господам преимущество французской школы фехтования.

И Капестан отсалютовал Людовику шпагой, одновременно щелкнув каблуками, а затем вложил клинок в ножны. Король на какое-то мгновение залюбовался этим лицом, словно отлитым из бронзы.

– Сударь, – сказал он наконец, – недавно вы, рискуя жизнью, спасли своего государя. Тогда я совершил оплошность, не успев спросить вас, кому сын Генриха IV обязан тем, что продолжает царствовать. Так назовите же ваше имя, храбрый дворянин!

«Значит, несчастный случай все-таки был! – злобно подумал Кончини. – Леонора не ошиблась. Если бы не Капестан, я уже завтра сидел бы на троне!»

– Сир, дворянина, которому оказана высочайшая честь разговаривать с Вашим Величеством, зовут Адемар де Тремазан, шевалье де Капестан, – звонко произнес молодой человек.

Король слегка склонил голову.

– Сир, – воскликнул Кончини, – я сочту за честь сопровождать вас в Лувр вместе с моими людьми.

Людовик XIII, едва удостоив маршала взглядом, холодно заявил:

– Не нужно! Со мной поедет шевалье де Капестан.

Кончини помертвел.

– Опала! – еле слышно пробормотал он. – Это опала! Разве что...

А Капестан с бьющимся сердцем прошептал:

– Внимание, шевалье, не упусти своего счастья! Вскочив на Фан-Лэра, он ожидал только знака короля, чтобы тронуться в путь.

– Господа, извещаю вас, что шевалье де Капестан отныне входит в число моих друзей, – громко объявил Людовик. – Враги моих друзей – мои враги.

Все головы почтительно склонились. Юный король направил коня к парижской дороге. Капестан гарцевал рядом с ним. Следом ехали Люин и придворные.

Сияющий шевалье, гордо подбоченясь, покачивался в седле; молодому человеку уже казалось, что будущее его обеспечено. Однако у городских ворот Людовик XIII остановился и проговорил:

– Благодарю вас, господин де Капестан. Помни те о том, что я сказал вам. Если вы захотите повидаться со мной, приходите в Лувр и спросите Витри.

Король пришпорил своего коня, и через несколько мгновений оглушенный Капестан остался один.

– О! – проговорил он. – Похоже, добиться успеха будет потруднее, чем я предполагал!

Шевалье был не слишком доволен обхождением монарха, собственное же положение расценивал, как весьма опасное. Там, под сосной, он встретился с четырьмя людьми, чья ненависть не знала границ: в полных ненависти взорах Кончини, Ришелье, Сен-Мара и герцога Ангулемского явствен-

но читался смертный приговор, вынесенный ему, Капестану. Сам же шевалье знал только двоих из этого квартета – Кончини и Сен-Мара. Он не сообразил, что под одной из масок скрывался герцог Ангулемский, а епископа Люсонского никогда прежде не видел – однако понимал, что эти двое будут столь же беспощадны и жестоки, как маршал д'Анкр и молодой маркиз. Догадываясь о могуществе своих врагов, юноша говорил себе, что рано или поздно их общая злоба уничтожит его. Неприятностей можно было ожидать и от Лаффема: Капестан заметил, как тот подкрадывался к дереву сзади, чтобы нанести ему, шевалье, удар в спину.

Прошло несколько дней. Наступило двадцать второе августа – та самая дата, о которой сказала Капестану Виолетта... Впрочем, безумная женщина вряд ли сознавала, что говорит!

В этот день около шести часов вечера Кончини сидел в своей комнате, а вокруг суетился его слуга Фьорелло. Маршал был мрачен: нахмурил брови и сжав губы, он предавался горьким раздумьям; пока Фьорелло причесывал его, завивал ему бороду и усы, прыскал духами и оправлял великолепный костюм из вишневого атласа с множеством лент, алмазных застежек и золотых заколок.

Когда туалет был завершен, Кончини, накинув на плечи бордовый атласный плащ, встал перед громадным зеркалом. Обращаясь к человеку, сидевшему верхом на стуле и внима-

тельно наблюдавшему за этой сценой, маршал угрюмо спросил:

– Что скажешь, Ринальдо? Как я тебе? Говори без стеснения...

Ринальдо лишь присвистнул в знак восхищения.

– Да, – продолжал Кончини, – роскоши моих нарядов завидуют многие знатные вельможи. Женщины считают меня красивым. И они правы. Но что мне до этого, если она пренебрегает мной?

– Вы можете отомстить ей! – заметил наперсник.

– Каким образом? – простонал Кончини. – Она влюблена... и знаешь, в кого? Клянусь всеми демонами ада, ей вскружил голову проклятый Капитан!

Ринальдо заскрежетал зубами.

– Есть новости? – осведомился Кончини, помолчав.

– Пока нет, – мрачно откликнулся его собеседник. – Капитан неуловим. Мы не можем его найти.

– Я переверну всю Францию, но отыщу его... живым или мертвым! – злобно прошипел маршал. – Прощай, Ринальдо, мне пора в Лувр. Придется строить глазки Марии... – тяжело вздохнул он. – Зато, быть может, удастся увидеть и ее пленницу!

– Минутку, монсеньор! – вскричал Ринальдо. – По-моему, вы собирались потолковать со мной о серьезных вещах. С Капестаном все ясно. Он умрет, это неизбежно. Но мы должны думать не только о Капестане.

– К чему ты клонишь? – нетерпеливо спросил Кончини.

– К тому, монсеньор, – ответил Ринальдо, – что если вас станут именовать «сир», дочь герцога Ангулемского не посмеет отказать вам!

– Ты думаешь? – задыхаясь, воскликнул Кончини.

– Монсеньор, вы обещали сделать меня герцогом и губернатором Иль-де-Франса, если я помогу вам стать владыкой мира, – проговорил наперсник. – Я рискую головой, монсеньор! Я уже не просто Ринальдо, я ваш сообщник!

– Чего ты хочешь? – пробормотал испуганный Кончини.

– Я хочу, чтобы вы назначили время, когда мы двинемся на Лувр! Но сначала скажите мне, сумела ли синьора Леонора повидаться с герцогом Ангулемским? – осведомился верный слуга.

Кончини, поигрывая рукоятью кинжала, холодно заявил:

– Ты все узнаешь в положенный час, мой славный Ринальдо. Будь спокоен. Да, Леонора виделась с герцогом. А помогла ей в этом Жизель. Герцог Ангулемский поверил, что я действую в его интересах... и теперь он нам не опасен. Не суетись и не торопи события. Ты получишь и герцогство, и губернаторство... но момент для этого пока не настал!

– Что я должен буду сделать? – прохрипел Ринальдо, дрожа от волнения.

– Ты схватишь Карла Ангулемского в тот самый миг, когда он приготовится принять корону из моих рук, – усмехнулся маршал.

– Ах, я отдал бы пять лет жизни, если бы это случилось уже сегодня вечером, сир! – простонал Ринальдо.

Кончини устремился к двери, дабы скрыть, в какое смятение повергло его впервые услышанное обращение – сир!

– Подождите! – поспешно вскричал Ринальдо. – Это еще не все!

– Что такое? – недовольно обернулся маршал.

– Монсеньор, – зашептал Ринальдо, – когда вы признались, что дочь герцога Ангулемского вас ненавидит, я ответил вам: «Она вас полюбит!» Когда вы сказали, что она вами пренебрегает, я ответил: «Отомстите!» Монсеньор, я принес вам месть вместе с любовью. Вот что я раздобыл у Лоренцо, торговца травами с моста Менял.

Кончини дрожащей рукой схватил флакон, протянутый Ринальдо.

– По три капли каждый вечер, – продолжал верный слуга. – В вино, в воду или в липовый отвар, в течение недели... и она полюбит вас. Лоренцо никогда не ошибается. Монсеньор, можете мне поверить, она отдаст вам свое сердце! Она будет вашей!

– Неделя! – прошептал Кончини, вспыхнув. – Семь дней! Семь веков! Пусть так! Мне удалось подкупить служанку, приставленную к ней королевой. Сегодня же вечером мы начнем!

И Кончини бросился во двор, где его ожидала карета.

– В Лувр! – приказал маршал, сев в экипаж. Карета тро-

нулась с места и понеслась по мостовой в сопровождении эскорта из двенадцати дворян.

К тому моменту, когда над Парижем начали сгущаться сумерки, недалеко от моста Менял остановился портшез⁸. Из него вышла дама в черном одеянии; лицо ее скрывала густая вуаль. Женщина приблизилась к одному из домишек, который притулился к нижним перилам почти в самой середине моста. Это жилище производило унылое впечатление. Оба крохотных оконца были наглухо закрыты ставнями, дверь, обитая полосами железа, крепко заперта.

Женщина постучала особым образом, и вскоре послышался шум отодвигаемых засовов, а затем скрежет ключа, поворачивавшегося в замке. Дверь приоткрылась ровно настолько, чтобы можно было проскользнуть в щель, и тут же снова захлопнулась. Лишь теперь дама подняла вуаль; под ней обнаружилось бледное лицо Леоноры Галигаи.

Гостю встречал крохотный человечек, почти карлик – тщедушный и уродливый, но с горящим пронзительным взором; ремеслом этого жалкого создания было изготовление ядов – мановению этих слабеньких ручек подчинялась сама смерть.

Карлика звали Лоренцо. Он был родом из Флоренции и занимался продажей трав: иными словами, торговал жизнью и смертью, ненавистью и любовью. Все парижские тайны

---

⁸ Портшез – легкое переносное крытое кресло, в котором можно сидеть полулежа.

брали свое начало в этой лавчонке, пропитанной ароматами сушеных растений, развешенных везде и всюду. Наверху находилась лаборатория, куда, кроме хозяина, не входила еще ни одна живая душа.

Леонора Галигаи и Лоренцо какое-то время пристально смотрели друг на друга.

– Он приходил, – промолвил наконец Лоренцо, – приходил сегодня. Хо-хо-хо! Синьора, вашему благородному супругу не терпится!

– Ринальдо был здесь? – спросила Леонора, вздрогнув. – Ты дал ему то, что хотел Кончини?

– Да, синьора, флакончик с пятьюдесятью каплями драгоценной жидкости... – кивнул карлик. – Котя подождите! Господи Иисусе! Неужели я мог так ошибиться? Да, увы, я ошибся! Посмотрите на эту полочку! Тут стояло два флакона! О, какое несчастье! Кажется, я дал не тот, что нужно.

Взобравшись на табурет, Лоренцо дотянулся до полочки и схватил стоявший на ней флакон.

– Торопитесь, синьора! – вскричал он. – Ах, проклятая рассеянность! Бедная девушка...

– Хватит ломать комедию! – прервала карлика Леонора. – Лучше скажи, какое действие произведет этот яд.

Лоренцо поставил на стол снятую с полки бутылочку.

– Извольте, – сказал он холодно. – В течение недели девушка будет получать по три капли каждый вечер... я дал подробные инструкции Ринальдо. Через семь дней не будет

еще ни малейших признаков недомогания. Но в одно прекрасное утро – на десятый день – на лбу или на щеке выскочит крохотный ярко-розовый прыщик. Через несколько дней этими прыщами покроется все лицо – сливаясь, они образуют язвочки. Затем начнут выпадать ресницы, волосы, брови... потом вывалятся зубы. Боли не будет. Небольшая лихорадка, но она скоро пройдет. Язвочки постепенно подсохнут. Это конец. На месте каждой язвы, возникнет черная дыра. Тогда, синьора, эта девушка – с беззубым ртом, с лысой головой, с кожей в дырах и шрамах – превратится в старуху, мерзкую дряхлую старуху, которой останется только умереть.

Леонора Галигаи с жадностью внимала карлику, хладнокровно живописующему картину страшного разрушения юной красоты. Когда Лоренцо умолк, женщина погрузилась в грезы, наслаждаясь грядущей мезтью.

– Лоренцо, – промолвила наконец Леонора, – ты создал изумительное зелье. Это подлинный шедевр! Я щедро вознагражу тебя!

Торговец травами, улыбнувшись, пожал плечами.

– Зелье, которое я подсунил Ринальдо, – равно душно заметил он, – это всего лишь детские игрушки. Его знает любая египетская цыганка. Но одним шедевром я могу похвастаться. Этот состав изобрел я! И больше он никому неведом!

Леонора вздрогнула. В ее черных глазах вспыхнуло пламя.

– Вот мой шедевр! – продолжал Лоренцо, любовно беря в руки флакон. – Конечно, аква тофана, которую я, впрочем, усовершенствовал, хороша... вы не раз пользовались ею, *сага сигнога*. Аква тофана убивает, не оставляя следов. О да, есть чудесные яды! Но все они – безделица в сравнении с этой царственной жидкостью, подлинной королевой отравы! Великолепный, совершенный состав, который я изобрел и тайну которого унесу с собой в могилу.

Поставив склянку на стол, карлик добавил:

– Ни слава, ни деньги меня не прельщают. Я жалкий ублюдок, недоносок, отброс творения... Я мог бы упиваться ненавистью ко всему человечеству.

Я мог бы, с помощью могучего ума, дарованного мне природой, достичь вершин власти и богатства. Но мне это не нужно. Я ощущаю прилив гордости и воспаряю духом, когда из моих колб и реторт является на свет новое вещество, когда обретает плоть мечта, порожденная сочетанием божественных цифр. Эта тайна умрет вместе со мной, и никто не пустит в ход яд, работе над которым я отдал десять лет жизни. Испытав его один раз – только один раз! – я брошу флакон в огонь. Впрочем, в любом случае потребовалось бы не меньше года, чтобы раздобыть все необходимые ингредиенты.

Лоренцо умолк. Дрожа всем телом, Леонора не сводила с карлика горящего взора.

– Лоренцо, – проговорила она глухо, – ты сказал, что хо-

честь испытать этот яд...

– Только один раз! – прошептал карлик, подняв на Галигаи свои удивительно ясные, блестящие глаза. – Но это должно быть достойное испытание, вы понимаете? В моем жалком существовании у меня есть единственная радость. Мне нравится наблюдать за человечеством, словно за гигантским муравейником. Насекомые, которые суеются и мечутся в разные стороны, – это люди. Меня греет мысль, что я могу управлять их судьбами – любопытно посмотреть, что получится, если слегка разворошить кучу палкой. Вот знатный вельможа, желающий убить свою жену. Брат, жаждущий разделаться с братом. Но чаще всего женщина стремится избавиться от соперницы. Однако на сей раз мне бы хотелось, чтобы мой шедевр разорил весь муравейник, оглушил всех насекомых... Тогда я мог бы сказать себе: «Эта катастрофа вызвана мною!» Разжечь гражданскую войну в таком королевстве, как Франция! Пробудить честолюбие в душах дюжины претендентов на трон! Наблюдать за их схватками и отчаянной борьбой! Вот моя мечта! И тогда я говорил бы, сидя в своей дыре: «Это я разворошил муравейник! И для этого понадобилось налить всего лишь несколько капель моего изумительного состава в холодный бульон, который каждый вечер подают королю Франции!»

Леонора, испустив вопль, с ужасом уставилась на Лоренцо.

– Демон! – прохрипела она. – Ты прочел мои мысли!

Лоренцо лишь улыбнулся... Опустив голову, он на несколько минут глубоко задумался. А когда заговорил, то по-прежнему глядел в пол:

– Я изобрел смертельный яд, но разделил его на две безвредные части... вот и весь мой секрет. Каждое из этих снадобий по отдельности не представляет для человека никакой опасности. Только при соединении возникает их страшная разрушительная сила. Я назвал одну половину – позитивным, а другую – негативным ядом. Негативный яд сам по себе не убивает. Позитивный яд сам по себе тоже безвреден. Вот вам флакон: в нем содержится мой негативный яд. Тот, кто получит сегодня вечером эту дозу, будет нести в себе отраву – но при этом жить, не испытывая ни какого недомогания. Теперь представим, что через десять дней или через десять лет вы обрызгаете пре лестную розу моим позитивным ядом. Ароматом этого цветка без всякой опаски смогут наслаждаться все – вы, ваш супруг, я, множество других людей. Он безвреден для любого человека, не отравленного негативным ядом. Но если эту розу понюхает тот, кто прежде проглотил содержимое флакона... Тогда оба яда – негативный и позитивный – войдут в соприкосновение друг с другом. И смертоносная сила из начального яда проявится во всей своей полноте. В нужное вам мгновение обреченный рухнет замертво, но никому не придет в голову заподозрить розу, которую нюхали все!

Лоренцо улыбнулся, а Леонора Галигаи, с жадностью

схватив крошечный флакон, спрятала его на своей груди.

– Когда же, – проговорила она, задыхаясь, – когда вы дадите мне другой яд... Тот, что, соединяясь с первым... поражает насмерть?

– Иными словами, позитивный, мадам? – спокойно уточнил карлик. – Ту самую розу? Когда вы захотите! Я пришлю вам целый букет.

Леонора направилась к выходу, но на пороге обернулась и глухо произнесла:

– Никому ни слова! Вознаграждение будет сказочным... как я тебе и обещала! Но никому ни слова!

Лоренцо только пожал плечами, а его гостя мгновенно исчезла во мраке ночи. Карлик тщательно запер дверь на все засовы, и лишь тогда его уродливое тельце затряслось в приступе беззвучного смеха.

– Никому ни слова? – прошептал Лоренцо. – А как же зрелище, которым я хочу насладиться? О нет! Пусть они убивают друг друга на моих глазах. Я жажду отомстить всему человечеству за свое несчастье!

Сев за стол, торговец травами быстро написал следующее послание:

«Монсеньор, сегодня вечером Леонора Галигаи отравит короля Франции, и тот, судя по всему, умрет через неделю. Если вы не хотите, чтобы корона попала в недостойные руки, будьте наготове!»

Затем карлик постучал палкой в потолок. На верхней сту-

пеньке деревянной лестницы появился человек гигантского роста.

Лоренцо сделал великану знак, и, когда тот спустился, передал этому человеку запечатанное письмо со словами:

– Вручишь герцогу Ангулемскому. Если он спросит, кто тебя прислал, объяснишь, что это весточка от карлика, предсказавшего ему в Медоне королевский трон.

* * *

После встречи с юным монархом, Кончини, Ришелье, герцогом Ангулемским и маркизом Сен-Маром Капестан вернулся в гостиницу «Генрих Великий», где Коголен сразу же доложил своему господину, что молодой маркиз поскакал за шевалье, горя желанием отправить его на тот свет.

– Я знаю, – отмахнулся Капестан, – он сумел меня разыскать.

– Значит, он вас не убил, сударь? – просиял Коголен. – Тогда, значит, господина маркиза больше нет в живых...

– Ошибаешься, он цел и невредим, – ответил шевалье. – Но разъярился пуще прежнего. Однако не пора ли обедать? – поинтересовался молодой человек.

– Конечно, сударь, – воскликнул Коголен, указывая на уже накрытый стол.

Когда шевалье насытился, верный оруженосец убрал грязные тарелки и отправился к хозяину постоялого двора.

– Мэтр Люро, – промолвил он, – мой господин прощает вас за то, что вы разгласили, какую честь он вам оказал, поселившись здесь.

– Ах, дражайший Коголен, – воскликнул Люро, – вы принесли мне счастливую весть, и если стакан доброго испанского вина может...

– Вижу, у вас доброе сердце, – вздохнул слуга Капестана. – Это крайне огорчительно для моего хозяина, ибо он намеревается вырвать вам язык...

– Вырвать мне язык? – заверещал трактирщик. – Да ваш хозяин рехнулся!

– Вовсе нет, – покачал головой Коголен. – Просто король поручил ему одно секретное дело... но все может провалиться, если враги Его Величества узнают, что господин шевалье живет в вашей гостинице.

Мэтр Люро хлопнул себя по лбу. – Теперь я все понял! – вскричал он с таинственным видом. – Вот отчего приходил сюда епископ Люсонский...

– Ах, епископ Люсонский? Собственной персоной? – поднял бровь Коголен. – Поручение Его Величества и в самом деле таково, что прелаты могут взбелениться... затронуты их интересы!

– О! Меня уже ничто не удивляет! – воскликнул мэтр Люро. – Каждому известно, каким влиянием обладает господин де Ришелье.

– Очень хорошо! – кивнул оруженосец. – Вы должны от-

важивать любых епископов, каноников, кюре и кардиналов, если те начнут здесь шляться... Они шпионят за моим хозяином. И смотрите... ежели что...

Мэтр Люро торжественно поклялся никому не говорить, что шевалье де Капестан по-прежнему пребывает в его достопочтенном заведении. И в результате в последующие дни Капестана, не подозревавшего ни о чем, берегли как зеницу ока: Сен-Мар, наведавшись в гостиницу «Генрих Великий», удалился в убеждении, что соперник сумел от него ускользнуть; Лаффема, заглянув распить бутылочку с мэтром Люро, даром потратил время и деньги, поскольку шпиону пришлось смириться с тем, что шевалье сменил место жительства.

Этими двумя вылазками дело и ограничилось. Никто не потревожил Капестана вплоть до двадцать второго августа – дня, которого молодой человек ждал с лихорадочным нетерпением, ибо в душе шевалье еще сохранялась слабая надежда отыскать след герцога Ангулемского, а, значит, и увидеться с Жизелью...

Двадцать второго августа Капестан выехал из «Генриха Великого» в сопровождении Коголена с таким расчетом, чтобы оказаться у таинственного дома точно на закате солнца. Очутившись в Медоне, шевалье с бьющимся сердцем направился к заветному крыльцу... И внезапно вздрогнул. Виолетта, верная своему слову, появилась на пороге особняка.

Спешившись, Капестан почтительно поклонился безум-

ной женщине, но та, казалось, не видела его. Устремив взор к горизонту, она шептала что-то невнятное. Вдруг взгляд ее упал на шевалье, и она улыбнулась.

– Мадам, – произнес Капестан, – когда я имел честь разговаривать с вами на этом самом месте, вы сообразовали назначить мне свидание. Вы произнесли: «Двадцать второго августа, когда солнце сядет за лесом».

– Двадцать второго августа! – повторила помешанная. – Где же я слышала эти слова? О мой Карл, ведь это ты стоял тогда за дверью?

Капестан затаил дыхание. Но Виолетта умолкла. Было очевидно, что она мучительно пытается пробудить почти угасшую память.

– Что же еще я услышала? – вновь заговорила безумная. – Да, эти слова промолвил Карл... А потом раздался другой голос: «Герцог Ангулемский, настало время действовать!»

– Герцог Ангулемский! – глухо отозвался шевалье.

– Карл отвечает! Он говорит им... Двадцать второго августа... да, именно это число! Дом на берегу реки... мой дворец... Что же еще? Что? О! Слова на бронзовой табличке! К ним нужно притронуться пальцами... О! Я помню... помню... чарую... чарую...

– «Чарую все»! Девиз Мари Туше, выгравированный в бронзе при входе во дворец герцога Ангулемского! – вскричал шевалье. – Теперь я знаю тайну этой двери! Теперь я спасу отца, как спас дочь!

Помешанная, подойдя к шевалье, взяла его за руку.

– Вы мне нравитесь, – сказала она с улыбкой. – Хотите, погадаю вам по ладони? Что я вижу? Опасности... кровь... много крови... и кругом враги! Бегите, мальчик мой, бегите! Остерегайтесь всего! Берегитесь воздуха, которым дышите, девушки, что вам улыбается, раскрытых объятий и жарких поцелуев... бегите, спасайтесь, прячьтесь...

Женщина внезапно разразилась смехом, и, выпустив руку Капестана, медленно поднялась по ступеням крыльца. Через минуту ее уже не было. Капестан, вскочив на Фан-Лэра, галопом помчался в Париж. До «Генриха Великого» юноша добрался, когда уже совсем стемнело. Лошадей отвели на конюшню, а затем наш искатель приключений поспешно вышел из дома. Коголен следовал за своим господином, вооруженный двумя кинжалами и пистолетом.

Подойдя к дворцу герцога Ангулемского, Капестан услышал, как на колокольне храма Сен-Жермен-л'Озерау бьет одиннадцать часов. Коголен остался сторожить на углу, а Капестан, приблизившись к дверям безмолвного дворца, стал нажимать одну за другой буквы, которые складывались в слова «Чарую все».

Дверь не шелохнулась! Шевалье пробормотал: – Я сам лишился разума, поверив речам несчастной помешанной! О! – добавил юноша, вздрогнув. – Она не говорила, что надо до-трагиваться до букв... она сказала, что следует коснуться слов. Ну, попытаемся! Безумие или мудрость!

Он сильно надавил большим пальцем на дощечку со словом «Чарую». Дверь не тронулась с места. Настала очередь слова «все». Едва Капестан коснулся его, как почувствовал, что бронзовая табличка поддалась. И дверь отворилась!

Шевалье шагнул на порог. Внезапно юношу охватило какое-то дурное предчувствие, и он невольно положил руку на эфес шпаги. Капестану показалось, что перед ним раскрылся могильный склеп. Дверь бесшумно захлопнулась за его спиной... Зловещее молчание царило в ледяной атмосфере дворца.

Мало-помалу глаза Капестана привыкли к темноте, и он различил где-то вдали слабый мерцающий свет. Двинувшись на этот огонек, шевалье вскоре понял, что идет по длинному узкому коридору с голыми стенами к небольшой ротонде. «Путеводная звезда» оказалась лампой, стоявшей на стуле и освещавшей верхние ступени лестницы, которая вела из ротонды куда-то вниз. Шевалье бестрепетно начал спускаться.

«Мне предстоит, – подумал он, – увидеть повторение сцены, происходившей в «Сороке-воровке». Здесь гнездо заговорщиков. Герцог Ангулемский хочет стать королем. Герцог де Гиз хочет стать королем. Принц Конде хочет стать королем. Сколько королей на одно королевство! А как же быть с Его Величеством Людовиком XIII? Его низложат? Бедный малыш! Мне он нравится куда больше, чем все эти господа, вместе взятые!»

Внезапно шевалье обнаружил, что находится в довольно

просторном подземелье четырехугольной формы. Откуда-то доносился смутный гул голосов. Прямо напротив того места, где стоял Капестан, начиналась вторая лестница, ведущая куда-то еще ниже. С правой стороны виднелась распахнутая дверь; с левой их было целых три, причем лишь средняя – закрыта.

Именно за ней и слышался шум. Капестан направился к этой двери, намереваясь толкнуть ее, но тут чей-то голос громко произнес:

– Никто не знает, как проникнуть во дворец, мы можем говорить здесь без опаски. Но раз принц выразил такое желание, выйдите на всякий случай, Сен-Мар, и побудьте у лестницы.

– Слушаюсь, монсеньор, – ответил хорошо знакомый Капестану баритон маркиза.

Однако и первый голос показался шевалье знакомым! Повинуясь инстинкту, юноша юркнул за одну из раскрытых дверей – и сделал это как раз вовремя; в четырехугольном подвале появился Сен-Мар и поднялся на свой пост по той лестнице, по которой только что спустился Капестан.

«Мужчина, отдающий распоряжения, – подумал шевалье, – должно быть, сам герцог Ангулемский! Но ведь это именно тот дворянин, который хотел меня убить в Медонском лесу! Отец девушки, которую я люблю больше жизни! Человек, которого я пришел спасти! О! Мне необходимо во всем разобраться – пусть даже я поплачусь за это головой!»

Шевалье выскользнул из своего укрытия и вдруг застыл, как вкопанный. Сен-Мар, выходя, оставил приоткрытой дверь таинственной комнаты, где собрались заговорщики. И Капестан по костюму признал человека в маске, нанесшего ему оскорбление на медонской дороге! Значит, это и в самом деле был Карл Ангулемский!

А герцог, между тем, заговорил вновь:

– Господа, мы возглавляем мощное движение... и уже завтра утром нам следует быть готовыми к решительным действиям! Ибо сегодня ночью король Франции будет отравлен!

Последние слова громом прогремели в ушах у Капестана, и из груди шевалье невольно вырвался ужасный крик. В комнате, где находился герцог Ангулемский, на мгновение воцарилась тишина, а затем восемь человек с воплями бросились к двери.

– Капестан! – взревел герцог Ангулемский, узнав шевалье. – Негодяй! Сейчас ты умрешь!

– Смерть ему! – раздался сзади голос Сен-Мара.

В любой другой ситуации все эти дворяне, принадлежавшие к знатнейшим родам Франции, сочли бы за бесчестье напасть ввосьмером на одного-единственного противника. Но этот человек раскрыл их тайну. На карту была поставлена жизнь, и все понятия о рыцарстве перестали для них существовать.

А в мозгу герцога Ангулемского молнией сверкнула мысль, что Леонора Галигаи заманила его в ловушку! Ло-

вушкой были ее клятвы и обещания поддержать заговорщиков! Ловушкой было и письмо Лоренцо, доставленное два часа назад!

– Это шпион Кончини! – воскликнул претендент на трон.

Капестан же, едва увидев, как распахнулась настежь дверь и как сверкнули шпаги дворян, ринувшихся на него, словно полчище демонов, мгновенно обрел все свое хладнокровие. Отпрыгнув в сторону, шевалье выхватил шпагу, и его великолепное мулине заставило атакующих отпрянуть назад. Но внезапно послышался громкий треск, и шевалье обнаружил, что держит в руке обломок шпаги. Клинок не выдержал стремительных движений юноши и разлетелся на куски!

Под сводами подземелья прокатился клик радости и злобного торжества... Восемь шпаг нацелилось в сердце Капестана. Расхохотавшись, молодой человек скрестил руки на груди, чтобы принять смерть с отвагой Капитана из комедии, и мысленно произнес:

«А ведь я приехал в Париж искать удачу!»

Пока карета катила к Лувру, Кончини ни на секунду не выпускал из рук драгоценный флакон, который принес ему Ринальдо.

В сопровождении своих дворян Кончини поднялся по лестнице, ведущей в покои королевы-матери. Внезапно маршал нахмурился. Гвардейцы не отсалютовали ему, а капитан Витри не соизволил даже оглянуться при его появлении.

Кончини, приблизившись к капитану, бесцеремонно хлопнул его по плечу.

– Ну, мой славный Витри, – проговорил маршал, – как прикажете это понимать?

– Я всего лишь исполняю приказ, монсеньор, – ответил офицер. – Мне были отданы соответствующие распоряжения.

Фаворит попятился, охваченный страшным предчувствием. Неужели он слишком поздно приступил к осуществлению плана, который должен был привести его, Кончини, на трон? Неужели Людовик XIII заподозрил маршала д'Анкра в измене?

Бледный от ярости, фаворит прошествовал из галереи в маленькую пустую комнату. Кончини ждал... Портьера на стене слегка заколебалась, но маршал, занятый своими мыслями, не обратил на это внимания. Так прошло несколько минут. Затем Кончини тихонько постучал в дверь, которая находилась в стене, противоположной той, что была задрапирована портьерой. Дверь открылась, и на пороге появилась молоденькая горничная.

Кончини вытащил из кармана набитый золотом кошель. Служанка алчно схватила тяжелый мешочек.

– Ты мне по-прежнему верна? – прошептал фаворит.

– Конечно, монсеньор, раз вы мне платите, – ответила девушка.

Кончини тут же достал крохотный флакончик, получен-

ный от Ринальдо, и протянул служанке.

– Слушай, – проговорил он глухо, – ты должна давать ей по три капли каждый вечер в течение недели.

– Яд? – воскликнула горничная, невольно повысив голос.

– Молчи, несчастная! – прошипел маршал. – Это вовсе не яд. Поняла? Когда она выпьет флакон до дна, полюбит меня!

– Эликсир любви... – сообразила горничная.

– Да! – мрачно кивнул Кончини. Портьера снова шевельнулась.

– Что ж, если речь идет о нежных чувствах, вы можете на меня рассчитывать, монсеньор, – улыбнулась служанка.

Едва Кончини покинул комнату, как портьера поднялась, и появилась Мария Медичи.

– Мадам, – прошептала горничная, – он хочет, чтобы...

– Я слышала, – оборвала ее королева.

Схватив флакон, она швырнула его на пол и раздавила каблуком. Этот жест был не поступком королевы, а выходкой сорокалетней женщины, готовой на все, чтобы защитить свою любовь в схватке с юной соперницей.

– Джузеппа? – задыхаясь, повернулась к служанке Мария Медичи.

– Да, Ваше Величество? – поспешно откликнулась горничная.

– Этой девушке не пристало больше оставаться в Лувре, – заявила королева. – Мой дворец – не тюрьма. С наступлением темноты выведешь ее отсюда.

– Слушаюсь, мадам, – присела в реверансе Джузеппа. – А потом?..

– Пусть идет, куда хочет! – мрачно проговорила Мария Медичи. – По крайней мере, я от нее избавлюсь.

И королева устремила на служанку ужасный взор.

– Не может быть, – прошипела Мария, – чтобы с де-вушкой, в полном одиночестве разгуливающей по улицам в одиннадцать часов вечера, не случилось никакой беды... По правде говоря, в такое и поверить невозможно!

...В половине одиннадцатого король удалился к себе. Придворные разошлись. Кончини подсчитывал свой карточный выигрыш, когда к нему вошла супруга.

– Кончино, – тихо произнесла Леонора Галигаи, – тебя требует королева.

Помолчав, она заговорила:

– Кончино, я ненавижу эту женщину. Пора кончать. Я больше не выдержу... Пока же ступай к ней, потому что мы должны повиноваться. Но сегодня ночью, когда ты будешь в ее комнате, я затаюсь у изголовья Людовика XIII. Через два дня, Кончино, ну, самое большее через четыре, короля Франции не станет... Трон освободится. И займешь его ты – благодаря мне!

Кончини прекрасно понимал, насколько нужна ему Мария Медичи. Она могла возвести его на престол – или спасти ему жизнь, если события начнут развиваться не так, как предполагала Леонора. Поэтому маршал был этой ночью

особенно нежен и обольстителен с королевой, но перед глазами у него стоял образ Жизели.

Мария Медичи смотрела на своего возлюбленного со странной улыбкой.

– Кончино, вы хотели проникнуть в гнездо заговорщиков с помощью Жизели, – проговорила она. – План этот превосходен, но, к несчастью, осуществить его невозможно, ибо герцог Ангулемский стал слишком опасен.

– Нет, Ваше Величество, – попытался разубедить королеву фаворит. – Герцог не представляет никакой угрозы, пока его дочь наша пленница.

– Она уже не пленница, Кончино, – вздохнула Мария Медичи. – Жизели удалось бежать.

– Надо схватить ее! Немедленно! – вскричал маршал.

– Увы! Нам следует смириться с тем, что мы не властны изменить, – опустила глаза королева. – Жизели удалось бежать, но ее уже нет в живых... Джузеппа!

Тут же в комнате появилась служанка.

– Расскажи господину маршалу о том, что произошло сегодня вечером, – распорядилась Мария Медичи.

– Как вы и велели, Ваше Величество, – заговорила Джузеппа, – я вывела мадемуазель д'Ангулем из Лувра и проводила ее до моста Менял, где мы расстались. Мне казалось, что она счастлива обрести свободу, однако, едва я отошла от нее, как услышала душераздирающий стон. Обернувшись, я увидела, что девушка устремилась к Сене и с криком от-

чаяния бросилась в реку. Течение увлекло несчастную под опоры моста. Какое-то время она еще барахталась, а затем скрылась под водой...

– Хорошо, – промолвила королева. – Можешь идти.

Кончини сначала онемел от ужаса, а через минуту уже захлебывался в рыданиях, совершенно забыв о королеве. Горе оказалось сильнее стремления к власти. Но все превозмогла любовь Марии Медичи, чья ревность теперь угасла. Обняв Кончини, королева прижала его голову к своей груди, помогая плачущему мужчине справиться с болью утраты.

Итак, Жизель была мертва. Джузеппа ни в чем не солгала, но, по приказу королевы, умолчала об одном обстоятельстве.

Служанка действительно рассталась на мосту Менял с девушкой, так и не Переставшей быть пленницей. Мадемуазель д'Ангулем устремила в темноту, но тут дорогу ей преградили четыре тени. Беглянка испустила отчаянный вопль, а затем раздался громкий всплеск: Жизель бросили в воду.

Когда все было кончено, четверо преступников догнали Джузеппу, и один из них прошептал: – Готово!

Глава 5

В Лувре царила таинственная тишина. Леонора Галигаи, удалившись в свои покои, отведенные ей по соседству с апартаментами королевы самой Марией Медичи, размышляла... Леонору терзали сомнения. Король-враг, король-отрок... Ему чуть больше пятнадцати, он так хорош собой и так полон жизни, но придется его... убить! Последнее слово громовым раскатом пророкотало у нее в душе, точно суровый и окончательный приговор. Отравительница встала и твердым неспешным шагом направилась к королевским покоем.

Два высоких окна королевской опочивальни, выходявших на Сену, были наглухо закрыты шторами.

У самого изголовья кровати виднелась небольшая дверь, которой никто не пользовался: она соединяла апартаменты Людовика с покоем юной королевы Анны. Король вот уже десять месяцев женат на Анне Австрийской, но оба они еще слишком молоды для брака, их союз пока лишь политическая сделка... И маленькая дверь, открывающая путь в любви, еще не вызывает у юных супругов никакого интереса...

В огромной кровати, залитой тускловатым светом ночничка, свисающего с потолка на тройной золотой цепочке, безмятежно поживает король.

Точным, хорошо заученным движением Леонора откры-

вает принесенный с собою флакон. Протягивает руку... Не сводя глаз с лица короля, вливает яд в золотой кубок. Затем наполняет кубок жидкостью из амфоры, стоящей рядом.

Потом женщина выскользывает из опочивальни, закрывает за собой маленькую дверь и, замерев в узеньком коридорчике, ждет... Нет, это еще не все!

Необходимо увериться, что ее замысел увенчался успехом, что король обречен!

Она хочет услышать, как король проснется и, опершись на локоть, потянется по своему обыкновению за кубком. Она хочет услышать, как Людовик сделает глоток... Тогда можно будет с полным правом сказать себе:

– Свершилось! Король испил свою чашу. Яд уже проник в его тело. Теперь остается пойти к Лоренцо и взять у него цветок, убивающий тех, кто пригубил эту дьявольскую жидкость!

И Леонора ждала, замерев за дверью. Женщина словно окаменела, вся обратившись в слух. Пробило два часа... половину третьего... три. Титаническим усилием воли отсекая от своего сознания все посторонние шумы, она стремилась не упустить вожаделенных звуков. И не упустила.

Она слышала, она поразительно ясно видела – да, видела в обостренном своем воображении – как Людовик просыпается, приподнимается на локте и тянется за смертоносным кубком. Сейчас, сейчас он его осушит! И Кончини станет повелителем Франции!

И в этот миг вдали послышался страшный шум. Кто-то бежал, стремительно приближаясь к королевским покоям, кто-то вопил: «Держи! Держи!»

– Эй вы! Что все это значит? – вскричал Людовик, соскочив с постели.

Охранявшаяся стражниками главная дверь королевской опочивальни распахнулась настежь, и в комнату ворвались люди. Леоноре показалось, что земля уходит у нее из-под ног...

Чувствуя, что она стремительно погружается в воду, Жизель потеряла четкое представление об окружающем мире. Девушку швырнуло в водоворот, затем течение подхватило ее и затащило под вторую арку. Жизель то выкидывало мощным толчком на поверхность, то затыгивало на самое дно. Она не могла определить, сколько времени продолжался этот кошмар.

В очередной раз вынырнув из пучины, Жизель открыла глаза и увидела перед собой какой-то черный предмет, раскачивавшийся на волнах. Собрав последние силы, девушка рванулась вперед и судорожно вцепилась в него, а подтянувшись поближе, поняла, что это совсем маленькая лодка, привязанная к кольцу, которое было вделано в каменную кладку почти у самого края арки. Отчаянным усилием Жизели удалось забраться в утлое суденышко; дрожащая и мокрая, она смогла наконец перевести дух. Свежий воздух животворной

струей вливался в легкие... Девушка решила не терять времени на размышления о том, кто на нее напал. Разумеется, это было покушение. Преступники воспользовались водой, а не клинком – и ясно почему: вдохновительница убийства хотела, чтобы гибель Жизели выглядела как несчастный случай. Вдохновительница? Да, Мария Медичи. В этом не было никаких сомнений!

Теперь надо как можно скорее выбраться на берег: впрочем, сидя в лодке, сделать это нетрудно. Из пышных складок платья Жизель вынула кинжал, чтобы перерезать канат, и вздрогнула: суденышко было прикреплено к кольцу железной цепью. Девушка шагнула на корму, которая на несколько дюймов выступала из-под арки, и остолбенела от изумления, увидев перед собой веревочную лестницу, спускавшуюся откуда-то сверху прямо в лодку. Веревка, брошенная с моста? Неужели кто-то был свидетелем покушения? Жизель не стала долго раздумывать, а поспешила воспользоваться лестницей. Гибкая и ловкая, девушка быстро добралась до самого верха.

Она оказалась у Дома, который находился почти на середине моста. Лестница была крепко привязана к скобе, выступавшей с наружной стороны подоконника. Забравшись наверх, Жизель поняла, что лестницу опустили вовсе не для нее: окно было закрыто. Девушка попыталась разглядеть что-нибудь через стекло, поскольку внутри горел свет. Но это единственное, что она сумела разобрать, всматриваясь в

мутные и темные стекла. Тогда Жизель постучала.

Створки окна резко распахнулись. Видимо, обитатель этого дома ожидал чего угодно – но только не стука в окно, пробитое в отвесной стене над водой. Жизель оказалась лицом к лицу с изумленным карликом: он стоял на табурете, устремив на нее сверкающие глаза. Сообразив, что перед ним молоденькая девушка, бледная и насквозь промокшая, он явно смутился, но тут же приветливо произнес:

– Влезайте. Кто бы вы ни были, бедный Лоренцо рад видеть вас в своем доме.

– Лоренцо? Торговец зельями? – содрогнувшись, переспросила Жизель.

– Он самый, – поклонился карлик. – Я вижу, мое имя повергло вас в ужас, мадемуазель. Но вы боитесь напрасно.

– Я вовсе не боюсь, – ответила Жизель, влезая в оконце.

Карлик захлопнул ставни, перед тем бросив внимательный взгляд на реку. Жизель быстро обвела глазами комнату: это была настоящая лаборатория. Продавец трав вопросительно смотрел на гостью, столь странным образом появившуюся у него в доме.

– Я упала в воду, – пояснила девушка. – Течение затащило меня под арку. Там я увидела лодку и забралась в нее. А потом поднялась к вам по лестнице. Вот и все.

– Упала в воду, – пробормотал Лоренцо. – Так-таки и упала? – пристально взглянул он на девушку.

– Да, – кивнула та. – Какое это имеет значение? Лучше

расскажите мне про вашу лодку и про вашу лестницу, – попросила красавица.

Лоренцо заулыбался.

– Такая милая девушка, конечно, не выдаст бедного калеку, – проговорил он. – Каждый день мне приходится ждать расправы: разъяренная чернь вот – вот ворвется в мой дом, и тогда бедному Лоренцо несдобровать... На этот случай я и держу под мостом лодку. Вечером я спускаю в нее лестницу, а утром поднимаю. А теперь прошу вас выпить вот это. Не беспокойтесь, я вас не отравлю, – с усмешкой добавил карлик.

Он подал ей какую-то жидкость, которую девушка выпила с благодарной улыбкой. Лоренцо не сводил с красавицы восхищенных глаз.

– Мой укрепляющий эликсир подействует быстро, – заметил он. – Но вы промокли насквозь, а в моем доме нет женской одежды, так что вам придется высушить свое платье перед огнем. Входите же, – пригласил карлик, распахивая дверь.

Жизель без колебаний последовала за ним. Они очутились в комнате, обставленной весьма изысканно. Лоренцо на минуту вышел и вернулся с большой охапкой хвороста. Бросив ее во внушительных размеров камин, карлик быстро развел огонь.

– Чувствуйте себя как дома, – радушно промолвил маленький человечек и деликатно удалился.

Оставшись одна, Жизель принялась сушить свою одежду.

«Несчастный уродец, – посочувствовала она хозяину. – Могла ли я подумать когда-то, что человек, одно имя которого наводило на меня безумный страх, станет моим спасителем?!»

А тем временем Лоренцо, сидя в своей лаборатории, размышлял:

«Этой ночью мое зелье обречет на смерть двоих... Леонора отравит короля, а Кончини – дочь герцога Ангулемского... Взамен же этих двух смертей судьба – насмешливая или мстительная – требует, чтобы я помог сохранить жизнь человеческому существу.

Ведь я же, как это ни удивительно, спасаю свою таинственную гостью. Более того, это приносит мне какое-то странное облегчение... Мне, человеку, ненавидящему весь мир! Ладно... Пусть жизнь, которой будет лишена Жизель Ангулемская, станет моим даром ночной незнакомке.»

Погруженный в свои мысли Лоренцо даже не заметил, как пролетели полчаса; карлик очнулся лишь тогда, когда в комнату вошла его загадочная гостья в просохшем платье.

– Что вам нужно еще? – спросил маленький человечек. – Ага, вижу, вам не терпится поскорее выбраться отсюда.

– Извините, сударь, но меня ждут, – улыбнулась девушка. – Такое долгое отсутствие наверняка встревожило моих близких...

Ведя незнакомку к деревянной лестнице, карлик думал:

«Надо полагать, девица загулялась допоздна, ее ограбили и швырнули в воду...»

– Прощайте, – промолвил он, открывая дверь, выходящую прямо на мост. – Надеюсь, теперь вы не будете вздрагивать от ужаса и отвращения, услышав имя проклятого Лоренцо!

Жизель протянула карлику руку. Он поцеловал ее. Переступив порог, девушка на прощанье сказала:

– Сударь, я никогда не забуду того, что вы сделали для меня. Если вы попадете в беду, если вам надо будет где-то укрыться от гонений, прошу вас воспользоваться моим гостеприимством. В любое время дня и ночи вас с радостью примут в моем доме.

– Хорошо, – ответил Лоренцо. – И как же я отыщу ваше жилище?

– Это очень легко! – снова улыбнулась красавица. – Чтобы попасть ко мне, достаточно постучать особым образом – пять раз подряд – в дверь особняка, расположенного в самом низу улицы Дофин. Это дворец моего отца. Мое имя – Жизель, я дочь графа Овернского, герцога Ангулемского.

С этими словами девушка повернулась и исчезла в ночи. Карлик, потрясенный до глубины души, долго не мог двинуться с места. Наконец он задумчиво закрыл дверь и медленно пошел в лабораторию. Там он снова погрузился в раздумья, и только наступивший рассвет вывел его из долгого оцепенения.

Жизель прощалась с Лоренцо приблизительно в то самое время, когда Леонора Галигаи кралась к королевской опочивальне. Сбежав с моста, Жизель спустилась по улице, сжимая в руке кинжал. Девушка беспрепятственно добралась до дверей отцовского особняка и проскользнула внутрь. Жизель знала, что этой ночью в подземелье дворца должны собраться единомышленники герцога Ангулемского. Она стрелой помчалась по коридору, в конце которого мерцал слабый огонек. Вскоре ей показалось, что она слышит какой-то глухой шум, гневные выкрики, звон клинков... там сражались!

«Мой отец разоблачен!» – в ужасе подумала девушка, прыгивая на верхнюю площадку лестницы, спускавшейся в подземелье. Отсюда была прекрасно видна кипевшая внизу битва. Но нет, не битва, а подлое убийство! Человек десять или двенадцать накинудись на одного. Загнанный в угол юноша со сломанной шпагой в руке, казалось, отбивался от разъяренной стаи кровожадных хищников.

Жизель испустила душераздирающий крик, и атакующие замерли от неожиданности. В юноше, которого они собирались убить, девушка узнала своего спасителя с Медонской дороги! Жизель снова увидела его таким, каким запомнила навсегда, – ослепительно-прекрасным в своем бесстрашии и благородстве. Герцог встретил девушку криком отчаянной радости:

– Дочь моя! Жизель! Дорогая девочка!

Жизель стремительно одолела лестницу и оказалась вни-

зу.

«Она!» – ликующе воскликнул про себя Капестан.

Жизель резко отвела нацеленные в грудь шевалье клинки и, дрожа от возмущения, встала рядом со своим спасителем.

– Отец, – промолвила девушка, – вы вознамерились убить человека, который вырвал меня из лап Кончини!

Потрясенный герцог Ангулемский пролепетал:

– Он? Тебя спас шевалье де Капестан? Ты же говорила – Сен-Мар!

Жизель необычайно мягким голосом пояснила:

– Я не знала, что его зовут шевалье де Капестан, он не представился мне из скромности. К тому же было не до церемоний: ему пришлось сражаться с дюжиной бретеров Кончини.

– Сударыня, – склоняясь перед Жизелью, произнес Капестан, – ваши слова навеки останутся в моем сердце. Что бы ни случилось, моя жизнь принадлежит вам.

– Благодарю вас, господин шевалье, – ответила девушка. – Ваше поведение на Медонской дороге, ваша учтивость, не утраченная даже здесь, в обществе этих благородных сеньоров, заставляют вспомнить доблестных рыцарей былых времен.

Заговорщики переглянулись. Конде, Гиз и все прочие дружно отсалютовали шпагами, после чего вложили их в ножны. Сен-Мар переломил свою о колено.

Герцог Ангулемский, не сводивший глаз с Сен-Мара, при-

писал необычайное волнение маркиза ревности и не на шутку встревожился.

На предполагаемом браке Жизели и Сен-Мара основывались все честолюбивые планы, которые столь усердно разрабатывал Карл Ангулемский. Возвращение Сен-Мара в родовое поместье без официального объявления о свадьбе было равносильно краху всех надежд... Чувствуя, как почва уходит у него из-под ног, герцог принял отчаянное решение.

Он подавил свою радость, вызванную благополучным возвращением дочери, подумав, что позднее подробнейшим образом расспросит Жизель о том, кто я как похитил ее из Медона.

– Дочь моя, – укоризненно промолвил герцог, – я весьма огорчен, узнав, что на Медонской дороге тебя спас какой-то авантюрист, а не твой жених, как я полагал. Но это дела не меняет: я взял с тебя слово и дал свое. Твой суженый стоит перед тобой. Дорогие друзья, господа, имею честь сообщить вам о скорой свадьбе моей любимой дочери Жизели с господином Анри де Рюзе д'Эффья, маркизом де Сен-Маром.

Неожиданность сделанного герцогом объявления, смертельная бедность Жизели, вызывающая поза Сен-Мара, не сводившего с Капестана горящих глаз, – все это заставляло видеть в скороспелой помолвке некий скрытый смысл. Капестан улыбнулся.

Жизель догадалась, какие страхи обуревают ее отца. Трус, готовый все на свете принести в жертву своей гордыне!

Девушка была возмущена до глубины души, однако благородство Жизели граничило с самоотречением. Чувствуя, как рушится ее мечта о счастье, красавица шагнула вперед, в то время как Капестан отступил назад, держась нарочито скромно перед герцогом Ангулемским, обозвавшим его авантюристом, вместо того чтобы поблагодарить за спасение дочери. Жизель, заставив себя протянуть руку Сен-Мару, объявила:

– Герцог Ангулемский взял с меня слово и дал вашему отцу свое. Что ж, я не нарушу обещания. Вот моя рука, сударь!

Герцог де Гиз, постаравшись унять дрожь, в которую его бросило от этой сцены, наконец произнес, указывая на Капестана:

– Остается узнать, зачем сюда пожаловал этот господин...

Жизель обернулась к Капестану, ее прекрасные глаза отчаянно молили о снисхождении: «Я дала слово! Легче умереть, чем нарушить клятву. Простите! Мне надо спасти отца!»

Шевалье отвернулся. Знакомство их было очень недолгим – всего несколько минут на Медонской дороге, но они понимали друг друга с одного взгляда. Тайный язык любви красноречивее множества слов, произнесенных вслух...

Капестан шагнул к герцогу Ангулемскому и пояснил спокойным голосом, в котором звучала легкая ирония:

– Монсеньор, я пожаловал сюда, чтобы спасти вашу светлость. У авантюристов вроде меня имеются свои причуды...

У дверей Кончини мне удалось подслушать много интересного – например, то, что маршал собрался схватить вас и ваших замечательных единомышленников, а особняк ваш взять под наблюдение. Зная, что ваш арест – дело решенное, я вознамерился вырвать герцога Ангулемского из рук палачей и отправился за город в надежде отыскать вас. В Медоне, в доме, расположенном напротив гостиницы «Сорока-воровка», я встретил некую фею, которая раскрыла мне тайну девиза, начертанного на дверях этого особняка. Я проник внутрь. В тот самый момент, когда вы набросились на меня, я собирался крикнуть: «Тревога, господа! Кончини вы следил вас! Кончини идет по вашему следу! Спасайтесь!» Видимо, я совершил ошибку, в чем и приношу свои извинения.

Испуганный ропот пробежал по рядам присутствующих. Усомниться в правдивости слов шевалье было невозможно. Некоторые подробности, проскользнувшие в его рассказе, прямота и открытость юноши – все свидетельствовало о том, что он не лжет. Особняк не сегодня-завтра будет окружен врагами – если не окружен уже сейчас.

– Господа, – перекрывая шум, воскликнул Конде, – пришло время подумать о нашем спасении.

Герцог Ангулемский протянул Капестану руку со словами:

– Молодой человек, вы – наш!

– Да, да! – поддержали его остальные. – Можете считать себя нашим, шевалье, нам послало вас само Небо!

Капестан невозмутимо выждал, пока установится тишина, отвесил поклон герцогу Ангулемскому, так и не пожав ему руки, и решительно произнес:

– Господа, прошу не считать меня вашим. Я вынужден отказать от этой чести.

– И что же вас к этому вынуждает? – поинтересовался Гиз.

– Я задумал сыграть с нашим славным Кончино Кончини одну милую шутку, – проговорил шевалье. – Я ненавижу его и потому предупредил вас об опасности. Но дальше наши пути расходятся, и я становлюсь вашим врагом. Вы собираетесь лишиться трона, а, возможно, и жизни бедного маленького короля, которого никто не любит. Что ж, придется мне его полюбить. Господа! Я намерен помочь Людовику XIII удержаться на престоле!

Сделав это торжественное и простодушное заявление, благородный Капестан дерзко оглядел собравшихся. Жизель смотрела на отважного шевалье с нескрываемым восхищением, зато остальные тут же насторожились. Подойдя к юноше, герцог Ангулемский сказал:

– Молодой человек, вы подслушали, наши секреты. Мы не станем вас убивать, признавая честность ваших намерений. Но вы объявили себя нашим врагом. Что касается меня, я с первого взгляда почувствовал в вас своего противника. Тем не менее вы спасли мою дочь, вы предупредили нас об опасности. Посему я готов на время забыть о своей ненависти к вам. Как только вы окажетесь на свободе, мы сведем наши

счеты. А пока придется вас задержать. Шевалье де Капестан, вы – наш пленник!

– Шевалье де Капестан, вы свободны! – раздался властный женский голос.

Все повернулись к девушке, посмевавшей произнести эти слова.

– Жизель! – вскричал, возмущенный до глубины души герцог Ангулемский. – Что это значит?

– Это значит, что я заинтересована в успехе нашего замысла больше всех, – твердо ответила красавица. – Никто из вас не сделал ради этого столько, сколько я. Благодаря мне вы объединились и благодаря мне ваши планы близки к осуществлению. Особенно это касается вас, отец мой... Все вы уже обговорили, что получит каждый из вас после победы, и только я, стоящая во главе нашего дела, еще ничего не попросила для себя. Теперь и я намерена потребовать свою долю – ею станет свобода шевалье де Капестана. Это мое право, и я прошу отнестись к нему с уважением. Шевалье, вы свободны!

Капестан отвесил Жизели глубокий поклон. В дверях он обернулся, и взгляды их встретились. На какое-то время молодые люди замерли, не в силах оторвать друг от друга глаз, потом шевалье резко шагнул к выходу и исчез...

– Надо было по крайней мере взять с него слово помалкивать, – пробурчал Сен-Мар. – А теперь мы пропали!

– Шевалье де Капестан нас не выдаст, – уверенно возра-

зила Жизель. – Ручаюсь за это своей головой!

Герцог бросился к дочери и едва успел подхватить ее на руки: от пережитых волнений девушка лишилась чувств.

Капестан выскочил из особняка герцога Ангулемского. Лицо юноши пылало, он готов был обвинить в своем несчастье весь мир. Еще бы! Мечты шевалье о любви пошли прахом.

Но как ни велико было отчаяние Капестана, в голове у него все время вертелись слова, услышав которые, он недавно вскрикнул от ужаса, выдав тем свое присутствие на собрании заговорщиков: «Этой ночью король Франции будет отравлен».

Невзирая на разбитое сердце, надо было бежать в Лувр, прорваться к Людовику, успеть крикнуть: «Сир, не пейте ничего этой ночью!» Во что бы то ни стало нужно спасти несчастного мальчика от уготованной ему страшной смерти!

«Куда подевался Коголен? – негодовал шевалье. – Где лошади? Где Фан-Лэр, который домчит меня в Лувр за две минуты?!»

Капестан метался по улице взад-вперед, не переставая изрыгать проклятия и ругательства. Он то и дело свистел, подзывая своего оруженосца, но Коголен не откликнулся! Коголена и след простыл! Убедившись в этом и испустив на всякий случай последний отчаянный вопль, шевалье бросился бежать на своих двоих: вдали, на колокольне Сен-Жермен-л'О-

зеруа, пробило два часа.

Капестан вихрем промчался по Новому мосту и свернул влево, на набережную Эколь. Не сбавляя скорости, он по-несся дальше и наконец достиг старого королевского дворца. Задыхаясь, шевалье остановился у ворот, охраняемых двумя стражниками, которые туг же скрестили перед юношей свои пики.

– Господа! – воскликнул, обращаясь к ним, Капестан, – случится страшное несчастье, если я не поговорю немедленно с господином де Витри.

– Офицер! К вам пришли! – гаркнул один из стражников.

На другой стороне рва замелькал свет фонаря, и чей-то голос прокричал в ответ:

– Пропустите!

Капестан пробежал через мост и оказался под сводами дворца.

– Сюда! – распорядился встретивший его чело век, кивнув на правую дверь.

Капестан повиновался и очутился в обширном караульном помещении, в глубине которого он сразу же заметил еще одну – застекленную – дверь, выходящую во внутренний двор замка, где человек двадцать швейцарцев, несших в эту ночь караульную службу, спокойно посиживали на табуретах. Сержант, их начальник, говоривший с сильным немецким акцентом, спросил шевалье:

– Что случилось? Зачем вы явились сюда?

– Мне надо немедленно встретиться с капитаном гвардейцев, – взволнованно воскликнул молодой человек. – Речь идет о жизни одной высокопоставленной особы, имя которой я не хочу называть. Поторопитесь! Быстро пошлите за капитаном, или проводите меня к нему.

– Это так спешно, сударь? – удивился сержант. – Осторожнее, краска!.. Значит, вы утверждаете, что дело весьма серьезное?

– Я уже битый час твержу вам об этом, – начал терять терпение Капестан.

– Значит, вы говорите – осторожнее, краска! – значит, вы говорите, что дело это срочное? – устремил на юношу задумчивый взгляд сержант.

Капестан раздраженно пожал плечами и шагнул к застекленной двери. Он заметил одного из стражников, неспешной походкой направившегося к правому крылу здания.

– Как бы не опоздать! – чуть не плача от бессилия, воскликнул шевалье и спросил у сержанта: – Где живет капитан?

– Видите два освещенных окна справа от вас? Вот там. А позади его квартиры располагаются покои Его Величества. Сударь, отойдите от двери, посторонним запрещено к ней приближаться. Стойте здесь!.. Осторожнее, краска!

– А долго ли мне придется ждать? – обеспокоенно осведомился Капестан.

– Нет, сударь, – степенно ответил сержант. – Десять ми-

нут потребуется, чтобы добраться до капитана, пятнадцать – чтобы разбудить его и растолковать, что речь идет о жизни и смерти, ну и эдак через полчаса он пришлет кого-нибудь сюда, чтобы хорошенько вас порасспросить...

– В таком случае мне придется бежать к нему без вашего дозволения, – решительно заявил шевалье.

– Эй, сударь! – возмутился сержант. – Вы что, рехнулись?! Стража, сюда!

Капестан хотел было выхватить шпагу, но тут же вспомнил, что ее обломки валяются в подземелье особняка герцога Ангулемского. Тогда шевалье просто бросился на сержанта, схватил его за горло и с диким криком принялся трясти, как тряпичную куклу.

– Ты что, вздумал издеваться надо мной, негодяй? – орал юноша. – Немедленно пропусти меня во дворец – или я сверну тебе шею!

– Эй, стража! Убивают! – хрипел сержант. – Сюда! Быстрее!.. Осторожно, краска!

В мгновение ока Капестан был окружен дюжиной разъяренных швейцарцев гигантского роста. Над головой шевалье взметнулось два десятка здоровенных кулаков, готовых обрушиться на его голову, однако этого не произошло. В стане врага внезапно начался жуткий переполох, воздух огласился французскими, немецкими и Бог знает еще какими проклятиями, которые неудержимым потоком лились из двенадцати луженых глоток. Противник отступал по всей ли-

нии фронта, злобные вопли, выпускаемые швейцарцами, перемежались победными кличами Капестана и его громким хохотом.

Что же обратило в бегство неустрашимых гвардейцев? Краска! Та самая краска, за которой столь бдительно следил сержант, наконец-то сыграла свою роль! В королевском дворце в это время делали ремонт, и маляры по вечерам сносили бадьи с краской в караульное помещение. В пылу сражения Капестан ненароком опрокинул одну такую бадью, а когда увидел растекавшуюся по полу краску, юношу осенила блестящая идея, которую он незамедлительно воплотил в жизнь. С молниеносной быстротой шевалье схватил две огромные малярные кисти и, размахивая обеими руками, принялся усердно раскрашивать лица швейцарцев. Краска стекала по щекам храбрых вояк, капала с носов, забивала рты, залепляла глаза, пятнала роскошные мундиры... Швейцарская гвардия отступала спешно и беспорядочно, отважные солдаты бежали, словно крысы с тонущего корабля...

Главное – спасти мундир. Уберечь перевязь. Умереть, но не дать пятну обезобразить камзол. Швейцарцы, хладнокровно шедшие на стальные клинки, разбежались от малярной кисти. Все же в общей неразберихе им удалось заметить, что мимо них пронеслась какая-то тень. Это шевалье, грозно размахивая кистями, ринулся во двор, устремившись к освещенным окнам. Разъяренные стражники кинулись в погоню за мятежником...

Тотчас же по Лувру громовым раскатом разнесся сигнал тревоги. На всех постах караульные схватились за оружие.

Капестан пересек двор и нырнул под своды замка, намереваясь прорываться к лестнице. Весь Лувр был уже на ногах. Наверху распахнулась та самая дверь, к которой хотел пробиться шевалье. Он ринулся к освещенному прямоугольнику, крепко сжимая в руках малярные кисти.

– Пропустите! – вопил Капестан на бегу. – Я должен немедленно видеть капитана де Витри!

– Это я! – прогремел с верхних ступенек человек, еще не пришедший в себя от изумления.

– Медон! – умоляюще крикнул ему шевалье.

Это слово было паролем, услышав который, караульные обязаны были пропустить посетителя к королю в любое время дня и ночи. Тем не менее Витри колебался. Капестан не стал ждать, когда же капитан гвардейцев примет наконец какое-нибудь решение, и вдохновенно взмахнул кистями. Бац! Бац! Бац! Витри буйно зазеленел! Меткий удар туда! Смелый мазок сюда! Безумцу удалось проскочить мимо отпрянувшего капитана – и вот юноша уже в апартаментах Людовика XIII. Дверь! Сейчас шевалье распахнет ее... Могучим движением он отбросил в стороны двух гвардейцев, мазнув их для острастки по лицам, и одним прыжком оказался у самого изголовья королевского ложа. Оглядевшись, Капестан схватил амфору и разбил ее вдребезги, с размаху выплеснул содержимое золотого кубка на паркет и навзничь бросился

на ковер. Тут шевалье перевел дух и радостно улыбнулся, воскликнув:

– Еще не выпил! Черт возьми, я все-таки успел!

И обессиленный Капестан, широко улыбаясь, закрыл глаза.

Да, Людовик XIII так и не пригубил смертоносного зелья. Переполох, поднявшийся в Лувре, остановил его руку, которая уже тянулась к кубку. Услышав непонятный шум, юный король схватился за шпагу. Через минуту дверь опочивальни распахнулась, словно от порыва ураганного ветра. Король вскинул шпагу, но тут же опустил ее: он узнал Капестана.

Лицо Людовика, наблюдавшего за тем, как шевалье разбивает амфору и выливает содержимое кубка на пол, покрылось смертельной бледностью: он догадался обо всем!

А за маленькой, искусно замаскированной дверью отравительница, едва не задохнувшись от бешенства, пыталась понять, что же произошло. Король спасен! Но кем?! Надо узнать это любой ценой. Женщина затаилась в своем укрытии, снова обратившись в слух.

Бледный и обессиленный шевалье все еще лежал на ковре. Вокруг молодого человека толпилось множество людей, примчавшихся вслед за ним в королевскую опочивальню. Теперь она была битком набита стражниками, офицерами, слугами – и всем им не терпелось наброситься на Капестана.

– Не трогайте его! – закричал король. – Смерть тому, кто

прикоснется к этому человеку!

В комнате воцарилась напряженная тишина. Людовик мрачно посмотрел на разбитую амфору, на распростертого у кровати шевалье, затем скользнул глазами по толпе, заполнившей комнату. При взгляде на преследователей Капестана губы Людовика, не привыкшие улыбаться, дрогнули... Король усмехался все явственнее, пока наконец не разразился неудержимым хохотом.

– Ха, ха, ха! – захлебывался от смеха Людовик. – Что за носы – красный, зеленый, голубой! А вон тот пожелтел, как лимон! А у этого фиолетовая борода! Ну и потеха!

Король хохотал, бросившись в кресло, а за маленькой дверью исходила злобой коварная отравительница...

Гомерический хохот, от которого тряслись стекла, в конце концов вернул Капестана к жизни. Шевалье открыл глаза и увидел намазанные до ушей рты, пестрые лица, запятнанные краской костюмы. Приподнявшись на локте, Капестан в изумлении уставился на собравшихся вокруг него людей.

– Вы свободны, господа, – объявил король. – Всем вам надо хорошенько умыться.

Перестав смеяться, Людовик жестом приказал присутствующим удалиться. Вскоре комната опустела. Людовик и Капестан остались одни. Лицо юного короля снова омрачилось. Накинув на плечи плащ, он принялся медленно расхаживать по опочивальне. Капестан ждал.

– Шевалье де Капестан, садитесь вот в это кресло, – про-

молвил наконец Людовик, ласково взглянув на молодого человека.

– Шевалье де Капестан! – прошептала отравительница, стараясь как следует запомнить это имя.

– Сир! Я частенько слыхивал от своего батюшки, что не пристало подданному сидеть в присутствии монарха.

– Будьте любезны сесть, – мягким тоном повторил король.

Капестан не без труда добрался до указанного кресла и со вздохом глубокого облегчения опустился в него. Отдохнуть ему действительно не мешало. Король внезапно нагнулся и подобрал с пола огромную кисть... затем другую.

– Что это? – удивленно осведомился он.

– Это мои шпаги, сир, – объяснил Капестан. На короля снова накатил приступ смеха; забросив кисти в угол, он уселся и попросил шевалье:

– Расскажите... это должно быть забавно!

И Капестан начал повествовать об эпической битве. Изумленный отвагой шевалье, король восхищенно взирал на его мужественное лицо, на его энергичные жесты; Людовик с увлечением слушал историю человека, посмевшего бросить вызов всему Лувру. Когда шевалье замолчал, король глубоко задумался. Затем, стараясь унять дрожь, с тревогой спросил:

– Зачем вы так спешили ко мне?

– Затем, чтобы крикнуть: «Ваше Величество, не пейте ничего этой ночью и ничего не ешьте!» – произнес Капестан.

– Значит, меня собирались отравить? – прошептал Людо-

вик XIII.

– Да, – лаконично ответил шевалье. Людовик сжал голову руками и воскликнул в отчаянии:

– Я погибну! Меня уже пытались убить – не случайно же взбесилась вдруг моя лошадь. Этой ночью пустили в ход яд, завтра измыслят что-нибудь еще... Все хотят моей смерти. Все! Я погибну!

Шевалье с жалостью и почти братским состраданием смотрел на несчастного подростка, оказавшегося на краю бездны.

– Нет, сир, вы не погибнете! – решительно возразил он. – Защищайтесь! Атакуйте, если это необходимо. Убийцы трусливы. Внимательно смотрите по сторонам и, почуяв опасность, первым наносите удар. Тогда не вам надо будет бояться смерти!

– Как вы узнали?.. – устало поинтересовался король.

– Совершенно случайно, – откликнулся шевалье. – Я подслушал один разговор... Дело было ночью, и мне не удалось разглядеть в темноте лица собеседников. Однако не оставалось никаких сомнений: отравить собирались именно короля. И я сразу же помчался сюда...

Людовик смотрел на него с простодушным восхищением, Капестан отвечал ему ласковым, исполненным симпатии взглядом. Они улыбнулись друг другу.

В эту минуту, когда сердца их бились в унисон, Людовик забыл о своем королевском величии, а Капестан понял, что

спасает вовсе не могущественного монарха, а одинокого заброшенного мальчика.

Юный король лукаво покосился на грозные кисти, снискавшие столь громкую славу в стенах Лувра, и снова принялся хохотать. Однако вскоре веселость его сменилась обычной угрюмостью. Он сжался в своем кресле и печально сказал:

– Бесполезно! Они убили моего отца, убьют и меня!..

Притаившаяся за маленькой дверью Леонора Галигаи посчитала, что знает вполне достаточно, и медленным шагом отправилась в свои покои, недоуменно размышляя: «Откуда взялся этот Капестан? Он уже второй раз встает на моем пути. Кто он?»

Кончины его ненавидит. Я – нет, но он падет от моей руки».

Людовик по-прежнему сидел в кресле, погрузившись в мрачные думы.

– Убьют и меня, как убили моего отца! – повторил он.

– Вы должны защищаться, сир! – вскричал шевалье.

– Защищаться? Что ж, пожалуй, завтра я прикажу начать расследование, – вздохнул король.

– Прикажете? – покачал головой Капестан. – Но расследование лучше провести самому. Чтобы никто ничего не знал... Чтобы ваши враги даже не подозревали, что вы за ними следите. Осторожность прежде всего! И как только вы во всем разберетесь – поразите их внезапно, словно молния! Главное же, все время будьте начеку!

Людовик ощутил, как сердце его забилося сильнее.

– Допустим, – все еще сомневаясь, проговорил он, – допустим, я почувствую рядом с собой опасность, тогда...

– Тогда призовите меня, – пылко вскричал шевалье. – Клянусь, что в моем присутствии, король Франции останется невредимым!

Фраза была слишком выпренной и могла показаться смешной, но Людовик ожил от этих слов. Капестан уже дважды спасал ему жизнь. Король, только что избежавший смерти, поднял на шевалье глаза и снова восхитился его решительным лицом. Людовик дрожал – точно так же, как тогда, когда закричал: «На помощь!»

– Хорошо! – взволнованно промолвил он. – Вам я верю! Да, я верю, что вы спасете меня. Начиная с этой минуты я стану посвящать вас во все государственные тайны, от которых у меня болит голова и ноет сердце. Я перечислю вам своих врагов, вознамерившихся вскарабкаться на мой трон.

– Ваше Величество, государственные тайны мне знать во все не обязательно! – запротестовал Капестан.

– Начиная с этой минуты, шевалье, я буду вас всегда держать при себе, – не обращая внимания на слова молодого человека, продолжал король. – Я назначаю вас... кем бы мне вас назначить? – задумался Людовик. – Надо, чтобы ваша должность была почетной, раз вы станете моим наперсником... Господин Кончини всего лишь маршал, господин де Люсон всего лишь министр. Люин – всего лишь заведует мо-

ей охотой. Я хочу, чтобы перед вашим титулом бледнели все эти должности... ведь вы будете и маршалом и министром... вы будете другом монарха!

– Сир! Сир! Сир! – с легким испугом вскричал Капестан.

Он опустил голову, чувствуя себя почти раздавленным избытком посыпавшихся на него милостей фортуны, которая наконец-то соизволила обратить на шевалье свой благосклонный взор. Было от чего опьянеть!

Людовик XIII продолжал:

– Ваш титул должен звучать очень громко, под стать тому суровому делу, которое я вам поручаю. Вы станете щитом, принимающим на себя удары вражеских клинков, вы станете мишенью, в которую летят вражеские пули!

– Значит, битва! – воскликнул Капестан. – Будем драться!

– Да, будем драться, – кивнул король. – Открытые сражения и коварные ловушки – мы должны быть во всеоружии в любое время! Я хочу, чтобы вы выступили против самого грозного, самого главного моего врага. Мои придворные, мои маршалы, мои швейцарцы и гвардейцы, нет, с ними я боюсь идти на него в атаку. Слушайте, слушайте, шевалье, мой приказ!

– Слушаю, Ваше Величество, – прогремел в ответ Капестан. – Слушаю и повинуюсь, сир!

– Итак, приказ, шевалье... мой рыцарь!.. О! Прекрасно! – возликовал Людовик. – Вот и найден титул для вас: рыцарь короля. Для вас – и только для вас – восстановлю я почетное

звание, которым Карл Великий и удельные властители одаривали самых преданных и самых храбрых. Оплот монаршего величия – рыцарь короля! Я присваиваю вам это звание!

– Но я жду приказа, сир! – напомнил Капестан. – С кем мне нужно сразиться?

– Что ж, вот вам приказ: мой рыцарь, вы должны устранить самого опасного моего врага! – торжественно объявил Людовик XIII. – Герцог де Гиз – мой враг, но опасным я его не считаю. Принц Конде – мой враг, но его тоже можно не принимать в расчет. Роган, Эпернон, Монморанси, Буйон, Сен-Мар, Вандом и сотня прочих могущественных сеньоров – мои враги, но мне на них наплевать. В самом Лувре, рядом со мной, судя по всему, мой враг – господин д'Анкр, но Кончини достоин только презрения. Я полагаю, что моя мать – тоже мой враг, но я ее не боюсь. Все, все они – просто мелкие интриганы... Шевалье, вы должны сразу же, с первого же вашего шага сосредоточить все свое внимание на действительно серьезном моем противнике. Недаром даже мой отец, Генрих IV, опасался этого человека! В его жилах течет королевская кровь. Мы, Бурбоны, оттеснили эту династию от трона. Будьте бдительны! Он – сын короля и желает стать королем! Если вы устраните его, я смогу царствовать спокойно! Найди те этого человека и вызовите его на дуэль!

С губ смертельно побледневшего Капестана сорвался звук, похожий на рычание. Людовик посчитал это вопросом и глухим голосом пояснил:

– Заставьте его драться с вами и... убейте!

– Имя! – выкрикнул потрясенный Капестан, хотя уже знал, кого назовет король.

– Карл, граф Овернский, герцог Ангулемский. Незаконный отпрыск дома Валуа, – мрачно проговорил Людовик XIII.

«Отец Жизели» – в отчаянии подумал Капестан, с трудом сдерживаясь, чтобы не разразиться проклятиями.

В первую секунду шевалье попытался побороть себя. В конце концов – что тут такого? Ему велено в честном поединке уничтожить заклятого врага короля – человека, который и ему самому нанес тяжкое оскорбление; более того Карл Ангулемский намеревался убить Капестана!

Но этот человек был отцом Жизели! Он ее обожал! И если шевалье убьет д'Ангулема, то между Капестаном и Жизелью проляжет непреодолимая пропасть!

Еще не успев ни слова сказать в ответ, Капестан, бледный и расстроенный до глубины души, отрицательно покачал головой. Это был решительный отказ.

Людовик XIII смотрел на шевалье недоуменным взглядом. В пятнадцатилетнем отроке заговорила отравленная подозрительностью королевская кровь.

– Вы не хотите?.. – изменившимся голосом спросил подросток. – Берегитесь, шевалье, мой рыцарь! Подумайте хорошенько, прежде чем противиться монарху! Вы не поняли, какая вам оказана честь? Вы не знаете, что это такое – быть

в государстве первым человеком после короля?..

– Я здесь не верю никому, – горько продолжал Людовик. – Вы отважны и умны, шевалье, вы показали мне воплощением преданности. Я доверяю вам безгранично. Вы потребовали от меня приказа. И я повелел вам устранить герцога Ангулемского. А теперь вы отказываетесь?

Шевалье глухим голосом ответил:

– Отказываюсь, сир...

Король злобно передернул плечами.

– Ваше Величество, – произнес Капестан, – назовите мне другого врага! Я готов сразиться с Гизом, с Конде, с любым самым могущественным сеньором, я с радостью брошу вызов им всем, вместе взятым! Прикажите, и я немедленно ринусь в бой!

– Нет! – вскричал маленький король. – Освободите меня от Ангулема!

– Сир! Сир! – в отчаянии умолял шевалье. – Именно его я не могу убить! На мою беду этот человек для меня неприкосновенен. Но другие! Другие тоже опасны! Они тоже сильны, коварны и честолюбивы, уверяю вас!

– Нет! – возразил король. – Я боюсь только Ангулема!

Дрожа от лихорадочного возбуждения, раздираемый на части противоречивыми чувствами, Капестан уверял:

– Сир! Мы трое – я, мой конь и моя шпага – сумеем разделаться со всеми...

Король ткнул его кончиком пальца в грудь и с улыбкой

нескрываемого презрения бросил:

– Фанфарон! Капитан из балагана!

Шевалье покачнулся, словно его хлестнули по лицу. Действительно, все его клятвы и заверения должны казаться Людовику пустым бахвальством, раз он не хочет сразиться с единственным человеком, которого боится юный король.

Объяснить, в чем дело? Признаться в своей любви? Это Капестану не позволяла сделать гордость. Шевалье выпрямился и с достоинством произнес:

– Вы назвали меня фанфароном, сир, хотя я дважды спас вашу жизнь! Интересно, как вы меня назовете, когда я спасу ее в третий раз?

И, не ожидая ответа, молодой человек быстро вышел из комнаты, стремительно пересек приемную, заполненную придворными и гвардейцами, и, никем не остановленный, выбрался из Лувра. Очутившись на улице, Капестан торопливо зашагал в свою гостиницу, то проклиная себя за упрямство, то радуясь, что устоял.

Глава 6

Вернувшись к себе, юноша первым делом кинулся в конюшню – Фан-Лэра там не было. Коголен тоже не появлялся – напрасно шевалье призывал слугу, перемежая крики громкой бранью. Так ничего и не добившись, Капестан поднялся в свою комнату и, не раздеваясь, бросился на кровать, убежденный, что сомкнуть глаз ему не удастся. Но усталость быстро взяла свое: не прошло и пяти минут, как шевалье забылся тяжелым сном. Пробудился Капестан уже за полдень. Юноша открыл глаза, удивившись яркому дневному свету, лившемуся из окна.

– Вот это да! – вскричал шевалье. – Интересно, сколько сейчас может быть времени?

– Времени сейчас столько, сударь, что пора бы и пообедать, клянусь вам, мое брюхо насчет этого никогда не лжет, – услышал Капестан в ответ.

– Коголен! – обрадовался шевалье, заметив верного оруженосца.

– Нет, сударь, Незадача! – вздохнул тот. – Сегодня я, с вашего позволения, зовусь Незадачей! Пришлось мне снова взять это имя, потому как...

– Хватит! – прервал его Капестан, усевшись на край постели. – Лучше расскажи, где ты пропадал всю ночь. И почему я не нашел своего коня, когда он был мне позарез нужен?

Признавайся, не то я повыдергаю все твои патлы!

– Не повыдергиваете, сударь, – меланхолично проговорил Коголен.

– Почему это не повыдергаю, мошенник? – искренне удивился шевалье.

– Потому что выдергивать нечего, можете полюбоваться.

С этими словами Коголен обеими руками приподнял над головой свою пышную шевелюру, обнажив совершенно голый череп, лишенный даже намека на какую-либо растительность. Шевалье созерцал этот изумительный череп почти с благоговейным ужасом. Слуга же, водружая парик на голову, лукаво заметил:

– Беру Небо в свидетели, сударь, не хотелось мне пугать вас своей лысиной, но вы сами на это запросились.

– Ты же говорил... – пробормотал ошеломленный Капестан.

– Я говорил, что не мешало бы нам пообедать, – откликнулся оруженосец.

– Ты прав, старина, – кивнул шевалье, приходя в себя, – давай пообедаем.

– Как же, пообедаем! – горько скривился Коголен. – Мэтр Люро сунул мне под нос наш счет и объявил, что мы не получим от него ни куска хлеба, ни глотка воды, пока не расплатимся... Мы должны ему шесть пистолей, четыре ливра и восемь су.

– Так в чем же дело, негодник? – вскинул брови молодой

человек. – Дай ему денег, ведь кошелек у тебя.

– Кошелек, сударь! Наш кошелек! – жалобно запричитал Коголен. – Он был у меня, но теперь его нет!

– Как это – нет? – не удержался от вопроса шевадье.

Капестан был сражен этой страшной вестью наповал. Добрых полчаса он кричал, ругался и вопил, призывая на голову Коголена громы, молнии и все кары небесные. Наконец охрипшим голосом шевадье повелел слуге исчезнуть с его глаз долой. Коголен в притворном ужасе забился под стол и появился оттуда только на зов хозяина.

– Ну как, сударь, вы насытились? – любопытствовал он.

– Ты угадал, черт побери! – просипел юноша. – Мне больше не хочется есть.

– Вот и славно, сударь, – обрадовался верный оруженосец, – а на десерт я приготовил вам историю о том, как меня чуть было не лишили жизни.

– Валяй! – милостиво разрешил шевадье, снова бросаясь на постель.

– Вы, господин шевадье, наверняка и сами заметили, – начал свой рассказ Коголен, – что улица Дофин еще не застроена, это всего-навсего дорога, вдоль которой торчат частоколы леса и валяется всякий строительный мусор; там с трудом можно насчитать пять или шесть полностью готовых зданий. Так вот, один из таких обитаемых домов расположен как раз напротив того особняка, который вы вчера посетили. А вокруг него сплошные пустыри, огороженные заборами. Когда

вы вошли в особняк, оставив мне своего коня, я обогнул забор, проник на один из таких пустырей и привязал наших лошадок к столбику.

– Не тяни, выкладывай про исчезнувший кошелек! – поторопил Коголена шевалье.

– Сейчас доберусь и до кошелька, сударь, – вздохнул оруженосец. – Так вот, я подкрался к дому, о котором уже говорил, затаился за кучей щебня и камня и уже совсем было задремал, когда где-то по близости хлопнула дверь. Я, конечно, огляделся и обнаружил, что из этого самого дома, расположенного напротив особняка, вышли двое мужчин. Один из них зажег небольшой фонарь. С моего места их было отлично видно. К тому же я прекрасно слышал все, что они говорили. Человек с фонарем спросил: «Значит они явились?...» А другой ответил: «Да, явились, я заметил их из своего окна. Можете передать монсеньору, что пора расставлять сети.» А мужчина с фонарем на это сказал: «Значит, господин Ришелье...»

– Ришелье! – воскликнул Капестан, вскакивая с кровати.

– Вот именно, сударь, – мрачно подтвердил Коголен. – «Значит, господин Ришелье, – произнес человек с фонарем, – дождался своего часа! Вы оставайтесь здесь, мэтр Лаффема, и продолжайте следить за домом. Будь я на вашем месте, знаете что я бы сделал?» – «Что?» – заинтересовался этот Лаффема. – «Попытался бы проникнуть внутрь! – заявил человек с фонарем. – Вот это была бы по-мастерски

выполненная работа!» И с этими словами он удалился.

– И как же поступил Лаффема? – с волнением спросил шевалье.

– Мошенник решил последовать мудрому совету, – усмехнулся Коголен. – Этот тип подтащил доску к стене, огораживающей особняк, забрался по ней наверх и спрыгнул в сад. Я, конечно, последовал за ним. Очутившись на стене, я успел заметить тень, метнувшуюся к заднему флигелю и проскользнувшую в маленькую дверь. Я сиганул в сад и тоже кинулся к маленькой двери. За ней оказалась лестница, по которой я и поднялся, но Лаффема уже куда-то исчез. Я топтался в кромешной тьме и вдруг услышал далекий шум – словно бы из-под земли неслись какие-то крики...

– Я знаю, что это было! – ухмыльнулся шевалье.

– Потом шум внезапно стих, – продолжал Коголен. – Я забился в уголок в самом конце коридора и проторчал там почти час, не уловив больше ни единого шороха. Но только я собрался покинуть свое убежище, как мрак вокруг меня внезапно рассеялся. Пришлось отскочить назад, в тупичок, которым заканчивался коридор. Оттуда я хорошо слышал шаги людей, поднимавшихся по лестнице. Сперва показался слуга, который нес факел, затем – какой-то важный сеньор. Он вел под руку девушку, печальную и бледненькую... Выглядела бедняжка – ну точно покойница!

– Жизель! Жизель! – стоном отозвалось в душе шевалье имя любимой.

– Все эти люди, сударь, словно тени, проскользнули мимо меня по длинному коридору, который перекрещивался с моим, – рассказывал между тем Коголен. – Как только они прошли, я подался вперед и увидел, что они завернули в какую-то комнату, расположенную в глубине дома. Но тут я снова вынужден был отступить, потому как откуда ни возьмись вынырнул Лаффема... Похоже, что он, как и я, все это время прятался в каком-то темном углу. Мошенник подкрался к самой двери, за которой скрылись важный сеньор и бледная девушка, и, приложив ухо к замочной скважине, принялся подслушивать. Мне, стало быть, ничего подслушать не удалось. Но я решил не спускать с негодяя Лаффема глаз, проследить за ним и все выяснить до конца. Вскоре он отлепился от двери и двинулся к лестнице. Я спустился за ним следом. Он перелез через ограду в том месте, где оставил свою доску, я тоже. Я нагнал его на углу набережной улицы Дофин и хотел было броситься на него, но тут вдруг услышал шум тронувшегося с места экипажа, и мне показалось, что отъезжает он от двери особняка...

– Вот как! – изумился Капестан. – И откуда же этот экипаж взялся?

– Именно это мне и хотелось узнать, сударь, – воскликнул Коголен. – Лаффема тоже заинтересовался и помчался вслед за каретой, а я побежал за ним, держась на некотором расстоянии. Карета прокатила через Новый мост, свернула направо и въехала в улицу Барре. Лаффема застыл как вкопан-

ный на углу улицы в тот миг, когда карета, судя по звукам, тоже остановилась. Затем экипаж снова тронулся в путь, а мошенник кинулся следом. Я настиг негодяя в ту минуту, когда он бормотал себе под нос: «Значит, тут. Хорошо!» – «Сударь, – говорю я ему, – позвольте-ка вас на пару слов.» А он мне: «Увы, дружище, у меня нет при себе ни одного денье.» А я ему отвечаю: «Мне твои деньги не нужны, господин шпион, а вот если знаешь какую-нибудь молитву, то можешь прочесть ее перед тем, как я тебе переломаю кости.» Лаффема отпрыгнул назад и пустился наутек. Я хотел броситься за ним в погоню, но тут, сударь, мне показалось, будто небо обрушилось на мою бедную голову: неведомо откуда я получил такой удар, что тут же растянулся на земле. Успел заметить двух негодяев, принявшихся обшаривать меня, и потерял сознание... Когда я очнулся, уже рассвело, а наш кошелек исчез!

Капестан уже не слушал своего верного оруженосца. Молодой человек взволнованно расхаживал по комнате, спрашивая себя, что бы могло означать появление этой загадочной кареты.

– Тогда, – заканчивал свой рассказ Коголен, – я вернулся на улицу Дофин и забрал наших лошадок. И вот я здесь – и умираю от голода, сударь.

– Что там может быть, на улице Барре? – спросил шевалье.

– Да ничего там особенного нет, – пожал плечами Коголен. – Улица невеселая, есть там один кабачок, называется

«Пьяный монах», да харчевня под вывеской «Золотая утка».

Коголен, разумеется, не мог знать, что король Франции Карл IX частенько бывал на этой улице, где купил хорошенький особнячок для своей нежной и доброй возлюбленной Мари Туше. Именно в этом доме появился на свет человек, известный теперь всем как граф Овернский, герцог Ангулемский. Особнячок на улице Барре был наследственным владением мятежного герцога.

– Сударь, – снова заговорил оруженосец. – Если вы пожелаете, я могу в точности указать вам то место, где стоял подлец Лаффема, когда произнес слова: «Значит, тут. Хорошо!». Только я от голода совсем обессилел, вы-то подкрепились своей злостью, а мне, черт возьми, не перепало ни крошки!

– Ты прав, – согласился шевалье. – Надо где-то раздобыть денег...

Молодой человек вышел на улицу, добрался до большого крытого рынка, забрел ненароком на улицу Фероннери и, увидев перед собой вывеску оружейной лавки, шагнул внутрь. Сорвав с себя шпоры, он бросил их торговцу. Шпоры были тяжелые, из массивного серебра – последняя память об отце... Затем юноша выбрал себе пару стальных шпор и приладил их. Внезапно взгляд его упал на длинную шпагу из миланской стали. Опробовав клинок, шевалье тут же пристегнул шпагу к поясу и направился к двери.

– Заберите разницу! – крикнул ему торговец. Шевалье

вернулся, сгреб несколько монет и, угрюмо глянув на хозяйина, вышел.

...Капестан решил навеститься на улицу Барре. Расспросив прохожих, он добрался до нее довольно быстро и внимательнейшим образом осмотрел окрестности. Однако ничего интересного не обнаружил: наглухо закрытые двери, холодные, лишенные жизни фасады домов. Так ни с чем шевалье и двинулся прочь...

Целую неделю Капестан предавался горьким размышлениям. «Все мои беды произошли от встречи с Жизелью», – мрачно думал он.

Шевалье дал себе клятву больше не вспоминать о девушке, но только и делал, что нарушал ее: вскочив на Фан-Лэра, он мчался галопом то в Медон, то на улицу Дофин, то на улицу Барре – Коголен показал ему дом, перед которым остановилась загадочная карета. Медонский волшебный замок казался заброшенным, в парижском дворце герцога Ангулемского царило спокойствие, а что касается дома на улице Барре, то Капестану ни разу не удалось увидеть, как открываются двери или окна маленького особняка.

Недели две провел шевалье в такой скачке; временами ему казалось, что он сходит с ума. Однажды вечером, когда юноша, подавленный, сидел на краешке своей кровати, его отвлек от мрачных дум недовольный голос:

– Дело плохо, сударь! Коли сегодня потратим последний

пистоль, то завтра нам не на что будет жить. Вот кабы вы послушались моего совета да сбегали в одно интересное местечко... Входят туда бедными, а выходят богатыми.

– Игорный дом, черт возьми! – вскричал молодой человек. – И где же он находится?

– В Ситэ, на улице Дезюрсен, – охотно объяснил Капестану верный оруженосец.

Шевалье немедленно помчался по указанному адресу. Игорный дом располагался в самой середине улицы. Впускали туда всякого, у кого был пристойный вид и учтивые манеры. Шевалье поднялся на второй этаж, пересек прихожую и оказался в обширном зале, где около пятидесяти женщин и мужчин сгрудилось вокруг диковинного устройства, рядом с которым восседала улыбающаяся дама – хозяйка заведения.

Капестан приблизился и сделал то же, что делали прочие игроки: вынул из серебряной урны костяной кружочек, а свой пистоль, единственный и последний, положил на поднос.

Юноша взглянул на кружок: номер семнадцать.

Полчаса пришлось подождать, затем салон оживился – все кинулись к высокому столу. Хозяйка бросила на стол шарик, который, несколько раз подпрыгнув и покружившись, закатился в одну из лунок – таких лунок в столешнице было проделано семьдесят.

– Господа! – объявила хозяйка. – Номер семнадцать выиграл!

– Вот это называется везение! – воскликнул обрадованный шевалье.

– Сударь! – раздался рядом с ним умоляющий женский голос. – Ради Бога, не берите больше номер семнадцатый. Оставьте его мне!

Правила игры предоставляли выигравшему привилегию сохранить свой номер или номера для следующей партии.

– Охотно уступлю его вам! – любезно ответил шевалье, кладя свой кружок на поднос.

Дама алчно схватила жетон и поставила пистоль, а Капестан пересчитал свои золотые монеты – их оказалось шестьдесят. Костяные кружочки снова вернулись в урну. Двое игроков, тихонько переговорив друг с другом, принялись внимательно разглядывать шевалье. Затем один из них стремительно вышел, а другой уселся рядом с девушкой замечательной красоты, тщетно старавшейся привлечь к себе внимание Капестана, который вытащил новый жетон с номером двадцать пять. Прелестная девушка – это была Марион Делорм – так и осталась незамеченной...

Снова прошло полчаса. Последний жетон исчез из урны. Шарик опять покатился по столу – и голос хозяйки возвестил:

– Господа! Выиграл номер двадцать пятый! Капестан даже побледнел. Забрав новый столбик выигранных золотых монет, молодой человек со смехом воскликнул:

– А почему бы не попробовать в третий раз? Мои кружоч-

ки меня не подводят!

Теперь ему достался номер три.

– Оставьте меня в покое, сударь! – прозвучал рядом с шевадье голос, заставивший юношу вздрогнуть. – Ваши любезности похожи на оскорбление!

Капестан живо обернулся. Он узнал Марион Делорм и поклонился ей. Господина де Лувиньяка он тоже вспомнил без труда.

– Шевалье, – промолвила Марион Делорм. – Будьте любезны проводить меня до кареты. Мне надо избавиться от этого господина.

– Не беспокойтесь, сударыня, – ответил Капестан. – Увидев перед собой мужчину, этот господин сразу становится кротким, как ягненок: Пульчинелла боится Капитана.

– Этот человек, – пояснила Марион, – три раза встретив меня во дворце маршала д'Анкара, посчитал своим долгом влюбиться и теперь докучает мне своими нескромными признаниями.

– Во дворце маршала д'Анкара, сударыня?! – громко ужаснулся шевадье. – В этом разбойничьем вертепе!

Лувиньяк, побледнев, шагнул к Капестану. Шевалье сделал курбет⁹, словно мим в итальянской комедии, и поощрительно произнес:

– Смелей, Пульчинелла! Померяйся силами с Капитаном!

– Сударь, – проговорил наконец оскорбленный Луви-

---

⁹ Курбет – прыжок с ног на руки или из стойки на руках – на ноги.

ньяк, – решитесь ли вы повторить эти слова где-нибудь в другом месте?

– Я согласен повторить их где угодно, – воскликнул шевалье, – но только не во дворце Кончини, где принято в восьмером набрасываться на одного...

По толпе игроков пробежал ропот ужаса, но тут хозяйка объявила о начале новой партии, и все сгрудились вокруг стола, по которому вновь покатился шарик.

– Предлагаю встретиться на мосту Менял, – вы молвил Лувиньяк. – Проткнув вас шпагой, я пора дую рыбок славным угощением.

– Согласен, – кивнул юноша. – Не мешает как следует умыть вас в Сене – на вашей физиономии все еще видны следы крови, оставшиеся после удара моей шпаги.

Лувиньяк невольно поднес руку к своему лбу, но тут же отдернул ее и устремился к двери. Хозяйка в этот момент прокричала:

– Выиграл номер третий! Счастливчик! Три раза подряд такая удача!

Шевалье забрал деньги. Теперь у него было уже сто восемьдесят пистолей!

Он повернулся к Марион, присутствовавшей при ссоре Капестана с Лувиньяком.

– Ведь вы туда не пойдете? – умоляюще спросила красавица.

– На мост Менял? – вскинул брови шевалье. – Конечно,

пойду. А заодно заверну в лавчонку и поменяю свои пистолы на дублоны. Никогда еще мои карманы не отягощало столько золота!

– Но вас же там убьют! Убьют из-за меня! – простонала Марион.

– Ну и что, сударыня? – ответил Капестан с той галантностью, которая заставляла трепетать сердца всех женщин. – Однако напрасно вы так волнуетесь. Я не собираюсь умирать.

– Разве вы не знаете, кто такой Лувиньяк? – испуганно прошептала девушка. – К тому же он только что, незадолго до своего ухода, говорил о вас с господином де Базоржем.

– Тем лучше! – беспечно улыбнулся Капестан. – А кто такой этот Базорж?

– Один из подручных маршала д'Анкра, – объяснила Марион. – Они договорились встретиться на мосту Менял. Это ловушка!

– Если их будет всего двое – ничего страшного, помахая шпагой подольше, – небрежно произнес молодой человек. – Лучше поговорим о вас. Как вы оказались в этом притоне? Вам нужно золото? Вот! Если вас не оскорбляет мое предложение – берите!

Марион Делорм оттолкнула руку Капестана, который протянул девушке полную пригоршню пистолей, и с меланхолической улыбкой промолвила:

– Шевалье! Я приехала в Париж, чтобы заработать на сво-

ей красоте состояние. Вы предлагаете мне деньги просто так... ради удовольствия давать, и я никогда вашего великодушия не забуду! Почему я оказалась здесь? Потому что я хочу узнать Париж. Все увидеть и все услышать. Увидела я уже достаточно, а услышала... услышала... О! Берегитесь, шевадье, будьте осторожны!.. Нет, здесь нельзя говорить об этом, навестите меня завтра.

– В гостинице «Три короля»? – уточнил Капестан.

– Да, – кивнула Марион. – Я все еще там, в ожидании лучшего. Вы узнаете о том, что я слышала, – вздрогнув, пообещала она. – А вы, вы должны сообщить мне, что стало с тем молодым человеком, который пытался затеять с вами ссору на берегу Бьевра. Мне нужно поговорить с ним.

– С маркизом де Сен-Маром? – удивился шевадье, севшим голосом произнося имя жениха Жизели.

– Да, с ним, – снова кивнула красавица. – Если вам неизвестно, где он сейчас, разыщите его и передайте, что я его жду. Только он может спасти меня от той беды, что мне угрожает.

– Только он? – переспросил Капестан, хмуря брови. – А я?

– Только он, – вздохнула девушка. – Вы обещаете прислать его ко мне?

– Марион! – вскричал шевадье. – Вы представить себе не можете, как тяжело мне видеть этого человека – и уж тем более разговаривать с ним. Но раз только он может избавить вас от неведомой мне опасности, я его отыщу и передам, что

вы хотите с ним встретиться. Даю вам слово.

Шевалье подал девушке руку, и молодые люди, пройдя в прихожую, стали спускаться с лестницы.

– Так вы заглянете ко мне завтра, не правда ли? – спросила Марион. – Это очень важно! Вам необходимо знать... Собственно говоря, шевалье, я просто поражена, что вы до сих пор живы! Я вам кое-что расскажу. Но, начиная с этой минуты, вы должны вести себя очень осторожно...

И, повернувшись к шевалье, девушка свистящим шепотом договорила:

– Берегитесь епископа! Герцога де Ришелье!

И загадочная Марион скрылась в своей карете, которая тут же тронулась с места. В этот миг со второго этажа по ступеням сбежал человек, весь вечер тайком следивший за девушкой и Капестаном. Шпиона звали Лаффема...

Глава 7

Капестан долго не мог прийти в себя от изумления. Еще бы – столько событий сразу: сумасшедшая удача в игре, встреча с Марион Делорм, а главное – странное предостережение, сорвавшееся на прощание с уст красавицы. Однако пора было отправляться на мост Менял: судя по всему, шевалье там поджидают двое, и придется здорово потрудиться, чтобы управиться с этой парочкой.

Капестан явился в указанное место, но там никого не оказалось. Шевалье сделал несколько шагов по мосту и остановился. Сзади послышался неясный шум, юноша обернулся и увидел, что к нему устремилась какая-то тень. Глухим голосом подошедший спросил:

– Шевалье де Капестан?

– Да, господин Лувиньяк, это я, – отозвался молодой человек. – К вашим услугам!

– Отлично! – сказал Лувиньяк, и голос его как-то странно дрогнул. – Держитесь, я атакую!

Капестан заметил, как блеснула его шпага, и, тоже выхватив свое оружие, приготовился отразить удар противника, но тут же с проклятиями отскочил назад: вместо одной шпаги шевалье увидел целых шесть сверкающих клинков, нацеленных ему в грудь! Головорезы Кончини, которых привел Базорж!.. Капестан узнал голос Ринальдо; итальянец прорычал:

– Ага, фанфарон несчастный, попался! На сей раз придется тебе умереть, Капитан!

– Нет, погожу чуток! – крикнул в ответ шевалье. Капестан решил воспользоваться давним своим приемом: он ухватил шпагу за клинок и принялся бешено крутить ею, нанося удары гардой во все стороны. Две шпаги тотчас сломались, звякнув, точно стекляшки, один из нападавших рухнул, получив удар в лоб, зато остальные разъярились еще пуще.

Капестан метался по мосту из стороны в сторону; он то поражал противника гардой, то прикрывался ею, как щитом. Но долго так продолжаться не могло. Плечо юноши было уже задето, он чувствовал, как немеет рука, камзол на груди был распорот клинком, перед глазами сгушался туман...

Совсем обессиленный, шевалье отпрыгнул назад и прислонился к выходящей на мост двери одного из зданий. Внезапно дверь – о чудо! – распахнулась, юноша влетел в дом и, напрягая последние силы, навалился изнутри на дверь, чтобы враги его, уже молотившие в нее кулаками, не могли ворваться следом за ним.

Вдруг совсем рядом с шевалье раздался до странности спокойный голос, сказавший:

– Поднимитесь наверх вот по этой лестнице и отворите окно, которое выходит на реку.

Капестан не разглядел того, кто произнес эти слова, зато сразу увидел деревянную лестницу, к которой и ринулся без промедления. Шевалье успел услышать, как Ринальдо кри-

чал снаружи:

– Отвори, Лоренцо, это я! Это мы! Дверь открылась, бандиты вбежали в дом.

– Ах! Per la Madonna! – вскричал карлик. – Должно быть, ко мне вломился сам дьявол! Сюда, сеньоры! На лестницу! Разбойник оглушил меня и кинулся наверх.

Все скопом бросились к лестнице. Оказавшись наверху первым, Ринальдо сразу заметил распахнутое окно. Он перегнулся через подоконник и обнаружил веревочную лестницу. В это время дружки его обшаривали дом.

Зажав в зубах кинжал, Ринальдо начал спускаться вниз. Конец лестницы уходил в воду, но вокруг все было спокойно. Ничего подозрительного, тишину нарушал лишь негромкий плеск воды.

Кляня Капестана на чем свет стоит, итальянец поднялся наверх. Увидев его, бандиты поняли, что шевалье ускользнул... Лувињьяк хотел броситься в реку, чтобы догнать беглеца, но Ринальдо удержал своего подручного.

– Чего доброго – утонешь, а нас и так не слишком много, – благоразумно заявил итальянец. – Мэтр Лоренцо, для чего вы спустили эту лестницу?

– Для моих эзотерических манипуляций часто нужна свежая вода, – объяснил карлик. – Я спускаюсь за ней по этой лестнице. Вот и все.

Эти слова заставили бандитов содрогнуться; отъявленным головорезам стало не по себе в жилище дьявола, и они

поспешили обратиться к Лоренцо. Лоренцо высунулся из окна и, разглядывая реку, задумчиво пробормотал:

– Интересно, кого я спас на этот раз? Ладно, Ринальдо назовет мне потом его имя...

Карлик попробовал взяться за прерванную работу, но происшедшее сильно взволновало его. Лоренцо мешало сосредоточиться на глубочайшем изумлении, в которое его поверг собственный поступок.

«С какой стати я выручил этого незнакомца? – вновь и вновь вопрошал себя маленький уродец. – Надо полагать, просто от неожиданности. Открывая дверь, я не знал, кто войдет в мой дом. Жизель Ангулемская, теперь – этот юноша... Я спасаю уже второго человека! Судьба, видимо, решила посмеяться надо мной... над торговцем смертью!»

Капестан без труда причалил к берегу небольшого островка.

«Славная лошадка, – ласково подумал он о спасшей его лодочке, – но Фан-Лэр все-таки лучше!»

Победно насвистывая, юноша, разумеется, тут же направил свои стопы на улицу Дофин. Сердце его учащенно забилось, когда показалась сумрачная громада дворца герцога Ангулемского. Шевалье остановился на углу улицы, откуда была хорошо видна та самая дверь, секрет которой ему открыла встреченная в Медоне фея. Дверь, в которую Капестан проник, одушевленный надеждой.

– О Жизель! – прошептал юноша. – Нет, ни когда не добиться мне ее любви! Тут ли она сейчас?..

Шевалье довольно долго простоял на своем посту, не двигаясь с места. Внезапно дверь особняка распахнулась, выпустив какого-то мужчину, который быстро зашагал вверх по улице Дофин.

«Так и есть! – подумал в ревнивом смятении молодой человек. – Маркиз! Походка, одежда... он!»

Это действительно был Сен-Мар. Капестан, неведомо зачем, двинулся вслед за маркизом.

«Черт возьми! Маркизу так хотелось убить меня! – промелькнуло в голову у шевалье. – Легко быть смелым в большой компании. Стоит проверить, не пропадет ли у него охота драться, когда он встретится со мной один на один.»

Капестан уже хотел окликнуть Сен-Мара, но не успел: из-за забора выскочили трое мужчин и окружили маркиза. Шевалье слышал, как один из них рявкнул:

– Отдавай кошелек, твоя милость! А не то – прощайся с жизнью!

– Прочь! – завопил маркиз. – Ко мне! Меня... Крик его внезапно оборвался; похоже, маркизу сунули в рот кляп. Капестан видел, как грабители суетились вокруг Сен-Мара. Шевалье рванулся вперед, гаркнув:

– Эй вы! А ну прекратите! Держитесь, сударь! – крикнул он маркизу. – Я иду на подмогу!

Шевалье даже не прикоснулся к шпаге, решив, что с бан-

дитов хватит и его кулаков. Капестан прыгнул вперед и мощным ударом оглушил первого негодяя, бросившегося ему навстречу. Затем откатился к самому забору второй, третьего же юноша схватил за горло и стиснул так, что тот сразу запросил пощады.

– Убирайся! – прогремел, отпуская его, шевалье. – Убирайтесь все, и немедленно! Уносите ноги, пока живы!

Трое мошенников моментально исчезли. Капестан вытащил изо рта маркиза кляп, и Сен-Мар, сделав глубокий вдох, с волнением произнес:

– Без вас, сударь, я бы пропал! Скажите мне ваше имя, и я повторю его тем, кто меня любит, начиная с отца и кончая невестой, чтобы они молились за вас.

Капестан вздрогнул и с горечью промолвил в ответ:

– Молитвы вашей невесты мне не нужны, господин маркиз, и своего имени я называть не стану. Вы не узнали меня? Что ж, тем лучше... Зато я вас узнал сразу же, так что можете не представляться.

– Капестан! – в изумлении воскликнул маркиз.

– Да, но это сейчас неважно, – мрачно проговорил юноша. – Прощайте! Надеюсь встретиться с вами в другой раз, когда вы оправитесь и начнете вести свои обычные речи.

– Капестан! – задумчиво повторил маркиз. Сен-Мар был настолько поражен благородством своего врага, что пропустил мимо ушей его колкую фразу. Шевалье отвесил вежливый поклон и зашагал прочь, но тут же вернулся и со стран-

ной улыбкой сказал:

– Черт возьми! Чуть не забыл! У меня же к вам поручение!

Я пообещал одной особе непременно разыскать вас.

– Поручение? – удивился маркиз. – От кого же?

– От мадемуазель Марион Делорм! – промолвил Капестан.

При этом имени маркиз вздрогнул; лицо его стало злым: ему почудилась в словах шевалье насмешка и даже издевка. Сен-Мар любил Марион. С первой же встречи девушка пробудила в его сердце неодолимую страсть – и с первой же встречи с красавицей маркиз знал, что она очарована Капестаном; Сен-Мар возненавидел соперника... И вот теперь этот человек вздумал поиздеваться над несчастным маркизом, откровенно давая понять, что до сих пор остается любовником коварной и жестокой обольстительницы.

– Сударь, – скрипнув зубами, проговорил Сен-Мар, – не доводите меня до крайности!

– О чем вы?! – изумился шевалье. – Я вас не понимаю. Во всяком случае я должен довести до вашего сведения, что сегодня вечером я имел честь случайно встретить мадемуазель Марион Делорм.

– Случайно?! – вскричал потрясенный маркиз. – Разве вы не встречаетесь с ней каждый день?

Сен-Мар был искренне убежден, что шевалье все свое время проводит, ползая у ног прекрасной Марион.

– Вы достойны сожаления, маркиз! – вздохнул Капестан. –

Перестаньте докучать мне своей ревностью! Какое мне дело до вашей Марион?! Однако позвольте закончить... Вот что я согласился передать вам: она ждет вас в гостинице «Три короля». Девушке угрожает какая-то опасность, и помочь мадемуазель Делорм можете только вы. Ну вот, я выполнил свое обещание и могу уйти. Прощайте, сударь.

Но Сен-Мар остановил юношу. Лицо маркиза сияло.

– Помочь ей! Спасти! Выручить из беды! – восторженно вскричал он. – И она попросила об этом не вас, она призвала меня! Неужели это действительно так? Значит, подлый Лаффема солгал! Она вас не любит! Повторите, ради Бога, эти слова! Она ждет меня! Только я могу защитить ее!

– Я битый час пытаюсь вам это втолковать! – простонал Капестан. – Прощайте же.

– Шевалье! – воскликнул Сен-Мар с искренним чувством. – Вы спасли мне жизнь, хотя знали, что я всегда был вашим врагом и на словах, и на деле. Это возвышенно и благородно, в этом чувствуется истинное величие. Более того, вы вернули мне надежду, без которой жизнь сделалась мне в тягость.

Капестан слушал излияния маркиза, и сердце шевалье наполнялось бешеной радостью: каждое слово Сен-Мара казалось ему драгоценным камешком – и камешки быстро засыпали ту пропасть, что разделяла Капестана и Жизель.

– Я – ваш вечный должник шевалье, – продолжал обезумевший от счастья Сен-Мар. – Всецой моей жизни не хватит,

чтобы расплатиться с вами.

Тут маркиз запнулся: он тоже вспомнил о Жизели. Маркиз не любил невесту, но сразу догадался о тех глубоких чувствах, которые питал к девушке Капестан. Он понял, что примирение невозможно: им предстояла ожесточенная схватка – по другому поводу и в другом месте. Рука, протянутая было для дружеского пожатия, бессильно упала...

Юношам нечего было больше сказать друг другу. Сняв шляпы, враги церемонно раскланялись и разошлись в разные стороны.

Глава 8

Это были лучшие апартаменты гостиницы «Три короля» и, возможно, одни из самых роскошных покоев в Париже. Здесь в два часа пополудни Марион, усевшись перед зеркалом, собственноручно причесывала свои восхитительные волосы.

– От господина герцога де Рогана, – объявила вошедшая горничная, кладя перед хозяйкой великолепное жемчужное ожерелье.

– Погоди, милая, ты мне мешаешь, – выговорила ей Марион, отодвигая кольцо. Схватив шпильку, она глубокомысленно прикидывала, куда бы ее воткнуть.

Наконец, красавица нашла шпильке подходящее место, улыбнулась и бросила взгляд на принесенный подарок, после чего снова вернулась к прежнему занятию. Служанка вышла. Только посчитав, что внешность ее доведена до полного совершенства, Марион встала и приблизилась к одному из двух окон, выходящих на улицу Турнон и смотревших прямо на особняк Кончини.

– От господина графа де Монро! – снова возгласила служанка.

С этими словами она поставила на стол ларец. Открыв его, Марион увидела золотой гребень, увенчанный двойным рядом рубинов, в центре которых сиял великолепный изумруд.

Сморщив прелестный носик, девушка проворчала:

– Подарки, подарки! А мне нужно совсем другое! Марион достанется самому щедрому и догадливому! Аннетта, есть там еще что-нибудь?

– По лестнице поднимается чей-то лакей, пойду узнаю, – пожалала плечами служанка и скрылась за дверь. Вернулась горничная не с пустыми руками.

– От господина герцога де Ришелье! – воскликнула она, вновь появляясь на пороге.

Марион, побледнев, резко обернулась. На сей раз Аннетта водрузила на стол простенькую плетеную жардиньерку, наполненную цветами: дюжина кроваво-красных роз, и на лепестках каждой из них поблескивают капли росы... Марион сразу поняла, что цветы искусственные, а роса на них – алмазная. Потрогав зловещие розы, утыканные бриллиантами, девушка испуганно прошептала:

– Кровь и слезы!..

Красавица снова подошла к окну, приподняла штору и выглянула наружу. На другой стороне улицы, прямо напротив окна Марион остановился человек. Прохожие оглядывались на него – кто с любопытством, а кто и с какой-то опаской. Некоторые восклицали: «Нубиец маршала д'Анкра!»

Это и впрямь был тот самый негр, которого мы уже видели мельком в доме на улице Кассе. Теперь, подняв глаза со сверкающими белками, он не отрывал взгляда от гостиничных окон. Заметив нубийца, Марион Делорм развеселилась.

«Бедный малый, – тихонько посочувствовала она, хотя в глазах ее прыгали смешливые искорки. – Всегда на своем посту – в надежде, что занавеска на моем окне шевельнется... Так и будет стоять тут до тех пор, пока я не соблаговолю ему улыбнуться. Несчастный! Как он любит меня! Ждет милостыни... Что ж, пожалуй, можно подарить ему чуточку радости!»

Приподняв занавеску, девушка с улыбкой поглядела на Бельфегора. Осчастливленному нубийцу показалось, что ему улыбается само солнце. Когда красавица опустила шторы, в комнату влетела служанка с известием:

– Вас желает видеть господин маркиз де Сен – Мар...

Марион вздрогнула и уселась в кресло. Сен-Мар вошел в комнату, приблизился к девушке и поклонился.

– Сударыня, – дрожащим голосом начал он, – ваша жестокость вынудила меня бежать от вас. Я бы ни за что не вернулся, если бы не узнал этой ночью, что вы в опасности. Вы звали меня – и я поспешил к вам...

– Кто сказал вам, что я ищу человека, безраздельно преданного мне? – решительно спросила Марион.

– Шевалье де Капестан, – с усилием проговорил Сен-Мар.

– И вы отважились... – строго взглянула на него девушка.

– Предложить вам свою жизнь! – пылко воскликнул маркиз.

– Хорошо! – все тем же твердым тоном произнесла Марион Делорм.

На минуту воцарилось молчание. Девушка напряженно размышляла о чем-то; возможно, она решала свою судьбу. Затем красавица прямо спросила Сен-Мара:

– Маркиз, только говорите чистую правду: вы любите меня?

Сен-Мар удивленно посмотрел на нее, затем перевел взгляд на подарки, разложенные на столе, и с горечью произнес:

– Да, сударыня, но кажется, это чувство вы внушили не только мне... Золотой гребень, жемчужное ожерелье...

– Аннетта! – резко прервала его Марион и, как только появилась служанка, осведомилась: – Лакей господина де Монро все еще здесь? Ждет ответа? Так вот, пусть он передаст своему хозяину, что Марион Делорм причесывается без гребня. – С этими словами красавица захлопнула крышку ларца и протянула его горничной, которая тут же выскользнула из комнаты. – А теперь отвечайте, сударь: любите ли вы меня?

– Вы прекрасно знаете, сударыня, что я вас обожаю! – простонал Сен-Мар.

– Не надо банальностей, – снова перебила его Марион. – В вас все еще говорит обида. Аннетта! – опять повысила голос девушка. – Лакей господина де Рогана здесь, не так ли? – обратилась она к прибежавшей служанке. – Он ждет моего ответа? Вот мой ответ. – И Марион передала горничной жемчужное ожерелье. – Пусть лакей скажет герцогу де Рогану,

что это ожерелье слишком похоже на цепь...

Как только служанка вышла, Марион промолвила:

– Маркиз, клянусь вам, я задаю свой вопрос не из пустого тщеславия. От вашего ответа зависит то, что я скажу последнему из трех лакеев.

– И кто же прислал эту корзину с цветами? – не скрывая раздражения, осведомился Сен-Мар.

– Епископ Люсонский, – холодно ответила Марион.

– Ришелье! – воскликнул пораженный маркиз.

– Ришелье, – мрачно кивнула красавица. – Вы сами согласились познакомить нас! – сердито напомнила она молодому человеку.

– Да, жестокая Марион! – вскричал Сен-Мар. – Вы спрашиваете, люблю ли я вас... Но сначала ответьте на мой вопрос: что это за беда, из которой вас могу выручить только я? Отвечайте, Марион! И тогда вы сможете убедиться в моей любви!

Марион Делорм опустила голову. Она явно волновалась, стараясь, видимо, отбросить последние колебания.

– Беда... – медленно проговорила девушка. – Да, беда, и не только для меня. Жизнь того, кто любит меня, тоже окажется под угрозой. Но сначала мы должны договориться, маркиз... Я приехала в Париж, чтобы царить, и блистать. Моя красота дает мне на это право. Я хочу купаться в роскоши – и мне нужно на это сто тысяч ливров в год... Для начала. Сможете вы обеспечить это?

– У меня триста тысяч ливров ренты, – ответил Сен-Мар. – А после смерти отца будет вдвое больше. Вы хотите получить мое письменное обязательство на выплату ста тысяч ливров в год?

– Мне достаточно вашего слова, – спокойно произнесла Марион. – Кроме этого, мне требуется особняк, слуги, лошади. Я хочу видеть у своих ног весь Париж!

– Я кину к вашим ногам весь Париж! – пообещал Сен-Мар.

– Хорошо, – слабо улыбнулась Марион. – Теперь я повторю свой вопрос: любите ли вы меня? Ваши пылкие речи свидетельствуют лишь о том, что вы хотите мной завладеть. В Париже можно насчитать с десятков важных сеньоров, желающих того же самого. Но только вам и шевалье де Капестану, – услышав это имя, маркиз злобно передернулся, – я могу задать тот роковой вопрос, от которого в данный момент зависит моя жизнь. Капестана я исключаю: он не богат, а я не намерена прозябать в бедности. Остаются вы. Есть в Париже один могущественный человек, который завтра изумит весь мир. Я почти решилась связать свою судьбу с ним. Но он внушает мне неодолимый страх, готовый обратиться в ненависть. Этот человек, маркиз, предложил мне двести тысяч ливров в год, он обещал, что все королевство будет у моих ног. Я отказала ему, вернее, уклонилась от ответа. И тогда этот человек пригрозил: «Ты не любишь меня, что ж, это не беда... Беда случится, если ты, пренебрегшая мною, вздума-

ешь отдать свое сердце другому. С этой минуты за тобой будет установлена слежка. И если ты заведешь любовника, тебя упрячут в Бастилию, где ты умрешь медленной смертью, а твоего избранника ждет виселица или плаха!»

Марион Делорм поднялась со своего кресла. Сен-Мар дрожал с головы до ног, в глазах у него потемнело... Красавица заключила свой рассказ словами:

– Вот теперь вы можете ответить на мой вопрос. Как вы уже догадались, архангела, готового распростереть над нашей любовью свои черные крылья, зовут Ришелье!

– Вот мой ответ! – воскликнул Сен-Мар, вскакивая со стула.

Маркиз бросился к двери и, распахнув ее, знаком позвал человека, ждавшего в прихожей. В комнату вошел лакей, одетый в черное. Маркиз схватил со стола корзину со зловещими розами.

– Тебя прислал господин де Ришелье? – резким тоном спросил юноша.

– Да, сударь, – холодно ответил слуга епископа. Марион задрожала. Сен-Мар сунул корзину лакею в руки и отчеканил:

– Передайте господину де Ришелье, что я, маркиз де Сен-Мар, плевать хотел на его угрозы. Свои ми руками я отправляю обратно подарок, который он посмел прислать моей любовнице, присутствующей здесь Марион Делорм.

Захлопнув за лакеем дверь, маркиз приблизился к Мари-

он.

– Теперь ты веришь, что я люблю тебя? – опускаясь на колени, спросил он.

Марион заставила его подняться, обвила руками его шею, закрыла глаза и, приблизив к его лицу свои губы, прошептала:

– Я люблю тебя, я твоя!

Опьяневший от счастья маркиз, сердце которого от этих долгожданных слов едва не выскочило из груди, внезапно вспомнил о своей невесте – и душу его пронзило чувство страха и тоски.

Торжественная клятва связала его с Жизелью, дочерью герцога Ангулемского, приковавшего к себе маркиза цепью заговора, который мог привести Сен-Мара на эшафот. Жизель или Марион! Решать надо было немедленно – сегодня маркиз должен явиться на улицу Барре для подписания брачного контракта.

Особняк Ришелье располагался в ста шагах от дома, стоявшего на углу улицы Дофин, того самого, откуда, по словам Коголена, выходил Лаффема.

Этим утром монсеньор епископ Люсонский, отслужив мессу, проследовал в свою комнату. Слуга тотчас принялся снимать с него пышное церковное облачение, чтобы переодеть своего господина в наряд придворного кавалера.

– Секретаря! – коротко приказал епископ. Слуга исчез, а

в комнату вошел Лаффема.

– Докладывай! – распорядился Ришелье.

Лаффема заговорил тихим голосом. Его отчет касался четырех парижских зданий: уголовного дома на улице Дофин, дворца герцога Ангулемского, особняка на улице Барре и игорного притона на улице Дезюрсен. Главными действующими лицами были: герцог Ангулемский, Жизель, шевалье де Капестан и Марион Делорм.

Но вот Лаффема кончил свой доклад. Епископ молчал и хмурил брови.

– Резюме, монсеньор, – вновь нарушил тишину шпион. – Primo, дела государственные: в особняке герцога Ангулемского состоялось собрание заговорщиков. Принц Конде, подстрекая герцога, действует в собственных интересах, мадам д'Анкр, супруга маршала Кончини, втихомолку посмеивается над притязаниями Ангулема. Маршал д'Анкр по уши влюблен в дочку герцога и разыскивает ее. Secundo, дела личные: мадемуазель Делорм встретила с шевалье де Капестаном на улице Дезюрсен. Еще о Капестане: из разговора, подслушанного в особняке герцога Ангулемского, я узнал, что высокородная Жизель питает к шевалье нежные чувства, весьма огорчающие ее батюшку. Что касается молодого Сен-Мара, он, кажется, навсегда оставил надежду завоевать сердце мадемуазель Делорм. И, наконец, последнее: дочь герцога Ангулемского живет на улице Барре. Это все.

Ришелье вздрогнул и подошел к шпиону.

– Хорошо, – произнес епископ. – Из вас выйдет гениальный прево. Со следующим докладом явитесь завтра утром. Спуститесь вниз: в моем кабинете, на камине, вы найдете небольшой кошель, в котором находится сто пистолей, и корзину цветов. Кошель для вас, а корзину велите одному из моих лакеев отнести в гостиницу «Три короля». Сегодня вечером вы доложите мне об ответе мадемуазель Делорм. Ступайте.

Лаффема исчез. Вскоре из комнаты вышел и Ришелье. Во дворе он сел на коня и в сопровождении лакея отправился в особняк Кончини. Тот принял епископа немедленно: Кончини начинал побаиваться этого сумрачного и бледного священнослужителя. Ришелье сразу же перешел в атаку.

– Господин маршал, – заявил он, усаживаясь, – прежде чем поднимать этот вопрос в совете, я решил сперва уведомить вас о заговоре, во главе которого стоит незаконный отпрыск Карла Девятого.

Об этом заговоре знал уже весь Париж, в Лувре многие обиняками говорили об интригах Карла Ангулемского, но при этом делали вид, что он серьезной опасности не представляет. Епископ решил действовать с жесткой прямоотой, но Кончини, не дрогнув, выдержал атаку Ришелье. Продолжая улыбаться, маршал д'Анкр заметил:

– Господин епископ, ваш поступок служит для меня драгоценным свидетельством той дружбы, которую вы питаете ко мне. А заговор, да, этот заговор! Я из-за него не могу со-

мкнуть глаз...

– Это заметно, господин маршал, – кивнул Ришелье. – Вы так исхудали и побледнели! Не будь я уверен, что вас терзают государственные заботы, я мог бы, чего доброго, заподозрить тяжкий сердечный недуг...

Бледный маршал сделался от этих слов синеватым.

– Сердце у меня крепкое, – огрызнулся он, – можете не волноваться... А что касается герцога Ангулемского...

Кончини замолк, унесясь мыслями к Жизели. Жгучая волна горя вновь захлестнула его. «Мертва, мертва! Какое мне дело до всего остального!»

– Маршал, вам действительно надо заняться своим сердцем, – покачал головой Ришелье, не сводивший глаз с Кончини.

– Оставьте мое сердце в покое! Не будем отвлекаться! – резким тоном заметил Кончини, беря себя в руки. – Что касается заговора, господин епископ, то все это – детские игры, не более того. Как только мы схватим герцога, заговор распадется сам собой. Вы хотите дать мне по этому поводу какой-то совет?

– Я хочу вам дать нечто большее, чем совет, – усмехнулся Ришелье.

– Интересно! – с наигранной небрежностью ответил Кончини.

– Во-первых, действовать надо как можно быстрее, – размеренно заговорил епископ, – иначе недоброжелатели могут

сказать, что мы тайком под стрекоем заговорщиков, и тогда угроза нависнет уже над нами.

«Он знает! – ужаснулся про себя маршал. – Он знает, что Леонора беседовала с герцогом! Я пропал!»

Кончини затравленно озирался по сторонам. Если бы в этот момент в комнату вошел Ринальдо, епископу не выбраться бы отсюда живым.

– Безумие! Химеры! – залепетал маршал. – С какой это стати я... я, всем обязанный королю... и королеве...

– Я же не сказал «вы», – возразил Ришелье, – я сказал «мы» и, если вам угодно, могу сказать «я». Так вот, предположим, что я роковым образом влюбился в дочь человека, которого должен отправить на виселицу или на эшафот, влюбился до такой степени, что рискую навлечь на себя гнев могущественной особы, сделавшей меня первым лицом в государстве... после вас, разумеется! Теперь представьте, что это становится известным. Вы сами понимаете, что мне могут быть предъявлены обвинения в потворстве замыслам заговорщиков и что король, узнав об этом, прямо-таки обязан арестовать меня!

Положение Кончини становилось отчаянным. Огромным усилием воли он взял себя в руки и выпрямился. Надо действовать! Рука его потянулась к ножнам, но тут снова зазвучал бесстрастный, как всегда, голос епископа:

– Добавьте к этому постоянную опасность быть убитым. К счастью, я никогда не снимаю с себя кольчуги, которую не

пробить ни ножу Клемана¹⁰, ни кинжалу Равальяка¹¹.

Кончини дышал, точно стреноженный бык. Наконец маршалу удалось подавить смятение. Он уселся на свое место со словами:

– *Per la santissima Trinita*¹², дорогой мой господин де Ришелье! Все, что вы сейчас сказали, я и сам твержу себе постоянно, хотя и не могу упрекнуть себя ни в чем, похожем на ту роковую любовь, на которую вы намекали... впрочем, вы говорили о себе.

Именно потому я и решился арестовать герцога Ангулемского. Но как это сделать?

«Теперь можно, ибо она мертва!» – подавляя стон, думал Кончини.

– Дорогой маршал, на этой счет я могу вам дать четкие указания, – ответил герцог де Ришелье. – Вы ведь знаете, где расположен особняк Карла Ангулемского? Так вот, герцог будет у себя этой ночью. Часов в десять он проникнет во дворец через маленькую дверь, которая выходит на набережную.

– Так он в Париже? – посчитал нужным разыграть изумление Кончини.

– Да, – кивнул епископ. – Этой ночью, между десятью и

---

¹⁰ Клеман, Жак (1567—1589) – доминиканский монах, убийца короля Генриха III.

¹¹ Равальяк, Франсуа (1578—1610) – убийца короля Генриха IV.

¹² *Per la santissima Trinita* (итал.) – Клянусь св. Троицей.

одиннадцатью часами, надо окружить и тщательно обыскать особняк герцога Ангулемского.

– Вы возвращаете мне жизнь! – вскричал Кончини. – Услуга, оказанная вами, не может остаться без награды. Скажите, чего бы вам хотелось?

Ришелье, на минуту задумавшись, промолвил:

– У юной королевы Анны Австрийской нет духовника...

– Хорошо, господин епископ, – заулыбался маршал. – Завтра же я подпишу ваше назначение: вы станете духовником королевы.

«На, бери! Получай! – гневался про себя Кончини. – Получай, пока не получил где-нибудь в темном закоулке пулю, от которой не спасет тебя твоя хваленая кольчуга!»

Ришелье затрепетал от радости. Хитростью и угрозами ему наконец удалось добиться вожаденной цели: должность духовника юной Анны открывала ему доступ в августейшее семейство.

– Дорогой маршал, – снова заговорил он, – я хочу сообщить вам кое-что еще...

«Припас для меня еще один удар!» – злобно подумал Кончини.

– После ареста отца необходимо заняться устранением дочери... – продолжал Ришелье. – Она – душа этого заговора.

Кончини страдал невыносимо. Епископ все время говорил о Жизели так, словно она была жива. А она, мертва! Утоплена головорезами королевы-матери!

– О чем вы? – хрипло спросил маршал. – Особы, о которой вы говорите, больше нет на свете.

– Вы ошибаетесь, маршал, – возразил епископ, уверенный, что Кончини притворяется. – Эта девушка живет нас с вами.

– Повторите! – вскричал Кончини, побелев, как полотно. – Ришелье, если под вашей кольчугой бьется сердце мужчины, умоляю вас, повторите!

– Я сказал, – повторил искренне удивленный епископ, – что дочь герцога Ангулемского жива и находится сейчас в доме Мари Туше на улице Барре. Я сказал, что нужно ее устранить. Без ареста, без шума, лучше всего – тайное заточение... Что с вами, господин маршал, вам плохо?

Точно громом пораженный, Кончини рухнул в кресло, испустив вопль дикой радости. В тот же миг распахнулась потайная дверца и в комнату вплыла Леонора Галигаи. Она поднесла к носу супруга флакон. Кончини открыл глаза, увидел Леонору и понял, что она слышала все.

– Ты была там? – с ужасом выдохнул он.

– Да, – ледяным тоном ответила Леонора.

На ее лице только великолепные глаза казались живыми, и в них Кончини прочитал приговор Жизели.

– Предоставь это дело мне, – промолвила Леонора, – и ни о чем не беспокойся. Сегодня вечером ты расправишься с отцом, а дочь займусь я. Клянусь тебе не посягать на жизнь этой девушки. Как только я доставлю ее сюда, в наш

особняк, мы вместе решим ее судьбу. Ступай, твоей бедной голове нужен отдых... Ты только что едва не умер от радости, а я – от горя.

Леонора старалась быть благородной.

– Господин де Ришелье, – сказала она, поворачиваясь к епископу – вы, как я понимаю, еще не закончили и наверняка хотите сообщить нам еще много интересного. Маршал занемог. Не соблаговолите ли пройти в мою молельню?

Через несколько секунд они уже были вдвоем в молельне Леоноры.

– Вы ведь не все успели рассказать господину маршалу? Я слушаю, – властным тоном проговорила хозяйка.

– Мадам, – начал Ришелье шипящим голосом, дрожащим от злости, – как гениальный политик, вы должны согласиться, что замыслы великих людей рушатся порой из-за происков какого-то мелкого негодяя, тем более успешных, что низкое общественное положение позволяет ему остаться в тени.

Леонора вздрогнула, к груди ее прихлынула волна ненависти. Ее собственные планы уже два раза потерпели фиаско из-за какого-то безвестного человека. Капестан! Если бы священник мог избавить ее от проклятого Капестана!

– Мадам, – продолжал Ришелье, – арест герцога Ангулемского станет ошибкой, устранение его дочери превратится в преступление, если тот, о ком я говорю, будет разгуливать на свободе... У этого чело века бесстрашное сердце, его имя – шевалье де Капестан!

– Капестан! – воскликнула Леонора Галигаи. – Стало быть, и вы, епископ, и вы тоже его ненавидите?

– Да, я ненавижу его! – резко произнес герцог Ришелье.

В этот миг два талантливых лицедея перестали наконец притворяться, не боясь показать друг другу свое истинное лицо: два хищника собирались дружно ринуться на одну и ту же добычу. Все было понятно без слов!

«Марион – моя», – торжествующе подумал Ришелье и добавил вслух:

– Лично мне он не сделал ничего дурного, мадам, мою ненависть питает исключительно забота о благе государства. Это ничтожество способно расстроить наши планы, тем более, что дочь герцога, Жизель, легко может попасть под его влияние.

– Жизель! – удивилась Леонора. – Каким образом?

– Она любит Капестана! – мрачно объявил Ришелье.

– Любит Капестана! Вы уверены в этом? – вскинула брови женщина.

– Да, любит, – все так же мрачно подтвердил епископ. – Он же, во всяком случае, притворяется, что отвечает ей взаимностью, хотя, насколько мне известно, его сердце отдано другой. – Ришелье подавил злобный вздох. – Но дочь герцога любит его всей душой. Мой человек подслушал в особняке герцога Ангулема разговор: Жизель открыто объявила отцу о своем чувстве.

«Священник ошибается, – подумала Леонора, – зато я ста-

новлюсь ясновидящей: Капестан любит Жизель! Они любят друг друга! О, моя месть!»

– Прежде всего, – продолжал епископ, – надо устранить это препятствие. Убейте Капестана, мадам!

– Я прикажу разыскать его, – обещала Леонора, – и как только его найдут...

– Никаких розысков не понадобится, мадам, его можно взять в любое время, – проговорил Ришелье. – Шевалье ютится на улице Вожирар в убогой гостинице; она называется «Генрих Великий».

Подняв глаза на Леонору, епископ увидел на ее лице выражение столь ужасное, что поспешил скрыть свою радость, отвесив низкий поклон. «Капестана можно считать мертвым. Марион – моя!» – ликовал Ришелье.

Леонора взяла епископа за руку и промолвила тихим голосом:

– Маршал пообещал вам должность духовника молодой королевы. Я тоже не хочу быть неблагодарной – и потому заверяю вас: к концу этого года, Ришелье, вы станете кардиналом!

Епископ склонился над рукой Леоноры, запечатлев на ней почтительный поцелуй, который скрепил их союз – союз двух честолюбий, готовых на любые преступные действия.

В тот же день около четырех часов пополудни после драматической любовной сцены, завершившейся объявлением

войны герцогу Ришелье, маркиз де Сен-Мар покинул гостиницу «Три короля». В то же самое время из «Генриха Великого» вышел шевалье де Капестан и стремительно зашагал по улице. Он был очень бледен, даже быстрая ходьба не оживила его лица. Несмотря на обещание, данное Марион Делорм, спешил он вовсе не к ней...

Накануне, в тот вечер, когда шевалье, забрав последний пистоль, отправился по совету своего слуги в игорный дом, томимый голодом Коголен тихонько выскользнул из гостиницы на дорогу и, послунив указательный палец, поднял его вверх, дабы определить, откуда дует ветер. В ту сторону оруженосец и направил свои стопы.

Коголен шатался по улицам и обшаривал взглядом харчевни, зорко следя за входившими туда счастливыми. Пробило десять, заведения, где можно было поесть, закрывались, наступала ночь. Коголен начал уже отчаиваться, как вдруг в тусклом свете, падавшем из дверей какой-то лавчонки, углядел величественную фигуру, показавшуюся ему знакомой.

«Ей-Богу, – сказал он себе, – с этим индюком мы уже где-то пировали. Вот только где? В «Трех королях»! Точно! Хозяин ужинал тогда с маркизом де Сен-Маром...»

– Эй, господин... – закричал Коголен. – Дорогой мой, как тебя... господин Лампион... Подсвечник... нет, Фонарь... точно: Фонарь... Эй, господин Лантерн¹³!

---

¹³ Lanterne (франц.) – фонарь.

Человек, которого окликнул слуга Капестана, действительно был лакеем Сен-Мара; он обернулся, и Коголен увидел жизнерадостное лицо, хорошо упитанное и цветущее. Коголен согнул в льстивом поклоне свою тощую спину и стал держать лукавую речь:

– Вечер добрый, господин де Лантерн! Вид у вас, как всегда, внушительный, точно у важного сеньора!

– Кажется, господин Коголен? Но почему вы называете меня де Лантерном? – удивился лакей.

– Я ошибся? – воскликнул Коголен, изображая раскаяние. – И как же вас следует называть?

– Просто Лантерн... – проговорил слуга Сен-Мара.

– Просто Лантерн! – всплеснул руками Коголен. – А я, черт возьми, только сегодня утром говорил своему хозяину: «Должно быть, маркиз Сен-Мар – важная шишка, коли в лакеи к нему идут такие важные господа!» Приношу свои извинения, уж вы на меня не обижайтесь!

– В ваших словах нет ничего обидного, – успокоил его Лантерн, – оставим это. Я как раз собираюсь поужинать, господин Коголен, и, надеясь, что вы сохранили приятные воспоминания о нашей первой встрече, прошу вас составить мне компанию.

– Я только что из-за стола, мой дорогой де Лантерн, – лицемерно вздохнул Коголен, – но ради чести быть вашим сотрапезником, ей-Богу, можно поужинать и два раза кряду.

– Трактирчик, куда мы пойдем, откроется специально для

меня, – объяснил Лантерн. – Мы поужинаем в «Золотой утке», на улице Барре, знаете?

Коголен чуть не подпрыгнул. «Ого, – подумал он, – это там, где я сцепился со шпионом Лаффема. Неужто меня ждут новые приключения?»

Через несколько минут они приблизились к улице Барре, Лантерн постучал в дверь, и хозяйка, видимо, ждавшая его, тут же усадила их за стол.

Часом позже Коголен имел полное право подозревать в своем сотрапезнике переодетого герцога – сильно захмелевший Лантерн сманивал его к себе на службу. Коголен, насытившийся на три дня вперед, отклонил сие лестное предложение. В этот миг отворилась дверь, и в трактир вошел человек, по виду похожий на лакея богатого дома.

– Добрый вечер, Бургонь, добрый вечер, – залепетал Лантерн.

Человек, не обращая внимания на Коголена, которого он, видимо, посчитал челядинцем маркиза, склонился к Лантерну и тихонько проговорил:

– Передайте господину маркизу, что дело назначено на завтра, на пять вечера. Монсеньор посылает ему ключ от маленькой двери. Вот он.

Человек исчез так же быстро, как и появился, а Лантерн старательно упрятал ключ в карман. Коголен все это заметил и запомнил...

– И что же должно произойти завтра в пять? Что это за

ключик, господин де Лантерн? – с хитрой улыбкой осведомился слуга Капестана.

– О, друг мой... – начал Лантерн, снова преображаясь в знатного сеньора и отирая рукой заслезившиеся от тщеславия глаза.

– Господин де Лантерн, время уже позднее. Если вы позволите, я провожу вас до вашего дома, со мной вы будете в полной безопасности, – залезбил Коголен.

– Позволяю, мой друг, – с трудом ворочая языком, мило-стиво ответил Лантерн. – Я уже исполнил здесь свой долг... Прощайте, любезная Леонарда.

– До свидания, господин де Лантерн, – делая реверанс, ответила хозяйка, от зорких глаз которой не ускользнули уловки Коголена.

Коголен, на прощание одаривший трактирщицу восхищенным взглядом, поспешил за Лантерном, который величественно проследовал к двери.

Как только они очутились на улице, Коголен сказал:

– Вы, должно быть, тонкий дипломат, раз вам доверяют такие миссии. Вам ведь нужно передать маркизу де Сен-Мару, что дело назначено на завтра, на пять вечера?

– Точно, Бургонь мне сказал – на пять, – закивал Лантерн. – Я так полагаю, что завтра вечером состоится подписание брачного контракта...

– Значит, и свадьба не за горами, – предположил Коголен.

– Не за горами? – разразился пьяным смехом Лантерн. –

Да поглядите только, все дома уже танцуют.

– Они рады, что вскоре сыграют свадьбу, – пояснил Коголен, не давая спутнику сбиться с мысли.

– Вскоре? – повторил Лантерн, с пьяной назойливостью прицепившись к одному слову. – Вскоре, вскоре... Сразу видно, мой друг, что ты вовсе не дипломат. В пять – контракт. В шесть – благословение священника. Вот так-то!

– Да ну?! – восхитился Коголен. – Вас, конечно, пригласят на свадьбу, господин де Лантерн! В таком деле жениху без вас не обойтись, это уж точно!

Лантерн уселся прямо на дорогу, упершись руками в грязную землю.

– Черт возьми! – суровым голосом изрек он. – Не хватало только, чтобы господин маркиз де Сен-Мар женился без моей помощи! Завтра – свадьба, завтра – пирушка! Слушай, друг Коголен, я приглашаю тебя на пир, я желаю, чтобы ты непременно пришел. Чтобы ты перед этой ангулемской челядью, перед Рэмбо, перед Бургонем, чтобы ты перед всеми ними... так сказать... я желаю...

– Я буду оказывать вам подобающие знаки внимания – и они все увидят, какого обращения вы заслуживаете! И невеста тоже увидит! Она, надо полагать, прехорошенькая и прелюбезная девица, не так ли? – небрежно поинтересовался Коголен.

– Чего не знаю, того не знаю, – важно ответил Лантерн. – Мне не довелось встречаться с дочкой герцога Ангу-

лемского.

Коголен, который аж присел на корточки, по крохам извлекая тайну из пьяного лакея, выпрямился и пробурчал:

– Бедный мой шевалье! Нет, не я принесу ему эту горестную весть!

– Коголен! – промычал Лантерн. – Не покидай меня!

– Ни за что! – пообещал Коголен, помогая подняться своему новому другу. – Вот так! Обопритесь на мое плечо. В дорогу! Вы пригласили меня на пирушку, а куда же я должен прийти?

– Черт возьми! – воскликнул Лантерн, осененный новой идеей. – А что если мы двинем туда прямо сейчас? На пирушку! Вон туда! – он указал на один из домов, расположенных на улице Барре.

«Тот самый! – пронеслось в голове у Коголена. – Перед ним остановилась карета, за которой следил Лаффема! Все ясно! Бедный шевалье!»

– Пошли! – настаивал Лантерн. – У меня есть ключ от маленькой двери.

– Давай его сюда. Я открою, – предложил Коголен.

В течение нескольких минут Лантерн искал ключ, полученный от слуги герцога Ангулемского. Коголен помогал Лантерну столь усердно, что ключ вскоре оказался в кармане у слуги Капестана, а пьяный лакей этого даже не заметил.

– Наверное, вы потеряли этот ключ, – высказал предположение Коголен. – Я думаю, сейчас вам лучше вернуться к

себе, а ключ поискать завтра, на свежую голову... Где живет ваш хозяин?

– На улице Сен-Антуан... рядом... с Фий-де-ла-Круа... – с трудом ворочая языком, пробормотал Лантерн.

Вскоре они прибыли на место. Коголен изо всех сил заколотил кулаками в дверь, которая тут же отворилась. Лантерн, сжав его на прощание в объятиях, еле слышно пролепетал:

– До завтра, мой достойнейший друг.

– До завтра... после дождичка в четверг, – ухмыльнулся преданный слуга шевалье де Капестана.

Глава 9

Из вышеизложенного легко понять, почему на следующий день в четыре часа шевалье де Капестан быстрым шагом устремился на улицу Барре. Коголен после долгих колебаний все же рассказал хозяину о своем приключении и вручил ключ.

С какой целью торопился шевалье на улицу Барре? Об этом он себя не спрашивал. Собирался ли он воспользоваться маленькой дверью, от которой у него был ключ? Юноша был уверен, что нет. Тем не менее, он проследовал прямо к особняку Мари Туше, сам себе удивляясь: «С какой стати явился я к этому дому, куда мне заказан вход?»

С этими словами он приблизился к маленькой двери, отомкнул ее ключом и проскользнул внутрь; дверь молодой человек притворил, но не запер... Впрочем, сделал он это без особого умысла; шевалье с трудом соображал, что к чему. Перед ним оказалась еще одна дверь, он толкнул ее и очутился в большом, роскошно обставленном зале – прямо на Капестана смотрел со стены портрет Карла Девятого в блестящей позолоченной раме.

Этот зал Капестан проскочил, не задерживаясь, и вошел во вторую комнату, гораздо меньшую по размеру. Вошел и остановился: других дверей здесь не было. И только тут юноша сообразил, какую он совершил глупость: в зале сейчас

начнут собираться люди, обнаружат его в соседней комнате и наверняка решат, что он явился в этот дом, как шпион короля. В ту же секунду Капестан вздрогнул от ужаса: в большом зале раздались шаги! Там теперь было два или три человека; юноша слышал, как они переговаривались между собой: Шевалье понял, что погиб!

Однако он недолго предавался отчаянию. Приняв неожиданное решение, Капестан распрямил плечи и со смехом воскликнул:

– Ничего страшного! Придется убить себя, вот и все!

– О нет! Вы не убьете себя! – прозвучал рядом с ним нежный голос.

Капестан круто повернулся и увидел перед собой женщину – она глядела на него с едва заметной улыбкой. Несмотря на роскошный наряд дамы шевалье сразу узнал ее.

– Медонская фея! – воскликнул пораженный юноша.

Как же она попала в комнату? Через какую дверь вошла? Мягким движением взяв шевалье за руку, женщина ласково заговорила:

– Если вы убьете себя, кто же спасет мою дочь?

– Вашу дочь? – вскричал молодой человек.

– Жизель! – кивнула дама.

– Жизель! – эхом откликнулся потрясенный Капестан. –

Я должен спасти Жизель? Ах, мадам, умоляю вас, объяснитесь!

– Тихо! – выдохнула Виолетта.

Взглядом она указала на дверь, ведущую в зал. Там говорили. Капестан начал различать знакомые голоса.

– Приступим! – пророкотал баритон герцога Ангулемского. – Поскольку все уже в сборе – и будущие свидетели, и родители, прошу вас, господин Преман де Пермантен, зачитать акты. После чего вы уступите место почтенному кюре из Сен-Поля, который согласился совершить обряд венчания, прямо здесь, в этом доме.

«Обряд венчания! – воскликнул про себя Капестан, охваченный глубокой тоской. – Сейчас Жизель и Сен-Мар станут мужем и женой!»

Нотариус приступил к исполнению процедуры. Отец невесты герцог Ангулемский, герцог де Гиз, представлявший отца жениха, свидетели – все поочередно подтвердили свое присутствие. После этого нотариус громко воззвал:

– Высокородная Жизель, единственная дочь монсеньора Карла, графа Овернского, герцога Ангулемского?

– Я здесь! – откликнулась невеста.

– Анри де Рюзе, сеньор д'Эффья, маркиз Де Сен-Мар? – вновь торжественно произнес нотариус.

– Я здесь, – ответил жених.

– Все кончено! Все! – Шевалье в отчаянии пошатнулся.

В этот момент перед собравшимися вдруг появилась фея из Медона и звучным голосом проговорила:

– Подобная церемония не может состояться без графини Овернской, герцогини Ангулемской, матери невесты. Я

здесь, господа!

Виолетта вошла в зал поступью величественной и грациозной. На супруге Карла Ангулемского было белое, расширенное серебром платье из великолепной парчи, в волосах сверкала усыпанная бриллиантами герцогская корона. Всем своим видом таинственная красавица походила на сказочную королеву.

– Матушка! – пылко воскликнула Жизель. – Так вот что вы мне обещали, когда я поделилась с вами своим сердечным горем!

Обеспокоенный герцог Ангулемский, повернувшись к нотариусу, промолвил:

– Сударь, я вынужден уведомить вас о прискорбном состоянии рассудка герцогини.

Герцог де Гиз и свидетели склонились перед Виолеттой в низком поклоне. Карл Ангулемский взял ее за руку, подвел к креслу и усадил. В глазах герцога, устремленных на жену, вспыхнула было искорка давней нежности, но тут же погасла: непомерное честолюбие вытравило из души этого человека все прочие чувства. Брак дочери был для него ступенькой вверх, он знал, что старый Сен-Мар пристально следит издали за всеми его действиями, готовый в случае чего лишить заговор мощной поддержки: обильных денежных вливаний и симпатий провинциальных сеньоров. Герцог снова повернулся к нотариусу.

– Мэтр, – твердо произнес Карл Ангулемский, – соблаго-

волите зачитать акты.

– Дорогой супруг, – возразила Виолетта, – а не лучше ли сначала познакомить меня с женихом нашей дочери?

Герцог вздрогнул. Каким образом помешанная догадалась, что готовится свадьба? Слова Виолетты казались вполне разумными, а переставший блуждать взор был теперь ясен и тверд.

– Да, рассудок мой поврежден, – продолжала Виолетта, – а этот недуг сродни смерти! Но разве не встают матери из могил, чтобы уберечь своих детей от беды? Я выбралась из своего склепа, я здесь, чтобы спасти мою дочь!

– Мама! Мама! – Жизель обвила шею Виолетты руками, пытаясь успокоить больную.

Карл Ангулемский взял Сен-Мара за руку и подвел к своей жене.

– Мадам, – заговорил герцог, – разрешите представить вам маркиза де Сен-Мара, он, вопреки вашим опасениям, составит счастье нашей дочери...

– Обещаю вам это, мадам! – заверил ее молодой человек.

Безумная, взглядевшись в лицо маркизу, воскликнула:

– О! Как вы бледны! Почему? Вашу руку! Дайте мне взглянуть на вашу руку! Я умею читать судьбу по ладони! Меня научила этому моя мать. Вы знаете, кем была моя мать? Гадалкой!

– Господа! Господа! – залепетал посиневший от ужаса Карл Ангулемский. – Ее мать была герцогиней... герцогиней

из рода Монморанси! Сын Карла Девятого и дочь цыганки! Не верьте, господа, это бред!

– Цыганки! – странным голосом отозвалась Виолетта. – Ты сам сказал это слово, мой дорогой Карл! О! И о чем же говорит мне ваша рука, сударь? – вскричала она, обращаясь к Сен-Мару. – Вы не любите мою дочь! Вы обожаете, – но не Жизель! Ваша душа, ваша жизнь принадлежат другой!

– Мадам, клянусь вам... – задрожал Сен-Мар.

– Кровь! – с ужасом прервала его прекрасная пророчица. – Ох! Берегитесь, молодой человек! Я вижу, как скатывается голова Сен-Мара... я вижу плаху и топор палача!

Молодой маркиз в ужасе отпрянул от женщины. Возмущенный герцог бросился к Виолетте с криком:

– Она безумна, господа, она безумна! Виолетта остановила его властным жестом и гордо выпрямилась.

– Дочь цыганки! – повторила она. – Да, моя мать была цыганкой! Почему и мне не быть ею? Вспомни, Карл, ты впервые увидел меня в бедной кочевой кибитке. Мою мать звали Саизума, а я была маленькой певуньей Виолеттой. Ты любил меня, Карл, ты боготворил меня даже тогда, когда узнал, что я появилась на свет у подножья виселицы, на которой должны были вздернуть мою мать.

– Да, виселицы, – повторила Виолетта, отстраняя дочь. – В чем обвиняли мою мать, я не знаю. Но она спаслась только благодаря мне – когда палач опустил ей на плечо свою тяжелую руку, несчастная дико закричала – у нее начались родо-

вые схватки. Виселица! Первое, что я увидела в этой жизни! Меня подобрал и воспитал человек, оказавшийся сострадательнее других... Меня вырастил палач. Бедный Клод!

– Какой ужас! – воскликнул герцог де Гиз.

– Ужас! Ужас! – повторил маркиз Сен-Мар.

– Карл! – продолжала Виолетта, – я не хочу, чтобы наша дочь страдала так же, как моя мать и я. Отойдите, сеньор! Разорвите ваши акты, господин нотариус! Я не отдам свою дочь человеку, который кончит свою жизнь на плахе!

– Отец, – проговорила расстроенная Жизель, – позвольте, я ее успокою.

Девушка встала и увлекла Виолетту прочь. Свидетели, герцог, Сен-Мар – все казались перепуганными; все побледнели от ужаса. Огромным усилием воли герцог Ангулемский постарался вернуть себе обычное хладнокровие.

– Господа! – загремел его голос. – Я надеюсь, вы не поверили словам безумной женщины? Это было бы оскорблением для меня!

– Совершенно очевидно, – отозвался нотариус, – что герцогиня Ангулемская давно лишилась рассудка!

– Свадьба состоится, – решительно продолжал Карл Ангулемский. – Это необходимо. Маркиз де Сен-Мар и я связаны общим делом, мы дали друг другу нерушимую клятву.

– Что касается меня, монсеньор, – ответил Сен-Мар, – я вновь подтверждаю обещание, которое вы слышали от маркиза – моего отца.

Слова Сен-Мара, хотя и произнесенные очень глухо, подействовали на герцога Ангулемского ободряюще.

– Господа! – уже более уверенным тоном заговорил он. – Дорогие друзья! Ужасная сцена, свидетелями которой мы только что стали, принуждает меня отложить церемонию бракосочетания. На завтра я ее переносить не желаю. Сегодня вечером, ровно в полночь, мы снова соберемся в этом зале. Я покажу вам бумаги, подтверждающие, что мать несчастной Виолетты звалась Леонорой и принадлежала к прославленному роду де Монтегю.

Через несколько минут в зале остались только герцог Ангулемский и маркиз де Сен-Мар.

– Мальчик мой, – начал герцог, – вы уничтожили те документы, о которых я вам говорил?

– Да, монсеньор, – кивнул маркиз. – Прошлой ночью я проник в ваш особняк на улице Дофин и сжег бумаги, взятые из сундука, от которого вы дали мне ключ. Я сохранил только железную шкатулку – как вы и просили.

– Эта шкатулка, – вздохнул герцог, – содержит всю историю моей жизни, а также документы, которые докажут вам, что...

– Монсеньор, – вскричал Сен-Мар, – я не сомневаюсь ни в чем!

– Спасибо, Анри! – слабо улыбнулся Карл Ангулемский. – Ты станешь моим сыном! Ты будешь первым человеком при дворе Карла Десятого, как я и обещал твоему отцу!

– МонсенЬор, – произнес снова побледневший Сен-Мар, – разрешите мне сопровождать вас на улицу Дофин.

– Нет, мой мальчик, – покачал головой герцог, – мне надо побыть одному, но в полночь обязательно приходите сюда!

– Одному, – повторил герцог минутой позже, – да, мне надо побыть одному, чтобы хорошенько просмотреть содержимое железной шкатулки! Что подумают люди, готовые провозгласить меня королем, если узнают, что Виолетта сказала ужасную правду! Что я, герцог Ангулемский, будущий властелин Франции, женат на несчастном создании, рожденном у подножия виселицы! Что будущая королева Франции воспитана палачом! О, грехи моей юности, какой тяжестью легли вы на мою судьбу! Да, я ее обожал тогда, я бы умер, если бы Виолетта не стала моей... И вот теперь я...

Герцог решительно тряхнул головой, приблизился к факелу, вынул из кармана письмо и жадно впился глазами в последний абзац. Вот он:

«После всего вышеизложенного Вы должны согласиться, что я не могу поддержать заговор, если Вы не выполните своего обещания. Извините, мой дорогой герцог, но где гарантии того, что король Карл Десятый не забудет клятв, данных герцогом Ангулемским? Итак, будущее положение моего сына при Вашем дворе должно быть подкреплено официальным браком, свидетельство о котором я надеюсь получить через неделю, или... Вы достаточно тонкий политик, чтобы закончить мою мысль.

*Дорогой герцог и будущий сир,
примите уверения в моей искренней преданности
Маркиз де Сен-Мар»*

– Крайний срок! – пробормотал Карл Ангулемский. – Если сегодня вечером что-то случится, мои планы рухнут!

Он сжег письмо, поспешно покинул дом и направился в особняк на улице Дофин.

Капестан также присутствовал при ужасной сцене, но она показалась ему счастливым сном, от которого он не хотел пробуждаться. Шевалье уже наделил фею из Медона фантастическим могуществом: она сумела остановить свадьбу днем, она сумеет помешать ей и в полночь. Чей-то голос рядом с ним произнес:

– Пойдемте!

Виолетта! Она провела юношу через два или три покоя, погруженных во тьму, и открыла дверь в залитую светом комнату. Шевалье застыл на пороге, как вкопанный. Она была тут! Она! Жизель!

Капестан изумленно созерцал девушку, которая, казалось, ждала его. Глаза ее, ясные и чистые, смотрели на него без всякого удивления. Молодой человек поклонился и проговорил:

– Я проник в ваш дом, как воришка, я подслушивал у дверей, я видел все. Сударыня, я заслуживаю того, чтобы ваши лакеи вышвырнули меня вон.

– Я знала, что вы здесь, шевалье, – ответила Жизель. –

Как только моя мать сообщила мне об этом, я попросила ее привести вас сюда.

– Надо полагать, – произнес Капестан, давая выход своему безудержному отчаянию, – вы собираетесь объявить мне, что благородная дочь герцога Ангулемского не желает больше встречать на своем пути нищего искателя приключений вроде меня! Что невесте маркиза де Сен-Мара не пристало разговаривать с авантюристом, явившимся неизвестно откуда! Что в груди бродяги не имеет права биться сердце рыцаря! Что мне разрешено только исчезнуть! Ведь вы хотели сообщить мне именно это?! Ах! Сударыня, я очень догадлив, я готов скрыться с ваших глаз прежде, чем вы успеете мне это приказать!

Капестан гордо вскинул голову и вознамерился уходить, но его остановил голос Жизели, проговорившей твердо и просто:

– Шевалье, я просила мою мать привести вас ко мне, чтобы сказать вам: я вас люблю.

Капестан был так потрясен, что даже пошатнулся. Рука его неуверенно потянулась к руке девушки, но Жизель остановила его исполненным достоинства жестом.

– Шевалье, – промолвила красавица, – слова, которые я только что произнесла добровольно, я больше не повторю никогда... Никто не услышит от меня подобного признания... Не услышите его и вы, шевалье, – сегодня вечером я стану маркизой де Сен-Мар.

Капестан тряхнул головой, слова любви рвались с его губ, но Жизель не позволила юноше заговорить.

– Не надо, шевалье, – воскликнула она. – Я призналась вам в том, в чем не признавалась даже Богу! Но я открыла вам свое сердце только потому, что угадала в вас великую душу, способную понять, какую жертву я вынуждена принести. Я должна отдать свою руку господину де Сен-Мару. Союз двух наших имен неизбежен... Мой отец, принцы, тысячи других дворян рискуют головой, участвуя в нашем деле, о котором вы хорошо знаете. Если я не сдержу своего слова, я могу стать убийцей собственного отца.

Капестан смотрел на девушку с нескрываемым восхищением. Они стояли друг против друга, связанные этим взглядом теснее, чем любовными объятиями, на которые не могли решиться их руки. Наконец шевалье промолвил:

– Вы – дама моего сердца, вы – владычица моей жизни. Любое ваше повеление – даже если оно будет заключаться в том, чтобы умереть вдали от вас – я исполню с честью.

– Живите, – ответила красавица, – и не покидайте Парижа!

– Вы приказываете мне жить? – вскричал молодой человек. – О! Будьте осторожны, не вселяйте в мое бедное сердце бессмысленных надежд!

– Я предчувствую надвигающуюся катастрофу, меня страшит участь отца, – прошептала Жизель. – Если моя жизнь будет разбита и смерть станет единственным моим прибе-

жищем, с какой же радостью призову я вас, чтобы сказать: «Жизнь разделила нас, так пусть же смерть нас соединит!»

Капестан с трудом сдержал крик радости. Судьба бросала юноше вызов, и он принимал его, как великую удачу.

– Жизель! – пылко проговорил шевалье. – Могу поклясться, что я вас завоюю! Мы предназначены друг для друга. Катастрофа? Пусть разразится катастрофа! Я буду рядом и спасу вас! Прощайте! Ваши слова я уношу с собой и навеки сохраню в своем сердце, как драгоценный талисман! Знайте, что с этой самой минуты я начинаю борьбу за вас. Я буду действовать, и когда я стану почти равным королю, когда я добьюсь милости для вашего отца, я приду к вам со словами: «Не смерть, а жизнь пусть нас соединит!»

Шевалье ласково привлек девушку к себе и в залог будущего счастья запечатлел на ее губах нежный поцелуй. Через несколько секунд Капестан был уже на улице.

В тот же самый день и в то же время, когда шевалье спешил на улицу Барре, Леонора Галигаи вышла пополудни из своих покоев и проследовала в обширную приемную, три окна которой выходили на улицу Турнон.

– Бельфегор! – негромко позвала она.

Нубиец не отвечал, хотя явно был где-то поблизости. Одно из трех окон – расположенное слева – было открыто. В глубокой нише Леонора увидела Бельфегора, перегнувшегося через подоконник. Женщина бесшумно скользнула в со-

седнюю, центральную, нишу, подняла раму и выглянула наружу.

Окинув улицу быстрым взглядом, Леонора не увидела ничего особенного; она заметила лишь несколько прохожих, которые, поравнявшись с особняком Кончини, отворачивались, что-то бормоча. Маркизе д'Анкр показалось, что она слышит глухие проклятия.

– Погодите! – злобно прошипела Леонора. – Скоро наш дом будут охранять гвардейцы, чтобы Кончини мог спать спокойно, ибо... ибо дом этот называется Лувром!

Мысли женщины снова вернулись к Бельфегору. Нубиец смотрел куда-то пристальным и восхищенным взглядом. Леоноре показалось, что глаза ее слуги устремлены на окна гостиницы «Три короля». Галигаи тихо приблизилась к Бельфегору и тронула его за плечо. Нубиец обернулся и непонимающим взором уставился на свою госпожу, словно внезапно пробудился от глубокого сна.

– Бедный Бельфегор! – промолвила Леонора, внимательно вглядываясь в его лицо. – Кажется, ты влюблен...

«Точно влюблен, – подумала она. – Зарится на какую-то девицу с постоялого двора... Пускай, это, надо полагать, не опасно...»

Изощренный ум склонен пренебрегать незначительными фактами. Это не опасно... Как знать! Мелкие факты приводят иногда к крупным неприятностям... Леонора распорядилась:

– Бельфегор, надо привести в порядок нижние комнаты.
Нубиец молча поклонился.

– Все нижние комнаты, понял? – повторила Леонора. –
Все! И последнюю тоже! Ту, что в самом конце коридора!

– Камеру с железной плитой? – уточнил Бельфегор.

– Да, – холодно подтвердила женщина, – с железной плитой.

Леонора вернулась к себе в комнату и занялась письмами. Она строчила их одно за другим и тут же вручала курьерам. И вдруг в особняке, с двух часов погруженном в тишину, поднялся какой-то шум. Отложив перо, Леонора по потайному ходу направилась в кабинет Кончини.

Маршал инструктировал своих подручных. Поговаривали, что на совести солдат Кончини, напоминавших отряд «Сорока Пяти»¹⁴ Генриха III, исчезновение многих людей... Когда вошла Леонора, головорезы сразу покинули комнату.

– Вы готовы? – спросила Галигаи.

– Готов, – ответил Кончини.

– Откуда вы начнете? – поинтересовалась женщина. – С улицы Дофин или с улицы Барре?

– Я не понимаю, что вы имеете в виду, – глухо произнес Кончини.

– Чего же тут непонятного? – удивилась Леонора. – Я спрашиваю, начнете вы с отца или с дочери. Берегись, Кон-

---

¹⁴ «Сорок Пять» – отряд из сорока пяти наиболее преданных королю Генриху III дворян.

чино! Девушкой собиралась заняться я, но ты убедил меня, что справишься с ней сам, и я уступила. Но теперь я требую, чтобы ты начал с улицы Дофин – с отца. Я опасаюсь, что если ты начнешь с дочери, то сразу потеряешь голову, забудешь про герцога и все провалишь!

– Все будет сделано как надо, – успокоил ее Кончини, обрадованный тем, что Леонора пребывает в столь покладистом настроении. – Я начну с улицы Дофин.

– Это главное, Кончино, – продолжала внушать мужу Леонора. – На карту поставлена твоя жизнь – и моя тоже. Через час герцог Ангулемский должен быть в Бастилии. Остальное меня не касается. Ты следил за мной весь день. Неужели я дала какой-то повод подозревать, что не сдержу своего слова? Твоя Жизель меня вовсе не интересует. Я требую только, чтобы ты выполнил данное мне обещание.

– Разумеется, – заверил жену Кончини, пряча сардоническую усмешку. – Клянусь, девушка скоро будет здесь. Не волнуйся, *carissima*. Через час все будет кончено.

Леонора Галигаи побледнела под слоем румян. Ее черные глаза горели ревностью и страстью.

Женщина вернулась в свои покои и, дрожа от нетерпения, стала ждать... Через пять минут в комнату проскользнул какой-то человек.

– Ну и как? – взволнованно спросила Леонора.

– Монсеньор спустился по улице Турнон и вошел в Невде-Фоссе. Маршала сопровождают Ринальдо и все прочие, –

доложил соглядатай.

Леонора затрепетала от радости.

Она отпустила шпиона и заторопилась в свою приемную. Там уже сидели два дворянина, одного из которых звали виконт де Люкс, другого – шевалье де Брэн. Оба были вооружены до зубов. Вскочив, мужчины почтительно поклонились супруге маршала и молча ждали, когда она заговорит.

– Вас послала королева Мария? – спросила Леонора.

– Да, мадам, – ответил де Брэн.

– Какие указания она вам дала? – осведомилась Галигаи.

– Выполнять ваши распоряжения, как ее собственные, – откликнулся де Люкс.

– Королева объяснила вам, в чем дело? – строго взглянула на мужчин Леонора.

– Ее Величество королева сказала только, что мы должны арестовать и доставить в надежное место девушку, опасную заговорщицу, а дальше действовать по вашему усмотрению, – объяснил де Брэн.

– Господа, – промолвила Леонора, – девушку эту вы знаете: речь идет о Жизели, дочери герцога Ангулемского. Както вечером она покинула Лувр вместе с вами – и недалеко от моста Меньял с ней случилась неприятность: красавица упала в воду, но благополучно выбралась из реки, к счастью для себя и к несчастью для вас, господа, – отчеканила Леонора последние слова и добавила: – Особы, которых вам поручено убрать в интересах безопасности государства, по-прежнему

му пребывают в добром здравии! Мне с трудом удалось умерить гнев королевы, но сегодня вечером вы должны исправить собственный промах!

– Мы это сделаем! – заверил женщину де Люкс.

Быстро добравшись до улицы Дофин, Карл Ангулемский поднялся на второй этаж особняка, прошел в свой кабинет и зажег светильник. Затем герцог открыл сундук и, вынув оттуда железную шкатулку, принялся просматривать лежавшие в ней бумаги. Справа от кресла, в котором устроился герцог, располагался камин, полный черного пепла, оставшегося от сожженной Сен-Маром политической крамолы. Дверь, в которую Карл Ангулемский вошел, была теперь у него за спиной.

Герцог погрузился в работу, отнявшую у него немало времени. В левую сторону он откладывал документы, которые собирался сохранить. Те же бумаги, которые надо было уничтожить, он сминал и бросал во вновь разожженный камин. Но вот, покончив с этим делом, Карл Ангулемский взял документы, лежавшие слева, свернул их, сунул в бумажник и спрятал в карман. А потом случилось нечто, заставившее герцога задрожать от страха.

Дунув на светильник, герцог загасил огонек, однако комната так и не погрузилась во тьму! Карл Ангулемский стремительно обернулся, и крик ужаса застрял у него в горле. В кабинете стоял человек со шпагой в руке, позади него сгрудились семь или восемь мужчин, тоже вооруженных; один из

них держал в руке факел.

– Кончини! – воскликнул герцог.

С этими словами он обеими руками схватил стол, напрягая все силы, поднял его, опустил перед собой, соорудив таким образом заслон между собой и незваными гостями, и обнажил шпагу.

– Господин герцог! – громко проговорил Кончини. – Именем короля вы арестованы! Я должен доставить вас в тюрьму.

– Вы – меня – в тюрьму?! – взревел Карл Ангулемский. – Да вы!.. Вы!.. Вы же...

– Взять его! – приказал Кончини.

Головорезы маршала ринулись вперед. После первого же удара шпага герцога сломалась. Несколько секунд борьбы, хриплых выкриков, проклятий – и все стихло.

Карл Ангулемский, с кляпом во рту, подхваченный десятком рук, был брошен в карету, поджидавшую у дверей особняка. Герцог потерял сознание, а когда очнулся, понял, что находится в совершенно пустой камерке с толстыми стенами. Узкое окошко, забранное решеткой, пропускало немного света. Герцог кинулся к этому отверстию и, прижавшись к железным прутьям искаженным лицом, испустил отчаянный вопль:

– Бастилия! Бастилия!

Выйдя из Бастилии, Кончини со своим отрядом отправился пешком на улицу Пти-Мюск, упирающуюся в улицу Барре. Двоим «солдатам» он приказал привести лошадей к месту,

известному под названием Плас-о-Во, третьему – подогнать карету, доставившую арестованного герцога Ангулемского в Бастилию, к дому Мари Туше.

Быстро добравшись до улицы Барре, Кончини остановился перед особнячком. Маршала д'Анкара била дрожь.

– Куда мы повезем эту девицу? – спросил Ринальдо.

– В мой дом в Рейи, – ответил Кончини. – Послушай, Ринальдо, мне придется вернуться к себе в особняк, завтра ожидаются всякие события... к тому же именно я должен сообщить королю об аресте герцога. Я поручаю тебе вместе с Монревалем отвезти девушку в Рейи. Про этот мой дом не знает никто, даже Леонора... Там ты будешь хорошо охранять пленницу, мой славный Ринальдо.

– Вы забыли, монсеньор, что Нам предстоит арестовать еще одного человека: этого чертова Капестана, – напомнил Ринальдо. – Клянусь, монсеньор, что если вы не позволите мне схватить за глотку этого негодяя, я покину службу.

– Успокойся, Ринальдо, – улыбнулся маршал. – Завтра я пришлю тебе кого-нибудь на смену, и ты сможешь вплотную заняться Капестаном; не сомневайся, он никуда не денется... Однако пора нам войти в дом. Дверь надо открыть без шума.

– Дело мастера боится, монсеньор, – осклабился Ринальдо. – Эту дверь отворить нетрудно...

– Если она... что? – любопытствовал Кончини.

– Если она уже отперта! – закончил фразу Ринальдо. – Поглядите сами!

Кончини ринулся внутрь, за ним – Ринальдо и все остальные. Взбежав по лестнице, маршал распахнул двери и оказался в зале, освещенном факелами. Кончини схватил один из них и помчался дальше. Он метался по комнатам, общался со всеми закоулками вверх и вниз... Никого! Дом был пуст!

– Пташка улетела! – ухмыльнулся Ринальдо.

Не проронив ни слова, Кончини вернулся на улицу; в сопровождении не отстававшего от него Ринальдо маршал добежал до Плас-о-Во, вскочил на своего коня и вонзил ему шпоры в бока.

– Лувиныйяк! – прокричал Ринальдо, тоже пуская свою лошадь в галоп, – приведешь наших людей в особняк монсеньора!

Не прошло и четверти часа, как всадники спешили перед резиденцией маршала. Когда они входили в ворота, слева от которых располагалось караульное помещение, двое только что спустившихся с крыльца мужчин пересекали парадный двор. При виде Кончини они застыли на месте, но отступить было поздно. Он уже заметил их и без сомнения узнал: лицо маршала приняло любезное выражение, он сделал приветственный жест рукой и воскликнул с хорошо разыгранным изумлением:

– Господин де Брэн! Господин де Люкс! Меня осчастливили своим посещением двое самых преданных дворян Ее Величества королевы-матери! Чем обязан такой чести?

– Монсеньор, – ответил де Люкс, – мы только что вручи-

ли вашей супруге послание, доверенное нам Ее Величеством королевой-матерью.

– Очень кстати, – обрадовался Кончини. – Мне тоже нужно передать королеве важное сообщение. Я надеюсь, вы не откажетесь захватить его с собой в Лувр?

– Мы с радостью выполним ваше поручение, – заверил его де Брэн.

– Вам придется чуточку подождать, пока я напишу три строчки, – любезно улыбнулся Кончини.

С этими словами он открыл дверь караульного помещения, что-то тихо приказал офицеру и жестом пригласил посланцев королевы внутрь. Де Люкс и де Брэн одновременно посмотрели на небольшую калитку, через которую можно было выскочить на улицу, но рядом с ней стоял в небрежной позе Ринальдо. Они вынуждены были войти в караульное помещение, где их тут же окружил десяток стражников, так что слуги королевы не могли сделать и шага ни к двери, ни к окну.

Оставшийся снаружи Кончини приблизился к Ринальдо.

– А ты побудь здесь, – распорядился маршал. – Убивай каждого, кто попытается пройти.

После чего Кончини кинулся во дворец, промчался по потайному ходу, которым до сих пор пользовалась в основном Леонора, и пинком распахнул дверь ее комнаты в тот самый миг, когда достойная супруга маршала вливалась в противоположную дверь. Выхватив кинжал, Кончини подскочил к

Леоноре и свободной рукой вцепился в плечо жены.

– Только не лгать! – прорычал маршал. – Ты сговорила-сь с королевой и выкрала Жизель! Люкс и Брэн уже во всем признались. Отвечай, куда ты дела дочь герцога?

– Как ты меня огорчаешь! – воскликнула Леонора.

– Отвечай! – рычал Кончини не помня себя от ярости. – Ты что, не видишь – сейчас я тебя убью!

Он занес кинжал.

Леонора страдала невыносимо: обожаемый супруг жестоко оскорбил ее любовь, впервые открыто признавшись в своей страсти к другой женщине.

– O! mio amore! – простонала Галигаи. Кончини скрипнул зубами и гневным тоном заявил:

– Ты заслуживаешь смерти, Леонора! Ты сама этого доби-лась. Так вот же!..

Галигаи перехватила руку мужа, занесенную для удара.

– Выслушай мои слова, Кончино. Если ты убьешь меня, свою тайну я унесу с собой в могилу, понял? После моей смерти ты можешь разобрать Париж по камешку – но не най-дешь ее. Погибну я – погибнет она!

Кончини отшвырнул кинжал. Сотрясаясь от рыданий, он бросился на колени. Леонора с состраданием смотрела на мужа; в ее взгляде презрение мешалось с почти материнской жалостью.

– Леонора, – всхлипывал Кончини, – я покончу с собой, если ты не поклянешься сохранить этой девушке жизнь.

– Успокойся, – произнесла Галигаи. – Если бы я хотела убить ее, она уже давно была бы мертва. Жизель будет жить и даже выйдет на свободу, как только перестанет мешать осуществлению наших планов.

– Да, ты права, – судорожно вздохнул маршал. – И как же я смогу убедиться, что она жива?

– Я отведу тебя к ней, – пообещала Леонора.

Кончини вскочил на ноги и заключил жену в объятия; пьяный от счастья, он клялся, что любит ее и только ее; Леонора принимала все – и бурные ласки, и заверения в вечной верности; наконец, одарив на прощание супругу пылким поцелуем, маршал стремительно удалился.

– О любовь моя, неиссякаемый источник ненависти! – прошептала обессиленная Леонора. – Какую же мне измыслить месть?..

Кончини спустился во двор, подошел к Ринальдо, стоявшему на том же месте, что и полчаса назад, и тихонько спросил:

– Если я прокричу «Santa Maria!», ты услышишь?

– «Santa Maria!» Конечно, услышу! – не без удивления ответил Ринальдо.

Кончини открыл дверь караульной и сделал де Люксу и де Брэну знак следовать за ним. Из особняка они вышли вчетвером: Кончини шагал рядом с де Люксом, Ринальдо конвоировал де Брэна.

– Господа! – промолвил Кончини. – Хорошенько подумав,

я решил, что мне следует самому нанести визит Ее Величеству. Невзирая на поздний час, я должен увидеться с королевой.

Люкс и Брэн заулыбались: им лучше других было известно, что Кончини навещал королеву и в часы более поздние... Подойдя к Новому мосту, Кончини вдруг резко остановился.

– Вы что-то заметили, монсеньор? – встревожился де Люкс, хватаясь за шпагу.

Место это пользовалось дурной славой, даже дозоры не решались заглядывать сюда. Кончини сказал в ответ:

– Да, заметил. Я заметил, господа, что вы – лжецы. Если бы вы знали, – взревел он, – какую боль вы мне причинили! Ах! *povero!* Ах! «*Santa Maria!*»

С этими словами он, словно дикий зверь, бросился на де Люкса, и тот, не издав ни звука, рухнул на землю с перерезанным горлом. Услышав крик «*Santa Maria!*», Ринальдо кинулся на де Брэна; тот попытался выхватить шпагу, но поздно: кинжал уже вонзился ему в живот. Обливаясь кровью, де Брэн стал медленно оседать на мостовую.

Кончини, придавив коленом грудь де Люкса, осыпал свою жертву яростными ударами, рука маршала поднималась и опускалась, он весь вымазался в крови и, похоже, плохо соображал. Выместив на трупe свою ярость, он подтащил искромсанное тело к реке и пинком столкнул в воду. Ринальдо последовал примеру своего хозяина, и через Несколько секунд два покойника, покачиваясь на волнах, поплыли рядом

по течению, все глубже погружаясь в воду.

Вернувшись в особняк маршала, Кончини и Ринальдо переоделись. Кончини пребывал в лихорадочном возбуждении и слышать не хотел об отдыхе.

– Собери людей! – гремел он. – Пока у меня не пропала охота драться, надо расправиться еще кое с кем!

– С Капестаном! – догадался Ринальдо, злобно сверкнув глазами.

– Да! – кровожадно ухмыльнулся Кончини. – Сам понимаешь, нам понадобятся все наши люди. Пошли кого-нибудь на улицу Вожирар, в гостиницу, где обретается этот бродяга. Надо сперва разведать обстановку.

Ринальдо поспешил в дортуар¹⁵, расположенный на третьем этаже особняка. Уже перевалило за полночь, но «солдаты», недавно вернувшиеся с улицы Барре, еще не спали.

Монреваль был немедленно послан на улицу Вожирар, в гостиницу «Генрих Великий».

– Проверь, не покинул ли медведь свою берлогу! – распорядился Ринальдо.

Через пятнадцать минут после ухода Монреваля появился Кончини и знаком приказал отряду отправляться в путь. Головорезы двинулись вверх по улице Турнон. Впереди шагал Ринальдо. На углу улицы Вожирар он столкнулся с бегущим навстречу Монревалем.

– Ну что? – осведомился Кончини.

---

¹⁵ Дортуар – общая спальня, комната отдыха.

– Его там нет! – выпалил Монреваль. Маршал в ярости заскрежетал зубами, а Ринальдо рванулся было вперед, чтобы самолично обыскать гостиницу, но Монреваль остановил его.

– Там нечего делать, – объяснил бандит. – Исчез не только Капестан, но и все прочие постояльцы, гостиница совершенно пуста. Я облазил все, от погреба до чердака, и не обнаружил ни одной живой души.

Разочарованный неудачей, отряд Кончини тронулся в обратный путь.

Глава 10

Монреваль не лгал! Гостиницы «Генрих Великий» больше не было! Исчезла вывеска, с которой проходим подмигивал увенчанный лаврами Беарнец¹⁶, с победоносным видом осушавший огромную кружку. Опустел большой общий зал, пропали оловянные кувшины и блестящие медные кастрюли, дубовые столы и табуреты. Какой же ураган прошелся по «Генриху Великому», унеся с собой посуду, мебель и постояльцев?

Урагана не было, – «Генрих Великий» опустел по вине взбалмошного хозяина, мэтра Люро.

Невзлюбив свою гостиницу, он решил освободиться от нее и начать какое-нибудь новое дело. Тайком от жены Люро наведаясь к одному из своих братьев по ремеслу, державшему чуть подальше, шагах в пятистах от «Генриха Великого», гостиницу под названием «Славная встреча». Именно там устраивались на жительство постояльцы, сбегавшие от Люро, и посему хозяин «Славной встречи» всерьез подумывал о расширении своего заведения.

Между владельцами двух гостиниц состоялась долгая и весьма дружественная беседа, результатом которой явился ответный визит мэтра Гаро, хозяина «Славной встречи». Все

---

¹⁶ Беарнец – французский король Генрих IV (1553—1610), родившийся в Беарне.

осмотрев и все подсчитав, Гаро со вздохом выстроил на столе несколько столбиков из экио и пистолей, а мэтр Люро быстро смел монеты в кожаный мешочек.

Разгневанная госпожа Люро принялась осыпать супруга проклятиями и ругательствами, но тот, оставив без внимания женский крик, приказал немногочисленным клиентам большого зала немедленно освободить помещение. Затем Люро собрал слуг и служанок, расплатился с ними и посоветовал искать счастье в другом месте.

В эту минуту перед гостиницей остановились две или три повозки и несколько дюжин молодых начали грузить на них столы, табуреты и прочий скарб.

Свидетелями переезда оказались двое мужчин, задержавшихся в гостинице; один из них был чужаком, другой – незадачливым постояльцем. Этот последний, верный оруженосец Капестана, погрузился в невеселые размышления.

«Как же так? – уныло думал Коголен. – Выходит, мы остались без крова? Хорошо еще, что я заставил господина шеваляе заработать восемнадцать сотен ливров! Но что он скажет, когда вернется?»

Вся эта суматоха началась тогда, когда Капестан побежал на улицу Барре, где оказался непосредственным участником бурных событий, разыгравшихся в особнячке Мари Туше. Коголен же отправился в свои бывшие покои: комната шеваляе и клетушка, где обитал слуга, были теперь абсолютно пусты... Коголен грустно уселся на пол, но тут на пороге по-

явился мэтр Люро и возмущенно воскликнул:

– Как! Вы еще здесь? Немедленно убирайтесь от сюда!

Коголен отрицательно покачал головой.

– Как это – нет? – вскричал хозяин. – Я же продал «Генриха»... к тому же вы мне должны...

Коголен вытащил из кармана горсть экю и показал их изумленному хозяину. Тот уже потянулся за деньгами, но Коголен быстро спрятал монеты и объявил:

– Давайте баш на баш, мэтр Люро: я отсчитываю вам десять экю, а вы оставляете меня здесь. Согласны?

Люро был согласен. Он сгреб экю Коголена и милостиво разрешил оруженосцу пожить в пустой гостинице.

Теперь оставалось спровадить чужака, рассевшегося в большом зале. Незнакомец, судя по всему, был из благородных – при шпаге и в роскошном наряде. Стащив с головы шляпу, Люро не без робости приблизился к посетителю.

– Сударь, – учтиво произнес трактирщик, – я собираюсь запереть дом и уйти. Что вам угодно?

– Кому принадлежит эта лачуга? – полюбопытствовал незнакомец.

– Мне и принадлежит, кому же еще! – отвечивал Люро.

Еще раз окинув взглядом помещение, незнакомец подумал:

«Пустая запертая гостиница... Улица безлюдна, зданий по соседству нет... Большой зал в глубине дома, с дороги не просматривается... Кажется, это то, что нужно принцу. Ни-

кто не заподозрит, что мы собираемся здесь, даже, – тут губы мужчины искривились в ехидной улыбке, – даже герцог Ангулемский! Конде должен, наконец, решиться, черт возьми! Хватит медлить! Бурбон против Бурбона! Что же касается Карла Ангулемского, то теперь, когда он сделал всю грязную работу, от него можно избавиться. А Гиз...»

Размышления незнакомца были прерваны словами мэтра Люро:

– Сударь, я вынужден повторить вам, что лачуга моя закрывается. Не соблаговолите ли вы покинуть помещение?

– Скажите-ка, старина, какой доход будет вам теперь приносить этот домишко? – небрежно спросил посетитель.

– Никакого, сударь! – удрученно вздохнул Люро. – Строе-ньице-то, что и говорить, неказистое... Никто не захочет его снять...

– Так и быть, я арендую твою развалюху, если ты не против, – заявил незнакомец.

При слове «развалюха» владелец «Генриха Великого» вскинулся, точно петух, но тотчас же согнулся в почтительнейшем поклоне: дерзкий дворянин вынул из кармана объемистый кошелек: мэтр Люро быстро скользнул по мешочку опытным взглядом и оценил содержимое кошелька весьма высоко.

– Пятьдесят пистолей, – проговорил незнакомец. – За шесть месяцев. Здесь вдвое больше годовой платы за твою конуру.

– Идет! – вскричал обрадованный Люро, схватив кошелек. – Сейчас я составлю акт!

– Акта не надо, – поморщился незнакомец. – Давай ключи и немедленно убирайся прочь!

– Ах! Монсеньор, не заставляйте меня плакать! – заскулил трактирщик.

Он и вправду отер рукой увлажнившиеся глаза, что не помешало ему тотчас выполнить приказание вспыльчивого господина. Мэтр Люро, прихватив жену, поспешно покинул свои владения... Но не прошел он и пятидесяти шагов, как внезапно вспомнил, что в гостинице, которую он целиком сдал незнакомому дворянину, остался Коголен, тоже заплативший вперед за пустую комнату. Люро решил было вернуться обратно и выставить Коголена, но опасаясь, что суровый сеньор спустит с него, нерадивого хозяина, шкуру, махнул на все рукой и продолжил свой путь.

А оставшийся в гостинице дворянин, убежденный, что в доме никого нет, забросил связку ключей в угол, вынув из нее только один – от наружной двери; эту дверь нарядный господин старательно запер и зашагал прочь. Люро перед уходом позакрывал ставни на окнах, и гостиница выглядела теперь заброшенной и необитаемой. И тем не менее в ней был один обитатель – Коголен; притаившись на верхней ступеньке лестницы, он присутствовал при сделке, которую незнакомый дворянин заключил с мэтром Люро. Сперва оруженосец, не на шутку расстроившись, проклинал но-

вого соседа на чем свет стоит, но, поразмыслив хорошенько, решил, что господин столь важного вида вряд ли станет жить в такой никудышной гостинице; незнакомец наверняка снял ее, чтобы устроить склад какой-нибудь контрабанды. Эта мысль успокоила Коголена, и он отправился в свою клетушку.

Наступила ночь. Коголен, прикинув, что хозяину самое время вернуться, спустился по наружной лестнице во двор, вышел через ворота и принялся расхаживать по дороге. Оруженосец уже начал опасаться, что шевалье не появится этой ночью, но тут различил в темноте его силуэт.

Бросившись к хозяину, Коголен поведал ему о печальной судьбе «Генриха Великого».

– Ничего страшного, – успокоил слугу шевалье, – седлай лошадей, и мы поищем более достойное жилье. Можно остановиться в «Золотой ветви», что около Лувра, скоро мне наверняка придется часто заглядывать во дворец к королю. К тому же мы теперь богаты, у нас в кошельке сто восемьдесят пистолей.

– Нет, – возразил Коголен, – эту ночь лучше провести на старом месте. Тут спокойнее... Из сена и соломы я устроил на чердаке такую спальню, какой вы нигде не найдете. Ого! – внезапно вздрогнул слуга. – Неужели за нами следят? Там кто-то есть!

– Где? – спросил шевалье, хватаясь за шпагу.

– Вон там! – прошептал оруженосец. – Скользнула ка-

кая-то тень! Берегитесь!

Капестан посмотрел в указанном направлении и тоже явно различил во тьме какую-то фигуру. Он бросился во мрак, но никого не обнаружил. Кто бы ни прятался в ночи – человек, зверь или призрак – он бесследно исчез.

– Ба! – воскликнул Капестан. – Похоже, мы спугнули какого-то заплутавшего голодного бедолагу!

И шевалье со слугой пошли к воротам. Когда шаги двух мужчин затихли, из темноты на дорогу выбрался человек, только что лежавший ничком на обочине; он облегченно вздохнул.

«Уф! Я думал, пришел мой последний час! Дальше идти не стоит, он возвращается в гостиницу, это ясно. Но что он делал в доме Мари Туше? И как туда проник? Ладно, скоро узнаем, этой ночью его собираются арестовать люди Кончини. Во всяком случае, надо немедленно доложить обо всем Ришелье.»

И Лаффема удалился.

У шевалье де Капестана не было на свете никого, кроме Коголена; тот значил для юноши куда больше, чем просто преданный слуга. В этот вечер молодому человеку непременно надо было рассказать кому-нибудь о своем счастье, и он изливал душу Коголену. Капестан говорил, Коголен слушал. Шевалье уже собрался в деталях расписать свои планы на будущее, как вдруг раздался громкий храп, прояснивший причину загадочного молчания единственного слушателя. Капе-

стан не стал обижаться, а хорошенько встряхнул своего нерадивого конфидента.

– Коголен! – строго произнес шевалье. – Или ты будешь слушать, или я вышвырну тебя в окошко прямо на дорогу!

– Что вы, сударь! Я ловлю каждое ваше слово! – заверил хозяина сразу же проснувшийся Коголен.

– Ты не ловишь, а выпускаешь, и не слова, а звуки. И звуки эти называются храпом! – обличительным тоном заявил юноша.

Тут внимание шевалье привлек подозрительный шум. Перед дверью гостиницы кто-то остановился... Коголен тоже вскочил на ноги. Они приблизились к чердачному оконцу и в свете фонаря, который держал в руках топтавшийся внизу мужчина, увидели большую, прикрытую холстиной повозку; вокруг нее суеилось несколько человек. Вскоре эти люди начали сгружать поклажу на землю.

– Побыстрее! – подгонял их мужчина с фонарем.

– Надо же! – пробурчал Коголен. – Так я и думал. Тот самый сеньор, который снял гостиницу!

– Какой сеньор? – удивился Капестан. Коголен рассказал о последней сделке мэтра Люро.

– Я полагаю, – добавил оруженосец, – что этот сеньор хочет устроить тут склад контрабанды. Поглядите-ка, они уже перетаскивают в большой зал свое добро.

И правда, ночные труженики усердно сбрасывали с повозки и переносили в дом какие-то тюки. Через двадцать ми-

нут дело было сделано и руководивший операцией человек запер дверь гостиницы. Вскоре послышался шум отъезжавшей повозки, гулко подпрыгивавшей на ухабах, хотя Капестан успел заметить, что колеса ее были заботливо обернуты соломой.

– Пошли полюбуемся на контрабанду, – предложил шевалье.

Они спустились по лестнице. Уже начинало светать, но большой зал все еще был погружен во тьму. Коголен зажег фонарь. Прислонившись к стене, в зале выстроились в ряд пятьдесят аркебуз и пятьдесят пик; на древке каждой пики висел солидный кинжал, а к аркебузам были привязаны пистолеты.

– Вот это да! – изумился Капестан. – Контрабандное оружие!

На расстеленном в углу полотне лежала груда одежды, похожей на обмундирование королевской гвардии. Капестан протянул руку и наугад выхватил из кучи первую попавшуюся вещь – это оказалась кожаная кираса, которую носили поверх колета.

– Кто-то готовится к уличным боям! – шевалье даже побледнел.

На груди и на спине кирасы была вышита буква Л – инициал Людовика XIII – увенчанная короной и обрамленная лаврами.

– Королевский вензель! – прошептал шевалье. Капестан

пересчитал костюмы, затем пики и аркебузы.

– Пятьдесят! Здесь могут экипироваться пятьдесят гвардейцев!

Шевалье принялся взволнованно расхаживать по залу. Иногда он что-то бормотал. Глаза его сверкали. Наконец юноша воскликнул:

– Нет! Я их задержу! Мы поднимемся на наш чердак и будем караулить, ни на минуту не покидая своего поста. Кони? Надо их спрятать. Ты отведешь лошадей в ближайшую гостиницу и поставишь их там на неделю. Коголен! Мое счастье – в моих руках! Фортуна мне улыбнулась!

– Сударь! – простонал верный слуга. – Мы же хотели перебраться в «Золотую Ветвь» по соседству с Лувром. Мне говорили, что там отменная кухня! Раз фортуна вам улыбнулась...

– Замолчи! – приказал Капестан.

Все получилось так, как шевалье и задумал. Лошади были пристроены в стойла гостиницы «Славная встреча», расположенной неподалеку. Коголен выходил из «Генриха» только по ночам, чтобы раздобыть еды.

Прошло пять суток. Капестан тысячу раз гнал от себя мысль прекратить бесполезную слежку. Но к вечеру пятого дня юноша не выдержал и твердо решил с первыми лучами солнца покинуть проклятый чердак. Ночью молодому человеку не спалось...

«Пять потерянных дней!» – расстраивался шевалье.

Он готов был локти кусать от злости. Было уже одиннадцать вечера. Вокруг – абсолютная тишь. Шевалье растолкал Коголена и сердитым голосом скомандовал:

– Немедленно отправляйся на конюшню и приведи лошадей! Я не выдержу здесь до утра!

И в этот миг ему показалось, что внизу скрипнула дверь. Капестан прислушался, затаив дыхание. Так и есть! Кто-то проник в гостиницу!

– Наконец-то! – обрадовался шевалье. – Явились!

– Поднимаются на чердак! – прошептал Коголен.

Они стояли, пригнувшись, отчаянно напрягая слух. Точно! Кто-то шел по лестнице!

Коголен выхватил кинжал, но Капестан, отрицательно покачав головой, схватил слугу за шиворот и потащил в самый дальний угол чердака. Там, прижавшись к полу, они спрятались за большим ворохом соломы. Чердак слабо осветился. Капестан осторожно поднял голову и увидел чей-то силуэт на фоне выходявшего во двор оконца, через которое можно было выбраться на наружную лестницу.

Лестница эта начиналась во дворе, проходила вдоль окна общего зала и упиралась в галерею второго этажа. Оттуда она взбегала вверх, к следующей галерее, и заканчивалась окошком чердака.

Человек, которого только что заметил Капестан, сделал несколько шагов, приподняв фонарь.

«Тем хуже для него! – подумал шевалье. – Если он меня

обнаружит, то отправится на тот свет.»

Но человек его не обнаружил. Поводив фонарем по сторонам, незванный гость удалился со словами:

– Все в порядке! Никого нет!

Капестан тут же подполз к окошку, зажав кинжал в зубах. Выглянув во двор, шевалье увидел там мужчину и сразу узнал в нем сеньора, сопровождавшего повозку. Перед ним стояли четыре человека; каждый держал в руке фонарь.

– На конюшне? – отрывисто спросил сеньор.

– Никого! – ответил один из четверых.

– В комнатах? На чердаке?

– Пусто! – откликнулись второй и третий.

– Хорошо! – промолвил сеньор и распорядился: – Зажгите факелы в большом зале. Проверьте ставни. Один из вас встанет на страже возле двери. Трое других отправятся на дорогу: доберетесь до поворота на улицу Турнон, встретите там монсеньора и приведете его сюда.

Суровый господин и сам вышел на дорогу – видимо, для того, чтобы приветствовать ту важную персону, появления которой он ожидал.

Капестан начал осторожно спускаться по внутренней лестнице, Коголен следовал за ним. В самом низу шевалье остановился, и Коголен понял, что они попали на кухню, отделенную застекленной дверью от ярко освещенного зала, в котором собралось уже человек десять. С каждой секундой людей становилось все больше, вскоре их было уже около

тридцати, а через несколько минут зал был заполнен до отказа. Капестан заметил, что один из заговорщиков, забравшись на длинный стол, на который водрузили три стула, прикрепил к стене полотнище с изображением герба Конде-Бурбонов: лилии, пересеченные перекладиной.

Еще два сеньора влезли на длинный стол и сели на стулья. Один из почетной троицы был тот самый человек, что арендовал гостиницу и завез в нее оружие и мундиры. Второй был Капестану неизвестен, зато шевалье сразу же узнал третьего: он уже видел этого мужчину в Медоне, в гостинице «Сорока-воровка».

«Принц Конде! – изумился юноша. – А где же господин де Гиз? Странно! Герцога Ангулемского тоже нет!»

– Друзья мои! – заговорил принц Конде, – господин де Роган объяснит вам, в каком мы находимся положении.

Человек, арендовавший гостиницу, поднялся и властным голосом произнес:

– Господа! Поскольку мы не можем больше рас считать на герцога Ангулемского (Капестан вздрогнул: неужели Карл Ангулемский отказался от своих претензий?) и поскольку мы очень хорошо знаем, что герцог Гиз хочет обойти нас, действуя исподтишка, вполне законно и справедливо будет, если мы со своей стороны предпримем ряд решительных шагов.

– Верно! Верно! – раздались со всех сторон одобрительные возгласы.

Среди всеобщего воодушевления лишь бледный принц Конде оставался совершенно бесстрастным.

– Господа! – продолжал свою речь Роган. – Задумайтесь, почему герцог Гиз хочет оттеснить нас? Потому что Он глава католической партии, а все мы, тут собравшиеся, все еще остаемся гугенотами, и неважно, отреклись ли мы публично от своей веры или нет.

– Верно! – дружно прогремел зал.

– Нынешние наши разногласия – всего лишь новое обличье старой распри, завершившейся Варфоломеевской ночью! – вскричал Роган. – Если во Франции воцарятся приверженцы католической церкви Гизы, то гугенотов – и явных, и тайных – ждет гибель!

Собравшиеся содрогнулись от ненависти к своим гонителям.

– Господа! – продолжал Роган. – Борьба между Гизом и Конде не прекращалась. Для укрепления прав сеньоров, на которые посягнул монарх, сторонники Гиза и сторонники Конде временно объединились. По совету старого маркиза Сен-Мара, в качестве кандидата на престол был выдвинут герцог Ангулемский – как фигура, приемлемая для обеих партий. Но теперь, когда Карл Ангулемский отпал, когда перемирие между Гизом и Конде нарушено, вперед, черт возьми! Готовьте шпаги, господа! Атакуем первыми, оттесним Гиза, и Франция будет наша!

«Почему это отец Жизели вдруг отпал?» – удивленно по-

думал Капестан.

Собравшиеся встретили слова Рогана громкими криками:

– Долой перекладину¹⁷! Долой перекладину!

– Господа... – залепетал смертельно побледневший принц

Конде.

– Перекладину долой! – неистовствовал зал.

– Да! – зычным голосом рявкнул Роган. – Перекладину долой! Да здравствует король!

С этими словами он схватил висевшее на стене полотнище с гербом Конде и, перевернув его, водрузил на прежнее место: эмблема осталась прежней, но перекладины больше не было видно. Поперечная полоса, отличавшая ветвь Конде от королевской ветви, исчезла. На стене висел королевский герб!

– Да здравствует король! – дружно отозвался зал.

«Ого! – изумился шевалье. – Да здравствует король! Какой? Ясно, что не Карл Десятый, раз герцог Ангулемский отпал. И не Людовик Тринадцатый. Так кто же? Ведь я же рыцарь короля! Однако, Капестан, внимание: быть может, вот он – случай завоевать Жизель!»

В зале снова воцарилось молчание, и Роган закончил свою речь:

– Принцу Конде надлежит сейчас решиться. Что касается меня и моих друзей, мы покинем Париж за втра же, если за

---

¹⁷ Без перекладины герб Конде превращается в герб королей Франции – Бурбонов.

нашим собранием не последует молниеносного удара, который разнесет трон в щепки!

Взгляды присутствующих устремились на принца Конде.

– Господа, – заговорил он, – мы с герцогом Ангулемским и герцогом де Гизом разработали план, который можно теперь считать недействительным из-за предательства Кончини. Если герцог де Роган докажет нам, что у нас есть шансы на успех, я готов рискнуть своей жизнью.

Роган, улыбаясь, отвесил принцу Конде поклон.

– Сир! Завтра же с утра на улицы выйдут наши отряды...

– Уже завтра? – с сомнением переспросил принц.

– А зачем откладывать? – пожал плечами Роган. – Момент подходящий, все готово... Отряды организованы, у каждого – свой начальник и свой пароль. За несколько часов наше войско резко увеличится – в Париже много недовольных, которые не замедлят к нам примкнуть. Наши возросшие силы бурными потоками растекутся по всему городу и затопят очаги сопротивления, в которых сосредоточена гвардия короля: Тампль, Бастилию, Арсенал, Шатле и все другие. Как только мы займем эти крепости, Лувр останется без всякой поддержки и окажется в нашей власти. С наступлением ночи взбунтуется весь город, и королевские войска не смогут прорваться во дворец, который охраняет лишь горстка швейцарцев. И представьте себе, что именно в этот момент целый отряд королевских гвардейцев оказывается здесь, с нами. Отряд из пятидесяти отборных бойцов! Они идут в Лувр, без

труда проникают во дворец, расставляют свои посты и проходят в покои короля. Мы, явившиеся вместе с этим отрядом, становимся хозяевами Лувра и хозяевами королевства! Что вы скажете на это, монсеньор?

– Я согласен, если на нашей стороне и правда будет действовать отряд из пятидесяти гвардейцев, который не дрогнет в последнюю минуту.

– Отряд уже здесь! – с победным видом воскликнул Роган. – В этом зале наверняка наберется пятьдесят отважных воинов, для которых я приготовил гвардейские кирасы – их точно пятьдесят! – с королевским вензелем, и оружие, положенное по уставу.

Конде протянул руку Рогану, который, почтительно склонившись, поцеловал ее.

– В самом деле, – сказал Конде, – форма королевских гвардейцев позволит нам беспрепятственно подойти к воротам Лувра. Но, чтобы проникнуть внутрь, нам нужно знать пароль.

– Монсеньор, – ответил Роган, – в Лувре нас ждут. Что же касается пароля, который завтра сообщат всем постам, то я его уже знаю. Этот пароль: Капестан. Господа, завтра все собираемся здесь, в пять часов, чтобы переодеться в костюмы королевских гвардейцев. Вас, монсеньор, я жду в четыре, чтобы получить ваши последние указания.

В зале установилось напряженное молчание. Конде преодолел последние колебания и, подняв руку, сказал:

– Завтра, в четыре часа, я буду здесь. Мы пойдем на Лувр.

Глава 11

Уже десять минут, как гостиницу покинули последние заговорщики и воцарилась глубокая тишина, а Капестан так и не двинулся с места. Он был горд и растроган до глубины души: грозная сцена, свидетелем которой он стал, все еще отзывалась в его душе одной-единственной фразой: пароль – Капестан. Значит, маленький король не забыл своего рыцаря и в минуту опасности повторял его имя!

«Ну и ну! – возмущался молодой человек. – Против короля ополчились все, а у короля нет никого, кроме шевалье Капестана. Что ж, придется схватиться со всеми, черт возьми!»

С трех часов, устроившись вместе с Коголеном на своем боевом посту – на чердаке, с которого ему открывался только один путь – к славе, шевалье начал ждать... Наконец в дверь гостиницы проскользнул человек, вслед за ним – другой... Герцог Роган и принц Конде явились в условленное время.

Вельможи прошли в маленький кабинет, прилегавший к большому залу.

– Герцог, – величественно произнес принц. – Извините меня за вчерашние колебания. Они вполне естественны. Я – Бурбон, как и царствующий король, мы – близкие родственники... Однако оставим это. Вы просили меня прийти раньше, чтобы выслушать мои указания. Но прежде чем вы получите инструкции, я желал бы знать, что вы хотите для себя

лично.

– Лично для себя, монсеньор? – вскинул брови Роган. – Ничего!

– Через два часа я стану королем и буду завален кучей прошений, – вздохнул Конде. – Все наши сотоварищи уже рассказали мне, о каких наградах они мечтают. И только вы, герцог, отказываетесь, надо полагать, из гордости. Так слушайте же мое первое повеление: я желаю знать, кем вы хотите стать, когда возведете меня на трон.

– Я не ищущу личной выгоды, сир! – заявил Роган.

– Вы что, хотите меня покинуть? – ужаснулся принц. – Я назначаю вас начальником королевской охоты и даю вам маршальский чин. Если вы согласны, я буду бороться до конца. Если вы отказываетесь, я немедленно удаляюсь.

– Я согласен, сир! – поклонившись, ответил Роган. – Ваш маршал ждет ваших приказаний!

– Действовать будем так, – распорядился Конде, – отправимся в Лувр и во главе отряда гвардейцев войдем во дворец. Свергнутого короля вы отвезете в Венсен и займете главные стратегические пункты Парижа. Люина и Орнано препроводить в Бастилию, Кончини – в Тампль.

– От улицы Турнон до Тампля, пожалуй, далековато! – заметил Роган.

– Вот именно, – зловеще улыбнулся Конде. – Для сопровождения пленника выделить человек восемь, и если по дороге народ захочет немножко позабавиться с ненавистным

итальянцем... что ж, пускай!

– Хорошо, сир! – невольно содрогнувшись, ответил Роган.

– Это самое главное, – продолжал Конде. – Завтра вы станете маршалом, как я и обещал, а пока превратимся ненадолго в королевских гвардейцев. Об остальном я позабочусь в Лувре.

Они направились в большой зал. Войдя, герцог окинул помещение быстрым взглядом и побледнел. Глаза его растерянно обшаривали углы, на лице отразилось смятение. Роган обернулся к принцу – и с губ герцога сорвался хриплый стон.

– Где же они? – воскликнул встревоженный принц. – Где гвардейские кирасы? Где аркебузы, пики и пистолеты?

– Ничего нет! Все исчезло! – в бешенстве прорычал Роган.

Принц Конде побледнел.

– Надо искать! – предложил он. – Может, кто-нибудь из наших перенес все в другой зал?..

– Действительно, может быть и так, – согласился Роган. – Ключи... ключи от дома... я бросил их вон туда, в угол... Куда они подевались? Проклятье! Монсеньор, нас предали! – взревел герцог.

– Господа! – раздался вдруг чей-то голос. – Ключи можете не искать, все равно вы их не найдете...

Оба заговорщика, одновременно вскинули головы – по внутренней лестнице в зал спокойно спустился какой-то человек.

– О! – воскликнул принц. – Я его уже где-то видел...

Вспомнил! Это тот самый человек, что проник в подземелье герцога Ангулемского, чтобы выведать наши секреты.

– Капестан! – напомнил ему шевалье, ставя ногу на последнюю ступеньку. – Пароль, который должен открыть вам дорогу в Лувр.

– Ага! – крикнул Роган. – Так вот он где, этот Капестан! Попался Капитан! Это будет твоя последняя подлость! Отсюда тебе живым не уйти!

И, выхватив шпагу, Роган бросился на шевалье с криком: – Вперед, монсеньор! Сейчас мы его прикончим! Ага!

Но тут герцог испустил бешеный вопль досады и боли: шпага выскочила у него из рук. Капестан же, сделав молниеносный выпад, встал в боевую стойку.

– Сударь, – промолвил он, подкидывая шпагу противнику, – напрасно вы говорите о подлости – я ведь никого не предавал... Вы собираетесь низвергнуть короля – а я его защищаю! Если бы я воспользовался теми секретами, которые узнал, ваши головы давно уже слетели бы с плеч!

Роган уже успел подобрать свою шпагу и снова кинулся на врага. Конде же напрямик двинулся к двери, через которую недавно попал в кабинет. Заперта! Принц метнулся к двери, выходявшей на крыльцо. Заперта! Что оставалось делать? Вне себя от ярости и стыда, принц обнажил свою шпагу и тоже ринулся на Капестана. Как раз в этот момент герцог де Роган, раненый в плечо, рухнул на пол.

Конде, увидев, что герцог сражен, остановился как вко-

панный.

– Монсеньор! – предложил Капестан. – Давайте не будем! Вам ли тягаться с Капитаном?!

Взбешенный нанесенным оскорблением, принц приготовился к поединку.

– Надо же! – удивился шевалье. – Не хотите сдаваться?! Конде бросился на противника, но тот без труда отбил атаку.

– В таком случае, монсеньор, – провозгласил юноша, – я вас... внимание! Я вас разоружу!

И через полминуты шевалье выбил шпагу из рук принца. – Вы... побеждены, монсеньор! – вскричал молодой человек.

С этими словами он схватил Конде за плечо и приставил острое клинка к горлу принца. Тот дернулся, стальной клинок царапнул кожу, а шевалье с лицом еще более угрожающим, чем его поза, холодно произнес:

– Монсеньор, не вынуждайте меня убивать вас!
– Ваша взяла, я безоружен – и сдаюсь, – прошептал принц.
– Коголен, приглядывай за монсеньором, – распорядился Капестан. – И если что – прикончи его!

Шевалье взял Конде за руку и вывел из гостиницы. Коголен двигался вплотную за принцем. Втроем они зашагали по улице Вожирар, повернувшись спинами к улице Турнон в тот самый момент, когда на ней появилось человек пятнадцать дворян-заговорщиков: было самое время скрыться!

Капестан пошел по улице По-де-Фер, упиравшейся в перекресток Вье-Коломбье. Из городских глубин поднимался какой-то зловещий гул, раздавались звуки набата... Услышав рев мятежа, принц Конде вздрогнул, но Капестан распахнул свой плащ и показал пленнику пистолет.

– Монсеньор, – предупредил шевалье, – нам придется пробираться сквозь самое пекло. Не вздумайте звать на помощь. Вас сразу же бросятся спасать и меня убьют. Но первым умрете вы: при малейшей попытке кричать я пристрелю вас вот из этого пистолета.

– Хорошо, – угрюмо согласился Конде, – я буду молчать. Скажите только: куда вы меня ведете?

– В Лувр, – заявил Капестан и уверенным тоном добавил: – Не бойтесь, монсеньор, я за вас отвечаю.

Подавленный Конде не произнес больше ни одного слова. Капестан крепко держал принца за руку.

Отряды вооруженных горожан стекались ко дворцу.

– Да здравствует принц Конде! – вопили они.

Конде дрожал. Капестан улыбался.

Через несколько минут они вышли к Новому мосту. Путь им преградила толпа вооруженных людей, воодушевленно кричавших:

– Пора! Сейчас появится отряд гвардейцев! Пора идти на Лувр! Да здравствует Конде!

Капестан двинулся к мосту.

– Стой! – закричали вокруг. – Кто таков? Капестан с про-

клятиями отступил.

– Отвечай! – настаивали горожане. – Чьи вы люди?

– Конде! – прорычал в ответ Капестан.

Одно только слово слетело со стиснутых губ шевалье; юноша произнес его точно под влиянием внезапного озарения. Слово это, все время вертевшееся в голове у Капестана, вырвалось почти произвольно, но он тут же еще крепче сжал руку ошеломленного принца, шепотом напомнил ему о пистолете и повлек вперед. Толпа расступилась, послышались одобрительные крики:

– Проходите, храбрые господа! Да здравствует Конде!

Вдруг в толпе послышался громкий вопль:

– Принц! Да ведь это же принц! Да здравствует Конде!

– В Лувр! – громовым голосом возвестил Капестан.

– В Лувр! В Лувр! – заорали все вокруг. – Да здравствует принц Конде!

Горожане узнали Конде. К нему кинулся один, другой, третий – и вскоре за спиной у Капестана стояла уже целая вооруженная толпа. Шевалье, склонившись к принцу, тихо шепнул:

– Монсеньор, если вам угодно, мы оба можем сложить здесь свои головы. Только помните – вы будете первым... А теперь, если вам дорога жизнь, извольте крикнуть: «Друзья мои, на Лувр!»

– Друзья мои! Друзья мои! – слабо пискнул Конде. – На Лувр!

Но горожане услышали призыв принца. И тут случилась невероятная вещь: Конде, конвоируемый Капестаном, повел за собой огромную толпу!

– Приготовить аркебузы! – прогремел внезапно чей-то голос.

Толпа остановилась и отхлынула от ворот дворца, который уже успел превратиться в ожидающую штурма крепость: подъемный мост опущен, а на подступах к нему – два отряда гвардейцев с аркебузами наизготовку и маршал Орнано, готовый стоять насмерть!

– Да здравствует Конде! – пятасть продолжали кричать горожане.

Но уже в толпе прозвучало слово «измена». Мятежников удивило, что Лувр так хорошо защищен, а Конде явился один – вместо того, чтобы прибыть ко дворцу во главе верного ему отряда гвардейцев.

– Монсеньор, – зашипел Капестан, – крикните этим людям, что вы должны поговорить с королем. Крикните, ради Бога, или вы пропали!

Конде повернулся к толпе. Он был очень бледен. Парижане увидели, как глава мятежа сделал какой-то жест рукой и невнятно пробормотал несколько слов. Затем, ко всеобщему изумлению, принц направился к Орнано! Но вскоре народ догадался, что Конде хочет в последний раз поговорить с королем, и выразил бурное одобрение неистовым воплем: «Да здравствует принц Конде!»

Орнано уже собирался открыть огонь, когда увидел двух приближавшихся дворян, один из которых крепко держал другого за руку.

– Прочь! – приказал маршал. – Эй вы, господа, прочь!

Шевалье сделал три шага вперед и выкрикнул громким голосом:

– Капестан!

– Пароль!?! – удивился маршал. – Пропустить! А в это время тот, кого Капестан ласково называл маленьким королем, пребывал в тревожном ожидании – он стоял, стараясь подавить нервную дрожь, и напряженно прислушивался... Рядом с королем не было никого, кроме лекаря Эроара; чтобы скрыть волнение Людовик заговорил.

– Где моя мать? – спросил он.

– Ее Величество королева – со своими фрейлинами, – ответил врач. – Не беспокойтесь, сир, ее апартаменты охраняет сотня аркебузирова. Так вот, я говорю, что воскурения никоцианы разгоняют...

– Где Люин? – тоскливым голосом осведомился подросток.

– Без сомнения, в своем дворце, сир, – откликнулся Эроар. – А может, вы предпочитаете кровопускание? Я полагаю...

Эроар уже вынимал ланцет. Не в силах больше сдерживаться Людовик XIII вскричал:

– Пошли вы к черту со своей никоцианой и со своим кро-

вопусканием!

Лекарь отвесил глубокий поклон, положил ланцет на место и, пятясь, вышел из комнаты.

По Лувру разносились звуки, похожие на вой ветра... наступал вечер. В обширных залах постепенно сгущалась тьма, вдоль лестниц и коридоров в полумраке смутно вырисовывались неподвижные силуэты гвардейцев, опирающихся на аркебузы.

– Один! – в отчаянии пробормотал король, бросаясь в кресло.

Он сжал голову руками и погрузился в мрачные размышления. Рядом с ним, прислоненная к стулу, поблескивала обнаженная шпага, на столе лежали два пистолета. Маленький король со страхом ждал и думал:

«Быть может, через час все будет кончено. Лувр возьмут штурмом. Меня не пощадят... Разумеется, прежде чем погибнуть, я тоже буду убивать. А потом умру. Умереть в пятнадцать лет! Ах, если бы он был здесь, мой отважный рыцарь! Но его здесь нет. Капестан спас мне жизнь, а я обидел этого доблестного человека. Он больше не вернется. Я один, один, как перст!»

И тут в Лувре поднялся какой-то шум. Крики! Топот! Звон оружия! Король вскочил на ноги, схватил шпагу и шагнул к выходу, напряженный, готовый ко всему. Дверь резко распахнулась – Людовик XIII открыл ее сам!

И тут же потрясенный отступил: перед ним стоял Конде,

перепуганный и бледный. А рядом с принцем – шевалье де Капестан! Крепко держа мятежника за руку, юноша обратился к королю со словами:

– Сир, имею честь представить вам господина принца де Конде, который пришел сдаться Вашему Величеству!

За спиной Капестана Людовик увидел анфиладу просторных залов, осветившихся вдруг сотней факелов. По залам, торопясь и задыхаясь, бежали люди, и через минуту по всему дворцу прокатился мощный крик:

– Да здравствует король! Да здравствует король! Да здравствует король!

К Людовику спешила целая толпа. Тут был Витри со своими гвардейцами; тут был Орнано, кричавший, что город успокоился, как только стало известно о решении Конде сдаться королю; тут был неведомо откуда возникший Ришелье; тут был Люин, вылезший из задних комнат; тут был Кончини, примчавшийся, чтобы поцеловать государю руку; тут была Мария Медичи, кинувшаяся к сыну с распростертыми объятиями. А у стен топталось множество сеньоров, уже давно не появлявшихся во дворце, шумели делегации от горожан, поторопившихся заверить монарха в своей преданности... Все королевство, впервые с тех пор, как воцарился Людовик XIII, явилось в Лувр, чтобы почтительно склониться перед своим юным повелителем.

В течение двух часов стены дворца дрожали от оглушительных криков: «Да здравствует король!» За эти два часа

принц Конде познал всю горечь унижения, услышав больше всего оскорблений от тех, кто накануне заискивал и лебезил перед ним.

Наконец придворные один за другим начали удаляться. Но Ришелье успел увидеть Капестана – и побледнел! Кончини успел увидеть Капестана – и бросил на Ринальдо выразительный взгляд.

Глава 12

Вот так принц Конде был арестован в том самом Лувре, куда собирался войти как полновластный хозяин. Витри передал принца в руки маршала де Темина, который вместе с двадцатью дворянами дожидался финала сей необычной сцены. Темин препроводил арестованного в карету – и часом позже Анри де Бурбон, принц де Конде стал всего лишь номером четырнадцатым в Казначейской башне Бастилии.

Витри удалился из королевских покоев, бросив на Капестана странный взгляд; за Витри последовал Люин, тоже внимательно посмотрев на шевалье. Старый маршал Орнано, покинувший кабинет короля последним, шепнул Капестану на ухо:

– Молодой человек, если вы не выйдете отсюда первым фаворитом Его Величества, советую вам бежать из Парижа со всех ног: обеспечьте расстояние этак в сотню лье между вашей грудью и нацеленными в нее кинжалами!

И, повернувшись к Людовику, старик добавил:

– Сир, арестовать надо было вовсе не Конде.

– Да? А кого же? Конечно, Гиза? – возбужденно осведомился подросток.

– Нет, сир, Кончини, – холодно ответил маршал и скрылся за дверью.

И вот юный король и шевалье уже второй раз остались с

глазу на глаз. Но теперь тревога одолевала Капестана, а Людовик сиял.

– Сперва, – попросил он, – расскажите мне об отряде лжегвардейцев, которым командовал мой кузен Конде. Вечером нам доложил об этом маскараде господин де Ришелье.

– Сир, – ответил шевалье, – будет лучше, если я расскажу вам все с самого начала и по порядку... Итак, началась эта история в убогой гостинице на улице Вожирар...

– Погодите, шевалье, – прервал его король, три раза позвонив в колокольчик, – полагаю, за столом нам будет удобнее...

В передней, видимо, уже ожидали этого сигнала: двойные двери распахнулись, в комнату шагнул офицер в парадной форме и при шпаге и громко прокричал:

– Ужин для Его Величества!

За офицером вошли четверо стражников с алебардами, за стражниками четверо придворных внесли стол; шествие замыкала еще четверка стражников. Стол поставили в центре комнаты. Гвардейцы выстроились вдоль стен и замерли. Стол, застеленный великолепной скатертью, был уставлен сверкающими приборами и золотыми кубками; свет двух канделябров с шестью зажженными восковыми свечами играл на хрустале графинов, наполненных старым, отливающим рубином бургундским, и на серебре крышек, лежавших на множестве заполнявших стол блюд.

Капестан был поражен; жутко голодный юноша бросил на

изобильный стол откровенно завистливый взгляд, вдохнул соблазнительные ароматы и подумал:

«Что ж, королевская жизнь тоже не лишена приятностей. Будь я повелителем Франции – я бы разделался с этим ужином по-свойски. Жаль, что я всего лишь шевалье де Капестан...»

Однако в кабинете находился еще один человек, пораженный не менее Капестана: это был сам король. До сих пор свои обеды и ужины он вкушал в трапезной за кое-как сервированным столом. Людовик XIII на минуту призадумался.

– Почему мне принесли еду сюда? – поинтересовался он. – И что это за церемониал?

– Сир, – ответил чей-то льстивый голос, – являясь главным интендантом Лувра, я приказал подать Вашему Величеству ужин в кабинет. Что касается церемониала, то именно так надлежит обставлять трапезы великих монархов!

Перед Людовиком XIII в низком поклоне согнулся тот, кого маршал Орнано недавно посоветовал арестовать: Кончини! Шевалье вздрогнул и рука его невольно потянулась к шпаге, но Кончини, явно не желавший замечать Капестана, уже удалялся, пятась и не распрямляя спины. Король жестом приказал стражникам и придворным покинуть кабинет.

– А кто же будет прислуживать вам за столом, Ваше Величество? – удивился офицер.

– Никто! – ответил король. – Я поступлю, как мой отец в ночь перед битвой при Арке: обслужу себя сам! Садитесь,

шевалье, вот сюда, напротив меня – и давайте поедим!

Лувр тотчас же облетела весть: король посадил с собой за стол молодого шевалье де Капестана.

Бледный Кончини уже промчался через три зала.

«Погоди, выскочка несчастный! – злобствовал он про себя. – Фанфарон! Капитан! Этой ночью ты будешь ужинать в аду с дьяволом, которому служишь!»

На площадке парадной лестницы маршал д'Анкр увидел Ринальдо.

– Все готово? – спросил Кончини.

– Судите сами, монсеньор: Монреваль и Базорж – в передней, Лувињьяк – у лестницы внизу, Понтрай – во дворе, – доложил Ринальдо. – Я тут, чтобы следить одновременно за лестницей и за передней, а у дверей Лувра – Шалабр с двадцатью молодцами, которые отлично умеют орудовать кинжалами. На этот раз он от нас не уйдет!

Кончини кивком головы одобрил дислокацию своего «войска». Тем временем тот, ради кого делались все эти приготовления, застыл в глубоком поклоне перед Людовиком XIII.

– Как, сир! – взволнованно произнес в следующий миг шевалье, даже побледнев от гордости. – Вы приглашаете меня за королевский стол?

Это была редкая честь, которой юный король еще никогда никого не удостоивал. Шевалье наконец занял указанное ему место и с победоносным видом расправил плечи, слов-

но только что завоевал весь мир. А потом юноша начал свой рассказ...

Людовик молчал и слушал, едва притрагиваясь к еде. Зато Капестан, лихо расправляясь с куском косули, успевал услаждать королевский слух захватывающим повествованием о пленении принца. Монарх внимал, трепеща от волнения и восторга. Ужин подошел к концу, история Капестана – тоже, а Людовик все еще не сводил восхищенного взгляда со своего рыцаря.

– Просто изумительно! – наконец вскричал король. – Прогулка по бурлящему Парижу с принцем под ручку! А имя Конде, усмирившее толпу у Нового моста? А двойная дуэль в гостинице! Так вы говорите, что не смогли узнать ни одного из тех дворян, которые собирались переодеться в костюмы гвардейцев?

– Ни одного, сир! – твердо ответил Капестан.

– Какая жалость! – огорчился Людовик. – Но больше всего мне понравилась эта история с перепрятанными в погреб мундирами! – вновь заулыбался он.

– Не правда ли, забавно, сир? – простодушно спросил шевалье.

– Воспоминание об этом случае еще долго будет меня веселить! – заверил своего рыцаря юный король.

– Да я и сам все еще не могу удержаться от смеха, – признался шевалье, громко расхохотавшись. – К тому же, – добавил он, – Ваше Величество получит пятьдесят новехонь-

ких кирас для своих гвардейцев.

– Я их у вас куплю! – весело отозвался Людовик. – Ну да, – кивнул он и, заметив удивление шеваляе, пояснил: – Должны же у вас быть военные трофеи! Решено! Я покупаю у вас обмундирование!

Капестан, минуту подумав, ответил:

– Хорошо. Я его продаю, а вернее сказать – меняю.

– На что? – улыбаясь, спросил Людовик.

– Взамен я хочу плащ, причем всего один, – став серьезным, проговорил шеваляе.

– Ну-ка! ну-ка! – с любопытством произнес король.

«Сейчас шеваляе попросит у меня чин, – подумал он, – и получит его, честное слово!»

– Так какой же плащ вы желаете? – осведомился Людовик.

– Тот, который был на принце Конде, – спокойно произнес Капестан. – Но поскольку, сир, я меняю пятьдесят на один, вполне справедливо будет, если вдобавок к плащу вы отдадите мне и принца. Я вижу, сир, вы колеблетесь. Я же прошу у вас так мало!

– Принц... будь он проклят! – с ненавистью прошептал юный король.

– Он человек, сир, – тихо сказал шеваляе.

– И что же вы собираетесь с ним делать? – недовольно спросил Людовик.

– Я собираюсь вернуть ему свободу, сир! – решительно ответил Капестан.

– Ни за что! – отрезал король. – Сегодня вы завоевали право на мою благодарность, но ваша просьба вызывает у меня самые странные подозрения.

Подозрения! Людовик нашел точное слово: подозрений всю жизнь терзали его душу, и сам он в конце концов превратился в воплощенное подозрение.

– Сир, – твердым голосом заговорил Капестан, – вы назвали меня рыцарем короля. Не пристало рыцарю опускаться до роли соглядатая и доносчика. Когда я арестовал принца и приказал ему сдать вас, он последовал за мной добровольно, ибо я ему обещал: «Ничего не бойтесь, я за вас отвечаю!». Принц в Бастилии, значит, я не сдержал своего слова. Сир, верните мне моего пленника, или я разнесу Бастилию, чтобы освободить его!

Людовик XIII пожал плечами и, разразившись смехом, язвительно произнес:

– Фанфарон! Капитан! – Он уже второй раз оскорблял шеваляе этими словами.

И опять Капестан покачнулся, как от удара. Одушевление его пропало, он сам себе показался смешным. Маленький монарх, видя шеваляе таким подавленным, решил упрочить свою победу и злорадным тоном произнес:

– А насчет Бастилии – поосторожнее! Смотрите, как бы вам самому туда не угодить!

Но это было уже слишком: со львом, даже загнанным в угол, шутить опасно. Стремительно приблизившись к коро-

лю, Капестан отвесил ему поклон и сказал:

– Меня – в Бастилию?! Только попробуйте приказать это, сир! Поглядим, что будет! Хотите, я открою эту дверь и крикну: «Господа, есть среди вас желающие отвести в Бастилию человека, который только что спас монархию и короля Людовика XIII?»»

Подросток, дрожа от страха, попятился. А Капестан закончил свою речь словами:

– Я вас покидаю, сир. Я не буду спешить, проходя по вашим залам и приемным. Вы – король... вам хватит времени отдать приказ о моем аресте!

Шевалье открыл дверь и с высоко поднятой головой, небрежно поглядывая по сторонам, медленно прошествовал сквозь толпу придворных, которые расцветали улыбками, низко кланяясь новому фавориту. Они приветствовали невероятную удачу шевалье де Капестана!

Дверь королевского кабинета была распахнута настежь. Людовик XIII сделал шаг вперед, чтобы кликнуть стражу... Но слова застряли у него в горле, король отступил и упал в кресло. В этот момент на пороге вырос Кончини, который только что видел выходящего Капестана. Маршал, учуявший, что случилось нечто серьезное, окинул Людовика долгим взглядом.

– Бог мой! – вскричал Кончини. – Государю плохо!

В два прыжка маршал д'Анкр очутился возле короля и склонился над ним в тот миг, когда Людовик открыл глаза.

– Эроар! – завопил Кончини. – Позвать лекаря! Сир! Сир! Что с вами? Скажите мне, что случилось, Ваше Величество?

– Этот человек... – прошептал король.

– Капестан? – вне себя от злобной радости вскричал маршал.

– Задержать его и привести ко мне, – продолжал Людовик, – но... не причинять ему никакого вреда.

Кончини пулей вылетел из кабинета, придворные начали перешептываться, Эроар собрался пустить королю кровь, а растерянный Людовик думал:

«Неужели Кончини – самый преданный из моих слуг?»

Человек двадцать из дворян при словах «Привести ко мне!» бросились следом за Кончини, но тот остановил их властным жестом.

«Эти дураки, – размышлял маршал, – и правда притащат Капестана к коронованному мальчишке, которому не терпится извиниться перед шевалье...»

– Господа, прошу вас не вмешиваться! Это дело поручено мне! – строго сказал Кончини придворным.

Затем он, не мешкая, помчался на улицу, немало удивив всех своей ретивостью и своей отвагой. На крыльце его поджидал Ринальдо.

– Ну как? – выдохнул Кончини.

– Он миновал подъемный мост, – доложил наперсник. – Наши люди идут следом. Можно праздновать победу, монсьеор!

– Еще рано, – бросил Кончини. – Сперва надо его изловить. Вперед! Я во что бы то ни стало дол жен схватить этого юнца. Он нужен мне живым!

Когда шевалье де Капестан покидал Лувр, пробило десять. Раздасадованный и взъерошенный, как мальчишка, он шел стремительным шагом, не останавливаясь, чтобы перевести дух. В каком-то проулке навстречу ему выскочил человек с криком:

– Жизнь или кошелек!

Яростно выхватив из кармана свой наполненный золотом кошелек, Капестан со всего размаху огрел им грабителя по голове, отчего тот рухнул на землю.

– Вот тебе кошелек! – проревел шевалье. – Держи! А что касается моей собачьей жизни, то буду очень признателен, если ты заберешь и ее!

– Благодарствую, монсеньор! – пролепетал мошенник, спеша унести ноги.

Частично истощив свой гнев и полностью истощив запасы денег, шевалье продолжил путь, бурча себе под нос:

– На кой черт мне нужны теперь эти пистолы? Ах дурак ты, дурак! Ах осел ты, осел!

Эти слова он адресовал самому себе. Шевалье был в отчаянии, шевалье был в бешенстве. Собственное поведение приводило его в ярость.

«Надо же было с таким упорством хоронить свое сча-

сть! – горько размышлял юноша. – Мне ведь так повезло! Такая удача! Стать спасителем короля! Завтра я был бы первым человеком в государстве! Завтра я мог бы прийти к отцу Жизели и спокойно сказать ему: «Я обожаю вашу дочь, она тоже любит меня. Теперь, когда я достиг высокого положения, вы должны расторгнуть ее помолвку с маркизой Сен-Маром и отдать девушку мне!»

Да, шевалье хорошо понимал, что теперь придется распрощаться со всеми надеждами: сам король стал его врагом!

Капестан двинулся дальше и долго бродил по улицам, чтобы успокоиться. Но напрасно... У него даже мелькнула мысль наложить на себя руки.

«Ничего страшного, – думал он, – я только немного опережу события: раньше срока отправлюсь посмотреть, что там делается у наших праотцов...»

Шевалье и не подозревал, что есть люди, которым тоже не терпится спровадить его на тот свет раньше срока. Монреваль и Лувињьяк следовали за юношей по пятам, ожидая момента, когда шевалье устроится на ночлег: тогда Монреваль останется наблюдать за тем домом, в который войдет Капестан, а Лувињьяк помчится в особняк маршала за подмогой.

Капестан тем временем выбирал себе подходящую смерть, сосредоточенно обдумывая разные способы самоубийства.

Но вдруг ему в голову пришла неожиданная и дерзкая мысль:

«Надо исполнить то, чем я пригрозил королю! По моей вине благородного дворянина засадили в Бастилию, стало быть, я должен его освободить! Если же в этой неравной схватке я буду раздавлен – значит, я найду то, что ищу – славную смерть, а главное, я спасу свою честь!.. Отличная идея! Лучше не придумаешь!»

Теперь шевалье шагал твердой поступью, прикидывая, где может быть Коголен: «Должно быть, вернулся в гостиницу, на чердак, надо идти туда».

На башне соседнего монастыря пробило пять, когда шевалье добрался до пустой гостиницы «Генрих Великий».

– Коголен! – во весь голос позвал он. – Немедленно беги за нашими лошадьми! И деньги, у тебя, наверное, остались деньги? Так давай их сюда! Коголен! Куда ты запропастился, мошенник?

Но Коголена в гостинице не было... Убедившись в этом, Капестан чертыхнулся, завалился на охапку сена, служившую ему постелью, и погрузился в сон...

Пробравшийся на чердак солнечный луч заставил его разомкнуть веки. Капестан протер глаза – и вздрогнул: в окошке он увидел голову мужчины. Шевалье мгновенно узнал незваного гостя: это был Ринальдо!

Капестан вскочил на ноги. В тот же миг голова исчезла. На чердаке было два оконца: одно, со стороны двора, выходило на деревянную лестницу, другое глядело на дорогу – именно к нему и подобрался Ринальдо.

Высунувшись из окна, Капестан увидел, как итальянец спускается по приставной лестнице, а посмотрев на дорогу, понял все – гостиница была окружена! Шевалье насчитал человек двадцать, стоявших справа и слева. Перед открытыми воротами топталось еще шестеро. Юноша подбежал к другому окошку и кинул взгляд во двор – и тут целый десяток! Этих шевалье узнал: головорезы Кончини, и среди них и сам маршал собственной персоной!

Капестан принялся искать какую-нибудь щель или дыру в черепичной крыше, затем обследовал пол. Ему нужно было какое-нибудь отверстие, хотя бы совсем узенькое. Ничего! Ничего подходящего! Тогда он решил соорудить баррикаду перед выходящим на дорогу окном: придвинул к нему стол, потом – сундук и четыре дубовых табурета; все это шевалье подпер двумя скрещенными балками. Сооружение получилось солидное. Затем молодой человек сжал в левой руке кинжал, в правой свою длинную шпагу и, вскинув голову и расправив плечи, зычным голосом прокричал:

– Капестан готов к бою!

Он вылез в окошко, выходящее во двор, и выпрямился на верхней ступени лестницы. Дружный вопль встретил появление шевалье. Глаза юноши метали молнии; он словно бросил вызов всей этой собравшейся внизу своре. Кончини поднял голову.

– Именем короля! – прокричал он. – Спускайтесь!

– Именем Капестана! – рассмеялся шевалье. – Не спу-

щусь!

– Твою шпагу! – завопил Кончини.

– В твоё брюхо! – прорычал Капестан.

– Господа, вы свидетели, что он оказывает открытое сопротивление! – завизжал маршал.

– Смерть ему! Смерть! – выли головорезы.

– Бунтовщик и предатель! – заорал Кончини.

– Подлый трус! – ответил шевалье.

– Живым! Взять его живым! – прогремел маршал.

Головорезы толпой бросились к лестнице и стали взбираться вверх. Готовый к бою, выставив клинок, шевалье поджидал своих врагов. Добравшиеся до последних ступенек, нападавшие срывались и падали вниз. Кончини, наблюдавший за схваткой с земли, забыл о своем приказе взять шевалье живым и вопил:

– Убейте его! Убейте! Браво, Понтрай! Так его, Ринальдо! Колите! Лувиньяк, Базорж, покажите, на что вы способны! Тысячу экю за его шкуру! Ах! Трусы! Жалкие трусы! – орал маршал.

Что же произошло? А вот что: нападавшие столпились на лестнице, и Капестан своей длинной шпагой наносил удар за ударом в эту грудку живого мяса. Ручьем хлынула кровь. Когда трое первых были ранены и хотели выбраться из свалки, они потащили за собой вниз всех остальных!

В общей куче даже Ринальдо скатился вниз. Но итальянец так быстро не сдавался, к тому же он действительно был пре-

дан своему хозяину и всей душой ненавидел шевалье. И теперь Ринальдо крикнул маршалу уверенно и почти спокойно:

– Терпение, монсеньор, сейчас я его достану! Ободренный этими словами, Кончини поднял глаза и задрожал от радости: в руках у Капестана не было шпаги!

Несколько минут назад, когда головорезы подобрались к последним ступенькам лестницы, шевалье сбросил двоих бандитов на землю, а потом принялся орудовать клинком, сразу же пронзив чью-то грудь; пять или шесть раз юноша яростно, но размеренно погружал клинок в людскую гущу... и вдруг, когда нападавшие уже откатились вниз, он заметил, что в руках у него всего лишь жалкий обломок: Ринальдо метким и мощным ударом сломал шпагу шевалье.

Капестан понял, что дело плохо. Снизу доносились вопли:

– Он разоружен! Вперед! Хватай его! Убить! Убить!

Шевалье видел, что стая волков рванулась вверх. Конец!

Капестан повернулся к чердачному окну, вздрогнул и вдруг разразился оглушительным хохотом... Стремительно перегнувшись через узкий подоконник, шевалье подобрал с пола какой-то предмет, видимо валявшийся на чердаке у самого оконца. Тем временем нападавшие быстро продвигались вверх.

И тут на глазах у Кончини и сбежавшихся прохожих разыгралась удивительная битва.

Стоя на верхней ступеньке лестницы, Капестан, лишив-

шийся шпаги и кинжала, со всего маху глушил нападавших какой-то здоровенной штукой, похожей на железную плиту. Это была вывеска, снятая с гостиницы и заброшенная хозяином на чердак! Шевалье колотил бандитов по головам металлическим щитом с изображением короля-победителя Генриха IV! Да, это Генрих Великий проламывал черепа и врубался в плоть, взлетал и падал – и, наконец, разогнал нападавших, которые гроздьями срывались с лестницы и шлепались на землю.

Тогда Капестан высоко поднял вывеску, показал ее народу и громовым голосом прокричал:

– Генрих IV на моей стороне! Да здравствует Генрих Великий!

Толпа, приветствовавшая это заявление топаньем и гиканьем, ответила дружным воплем:

– Слава королю Генриху IV!

Кончини от злости рвал на себе волосы, Ринальдо бинтовал голову, Понтрай, Шалабр и с десятков других покалеченных бретеров перевязывали свои раны, а Капестан продолжал орать сверху:

– Генрих IV за Капестана! Да здравствует Генрих IV!

Но тут народ, собравшийся на улице Вожирар, начал испуганно разбегаться.

– Сюда! Сюда! На помощь! – завопил Кончини. На улице Турнон появился конный отряд – тридцать-сорок рейтаров примчались из особняка маршала; всадники быстро разогна-

ли зевак с мгновенно притихшей улицы и подскакали к гостинице.

– На штурм! Вперед! – скомандовал Кончини.

Капестан, увидев прибывшее подкрепление и сообразив, что ему предстоит сразиться с сотней вооруженных до зубов людей, преисполнился гордости. Забравшись на чердак, он принялся изнутри сооружать баррикаду, подтаскивая к окошку все, что попадалось под руку. Закончив работу, шевадье крикнул:

– Добро пожаловать, мои ягнятки! Только бере гитесь, вас ведь всего-то сотня!

Никто не отозвался на его слова, и эта странная тишина встревожила шевадье. Казалось, рейтары прибыли лишь для того, чтобы увезти раненых... Капестан призадумался. «Они, наверняка, совещаются и что-то замышляют, – решил он, – вот только что?» И тут глаза Капестана расширились от ужаса: из темного угла чердака потянуло дымком. Маленькая белая струйка, стлавшаяся по полу, внезапно взвилась вверх и закрутилась; в том углу, откуда она появилась, раздалось потрескивание – и вдруг в воздух взметнулся яркий сноп искр. Гостиница горела!

– Трусы! Трусы! – закричал Капестан, пытаясь отыскать на чердаке хоть какое-нибудь оружие – ломик: или кусок железа.

Но юноша ничего не нашел. У него был только обломок шпаги. Вокруг шевадье уже поднималось пламя. Огонь уси-

ливался и вдруг пламя вспыхнуло яркими языками и заревело, поднимаясь все выше и выше, пока не коснулось крыши чердака.

С улицы доносились проклятия, ругань, крики радости, мешавшиеся с шумом пожара. Во дворе и на дороге все наемники маршала, задрав кверху головы и грозя кулаками, поджидали Капестана. И вот он появился на лестнице и стал спускаться, небрежно помахивая своим обломком.

Сперва бретеры невольно попятнулись, потом раздались вопли, а затем наступила гробовая тишина – все, стиснув зубы и затаив дыхание, напряженно ждали, когда можно будет кинуться на шевалье. Как только Капестан поставил ногу на землю, вокруг него замелькали разъяренные лица и сверкающие клинки; Капестан наугад во все стороны наносил удары обломком своего оружия; вокруг хлестала кровь, заливая юношу и мешаясь с его собственной кровью. Шевалье отбивался и уже ничего не чувствовал: его распоротое и исколотое тело перестало ощущать боль; шевалье превращался в залитую кровью, истерзанную беспомощную куклу. И вот наступил момент, когда Капестан рухнул на землю.

Человек десять бросились связывать его по рукам и ногам. Затем полумертвого шевалье закинули на коня.

– Везите его в особняк! – распорядился Кончини.

Когда крепко связанного шевалье в сопровождении тридцати рейтаров отправили во дворец маршала, Кончини оглядел рассеянное среди бушующего пожара воинство – пока-

леченных, мертвых, раненых, с ног до головы перепачканных кровью бретеров. Казалось, этим людям пришлось сражаться с целой армией, чтобы взять приступом осажденный город.

Вечером, накануне этой битвы, Коголен неотступно следовал за своим хозяином и стал свидетелем невероятного события: Капестану удалось провести через взбунтовавшийся город к Лувру главу мятежников – принца Конде.

Коголен шагал за ними по пятам, бдительно следя за каждым движением арестованного принца. Убедившись, что шевалье не только сам целым и невредимым добрался до Лувра, но и доставил туда своего пленника, Коголен, которого все это привело в полный восторг, решил отпраздновать блистательную победу хозяина.

Порывшись в карманах, оруженосец вспомнил, что кошелек остался у шевалье, но все же Коголену удалось наскрести шесть экю. Слуга Капестана решил промотать их все до последнего, надеясь, что с завтрашнего утра он уже будет купаться в роскоши – король ведь наверняка отвалит своему спасителю кучу золота. С этой радостной мыслью Коголен и двинулся к центру Парижа.

Но оказавшись на углу улицы Шом и Катр-Фис, Коголен замер, пораженный странным зрелищем: по мостовой группками по трое и по четверо двигались люди, – кто на коне, кто пешком; в руках они несли маленькие бумажные фона-

рики, освещавшие дорогу. Все эти люди исчезали в воротах огромного особняка, который Коголен сразу узнал.

– Дворец Гиза! – процедил сквозь зубы слуга Капестана. – Неужто господин герцог устраивает балетное представление? Гм! Слишком уж зловещие физиономии у его танцоров, к тому же многие из них вооружены пистолетами!

– Прочь отсюда! – произнес рядом с ним чей-то голос.

Коголен увидел какую-то темную фигуру, услышал бряцанье оружия и поспешил отойти на безопасное расстояние от тех, кто охранял особняк. Вскоре оруженосец добрался до одного проулка, пользовавшегося дурной славой и известного под названием улица Обезьян. Вид этого места вполне соответствовал его репутации: справа и слева – десяток домишек, первые этажи которых были заняты кабачками под криво висевшими вывесками, раскачиваемыми при малейшем дуновении ветра.

Коголен, мучимый и голодом, и жаждой, завернул в одно из таких заведений, уселся за стол и заказал себе две бутылки анжуйского, жареного сала и яичницу с ветчиной. Набросившись на еду, он не забывал осушать бокал за бокалом в честь славной победы и будущего процветания своего хозяина.

Из кабачка оруженосец вышел мертвецки пьяным. Уже начинало светать, и Коголен нетвердым шагом направился на улицу Вожирар, надеясь хорошенько отоспаться на своем чердаке.

Коголен уже почти достиг гостиницы, когда мощный удар в нос заставил его во весь рост растянуться на мостовой. Мимо него и по нему с руганью и проклятиями бежали люди. Весь истоптанный и ошарашенный, Коголен отполз на обочину, а когда поднял голову, чуть не вскрикнул от изумления: вся эта свалка происходила перед гостиницей «Генрих Великий»! Здание было в кольце вооруженных рейтаров! Во дворе толпилось множество мужчин с обнаженными шпагами.

– Ишь ты, – проворчал Коголен. – Что творится перед домом, который я снял?! Ого! А что делает тут эта постная рожа? Уж она-то мне знакома!

Субъект с постной рожей, в котором Коголен сразу признал шпиона Лаффема, как раз подошел к Кончини и что-то зашептал маршалу на ухо. Потом Коголен увидел, как Лаффема бросился в сарай, притащил оттуда охапку хвороста и поджег ее.

– Bravo, господин Лаффема! – одобрил маршал.

«Лаффема! – возмущался про себя Коголен. – Негодяй, шпионивший в особняке герцога Ангулемского! Он, кажется, вздумал спалить мою гостиницу! О Боже! Шевалье! Шевалье там! Вон он появился на лестнице!»

Коголен с трудом поднялся на ноги и стал свидетелем последнего и самого краткого эпизода жестокой битвы: слуга видел, как шевалье упал, видел, как окровавленного юношу взвалили на лошадь и куда-то повезли. Рыдая, Коголен за-

ковылял вслед за ликующими врагами Капестана. На глазах оруженосца вся шайка скрылась в особняке Кончини!

С того рассвета, когда люди маршала д'Анкра подожгли гостиницу «Генрих Великий» и шевалье де Капестан исчез в особняке маршала, прошло около месяца.

В тот день, о котором мы поведем рассказ, хлестал дождь.

По улице Сен-Мартен шагал человек, поеживаясь под ледяными струями. На правой ноге мужчины красовался сапог, все еще сохранивший железную шпору, зато на левой болталась всего лишь простая монашеская сандалия. На некое подобие колета лиловато-красного цвета был накинут плащ – зеленый, но с желтыми заплатками. Голову этого человека венчал растрепанный парик. Это был наш друг Коголен!

Промокший до нитки и забрызганный грязью, он брел по улице с мрачным видом, как вдруг кто-то тронул его за плечо. Коголен обернулся и увидел карету, в глубине которой сидела женщина изумительной красоты, с большим интересом взиравшая на него.

«Надо же! – удивился Коголен. – Та самая очаровательная дама, что дала мне десять пистолей в гостинице «Три короля». Эта красавица приходила с визитом к моему бедному шевалье, когда мы жили в «Генрихе Великом!»»

Это действительно была Марион Делорм. Что она хотела? Разумеется не красавица тронула Коголена за плечо, а вели-

чественный лакей, прыгнувший с запяток кареты, обратился к оруженосцу со словами:

– Если не ошибаюсь, это вы, господин Коголен?

Коголен тотчас узнал пламеневшее всеми оттенками красного цвета лицо лакея Сан-Мара и его монументальное брюхо.

– Господин де Лантерн! – воскликнул бывший слуга Капестана, низко кланяясь.

Лантерн покраснел еще больше, но довольно улыбнулся. Видно было, что если он и не забыл еще преподанный ему урок, известный по басне о лисе и вороне, то тщеславие его по-прежнему жаждало поклонения и лести. Впрочем, лакей не смог удержаться от маленькой мести.

– Как! – удивился он. – Вы пешком, господин Коголен? Вы так обносились и похудели! В чем причина столь ужасающей нищеты?

– Увы! – отвечал Коголен, – я лишился своего благодетеля. Я потерял бедного своего хозяина!

– Как! – вскричал Лантерн. – С господином шевалье что-то случилось?

– Шевалье де Капестан погиб месяц тому назад, – дрожащим голосом произнес Коголен.

Лантерн хотел было заохать и запричитать, но в этот момент изящная ручка в шелковой перчатке схватила Коголена за плечо, и Марион Делорм выскочила из экипажа. Ее прекрасное лицо было смертельно бледным. Женщина не скры-

вала своего волнения.

– Что вы говорите? – воскликнула она. – Что вы сейчас сказали? Шевалье де Капестан погиб?

– Как бы лучше выразиться, сударыня... – замялся Коголен. – В общем, я в этом не совсем уверен!

– Погиб! – в отчаянии повторила Марион. – Да, он мертв, я это вижу по твоему лицу. Ты плачешь! Погиб! Погиб!

И Марион разразилась рыданиями.

– Сударыня, – попытался успокоить ее Коголен, – может быть, он все-таки еще жив...

– Тогда почему же ты плачешь? – сквозь слезы спросила Марион. – Говори! Что случилось? На! Держи вот этот кошелек и расскажи мне все, ничего не скрывая!

Коголен, не евший со вчерашнего дня, взял кошелек и решительным жестом швырнул его на подушки кареты.

– Пусть никто не посмеет сказать, сударыня, что я хоть чем-нибудь поживился на несчастье моего бедного шевалье! – гордо заявил преданный слуга.

– Ах! – воскликнула Марион. – Говорите же и не упускайте ни одной детали. Мне необходимо знать все.

Коголен коротко, но точно рассказал ей обо всем, что видел: о гостинице, окруженной людьми Кончини, об устроенном Лаффема пожаре, о последней схватке, о том, как отважный юноша, весь истерзанный, был брошен на лошадь и увезен в особняк маршала. Марион Делорм слушала, затаив дыхание. Едва Коголен закончил, как она метнулась в карету

и крикнула кучеру:

– Поворачивай назад! Быстро!

Карета развернулась и вскоре остановилась перед особняком маркиза де Сен-Мара. Марион вбежала в свою комнату, уселась за стол и лихорадочно чиркнула на бумаге несколько слов:

«Я честно предупреждало Вас о своих капризах: иногда мне требуется свобода, хотя бы на несколько часов. Я Вас покидаю, дорогой друг, быть может, на день, а быть может, на более долгий срок. Что касается моей верности, клянусь Вам, у Вас не будет поводов упрекать меня. Ее попытайтесь меня найти, но будьте твердо уверены в том, что близко или далеко от Вас, Марион Делорм сдержит свое слово. До свидания, мой дорогой, надеюсь, до скорого, но может быть – прощайте навсегда.»

Красавица запечатала свое послание, позвала Лантерна и вручила ему письмо со словами:

– Передашь господину де Сен-Мару, когда он вернется. Но если ты хоть словечком обмолвишься о том, кого мы сегодня встретили на улице Сен-Мартен, я тебя выгоню! Если ты проговоришься, что я плакала, будешь бит. А если попытаешься меня выследить, умрешь от кинжала. Теперь ступай!

Лантерн схватил письмо и исчез. Марион набила золотом и драгоценностями свою сумочку и отдала ее служанке.

– Следуй за мной, Аннетта! – приказала красавица,

устремляясь на улицу.

– Куда мы идем, мадам? – поинтересовалась горничная.

– Я намерена на несколько дней переселиться в прежние свои апартаменты, в гостиницу «Три короля»... что напротив особняка Кончини! – ответила Марион.

В тот же день, когда происходили эти события на улице Сен-Мартен, часов в восемь вечера, Леонора Галигаи сидела в своей комнате напротив мужа. Супругов разделял маленький деревянный, инкрустированный серебром столик, на котором стоял светильник. В глазах Кончини горела всепожирающая ненависть, в глазах Леоноры сияло беспредельное обожание. Кончини мечтал прикончить Леонору, ей тоже легче было убить мужа, чем лишиться надежд на его любовь.

Наконец маршал заговорил:

– Вы хотели со мной побеседовать, Леонора. Я не откликнулся на ваш призыв три дня. Целый месяц я боялся встретиться с вами, опасаясь, что задушу вас сразу же, как только увижу. Нынче вечером мне показалось, что я владею собой, но на всякий случай я пришел без оружия. Берегитесь, Леонора, если бы я явился сюда с кинжалом, я бы вас наверняка заколол.

Леонора печально покачала головой.

– Вы спрашиваете, Леонора, что стало с теми двумя дворянами, которых вы посылали на улицу Барре той ночью, ко-

гда я арестовал герцога Ангулемского и... собирался увезти Жизель? – со вздохом продолжил маршал. – Где де Люкс и де Брэн? Спросите у Сены, быть может, она признается, где схоронила их тела.

Супруги сидели неподвижно. Их лица почти соприкасались. Кончини скрипнул зубами.

– Так вот, Леонора, ты настояла на этой встрече, – вновь заговорил он. – Чего ты от меня хочешь? Сперва ты отняла у меня Жизель – ту, которую я люблю больше всего на свете. Потом ты похитила у меня Капестана – того, кого я больше всего ненавижу. Ты поступила, как мой смертельный враг. Ты, видимо, забыла, чем является наш брак: союзом для завоевания власти. Мы же условились, что между нами и речи не может быть о любви, ни с моей, ни с твоей стороны. Я не испытывал к тебе ненависти, напротив, я восхищался твоим глубоким умом. Я доверился твоему честолюбию, ибо оно вдохновляло меня. С какой стати вздумалось тебе меня полюбить? Женщина молча слушала, как обожаемый ею человек говорил, что боготворит другую, а ее, Леонору, не любит никогда. Никогда. По лицу ее неиссякаемым потоком струились слезы.

– Что ты сделала с Жизелью? – после краткого молчания спросил Кончини. – Я люблю эту девушку – и я ее разыщу. Я чувствую, что ты ее не убила. Она тебе для чего-то нужна...

– Ты же обещала, что я встречу с ней! – продолжал маршал, с ненавистью глядя на свою супругу. – Уж не за этим

ли ты меня позвала? Проклятая! Ты видишь, как я страдаю, ты видишь, что я жить без нее не могу, ты видишь, что эта страсть сжигает меня, ты знаешь о моих бессонных ночах, Леонора, ты знаешь все, но тебе неведома жалость! В этом твоя сила! И убить я тебя не могу, раз она в твоей власти...

Теперь от бессильного отчаяния зарыдал Кончини.

– Ты увидишь ее, Кончино, – промолвила Леонора.

– Когда? – встрепенулся маршал.

– Через три дня, – заявила женщина.

– Где? – прохрипел Кончини.

– Здесь, – ответила Леонора. – И здесь же ты увидишь шевалье де Капестана. Через три дня, – вновь повторила она.

– Целых три дня! – простонал Кончини. – Но я чувствую, что ты не лжешь. На сей раз ты говоришь правду. Три дня? Где я возьму силы прожить их?

Он задыхался. За последний месяц маршал д'Анкр изменился до неузнаваемости, превратившись в жалкую тень прежнего Кончино Кончини. Исчезновение Жизели и вслед за ней – Капестана было для него страшным ударом. Шевалье в тот же день, как его привезли в особняк, пропал, и Кончини не удалось узнать, что с ним случилось. Леонора объявила маршалу:

– Я держу у себя Жизель, я должна забрать и Капестана. Придет время, и вы увидите их обоих.

«Путь расчищен, – думала Галигаи. – Герцог Ангулемский – в Бастилии, принц Конде – в Бастилии. Гиз? Мы по-

ладим с ним, предложив ему шпагу коннетабля.»

– Не мешай мне действовать, Кончино, – продолжила Леонора, вновь обращаясь к мужу, – это единственное, что от тебя требуется. Я вырвала из твоих рук Жизель и этого жалкого Капестана лишь потому, что звезды запрещают тебе находиться рядом с двумя этими людьми до тех пор, пока ты не поднимешься по ступенькам трона, пока ты не вознесешься над всеми. Кончино, я приказала Лоренцо составить гороскоп Жизели и Капестана!

Кончини всегда с большим вниманием выслушивал звездные пророчества Леоноры – ее мечты о его грядущем могуществе поддерживались в основном астрологическими предсказаниями, а маршал безоговорочно верил во все, во что верила его супруга.

И сейчас Леонора Галигаи глухим голосом изрекла:

– По моему приказу Лоренцо принес мне гороскоп Жизели и Капестана – и я испугалась, Кончино.

– И что же там такого страшного? – встревожился маршал. – Что тебя ужаснуло в гороскопах Жизели и этого чертова Капитана?

– Вот, что говорят звезды, – прошептала женщина. – Слушай: «Кто посягнет на жизнь или честь Жизели Ангулемской, умрет через три дня. Кто убьет Адемара де Тремазана, шевалье де Капестана, погибнет через трое суток.»

Кончини отпрянул от жены, забившись поглубже в кресло.

– Значит, – вскричал он, – Жизель не станет моей! Что ж, придется мне умереть! Раз она...

– Молчи! – прервала мужа Леонора. – Лоренцо сказал кое-что еще.

Галигаи безмерно страдала: Кончини так любил эту девушку, что готов был из-за нее расстаться с жизнью!

Затаив дыхание, маршал ждал слов жены несколько не сочувствуя ее мукам.

– Ну, – упавшим голосом спросил Кончини, – что же еще предсказал Лоренцо?

– Он открыл мне, – ответила Леонора, – открыл мне вот что: «Только король может, не опасаясь за свою жизнь, поднять руку на этих двоих!»

– Король! – затрепетав, воскликнул Кончини. Леонора Галигаи поднялась. Странное спокойствие снизошло на нее.

– Кончино, – промолвила женщина, – теперь ты знаешь все. Ты понял, почему я выкрала у тебя Жизель и Капестана? Только король может подступиться к ним – и уцелеть. Значит, ты должен стать королем!

Леонора замолчала и погрузилась в раздумья, а Кончини смотрел на нее с суеверным почтением.

– А теперь иди, мой Кончино, – наконец сказала она. – Не мешай мне возводить тебя на трон. Ступай. Я страшно устала.

Кончини, ошарашенный, побледневший от страха, радости и новых надежд, встал и приблизился к жене, подыски-

вая слова благодарности. Но она не позволила ему заговорить, повторив:

– Ступай!

Он покорно удалился с почтительным поклоном. Как только маршал вышел, Леонора Галигаи упала в кресло и лишилась чувств.

Окрыленный Кончини вернулся в свой кабинет, предназначенный для аудиенций, и позвал лакея.

Велев зажечь свечи, Кончини распорядился:

– Пришли ко мне господина Жандрона.

На его зов явился главный интендант маршальского особняка.

– Господин Жандрон, – обратился к нему Кончини, – я собираюсь устроить праздник, да такой, чтобы всех ошеломить. Вы поняли меня? Этот вечер должен быть ослепительным!

Глаза интенданта заблестели. Он приосанился и произнес:

– Монсеньор, мы сумеем изумить всех. Ручаюсь, что парижане недели две не будут говорить ни о чем другом.

– Отлично, – кивнул маршал. – Этой ночью ты составишь план торжества, а утром мы его обсудим. А теперь скажи, сколько тебе понадобится для этого денег?

– В прошлый раз, монсеньор, мы истратили шестьдесят тысяч ливров, – доложил интендант. – Я думаю, что сто тысяч...

– А сколько дней уйдет на то, чтобы все приготовить? –

осведомился Кончини.

– Месяц, монсеньор, не меньше, – ответил господин Жандрон.

– Праздник должен состояться через три дня, – отрезал Кончини. – Я выдам на него сто пятьдесят тысяч ливров.

Жандрон вышел из кабинета, на ходу выдумывая будущие чудеса, которые потрясут воображение гостей и парижан – простых зрителей.

– Моего камердинера! – крикнул Кончини. Явился уже известный читателю Фьорелло.

– Одеваться! – бросил маршал.

– Какой костюм прикажете? – спросил слуга.

– Какой хочешь, но чтобы я выглядел в нем красавцем, – нетерпеливо проговорил Кончини. – Я собираюсь засвидетельствовать свое почтение королеве-матери.

Глава 13

Когда Леонора Галигаи пришла в себя, она погрузилась в размышления о предсказании небес и о Лоренцо, который составил гороскопы Жизели и Капестана. Карлик поступил довольно странно. Почему его так заинтересовала судьба этих людей? Зачем он сделал их в некотором роде неуязвимыми? Ведь теперь, если они умрут, то станут гораздо опаснее, чем живые.

Леонора набросила на плечи меховой плащ и отправилась к Лоренцо. Когда она потребовала от него объяснений, карлик усмехнулся.

– Мадам, я изучаю все судьбы, имеющие отношение к вашей, – заявил он.

– Но я никак не связана с этими людьми! Или ты знаешь больше, чем я? – пристально взглянула на него женщина.

– Да, мадам, – медленно кивнул он. – И я могу вам все рассказать. Но учтите: моя тайна ужасна.

Леонора вздрогнула.

– Я слушаю. Говори, Лоренцо! – прошептала она.

– Вы влюблены, и вы – отважная влюбленная. А я, я два года назад был трусом... – с горечью промолвил карлик.

– Трусом? – изумленно переспросила Леонора.

– Да, трусом! – повторил Лоренцо. – В январе 1615 года я отправился в окрестности Орлеана, – начал он свой рас-

сказ. – Мне нужно было добыть драгоценный манускрипт: в нем были различные формулы, которые я долго искал раньше... Наконец этот трактат оказался в моих руках. Я изучил его – и мне не терпелось проверить все, что я почерпнул оттуда, на практике, поэтому я снял небольшой домик и принялся за работу. Не знаю, в чем тут дело, но скоро по городу поползли слухи, что в Орлеане поселился колдун. И вот, однажды ночью, когда я работал, в мой дом ворвалась разъяренная толпа. Эти люди вопили: «Смерть ему! Прикончим колдуна!» Я выпрыгнул в окно и побежал. Убийцы бросились следом. Они долго гнались за мной, я задыхался... В конце концов силы меня покинули, и я остановился у какой-то двери. И тут свершилось чудо. Эта дверь отворилась, и на пороге появилась женщина. О, как она была прекрасна! В этот миг я потерял сознание и рухнул к ее ногам.

– Продолжай! – Леонора не спускала глаз с рассказчика.

– Когда я пришел в себя, – снова заговорил карлик, – то увидел, что лежу в роскошной постели. Я понял, что нахожусь в одном из самых великолепных особняков Орлеана.

– Кто была эта женщина? – с живейшим любопытством спросила Леонора.

– Я называл ее дамой в белом, потому что она всегда была одета в белый бархат, – ответил Лоренцо. – Ее слуги заботились обо мне, а сама она каждый день приходила справиться о моем здоровье. Это была воплощенная доброта. Я всем обязан этой женщине. Наконец, на третий день я смог

встать с постели и вышел прогуляться. Но едва я покинул дом, как столкнулся с каким-то человеком, который, казалось, внимательно изучал подступы к особняку. Я тотчас же узнал его: это был знатный сеньор, которому я в свое время оказал кое-какие услуги.

– Кто был этот сеньор? – взволнованно осведомилась Леонора.

– Подождите немного, сейчас узнаете, – грустно улыбнулся карлик. – Итак, этот сеньор пригласил меня в гостиницу поужинать. Там он сказал мне, что влюблен в даму в белом, и попросил меня изготовить приворотное зелье, которым я уже снабжал его в Париже. И тогда я совершил ужасную подлость. В любовном напитке не было нужды. Я предложил ему кое-что получше. Когда наступила ночь, я поставил под окном спальни моей благодетельницы лестницу. Сам же я спрятался в опочивальне. Вскоре раздался звон разбитого стекла, и сеньор проник в комнату...

– То, что ты сделал, отвратительно! – вскричала Леонора.

– Это еще не все, – вздохнул Лоренцо. – Когда сеньор схватил женщину, я задернул занавески на окнах. Тогда она в ужасе посмотрела на меня и вдруг разразилась смехом, от которого у меня кровь застыла в жилах. Это был нечеловеческий хохот... – содрогнулся карлик. – Прежняя дама в белом перестала существовать. Вместо нее передо мной было жалкое, обезумевшее существо!

Лоренцо помолчал немного, а потом промолвил:

– Даму в белом звали Виолетта, герцогиня Ангулемская. Что же касается сеньора – то это был ваш муж!

Леонора выдержала этот удар. Она казалась по-прежнему спокойной.

– Таким образом, Кончино сначала любил мать, а потом пленился дочерью! – пробормотала женщина. – Это все, Лоренцо? – взглянула она на карлика.

– Нет, мадам! – ответил тот. – Однажды вечером Жизель Ангулемскую бросили в Сену. Вам, наверное, это известно?

– Неважно! – передернула плечами Леонора.

– Да, важно другое: то, что ее спасли! – заявил Лоренцо. – Жизели совершенно случайно помог человек, который никогда ее прежде не видел. И этот человек перед вами, мадам! – вскричал карлик.

На этот раз Леоноре не удалось сдержаться. С губ ее сорвалось тихое проклятие. А Лоренцо продолжал:

– Потом произошло другое важное событие. Как-то вечером на мосту Менял на одного человека напала целая толпа. Сам не знаю почему, но я повторил то, что сделала когда-то дама в белом... Я приоткрыл дверь, и тот человек оказался в безопасности. Только потом я узнал от людей, которые хотели его убить, что мне обязан жизнью шевалье де Капестан! Теперь вы понимаете, почему я решил составить два гороскопа и почему я вас предупредил? – мрачно спросил карлик.

Этот уродец, который ненавидел весь мир, теперь, каза-

лось, хотел по собственной воле помочь тем, кого по воле судьбы уже спас прежде! Он продолжал:

– Мадам, я повторяю: ничья рука, кроме королевской, не может погубить Жизель и Капестана. Металл, огонь, яд немедленно обернутся против того, кто осмелится пустить их в ход.

– Я знаю! – прошептала Леонора.

Она швырнула на стол кошелек, полный золота, и вышла из комнаты.

Оказавшись на улице, женщина прошептала: «Теперь они оба у меня в руках: я знаю, как убить их, не причинив зла Кончино, и знаю августейшую особу, которая прикажет это сделать!»

Уже пробило полночь, и все же народ еще толпился неподалеку от великолепного особняка Кончини. Люди молчали. Они смотрели на праздник, устроенный маршалом. Сказать по правде, это была настоящая феерия.

Внутри особняка горело восемьдесят гигантских свечей из разноцветного воска, источавших изысканный аромат. Снаружи особняк освещало более тысячи бумажных фонариков. Когда какая-нибудь гостья поднималась по лестнице, навстречу к ней шла прелестная девочка в наряде нимфы, и как только гостья оказывалась у входа, маленькая нимфа дарила ей букет цветов. В центре каждого букета была роза, в которой лежал бриллиант.

В особняке играли три оркестра, из двадцати музыкантов каждый. Один из оркестров находился в зале, где приглашенные ужинали, второй – в зале, где танцевали, третий – в зале, где должны были играть комедию.

В зале для танцев прохладительные напитки разносили прекрасные девушки с безупречными фигурами; с помощью костюмов и белых масок их превратили в мраморные статуи.

Ужин был шедевром кулинарного искусства. После трапезы началась комедия. Играли модный в то время фарс «Поколоченный капитан». Разумеется, спектакль изменили и облагородили согласно вкусам гостеприимного хозяина.

Магия яркого света, опьяняющего аромата цветов, пленительной музыки оркестров переносила приглашенных в какой-то нереальный, сказочный мир. И над всем этим великолепием царил Кончино Кончини. Он расточал улыбки и обещания, был элегантен и любезен: с каждым из мужчин маршалу удалось перемолвиться парой слов, каждая женщина услышала от него комплимент.

Однако не все здесь было так прекрасно, как казалось. Двор кишел вооруженными до зубов стражниками и наемными убийцами. В любую минуту эти люди готовы были ринуться в бой. А совсем рядом со сверкающими залами, истинным апофеозом жизни и веселья, в подземельях особняка разворачивалась ужасная драма.

У большинства знатных дам, приглашенных Кончини, на изящных поясах висели маски. Этого требовала мода, это до-

пускали правила приличий. Маску надевали и снимали, когда захочется. Поэтому во время праздника никто не удивлялся, встретив даму с закрытым лицом.

В тот момент, когда приглашенные стали переходить в зал, где играли фарс «Поколоченный капитан», одна из гостей, еще не успевшая снять свою маску из красного бархата, почувствовала чье-то прикосновение. Кто-то легко дотронулся до руки женщины. Она обернулась и увидела даму в маске из черного бархата; эта дама жестом пригласила даму в красной маске следовать за собой. Та повиновалась.

Как раз в это время Пульчиннела, Арлекин и Панталоне колотили капитана палкой и зрители от души хохотали. Никто не обратил внимания на двух женщин. А те проскользнули в комнату, в которой никого не было, и сняли маски.

Леонора Галигаи и королева-мать минуту молча смотрели друг на друга. Обеих привела сюда любовь к одному и тому же мужчине. Уже давно Мария знала, что Леоноре все известно. Между ними установилось что-то вроде молчаливого соглашения, которое позволяло им жить бок о бок без ненависти и не краснеть при встречах.

В эту минуту они открыли друг перед другом не только лица, но и души.

– Леонора, – сказала Мария Медичи, – я не могу так больше жить. Я ужасно страдаю.

– Мария, я тоже страдаю, – ответила Леонора Галигаи.

В первый раз жена назвала любовницу просто по имени.

– Ты тоже страдаешь! – вздохнула королева. – Значит, ты его любишь?

– Так же, как и вы, Мария, – тихо произнесла Леонора. – Только вы живете этой любовью. Я же от нее умираю.

– Ты не ревнуешь его ко мне? – дрогнувшим голосом спросила королева.

– Нет, Мария, – покачала головой Галигаи.

– Почему? Скажи мне, почему, Леонора, – прошептала Мария Медичи.

– Потому что он вас не любит, – откликнулась Леонора Галигаи.

Наступило молчание, которое нарушил стон королевы.

– Он меня не любит! – потрясенно промолвила она. – Господи, как же так? Что же со мной будет? Разве такое возможно? Послушай, Леонора, будь искренней: может быть, ты говоришь так из ревности? А тебя? Тебя он любит? – с трепетом спросила Мария Медичи.

– Меня? – усмехнулась Леонора. – Что вы! Я вызываю у него отвращение! Что касается вас, то я хотела сказать, что его любовь к вам не так сильна, как раньше.

– Ах, вон оно что, – неожиданно успокоилась королева. – Да, это верно, он уже больше месяца не приходил ко мне, – задумчиво промолвила она. – Правда, три дня назад он нанес мне визит, но я его не считаю...

– Вы знаете, кто встал между вами? – осведомилась Леонора.

– О, да! Жизель Ангулемская, – с горечью проговорила королева-мать.

– Да, Мария, – кивнула Леонора. – Вам известно, почему он проболел целый месяц? Потому что я отняла у него Жизель. Вас, наверное, заинтересовало, почему три дня назад он был в таком прекрасном расположении духа? Потому что я пообещала ему, что сегодня он снова увидит Жизель.

– Итак, – пробормотала королева, – этим великолепным праздником...

– Он отмечает ту ночь, когда должен вновь встретиться с Жизелью! – закончила Леонора Галигаи.

– И ты, ты его любишь без всякой надежды? – воскликнула Мария Медичи.

– Да, мадам, без всякой надежды, – скорбно вздохнула Леонора.

Вдали звучала медленная нежная музыка. Королева тихо спросила:

– Ты ненавидишь меня?

– Нет, Мария, – покачала головой Леонора. – Напротив, я предана вам. Если вам потребуется моя жизнь, то я умру. Раз он не хочет принадлежать мне, я буду счастлива, если он будет ваш. Благодаря вам он станет еще сильнее и могущественнее, поэтому я люблю вашу любовь к нему.

– О, теперь я тебя понимаю, – вскричала Мария Медичи. – Леонора, ты – благородная душа. Что касается его положения, то тут тебе не о чем беспокоиться: то, что я уже сдела-

ла для него, – ничто по сравнению с тем, что я собираюсь сделать. И ты говоришь, что если не станет этой Жизели, он будет любить только меня? Ну что ж! Пусть она умрет! Леонора, ты должна мне помочь!

– Я здесь именно для этого, Мария! – твердо ответила Леонора.

Напряжение спало. Теперь речь шла уже не о любви, а всего лишь об убийстве. Женщины переглянулись. Королева вновь обрела прежнее спокойствие, но Леонору нельзя было узнать. Она проговорила:

– Жизель Ангулемская здесь, мадам. Лоренцо составил ее гороскоп. Мы не можем убить ее ни одним из способов, требующих человеческого вмешательства. Ни сталь, ни яд, ни голод, ни жажда, ни огонь, ни вода тут не годятся...

– Это правда, – кивнула Мария Медичи, – ведь она чудом не утонула в Сене. Но как же тогда расправиться с ней?

– Я нашла один способ, который применим только к ней и ни к кому больше, – медленно проговорила Галигаи.

– И от чего же она должна умереть? – удивилась королева.

– От ГОРЯ, – с торжеством вскричала Леонора. Лицо королевы-матери исказилось от ужаса. Она взглянула на свою собеседницу, как на жуткое исчадие ада, и прошептала:

– Это чудовищно, Леонора. Ты знаешь, я никогда не колебалась в таких случаях. Но заставить чело века умереть от горя... Мне кажется, это дозволено лишь Господу Богу...

Королева перекрестилась и начала тихо молиться.

– У нас нет выбора, – решительно заявила Леонора. – Раз Лоренцо сказал, значит, так оно и есть. Я тысячу раз в этом убеждалась. К тому же перед нами еще одно доказательство его правоты: Жизель избежала смерти от воды. Мадам, звезды говорят, что мы не можем убить ее ни одним из тех способов, которые требуют участия человека. В противном случае пролитая кровь падет на Кончино.

– Нужно придерживаться этого указания, – побледнела королева. – Однако объясни мне, как эта девушка сможет умереть от горя – и что это будет за горе?

– Я долго наблюдала за Жизелью Ангулемской и теперь хорошо знаю ее, – уверенно проговорила Леонора Галигаи. – Таких людей на свете единицы. Они любят только один раз в жизни – и целиком, без остатка отдают себя своей любви. Жизель пожертвовала всем... Она любит! Для вас, для меня любовь – только часть жизни. А для нее это пьедестал, с которого падают и разбиваются вдребезги. Теперь представьте себе, что Жизель Ангулемская увидит своего возлюбленного мертвым.

Мария Медичи вздрогнула. Леонора, к которой вернулось прежнее хладнокровие, спокойно продолжала:

– Жизель умрет, мадам. Ее сердце разорвется, и она рухнет бездыханная на тело своего суженого. Это подействует лучше, чем пуля, пущенная из аркебузы. Мадам, вы знаете, что шевалье де Капестан находится здесь?

Мария Медичи задумалась.

– Но разве к шевалье де Капестану не относится предсказание Лоренцо? Жизель Ангулемскую может убить горе... Но для этого нужно, чтобы она увидела мертвого Капестана. А как ты покончишь с ним самим?

– Он умрет от СТРАХА, – ответила Галигаи. Леонора подала знак Марии Медичи, и та пошла за ней. Королева чувствовала, что эта женщина имеет над ней какую-то таинственную власть. Марии казалось, что перед ней – неумолимый ангел смерти.

Леонора вошла в свою спальню, затем скользнула в комнату, где занималась туалетом, и оттуда по потайной лестнице, известной, может быть, только ей одной, спустилась в маленький дворик, о котором мы уже говорили; ширина этого дворика не превышала трех туазов. От других дворов его отделяла высокая стена. Королева увидела две двери. Первая, железная, позволяла попасть в тупик Малабр, по которому можно было добраться до Гарансьера. Леонора пользовалась ею, когда хотела незаметно покинуть особняк. За второй дверью – ветхой, источенной жучками – оказалась лестница, ведшая вниз, в тесный подвал. Этот подвал был загроможден всевозможной старой мебелью. Больше там ничего не было, поэтому туда никто никогда и не ходил. Леонора и королева спустились в этот подвал.

Между табуретами, сломанными креслами и прогнившими столами было что-то вроде узкого прохода, по которому и устремилась Леонора. Наконец она остановилась у большого

сундука. Отодвинув засов, женщина подняла крышку и сказала:

– Вот наш путь. Наденьте снова вашу маску. Королева повиновалась. Тогда Леонора надавила на дно сундука. Деревянная плоскость скрылась в стене. Благодаря этому образовалось достаточно большое отверстие. Внизу виднелась узкая лестница. Леонора стала спускаться по ней. Мария Медичи осторожно последовала за Галигаи. Вокруг царил непроглядный мрак. Королеву трясло от страха. Она больше не видела Леонору, хотя и держала ее за руку. Пальцы Галигаи были холодны, как лед. Вдруг впереди замерцал слабый свет. Женщины сделали еще несколько шагов, и Мария Медичи поняла, что они оказались в какой-то комнате, напоминавшей прихожую. Леонора остановилась и посмотрела королеве в глаза.

– Вы решились? – спросила Галигаи.

На лице Марии Медичи отразилось минутное замешательство. Однако она сумела преодолеть эту слабость.

– Да! – глухо ответила королева.

– Не забудьте, мадам, что только августейшая особа может отдать приказ, не подвергаясь опасности...

– Да! – снова выдохнула Мария. – Раз все так сложилось, значит, звезды указывают на меня, ибо я – королева.

– Вы не забыли слов, которые должны произнести? Вы не перепутаете? Это очень важно, – настаивала Леонора.

– Я все помню, – ответила королева. Леонора Галигаи зло-

веще улыбнулась. Она убьет Жизель и Капестана и при этом не использует ни одного из способов, требующих человеческого участия! И Кончино будет в безопасности! Лоренцо заявил, что приказ может отдать король. А какая разница, король или королева?..

Леонора открыла какую-то дверь. Женщины вошли в небольшую комнату. Здесь тускло горели две свечи. В комнате стояли кровать, стол и кресло. Сюда вели три двери: через одну они только что вошли, вторая находилась слева, а третья – в глубине помещения. В кресле восседал нубиец Бельфегор. О существовании этого подземелья знали только он и Леонора. Не обращая внимания на Бельфегора, Галигаи подошла к левой двери и открыла окошечко. Устройство из двух решеток делало его невидимым с той стороны двери.

– Взгляните! – обратилась Леонора к королеве.

Мария Медичи подошла к двери. За ней оказалась элегантно обставленная комната, в которой находилась Жизель Ангулемская. Девушка спала в кресле. Она похудела и была очень бледна. Однако выражение ее лица было по-прежнему исполнено достоинства. Королева простояла у окошка около минуты. Затем Мария резко отступила. На лице ее читалось холодное бешенство. Леонора повернулась к Бельфегору и проговорила:

– Видишь эту даму в красной маске? Она отдаст тебе приказ – и ты его выполнишь.

Нубиец поклонился, прижав руку к груди.

– Как поживает заключенный? – спросила Леонора.

– Тих, как младенец! – осклабился нубиец.

– Итак, он выпил?.. – осведомилась Галигаи.

– Да, – кивнул Бельфегор. – Примерно час назад. Я вошел к нему, и он даже не пошевелился.

Леонора повернулась к Марии Медичи и тихо промолвила:

– Пора...

Королева быстро перекрестилась, а потом проговорила, словно повторяла хорошо заученный урок:

– Слушай же, Бельфегор: пока шевалье де Капестан, то есть заключенный, находится под воздействием выпитого эликсира, ты привяжешь его к плите и спустишь вниз.

Лицо нубийца исказилось от ужаса. Мария Медичи продолжала:

– Когда он умрет, ты положишь его на кровать.

Потом ты пойдешь к Жизели Ангулемской, то есть к заключенной, и приведешь ее в ту комнату, где будет находиться покойник. Больше ничего делать не нужно. Ты уйдешь и закроешь за собой дверь.

– Все выполню, – прошептал ошеломленный нубиец.

Тогда Леонора взглянула на него более приветливо.

– Через два часа ты будешь свободен, мой верный слуга. Я щедро вознагражу тебя: больше тебе никогда не придется выполнять ничьих повелений...

Однако Бельфегор покачал головой.

– Я мечтаю лишь об одной награде, – вздохнул нубиец. – К сожалению, ни один человек в мире не может вручить мне ее...

– Как знать? – загадочно улыбнулась Леонора. Бельфегор остолбенел от неожиданности. Не давая ему времени опомниться, Леонора Галигаи схватила королеву за руку и увлекла ее за собой. Женщины исчезли...

Вернувшись в комнату Леоноры, они посмотрели друг на друга.

– Иди, – промолвила Мария Медичи, – я подожду тебя здесь. Как ты думаешь, сколько это займет времени?

– Однажды я уже убивала страхом, – ответила Леонора. – Полчаса – и все кончено. Допустим, что шевалье будет умирать около часа... Короче говоря, через два часа мы можем спускаться: там будут два трупа.

С этими словами Леонора надела свою маску из черного бархата и растворилась в пестрой толпе гостей. Оркестр играл веселый марш. Леонора обходила танцующих. Наконец она увидела того, кого искала. Кончино Кончини был просто великолепен. В тот момент, когда он проходил мимо жены, она схватила его за руку.

– Это ты! – воскликнул маршал. – Я искал тебя. Прошло уже три дня. Ну, скажи, скажи скорей! Увижу ли я ее сегодня?

– Ты ее увидишь через два часа! – ответила Леонора.

Она удалилась. Побледневший от счастья Кончини смот-

рел ей вслед...

Когда после сражения у «Генриха Великого» Капестан очнулся и открыл глаза, он обнаружил, что покоится на ложе из ремней. Он хотел было приподнять голову, но она оказалась ему такой тяжелой, что шевалье подумал: «Теперь я уже никогда не смогу повернуть шею». Тогда он решил попробовать пошевелить рукой. Резкая боль заставила Капестана прекратить эти попытки. Осталась последняя надежда: может быть, хоть ноги в порядке... Шевалье постарался двинуть ногой и закричал от боли.

Капестан весь был изранен. Травмы были не очень опасны, однако причиняли ему ужасные страдания. Какое-то время шевалье пролежал в бреду. Когда Капестан наконец пришел в себя, то попытался восстановить в памяти все, что с ним случилось. Это ему отчасти удалось. Капестан помнил, что проводил в Лувр принца Конде, помнил, как бросился на людей Кончини... Дальше – провал. Теперь он валяется здесь и умирает от жажды.

Наконец шевалье с огромным трудом смог приподняться и сесть, прислонившись к стене. После этого он принялся изучать свои многочисленные раны. Капестан внимательно осмотрел их и пришел к выводу, что ни одна из них не является серьезной. «Итак, – подумал шевалье, – я нахожусь либо в Шатле, либо в Тампле. А может, и в Бастилии... Что хочет сделать со мной знаменитый Кончини, маршал д'Анкр?

Может быть, он намерен судить меня как бунтовщика? Если так, то мне конец... Но почему они не убили меня сразу?»

Капестан огляделся по сторонам. Он искал кувшин с водой: шевалье знал, что это непременный атрибут любой камеры в любой тюрьме. Но здесь его не было! В этом карцере вообще ничего не было: только голые стены и кровать.

Шевалье содрогнулся.

– Вон оно что, – пробормотал он. – Значит, это не совсем обычная тюрьма... Но что же это такое? И почему здесь нет воды?

Капестан снова начал бредить. Он действительно умирал от жажды. Его лихорадило. К тому же его тело словно пылало от бесчисленных ран. Однако шевалье не полностью потерял сознание и потому заметил, что в камере появилась какая-то женщина. Она подошла к нему и поднесла к его губам серебряную кружку. Капестан принялся жадно пить... Затем женщина ушла. Шевалье лежал на своей кровати и размышлял. Кто эта особа? И почему она в маске? К черту маску! Главное, что женщина спасла его от мучительной жажды, напиток очень благотворно подействовал на него. Капестан чувствовал, что понемногу приходит в себя. И вдруг незнакомка вернулась.

– Вы в состоянии пройти несколько шагов? – спросила она.

– Я попытаюсь. Куда вы хотите отвести меня, мадам? – с трудом проговорил шевалье.

– Я хочу спасти вас, – ответила женщина. – Попробуйте собраться с силами.

Капестан встал. Несомненно, напиток был непростой. Шевалье зашатался, однако устоял на ногах и сделал несколько шагов.

«Капитан!» – пробормотала сквозь зубы незнакомка.

Шевалье ничего не услышал: ему было не до того... Глаза Капестана застилал туман. Превозмогая боль, он пересек камеру и вышел во двор. Затем шевалье поднялся по лестнице, которая привела его в какую-то комнату. Какое счастье! В комнате стояла кровать. Обессиленный Капестан рухнул на нее и лишился чувств.

Разумеется, дамой в маске была Леонора Галигаи. Ожидая решения Кончини, Ринальдо поставил у дверей комнаты, где заперли шевалье, двух охранников. Однако Леоноре не составило труда удалить их. Она не слишком опасалась за жизнь Капестана. Согласно гороскопу, он не должен был умереть от полученных ран. А Кончини не мог убить его ни клинком, ни пулей, не мог отравить ядом, не мог уморить ни голодом, ни жаждой. В противном случае на маршала обрушилась бы страшная кара небес.

Итак, отныне о Капестане стала заботиться дама в бархатной маске; женщине помогал молчаливый негр. Но в один прекрасный день незнакомка не пришла. Шевалье чувствовал себя уже вполне здоровым.

Нубиец приносил ему еду, которую подавал через око-

шечко в двери. Капестан ел,пил и клялся себе, что при первой же возможности постарается вырваться отсюда.

Однажды нубиец вошел в комнату шеваляе. Капестан давно уже ждал подобного момента. Он резко выпрямился, но вдруг у него подкосились ноги, и шеваляе рухнул, чувствуя, что не в силах подняться. Более того, Капестан даже не мог ничего сказать. Он понял, что в еду ему подмешали какое-то зелье. Бельфегор приблизился к шеваляе и взял его за руку. Затем нубиец разжал свои пальцы, и рука Капестана со стуком упала на пол.

– Хорошо, – пробормотал нубиец и выскользнул из камеры. Наверное, он отправился докладывать о состоянии заключенного.

Внезапно шеваляе стало сильно клонить ко сну. Капестан собрал всю свою волю... Он знал, что спать ему сейчас нельзя, однако шеваляе все же погрузился в какую-то полудрему. Ему почудилось, что за дверью зазвучал голос незнакомки в маске:

– Иди к шеваляе де Капестану и сделай то, что тебе было приказано.

В комнате снова появился нубиец. Он подошел к шеваляе и сказал:

– Пойдемте!

«Нет! – подумал Капестан. – Я не двинусь с места!»

Однако шеваляе повиновался. Он медленно встал. Что с ним творилось? Силы покинули его. Воля была сломлена, а

ум затуманен: единственное, что осознал в эту минуту Капестан, – это то, что ему подмешали в еду какое-то мерзкое зелье.

Нубиец рукой указал шевалье, куда нужно идти. И Капестан покорно зашагал вперед. Он долго шел по коридору, который привел его в мрачный чулан. В полутьме что-то блестяло. Кажется, это была сталь...

Бельфегор усадил шевалье на металлическую плиту. Капестан прислонился к стене. Никогда еще он не чувствовал себя таким беспомощным. Где теперь Фан-Лэр? А где его шпага? И что случилось с его грозными кулаками?

Раздался щелчок. Вокруг шевалье сомкнулось железное кольцо. Второй щелчок – и вторая рука в оковах. Затем еще три щелчка – металлические тиски намертво зажали ноги и шею Капестана. Нубиец бросился к выходу. Он так спешил, что казалось, будто под ним проваливается пол. Шевалье овладел ужас. Что здесь творится? Чего боится его тюремщик? И вдруг произошло нечто невероятное. Капестан испуганно вскрикнул. Дело в том, что пол и правда начал раздвигаться, а металлическая плита, на которой сидел шевалье, дрогнула!

Она стала неспешно наклоняться. Шевалье почувствовал, что куда-то медленно опускается. Металлические кольца не давали ему шевельнуться, однако благодаря отчаянному усилию он все-таки сумел заглянуть вниз. Плита, к которой был прикован шевалье, оказалась чем-то вроде гигантской гайки.

И теперь эта гайка медленно, но верно сползала по спирали к краю болта. У Капестана потемнело в глазах. Он понял, что сейчас его могилой станет бездонный колодец, разверзшийся под плитой.

Шевалье предстояла самая ужасная смерть, которую только можно вообразить. Он умрет не от железа, не от воды и не от огня. Капестана убьет его собственный страх!

Глава 14

Мы не знаем, откуда взялся в Париже Бельфегор. Это был красивый, хорошо сложенный человек лет тридцати, черный, как ночь, очень любезный и обходительный. Его привезли в Италию, когда ему было пять или шесть лет от роду. Сначала он развлекал Марию Медичи, а потом королева подарила его Леоноре Галигаи. Когда его новая хозяйка переехала во Францию, нубиец последовал за ней. Его назвали Бельфегором. Однако, хотя он и носил имя обитателя преисподней, это был славный малый. Впрочем, по натуре нубиец не был ни добрым, ни злым. В чем ему нельзя было отказать, так это в верности. Если Леонора отдавала Бельфегору приказ, он выполнял его, даже если при этом приходилось рисковать жизнью.

Нубиец был предан Кончино Кончини, однако это чувство нельзя было сравнить с тем, которое он питал к Леоноре. Бельфегор боготворил свою хозяйку. Она была кумиром, которому он поклонялся трепетно и восторженно... Нубиец скорее бы умер, чем выдал кому-нибудь секреты Кончини. Однако если они интересовали Леонору, он, не задумываясь, рассказывал ей все...

Бельфегор хорошо говорил по-итальянски и по-французски, однако, был молчалив и предпочитал изъясняться жестами. Большую часть времени нубиец проводил, стоя на уг-

ду особняка. Прикрыв глаза, он грезил о своей далекой родине: о жарком солнце, о дремучих лесах, о людях одного с ним цвета кожи. Ведь воспоминания раннего детства – одни из самых ярких в нашей жизни...

Мы уже говорили, что Бельфегор не был ни добрым, ни злым. Точнее было бы сказать, что понятия добра и зла были чужды ему. Нубиец жил так, как подсказывала ему его природа. Ангел и дьявол мирно уживались в этом человеке.

Бельфегору не в первый раз приходилось использовать ужасный механизм. Привести его в движение было достаточно просто.

Приковав Капестана к плите, нубиец незаметно для шевалье распылил в воздухе средство, предназначенное для того, чтобы вывести узника из оцепенения. После этого Бельфегор быстро вышел и поднялся по лестнице в круглую комнату, очень похожую на ту, которую только что покинул. Здесь был верхний конец огромного болта – цилиндра. И еще в этой комнате находилось множество рычагов. Сначала нубиец потянул за четыре рычага – для того, чтобы Капестан смог заглянуть вниз. Затем Бельфегор рванул еще два. После этого пришла в движение гигантская гайка. Сделав все необходимое, нубиец сел на табурет и прислушался. Внезапно Бельфегора охватила дрожь: он вдруг осознал весь ужас того, что происходило сейчас внизу. Однако вскоре нубиец задумался, причем так глубоко, что для него перестало существовать все на свете. Все, кроме одной фразы, которую

произнесла Леонора Галигаи.

– Она сказала мне: «Как знать?», когда упомянула о моей награде, – шептал Бельфегор. – До этого я говорил ей, что никто и никогда не может дать мне той награды, о которой я мечтаю. Неужели хозяйка догадалась о моей несчастной любви? А может быть, она знает, как сделать меня счастливым?..

Бельфегор грустно покачал головой.

«Нет! – с горечью подумал он. – Ни один человек на свете не может заставить Марион Делорм сжалиться надо мной! Зачем хозяйка подала мне надежду? Она ведь знает, что бессильна исполнить мое желание! Неужели она не доверяет мне? Думает, что благодаря ее словам я лучше выполню приказ! Разве я когда-нибудь подводил ее? О Марион! Я даже не знаю, догадываешься ли ты о моей любви к тебе! А если она даже и подозревает... Какие чувства я могу вызвать у нее, кроме презрения и отвращения? Кто я? Ничтожество! Всего лишь жалкий чернокожий! Вот в чем моя вина... Вот почему я не имею права ни любить, ни быть любимым...»

По черному лицу Бельфегора текли слезы. Он оплакивал свою любовь...

Марион Делорм покорила нубийца с первого взгляда. С тех пор он днем и ночью бродил возле гостиницы «Три короля»; он пытался выбрать удобный момент, чтобы наброситься на предмет своих вожделений. Бельфегор решил, что получит Марион – живую или мертвую. Но внезапно Марион

Делорм покинула гостиницу. В тот день чернокожий влюбленный выл от горя. Но он вознамерился во что бы то ни стало отыскать свое божество: пускай ему придется обшарить весь Париж, пускай он потратит на поиски всю жизнь – его ничто не остановит! Дня через три-четыре Бельфегор продумал план действий.

«В моей черной груди бьется горячее мужское сердце», – без конца твердил себе нубиец.

Вдруг он услышал за спиной какой-то шум. Бельфегор быстро обернулся и окаменел от счастья. Потрясение было столь велико, что через пару секунд он свалился с табурета и стукнулся лбом об пол. Перед ним стояла Марион Делорм! Она покинула особняк Сен-Мара, предварительно оставив маркизу записку, в которой предупреждала о своем уходе, и отправилась в «Три короля». Хозяин сразу узнал Марион и хотел было проводить дорогую гостью в ее бывшие комнаты. Однако Марион попросила каморку на самом верху. Красавица поставила лишь одно условие: чтобы окно этой комнатенки выходило на улицу. Минуту назад хозяин сгибался перед Марион Делорм в подобострастном поклоне. Но, услышав ее просьбу, этот человек тут же выпрямился и стоял теперь, точно аршин проглотив. На лице трактирщика было написано откровенное презрение.

«Прогорела пичужка», – усмехнулся он про себя и отвел постоялицу в комнатку, которая находилась под самой крышей.

– Прекрасно, – промолвила Марион. – Позаботьтесь о том, чтобы сюда принесли удобное кресло, в котором могла бы спать Аннетта, моя горничная. Каждый день вы будете подавать нам сюда обед и ужин. Для меня – сущие пустяки. Что касается Аннетты, то вы доставите ей все, чего бы она ни пожелала. Я снимаю эту конуру на месяц. Сколько это будет стоить?

– Пятьдесят ливров – и деньги вперед... это не считая еды, – ухмыльнулся хозяин.

– А сколько стоили мои бывшие комнаты? Я что-то запамятовала... – насмешливо проговорила Марион.

– О, это были совсем другие времена, – продолжал нагло улыбаться хозяин. – Вы заплатили за них тысячу ливров, опять же не считая еды.

– Хорошо! Если они стоили тысячу ливров, эта конура будет стоить две тысячи, – спокойно заявила Марион. – Однако учтите: еду нам будете приносить только вы – и никто больше, – добавила красавица.

– Все, что мадам пожелает, – пролепетал ошеломленный хозяин.

– И хочу предупредить вас еще кое о чем, – продолжала Марион. – Если вы будете много болтать – и хоть кто-нибудь из ваших слуг или постояльцев узнает о моем пребывании здесь – вас ждет Бастилия.

Хозяин попятился к двери, бормоча на ходу всевозмож-

ные клятвы и заверяя достопочтенную мадам в своей скромности и глубокой привязанности к ее драгоценнейшей особе. Когда он наконец удалился, Марион подбежала к окну и затрепетала от радости.

Оно выходило именно туда, куда нужно. Немного наклонившись вперед, Марион увидела двор особняка Кончини. Ограда практически не мешала. Красавица до вечера просидела у окна, но так и не заметила того, кого высматривала целый день.

Тогда Марион обратилась к горничной:

– Аннетта, видишь стражу перед воротами особняка господина Кончини? Узнай у кого-нибудь из этих солдафонов, где Бельфегор. Ты обязательно должна с ним поговорить!

– Мадам, неужели вы влюблены в него? – изумилась горничная.

– Возможно! – ответила Марион таким тоном, что Аннетту пробрала дрожь.

– А что я должна ему передать? – поинтересовалась камеристка.

– Именно то, что ты сказала сейчас, – усмехнулась Марион. – Ты сообщишь ему, что та дама, под чьими окнами он вздыхал, влюблена в него и хочет его видеть. Ступай и приведи его ко мне, – решительно распорядилась красавица.

Аннетта скрылась за дверь. Через час горничная вернулась – одна.

– Так, – недовольно проговорила Марион, гневно взгля-

нув на нее, – почему ты не привела его? Неужели ты так ничего и не поняла? Разве тебе не ясно, что я хочу спасти шева-лье де Капестана?

– А что, шева-лье держат в этом особняке? – удивилась Аннетта.

– Уже месяц! Говори же, где нубиец? – нетерпеливо вскричала Марион.

– Мадам, хозяйка отправила его в какое-то путешествие, – пролепетала горничная. – Меня уверяли, что сейчас он где-то очень далеко.

У Марион перехватило дыхание. Она знала о любви, которую питает к ней Бельфегор, – об этом красноречиво свидетельствовал вид нубийца, слонявшегося некоторое время назад возле гостиницы, – и рассчитывала использовать его страсть. Но теперь из-за отсутствия Бельфегора планы красавицы рухнули. Марион заплакала. Горничная принялась утешать ее, убеждая, что, в конце концов, это не так уж и плохо для мадам, имевшей неосторожность полюбить какого-то шева-лье без гроша за душой.

– Ты ничего не понимаешь, – ответила Марион, вытирая слезы. – Я больше не люблю шева-лье де Капестана.

– Почему же вы тогда плачете? – изумленно спросила Аннетта.

– Потому что это моя первая любовь, – вздохнула красавица. – Что мне теперь думать? Шева-лье либо убит, либо брошен в тюрьму. Если он томится в крепости, я вытащу его

оттуда! У меня есть средство, с помощью которого я могу, если понадобится, перевернуть весь мир!

– И что же это за средство? – глаза горничной округлились от ужаса.

– Это моя красота, Аннетта, – усмехнулась Марион. – Ты знаешь, сколь велико могущество епископа Люсонского? А ведь он меня любит!

– Истинная правда, мадам! – закивала горничная.

– Тебе отлично известно, – продолжала Марион, – что если я пойду к Ришелье и попрошу его в обмен на мою любовь освободить...

Внезапно женщина умолкла и громко хлопнула в ладоши.

– Нет! – вскричала она. – Я знаю Кончини. Когда он хочет отомстить, он не ведает жалости. Бедный шевалье давно уже мертв. Хотя... До тех пор, пока я не буду до конца уверена в его гибели, я не откажусь от борьбы!

Этой ночью Марион не сомкнула глаз. На следующее утро она вновь села у окна и принялась наблюдать за особняком. Вскоре Марион заметила, что в доме началась какая-то суматоха. Тогда она отправила Аннетту разузнать, в чем дело. Вернувшись, служанка объявила, что в особняке готовятся к пышному празднику, который маршал устраивает через три дня. Марион ничего не сказала, однако мозг ее лихорадочно заработал... И вскоре красавица куда-то ушла, велев горничной внимательно наблюдать за особняком Кончини. Наступил вечер. Марион не вернулась. Встревоженная Аннетта

ждала свою госпожу весь следующий день.

Наконец в семь часов вечера Марион появилась в гостиной. Служанка была потрясена: ее хозяйка была в костюме, достойном принцессы. За эти три дня Марион сделала два важных дела: обзавелась роскошным туалетом и добыла себе приглашение на праздник, который устраивал Кончини.

...Когда веселье было в самом разгаре, Марион спрята-ла свое лицо под маской из синего шелка и отправилась в особняк маршала д'Анкра. Красавицу сопровождал молодой сеньор. Когда они поднялись по залитой светом лестнице, женщина накинула на плечи плащ из синего атласа и сказала своему кавалеру:

– Я очень благодарна вам за то, что вы привели меня на этот прекрасный праздник. А теперь прошу оставить меня одну... Если вы откроете кому-нибудь, что Марион Делорм находится в этом особняке, вы будете виновником моей смерти. Если вы пойдете за мной, если не забудете, кто я такая, вы станете причиной многих ужасных несчастий...

Кавалер Марион был благородным человеком. Он поклонился ей и ответил:

– Мадам, не называть вашего имени для меня легко; не следовать за вами – трудно, а забыть вас – абсолютно невозможно. Одним словом, я вижу единственный способ исполнить ваше приказание: не медленно уйти отсюда.

И действительно молодой человек тут же удалился. Тогда Марион принялась бродить среди гостей, пока, наконец, не

встретила Леонору Галигаи.

Марион поспешила к хозяйке. Вдруг Леонора остановилась рядом с какой-то дамой в красной маске. Дама была одета достаточно просто. Леонора произнесла несколько слов, но Марион ничего не удалось услышать. Дама в красной маске ответила... И на этот раз Марион услышала все.

Она задрожала. Вместо того, чтобы подойти к Леоноре, Марион бросилась в толпу, где царили шум и веселье. Кавалеры пили шампанское в огромных количествах и наперебой ухаживали за дамами.

Кругом сновали слуги, разносившие прохладительные напитки. Марион подозвала одного из лакеев и увлекла его к окну. Оконная ниша напоминала скорее маленькую комнатку, в которой можно было укрыться от посторонних глаз. Женщина задернула занавески.

– Друг мой, – обратилась она к лакею, – вы знаете, где находятся покои мадам д'Анкр?

– Разумеется, мадам, – с поклоном ответил тот, – я как раз состою в услужении у госпожи Лео норы Галигаи.

– Пожалуйста, проводите меня туда, – попросила Марион.

– С удовольствием, мадам, – снова поклонился лакей.

– Но мне нужно попасть туда так, чтобы меня никто не заметил, – мило прошебетала Марион. – Никто не должен знать, что я побывала в апартаментах госпожи Кончини, – даже она сама.

– Это невозможно, мадам, – покачал головой слуга.

– Видите ли, у госпожи д'Анкр есть превосходные румяна, и она никому не хочет говорить, из чего они сделаны, – пустилась в объяснения Марион. – Я уверена: если вы захотите, то найдете способ удовлетворить мое любопытство. Умоляю вас, отведите меня в ее туалетную комнату!

– Нет, мадам: меня прогонят отсюда, – вздохнул лакей. – Знаете, мне платят здесь восемьсот ливров в год, из которых шестьсот я откладываю. Я уже скопил тысячу ливров. Через десять лет у меня будет десять тысяч, и тогда я смогу бросить службу, купить лавку и зажить в свое удовольствие. Так что, сами понимаете: даже если вы мне предложите сто пистолей, я не выдам секретов своей госпожи.

Марион обеими руками вцепилась в кольцо, обвивавшее ее шею, и с силой рванула его.

– Вот, возьмите это, – воскликнула она.

Слуга остолбенел. Он не мог отвести взгляда от драгоценного украшения. Великолепный жемчуг порастил его воображение.

– Это стоит побольше, чем вы заработаете здесь за всю свою жизнь, – сказала Марион. – Вам дадут за него по меньшей мере восемьдесят тысяч ливров.

Лакей наконец пришел в себя. Он засунул кольцо в карман своего камзола и пробормотал:

– Идите за мной, мадам, только держитесь на расстоянии.

Осторожно, стараясь не возбудить ничьих подозрений, слуга двинулся вперед. Через некоторое время Марион по-

следовала за ним. Вскоре лакей остановился у неприметной дверцы. Вокруг не было ни души, но слуга все же еще раз огляделся по сторонам. Затем он быстро открыл дверь и скрылся за ней. Марион поспешила за лакеем и очутилась в узком коридорчике. Это был потайной ход, которым пользовались только Леонора и Кончини.

– В конце этого коридора находится туалетная комната госпожи д'Анкр, – прошептал слуга.

– Скажите: я не рискую столкнуться нос к носу с какой-нибудь горничной? – тихо спросила Марион.

– Нет, – заверил ее лакей. – Если в покоях нет госпожи, значит, там нет никого.

– А вдруг дверь в туалетную комнату окажется закрытой? – встревожилась женщина.

– Она должна быть открытой, потому что никто, кроме госпожи и ее супруга, никогда не ходит по этому коридору, – объяснил лакей.

Коридорчик был совсем коротким. Легко пробежав по нему, Марион толкнула дверь и очутилась в большой комнате. Слева от туалетного столика находилась еще одна дверь. Женщина приоткрыла ее и увидела роскошную спальню. Марион задумалась: где бы ей спрятаться? Решив, что лучше всего притаиться в туалетной комнате, Марион присела за высоким венецианским зеркалом. Тут ее никто не заметит... Сердце Марион билось ровно. Она не чувствовала ни малейшего страха.

Вдруг Марион увидела, что напротив зеркала находится большой шкаф, на который она до этого не обратила внимания. Марион уже было встала, чтобы направиться к нему, как вдруг застыла, словно ее пригвоздили к полу. В спальне Леоноры послышались шаги. Через несколько секунд дверь будуара распахнулась...

В комнату вошли Леонора Галигаи и дама в красной маске. Марион затаила дыхание, вся обратившись в слух. Тишина. Женщины не проронили ни слова. Марион слышала только, как бешено колотится ее собственное сердце. Наконец она решилась выглянуть из-за зеркала.

Женщина задрожала от ужаса: в комнате никого не было! Марион поняла, что Леонора и ее таинственная гостья ушли через тот самый шкаф, в котором она только что собиралась спрятаться! Красавица вытащила из-за корсажа маленький кинжал, покинула свое убежище и решительно шагнула в шкаф. Перед ней, в задней стенке шкафа, была распахнутая дверь: хозяйка и гостья не заперли ее – наверное, потому, что собирались вернуться тем же путем. За дверью начиналась узкая лестница. Марион устремилась по ней вниз и очутилась в маленьком дворике, который, по-видимому, только что покинули Леонора и ее спутница. Марион увидела приоткрытую ветхую дверку, юркнула в нее и оказалась в подвале. Женщина обнаружила, что этот подвал битком набит старой мебелью, через залежи которой можно было пробраться лишь по единственному проходу. Она прокралась по

этой «тропке» – и та скоро привела ее к большому сундуку с поднятой крышкой. Женщина спустилась вниз и, остановившись на миг у подножия лестницы, заметила впереди тусклый свет. Марион двинулась туда, где мерцал этот слабый огонек... Когда она добралась до круглой комнаты, то увидела приотворенную дверь и услышала чей-то голос. Он показался ей знакомым. Этот акцент, эти своеобразные интонации, в которых сочетаются угрозы и страх... И вдруг Марион вспомнила! Когда-то она поставила себе целью узнать парижскую жизнь во всех ее проявлениях. Однажды ей удалось проникнуть на заседание парламента. Там она услышала Ришелье, Кончини... И еще она услышала там королеву-мать! Да, этот голос принадлежал Марии Медичи!

Королева! Здесь, в подземелье! Вместе с Галигаи! Королева говорит с Бельфегором! Королева отдает приказ расправится с Капестаном с помощью какого-то механизма, а потом показать труп Жизели Ангулемской!

Странная вещь! После того, как Марион Делорм потратила столько времени на поиски шевалье де Капестана, она наконец узнала, что он еще жив, но ему грозит смертельная опасность. И в эту ужасную минуту женщина думала не о человеке, которого когда-то любила. Ее мысли занимала Жизель Ангулемская.

Что представляет из себя эта девушка? Это на ней соби-рался жениться ее, Марион, Сен-Мар. Это та самая девушка, которую любит Капестан! Возлюбленная ее шевалье! Ма-

рион разбирало любопытство: она была готова пожертвовать чем угодно, лишь бы увидеть ту, кого любит мужчина, которому Марион впервые отдала свое сердце!

Вдруг она услышала шелест юбок. Это означало, что Леонора и королева через несколько секунд войдут сюда. Сейчас ее обнаружат! Марион стала лихорадочно озираться по сторонам. Ага! Вот она, это дверь! Женщина метнулась к спасительному проему в стене, в одно мгновение распахнула дверку и поспешно закрыла ее за собой. И в этот же миг в круглую комнату вошли Мария Медичи и Леонора Галигаи.

Марион напряженно прислушивалась. Шорох платьев... Удаляющиеся шаги... Наконец она облегченно вздохнула. Хозяйка и ее гостя удалились... Тогда Марион оглянулась и увидела прелестную девушку. Все в ее облике свидетельствовало о благородстве и утонченности. Пожалуй, ее взгляд можно было назвать гордым. Она была очень бледна. И хотя Марион никогда раньше не встречалась с этой красавицей, она сразу же узнала ее. Марион молча любовалась Жизелью. Более того, она восхищалась ею. Но вдруг в голове Марион пронеслась предательская мысль: почему она должна спасать это дивное существо, чтобы потом отдавать шевалье де Капестану? Какое ей дело до Жизели Ангулемской? Ах, Марион, Марион! Если бы ты могла в эту минуту заглянуть в свое сердце, ты увидела бы, что одно чувство вытеснило из него сейчас все остальные, и имя этому чувству – ревность... А Жизель подошла тем временем к Марион и взяла ее за руку.

– Вы тоже пленница, как и я? – прошептала девушка. – Не бойтесь: вдвоем мы будем сильнее, чем поодиночке.

Марион вздрогнула. Она опустила голову и глухо произнесла:

– Вы – Жизель Ангулемская?

– Я дочь герцога Ангулемского, – тихо ответила Жизель. – Теперь отца и дочь разлучили... Я нахожусь здесь, а мой отец, наверное, в каком-нибудь каземате. Что же касается моей матери...

– У вас есть мать? – поежилась Марион.

– Несчастливая женщина! – воскликнула Жизель, не скрывая боли. – На ее долю выпало столько бед! Страдания довели ее до безумия. Теперь она нуждается в постоянной опеке. Что с нею станет без меня? А вдруг с ней уже произошло что-нибудь ужасное?

Марион с состраданием взглянула на бедную девушку. Она действительно почувствовала к ней жалость.

– Кажется, я вас расстроила, – встревожилась Жизель Ангулемская. – Не печальтесь. И не бойтесь. Я сильная. Я буду защищать вас так же, как и себя.

Марион подняла голову. Она подумала: «Я сумею спасти ее, но сделаю так, чтобы она не встретила с шевалье».

– Я не пленница, – отчетливо произнесла Мари он. – Я пришла сюда, чтобы выволочь вас из заключения. Не буду говорить, кто я: все равно мое имя ничего вам не скажет. Перед вами дверь. Выходите и поворачивайте направо. Вы уви-

дите лестницу. Поднимитесь по ней. Вы окажетесь в подвале. Там будет еще одна лестница, которая выведет вас в маленький дворик. Вы пойдете налево, к большой стене. Там будет маленькая дверца. Через нее вы попадете на главный двор особняка. Благодаря этому плащу и этой маске на вас никто не обратит внимания: там большой праздник и множество дам с за крытыми лицами. Итак, идите, сударыня. Ступайте же! Если вы будете колебаться, то погубите нас обеих.

С этими словами Марион закутала Жизель в свой плащ из синего шелка, надела на нее свою маску, надвинула ей на глаза капюшон и вытолкнула девушку за дверь, указав ей путь. Жизель хотела было поблагодарить свою спасительницу, но не успела: та быстро побежала по коридору. Некоторое время девушка смотрела ей вслед. И вдруг она заметила, что вдалеке появилась Леонора и королева. Больше медлить было нельзя. Жизель устремилась в том направлении, которое указала ей незнакомка. Внезапно Жизель почувствовала, что в правой руке у нее что-то есть. Она разжала пальцы и обнаружила, что это – маленький кинжал...

Увидев Марион Делорм, Бельфегор рухнул, как подкошенный. Наконец он решился поднять глаза. От восхищения нубиец открыл рот, обнажив прекрасные белые зубы. Очарованный, он смотрел на предмет своего обожания, как кролик на удава. Бельфегор был язычником, но ему доводилось посещать христианские храмы. Там он видел восхитительные

изображения Пресвятой Девы. И в эту минуту, при виде Марион в роскошном одеянии ему почудилось, что. перед ним – сама Богоматерь. Потрясенный нубиец прошептал:

– О Мадонна, как вы прекрасны!

– Встань, – ответила Марион.

– О нет, нет! – вскричал нубиец. – Мне так хорошо здесь, у ваших ног! Сколько раз я мечтал об этом! И теперь вы – рядом со мной, и не гоните прочь бедного Бельфегора!

Как она сюда попала? Кто помог ей пробраться в это подземелье? Нубийцу не приходили в голову подобные вопросы. В эту минуту он ни о чем не мог думать: неистовая радость поглотила все его мысли и чувства.

– Встань, – нетерпеливо повторила Марион.

– О Мадонна, позвольте мне поклоняться вам! Позвольте стоять перед вами на коленях! Ведь в этом нет ничего плохого, не правда ли? Или это вам неприятно? – простонал Бельфегор.

– Значит, я тебе нравлюсь? – пробормотала Марион.

Нубиец ничего не ответил. По его черным щекам скатились две крупные слезы. Женщина протянула к нему руки. Бельфегор схватил их и осыпал страстными поцелуями. Марион с трудом удалось поднять с колен чернокожего влюбленного. Теперь этот статный красавец стоял перед ней. Он хрипло и прерывисто дышал. В глазах нубийца полыхало пламя. Внезапно Марион стало страшно. Она попятилась назад.

– Где шевадье де Капестан? – спросила женщина дрожащим голосом, по-прежнему отступая.

Казалось, в Бельфегоре проснулся дикий зверь. Он сделал шаг вперед, Марион поняла, что нубиец готов наброситься на нее. Женщина собрала всю свою волю и спокойно, отчетливо произнесла:

– Еще один шаг, Бельфегор, и я убью себя.

С этими словами Марион поднесла к губам крошечный пузырек. Она повторила:

– Одно твое движение, Бельфегор, и я выпью яд!

Нубиец не сводил с Марион глаз. Ноздри его трепетали от страстного желанья. Женщина задрожала. Поистине, это был ужасный миг, похожий на состояние природы перед грозой, когда все замирает и даже в воздухе чувствуется напряжение... И вот гроза разразилась: Бельфегор отступил на шаг и зарыдал, всхлипывая, как ребенок. Марион облегченно вздохнула. Она укротила зверя. Теперь нубиец был совсем не страшен: не решаясь приблизиться к Марион, он униженно просил прощенья... Женщина подошла к Бельфегору, схватила его за руки и, почти прижавшись к нубийцу, прошептала:

– Сегодня вечером, Бельфегор, у меня, в гостинице «Три короля»... Этой ночью я стану твоей! Я буду ждать тебя, изнемогая от любви... Ты сделаешь для меня то, что я попрошу?

– Все, что угодно! – пылко вскричал нубиец. – Я убью мою

хозяйку и моего господина! Приказывайте!

– Где твой узник? – спросила Марион.

– Здесь! – промолвил нубиец, показывая пальцем вниз.

– Отведи меня к нему, – приказала красавица. – Надеюсь, ты не успел сделать ему ничего дурного? – с трепетом осведомилась она.

– Железная плита! – прохрипел Бельфегор. – Железная плита!

– Что?! – в ужасе воскликнула Марион. – О несчастный! О Боже! Эти крики... Кто это так жутко стонет?!

А стонал шевалье де Капестан, которого поднимала из мрачного колодца адская машина.

– Железная плита! – ревел нубиец. – Это конец! Это кричит он! Слишком поздно! Она никогда не будет моей!

Бельфегор не мог вынести такого удара. До исполнения самой заветной мечты нубийца оставались считанные часы, и вдруг... Теперь из-за этого человека Марион никогда не будет ему принадлежать. Он потерял ее! А счастье было так близко...

Бельфегор услышал душераздирающий вопль своей любимой:

– Освободи его! И я буду твоей! Он жив! Господи... Как он ужасно кричит!..

– Освободить его! Да, да, конечно! – продолжал реветь обезумевший нубиец.

Он бросился к рычагам, но силы ему изменили. Бельфе-

гор рухнул на пол.

– Я не могу! – в отчаянии прошептал нубиец. – Я больше не могу! Вон он, этот рычаг!

– Какой рычаг? Этот? – спросила белая, как мел, Марион.

– Да, да! Толкайте вверх! Толкайте его вверх до упора! – прохрипел нубиец.

Марион вцепилась в рычаг и попыталась приподнять его. Но рычаг был тяжелым и не поддавался... Наконец ей удалось слегка сдвинуть его.

– Выше! Еще выше! – стонал Бельфегор. Нубиец сел. Он чувствовал, что силы потихоньку возвращаются к нему. Руки Марион кровоточили. Чем выше она поднимала рычаг, тем пронзительнее становился жуткий скрежет внизу. Это исполинская гайка медленно двигалась обратно. Однако женщина этого не осознавала. У нее уже не оставалось сил на то, чтобы думать: рычаг, казалось, становился все тяжелее и тяжелее... Внезапно он вырвался из рук Марион. Дело в том, что плита заняла наконец свое первоначальное положение. В тот же миг нубиец, которому удалось подняться, бросился к другому рычагу и принялся им орудовать. Марион стояла с отсутствующим видом и машинально снимала один за другим лопнувшие перстни, ранившие ей пальцы.

– Идемте! – повернулся к ней Бельфегор.

Если бы сейчас нубийцу вздумалось броситься на Марион, она не смогла бы оказать ему ни малейшего сопротивления. Однако Бельфегор не сделал этого. Он повел Мари-

он в комнату, находившуюся внизу. Теперь пол был на месте. Женщина вошла и увидела Капестана в железных оковах. Глаза шевалье были закрыты. Неужели он мертв? Нубиец освободил узника, взял его в охапку и положил у ног Марион. Женщина опустилась на колени. Она положила руку на грудь Капестана, затем встала. Марион казалась совершенно спокойной.

– Он жив! И будет жить! – прошептала она. Затем женщина повернулась к Бельфегору:

– Как можно выйти отсюда? В особняке так много людей! Нубиец склонился над ней. Он весь пылал.

– Сегодня вечером ты будешь моей? – донеслось до слуха Марион.

– Да! – выдохнула она.

– А чем ты поклянешься? – хрипло спросил Бельфегор.

Женщина положила руку на лоб шевалье:

– Бельфегор, клянусь тебе жизнью того, кому я подарила свое сердце, – отчетливо произнесла Марион, – что отдам тебе свое тело.

– Хорошо! – промолвил нубиец. – Идите.

Он присел на корточки, схватил Капестана, взвалил его себе на плечи, встал и зашагал вперед. Очутившись на маленьком внутреннем дворике, Бельфегор повернул направо, к железной двери, которая выходила в тупик Малабр. Он открыл ее – и в следующий миг все они оказались уже за оградой особняка.

Глава 15

В это время бедняга Коголен ужасно страдал. Ему страшно не везло. Оголодавший, поколоченный грабителем, отнявшим у него плащ, он отправился к Лантерну, давая себе клятвы, что обязательно назовет его де Лантерном и даже монсеньором. Лишь бы только это помогло получить приглашение к хорошему столу!

Увы! Господин де Лантерн оказался весьма злопамятной личностью: очевидно, он не забыл урока, преподанного ему Коголеном. Так что несчастному не удалось утолить терзавший его голод. Результат встречи с Лантерном был просто плачевным: к мукам голода прибавились еще и муки унижения.

– Я должен отправиться в Орлеан к моему хозяину, – заявил Коголену Лантерн. – Извините, что так быстро вас покидаю. До скорого, монсеньор!

И он оставил вконец расстроенного Коголена посреди улицы. Никогда еще бедолаге не подходило так его прозвище – «Незадача». Однако фортуна все же улыбнулась ему, причем в тот момент, когда он меньше всего этого ожидал.

Какого-то незнакомца привлекла живописная наружность Коголена. Он быстро набросал его портрет, а потом, желая вознаградить натурщика, вручил Коголену экую. Коголен принял деньги со слезами благодарности, что, однако, не по-

мешало ему тут же отправиться в ближайший кабачок.

Наконец-то он наелся! Коголен был наверху блаженства. Привалившись к стене, он сонно озирался по сторонам. Внезапно взгляд Коголена остановился на трех подмастерьях булочника, заканчивавших свою трапезу.

Он не очень хорошо слышал их разговор, но, насколько можно было понять по обрывкам фраз, долетавшим до Коголена, эти люди собирались бросить свое почтенное ремесло и стать бродячими комедиантами. Их звали Тюрлюпен, Готье-Гаргий и Толстый Гийом.

Хозяин, почувствовавший добычу, предложил начинающим актерам устраивать представления в его амбаре – разумеется, за солидный процент с их выручки. Все были довольны, кроме Тюрлюпена.

– Это еще не все! – горланил он, стуча стаканом по столу. – Нам не хватает одного человека. Ему ни чего не надо будет говорить. От него потребуется только одно: умение сносить побои. Никто из нас на эту роль не годится...

Услышав эти слова, Коголен встал и подошел к соседнему столу. Растянув в улыбке рот до ушей, он произнес:

– Сударь, я отлично умею это делать!

– Правда, приятель? – обрадовался Тюрлюпен.

– Несколько дней назад я получил хороший урок, – мрачно заявил Коголен. – В своей жизни я перепробовал много занятий: ни одно из них мне не подходит. Думаю, я как раз тот, кто вам нужен. Прошу обеспечить меня в качестве аван-

са жильем и пропитанием.

И тут же бывшему слуге шевалье де Капестана представился случай продемонстрировать свои таланты...

Последнее, что помнил шевалье де Капестан, – это то, как его, прикованного к железной плите, опускают в бездонную черную дыру, он должен вот-вот рухнуть во мрак... В этот момент шевалье потерял сознание. Очнулся он в постели. Оглядевшись по сторонам, Капестан решил, что находится в хорошей гостинице. Действительно, комната была обставлена роскошно. Напротив кровати шевалье заметил два окна. Вдруг Капестан вздрогнул: он испытывал то особое чувство, которое появляется, когда снова видишь что-то волнующее, чего не видел долгие годы.

В это время к его кровати подошли двое мужчин. Первый был весь в черном, второй – весь в белом. Первый был узкоплечим, тощим, бледным и носил очки. Второй был маленьким, толстым, с круглым багровым лицом. Вместе они составляли какую-то совершенно фантастическую пару.

– Кто вы? – спросил изумленный шевалье. – И где я?

– Тише! – ответил человек в черном и взял его за руку.

– Молчите! – добавил человек в белом.

– Значит, я нахожусь в сумасшедшем доме, господа? – воскликнул Капестан. – Может, я и впрямь лишился рассудка? Кто вы? У вас совершенно разбойничьи физиономии.

– Он полностью пришел в себя, – произнес человек в чер-

ном. – Еще несколько маленьких кровопусканий – и все будет в порядке!

– Пускать мне кровь! – возмущенно вскричал шевалье. – Ах ты негодяй! Теперь-то мне понятно, почему я чувствую такую слабость! Мерзавец, ты воспользовался моим сном, чтобы выкачать из меня добрую пинту крови!

Тем временем лекарь – ибо это был он – уже вытащил свой ланцет. Однако поведение шевалье заставило врача-лечащего изменить свои намерения. Бедняга поспешно устремился к двери, но, прежде чем выскочить наружу, обернулся и крикнул:

– Все-таки я пушу вам кровь, клянусь докторским колпаком!

– Мерзавец! Подлец! Я прирежу тебя, как цыпленка! – продолжал бушевать больной.

Что же касается человека в белом, то он, проводив лекаря до двери, подошел к кровати и спросил:

– Кстати, по поводу цыпленка, сударь. Не желаете ли отведать жирного каплуна?

– С удовольствием! – обрадовался шевалье. – Вот вы, приятель, говорите дело! Кто этот негодяй, который только что выскочил отсюда?

– А, это один знаменитый доктор, – небрежно махнул рукой человек в белом.

– А сами вы кто, любезный? – осведомился Капестан.

– Мэтр Горжу, хозяин гостиницы «Три короля», к вашим

услугам, – с поклоном ответил человек.

– Дорогой Горжу, я с радостью принимаю ваше предложение. Только не забудьте присовокупить к вашему каплуну пару бутылок анжуйского, – распорядился шевалье.

Хозяин исчез и тут же появился снова. За ним следовал мальчик, который нес небольшой и уже накрытый столик. Поставив его около кровати, мальчик помог шевалье подняться с постели и одеться. У Капестана довольно сильно кружилась голова. Закрыв дверь, мэтр Горжу принялся ему прислуживать со всей предупредительностью, на которую только был способен. По мере того, как каплун уменьшался в размерах, а вино из бутылок исчезало, к нашему искателю приключений возвращалась его прежняя сила.

– Итак, мой дорогой хозяин, – произнес насытившийся шевалье, устраиваясь поудобнее в превосходном кресле, – теперь расскажите мне, как я сюда попал и сколько времени здесь нахожусь; объясните, почему я нашел у изголовья этот великолепный костюм, который сейчас на мне, и эту прекрасную шпагу, с которой не стыдно показаться и в Милане. И самое главное – растолкуйте мне, благодаря какому волшебству я очутился в роскошной комнате, которая находится в одной из самых превосходных гостиниц Парижа?

– Сударь, – ответил хозяин, – вы здесь уже неделю. Пять дней и пять ночей вы были между жизнью и смертью. Позавчера лихорадка наконец прошла. Вчера вы уже спали, как сурок, и вот теперь, слава Богу, совсем здоровы: вы можете

вставить, ходить, ну, в общем...

– В общем, могу убраться отсюда, не так ли? – закончил за хозяина шевалье.

– О сударь! – оскорбился трактирщик. – За комнату заплачено вперед – за целый месяц! И за еду, и за доктора тоже.

– Ладно, ладно! – улыбнулся Капестан. – Скажите, кто меня сюда доставил? – осведомился он.

– Какой-то здоровый малый притащил вас на плечах, – ответил хозяин.

– Какой-то здоровый малый? – насторожился шевалье. – Скажите, он был чернокожий?

– Я не разглядел цвета его кожи, – пробормотал обескураженный хозяин.

– А кто заплатил за меня? Этот самый человек? – продолжал допытываться Капестан.

– Нет. Какая-то неизвестная дама... – хозяин по-прежнему был очень смущен. – Она отдала мне распоряжения, добавив, что, если я их не выполню, с меня заживо сдерут кожу... Потом эти люди быстро исчезли: я не успел заметить, куда они направились. Вот и все, что я могу вам сказать, – закончил трактирщик, разводя руками.

– Из того, что вы мне сообщили, нетрудно сделать один простой вывод: я могу еще пару недель жить здесь на всем готовом, и платить за это мне не придется? – поднял бровь шевалье.

– Двадцать три дня, сударь, – уточнил мэтр Горжу, улыба-

сь. – Та дама сказала: «Обращаться с ним, как с принцем!» Так что вы имеете право прожить еще двадцать три дня, как принц.

– Нет, мой дорогой хозяин, – усмехнулся шевалье. – Пусть эти деньги, которые вы должны были на меня потратить, станут вашим вознаграждением за заботу обо мне.

– О сударь! – вскричал восхищенный трактирщик.

– Пока я находился без сознания, у меня не было выбора, – вздохнул Капестан. – Но теперь мои ноги в состоянии меня носить, а руки – защищать, и мне не пристало злоупотреблять гостеприимством незнакомой мне женщины.

– Итак, сударь, вы меня покидаете? – сделал огорченное лицо хозяин.

– Сегодня же, мой дорогой Горжу, – кивнул шевалье.

– В таком случае, сударь, – сказал Горжу, снова заулыбавшись, – я должен передать вам одну вещь, которую оставила та самая дама. Она велела вручить ее вам в день вашего отбытия. А поскольку этот день уже наступил, то...

С этими словами хозяин протянул Капестану кошелек. Шевалье взял его и вытряхнул содержимое мешочка на стол. Там оказалось ровно сто пистолей. Тогда Капестан пододвинул золотые монеты трактирщику, а мешочек засунул себе за пазуху.

– Кошелек я оставляю себе, – заявил шевалье. – А деньги – вам.

– Сударь, – пролепетал побледневший хозяин, – та дама

это предусмотрела. Она сказала, что, если я приму от вас эти деньги, то меня посадят в Бастилию и...

– Хорошо! – перебил его Капестан. – Тогда отдайте их тому типу в черном – за кровопускания, которые он, слава Всевышнему, не успел мне сделать. Спасибо за все. Прощайте.

С этими словами Капестан прикрепил к поясу свою новую шпагу и вышел из комнаты. Остолбеневший Горжу молча глядел ему вслед.

«Сначала нужно узнать, что стало с моим Фан-Лэром», – решил шевалье, очутившись на улице. Возможно, читатель позабыл, что Капестан и Коголен оставили своих лошадей на постоялом дворе «Славная встреча», что на улице Вожирар, неподалеку от «Великого Генриха». Шевалье мог прямо сейчас отправиться туда, причем для этого не надо было проходить мимо особняка Кончини. Но Капестан счел бы себя опозоренным, если бы в его поведении можно было усмотреть хоть малейший намек на трусость. Поэтому он выбрал путь, пролежавший мимо особняка маршала. Этот дом показался Капестану более зловещим, чем Тампль или Бастилия. Особняк маршала д'Анкра по-прежнему оставался для шевалье загадкой, несмотря на то, что Капестан провел в его подземелье целый месяц.

Когда шевалье проходил перед большим порталом, из особняка вышли двое молодых людей. При виде шевалье, удаляющегося с вызывающим видом, они замерли на месте.

– Это он! – выдохнул Шалабр.

– Капитан! – прошептал Базорж. – Да он суций дьявол!

Оба побледнели. Некоторое время они молча провожали глазами шагавшего по улице мужчину. Наконец молодые люди опомнились. Базорж вернулся в особняк. Что же касается Шалабра, то он пошел вслед за Капестаном.

Когда шевалье добрался до постоянного двора, взору его открылась следующая картина: какой-то человек гарцевал по главному двору на лошади, а еще трое за ним наблюдали.

Подойдя поближе, шевалье узнал Фан-Лэра, своего оруженосца Коголена и Гаро, хозяина постоянного двора. Капестан сообразил, что Гаро и Коголен хотят продать его Фан-Лэра, но пока не понимал кому. И вдруг он узнал покупателя. Это был один из головорезов Кончини, которому шевалье выколол шпагой глаз в тот день, когда самого Капестана чуть не убили в особняке д'Анкра после свидания с маршалом.

Одним словом, это был Понтрай! На Фан-Лэра было любо-дорого смотреть. Гибкий и чуткий, он тут же повиновался малейшему движению Понтрая. А тот добивался, чтобы конь продемонстрировал все свои таланты. Понтрай заставлял Фан-Лэра идти то рысью, то галопом, пятиться, прыгать, поворачивать. Наконец фантазия Понтрая иссякла. Он слез с коня и подошел к Гаро:

– Прекрасное животное, ничего не скажешь. Я покупаю этого коня. Доставьте его завтра утром к особняку Кончини. Там вы получите пятьсот ливров, которые просите за него.

В этот момент послышался негромкий свист. Фан-Лэр насторожился, поднял голову и стал бить копытом.

– Ну же, перестань, – пытался утихомирить его слуга.

Однако с Фан-Лэром творилось что-то невероятное. Внезапно он сорвался с места. Слуга совершенно не был готов к такому повороту событий, поэтому отлетел шагов на десять. Гаро тоже быстро отбежал в сторону. И тут свист раздался во второй раз. Тогда конь принялся носиться по двору как угорелый. Можно было подумать, что он взбесился. Фан-Лэр вставал на дыбы, лягался, совершал сумасшедшие скачки...

– Ну и дела, – пробормотал Понтрай. – Сдается мне, что когда-то я это уже видел. Точно! То же самое было в Медонском лесу! Так что же это полу чается... Выходит, это конь Капитана! Но тогда...

Понтрай побледнел, быстро вышел с постоялого двора и пустился наутек. Видя, что сделка сорвалась, Гаро пришел в ярость. Схватив хлыст, он направился к Фан-Лэру, хотя конь уже стоял на месте и мирно пофыркивал.

Вдруг хозяин гостиницы «Славная встреча» услышал за своей спиной знакомый голос:

– Осторожнее, а не то он вас сейчас убьет.

Гаро обернулся и остолбенел от изумления.

– Господин шевалье! – вдруг завопил Коголен, вне себя от радости.

– Да, это действительно я, – усмехнулся Капестан. – Хозяин, принесите-ка бутылку доброго вина для моего оруже-

носца, – распорядился шевалье.

Фан-Лэр был уже рядом с Капестаном. Верный конь положил свою голову на плечо шевалье. Капестан тихо сказал:

– Да, это я... Теперь все будет хорошо... Все будет по-прежнему. Мы с тобой еще поскачем. С тобой все в порядке? Ты случайно не похудел? Ну же, успокойся... Я больше тебя не оставлю.

Фан-Лэра отвели обратно в конюшню, а шевалье, Гаро и Коголен вошли в дом. У бедного хозяина тряслись поджилки от страха, а оруженосец подпрыгивал от переполнявшей его радости.

Заставив Коголена осушить целый стакан вина, Капестан укоризненно спросил его:

– Объясни мне: как ты мог? Ты хотел продать моего Фан-Лэра!

– Это не я, клянусь! У меня такого и в мыслях не было! – вскричал оруженосец. – С того самого дня – кошмарного, ужасного дня, когда вас, окровавленного, куда-то увезли, я совершенно забыл и про своего коня, и про вашего. Как же я мог думать о них: ведь я не знал, что случилось с вами! А вчера господа Тюрлюпен, Готье-Гаргий и Толстый Гийом...

– О Боже! Что за ужасные имена! – воскликнул Капестан. – Это что, твои нынешние приятели?

– Да, господин шевалье, – кивнул Коголен. – Эти господы – бродячие актеры, и я принадлежу к их труппе, – объяснил он.

– Ты стал бродячим актером?! – Капестан был потрясен.

– Да, господин шевалье, – подтвердил Кого лен. – Я играю роль человека, которого сажают в мешок, а потом по этому мешку колотят палкой. Разумеется, господа с палками стараются, чтобы удары приходились мимо...

Шевалье громко расхохотался.

– Ох, сударь, признаться, частенько эти господа промахиваются, – грустно добавил Кого лен. – То есть я хочу сказать, что они попадают по мне. Но это ничего, я уже привык. Ну ладно, я отвлекся. Об чем бишь я? Да, о господах актерах. Так вот, вчера они сказали, что им нужны лошади. Тут-то я и вспомнил про наших коней. Тогда я сказал себе: благодаря этим двум животным я избавлю вас от унижения.

– Что? Меня? От унижения? – изумился шевалье.

– Сударь, я ваш оруженосец, – гордо заявил Кого лен. – Что скажет история по поводу того, что оруженосец одного из Тремазанов был вынужден зарабатывать на жизнь тем, что получал колотушки?

– А ты, пожалуй, прав, – улыбнулся Капестан.

– Итак, – продолжал Кого лен, – я сказал себе: так жить нельзя. Необходимо придумать что-то другое – чего бы это ни стоило. И тогда я решил, что нужно продать наших лошадей. С этим я и пришел к хозяину постоялого двора. Сначала он требовал от меня сто пятьдесят ливров за то, что кормил наших животных. Потом Гаро сказал, что найдет покупателя, но только в том случае, если ему – посреднику – доста-

нется половина выручки. Я согласился. Тогда трактирщик куда-то ушел, но скоро вернулся с каким-то человеком. Вашу лошадь вывели из конюшни, а остальное вы знаете. Сам не понимаю, как такое могло прийти мне в голову?! Ведь я считал вас покойником, а Фан-Лэр так напоминал мне своего хозяина! О я несчастный!

– Немудрено было ошибиться: я сам уже считал себя покойником! – усмехнулся шевалье. – Однако, как видишь, я вовсе не похож на привидение. Итак, Коголен, с комедиантами и их колотушками покончено: ты снова станешь моим оруженосцем. Наверное, пока ты жил в бедности, на твою долю выпало немало лишений?

– В бедности?! – воскликнул Коголен. – Я жил в чудовищной нищете, отвергнутый всеми, даже этим дураком Лантерном.

– Лантерн... – нахмурился Капестан. – Кажется, я уже когда-то слышал это имя...

– Это слуга господина маркиза де Сен-Мара, – подсказал Коголен.

– Что? Сен-Мар? – вздрогнул шевалье.

– Однажды утром, полумертвый от голода, – продолжал Коголен, – я притащился к Лантерну, надеясь, что мне перепадет хоть кусочек с его стола. Увы! Как назло, именно в тот момент он собирался ехать в Орлеан, где находились маркиз и маркиза де Сен-Мар... Ой! Сударь, да что с вами? – переполошился верный оруженосец.

Дело в том, что шевалье неожиданно вскочил со стула. Капестан был ошеломлен. Он пробормотал сквозь зубы:

– Маркиза де Сен-Мар! Значит, появилась какая-то маркиза Сен-Мар! Что ты сказал? Повтори! – закричал шевалье на Коголена.

– Маркиз и маркиза де Сен-Мар в то время были в Орлеане: они оказались там проездом: отец Сен – Мара, который живет в своем поместье д'Эффья, неожиданно занемог и они отправились навестить его.

Шевалье нервно заходил взад-вперед по комнате.

«Маркиза де Сен-Мар! Черт возьми! Значит, этот брак состоялся! О Жизель! Она вышла замуж за Сен-Мара! Как она могла! А что теперь будет со мной? Я найду ее! О Боже! Моя Жизель мне лгала! Нужно взять себя в руки... Может быть, я еще смогу их настичь. Я должен это сделать, чтобы поговорить с ней!»

Капестан остановился и обратился к Коголену:

– Когда они уехали?

– Шесть дней назад, – ответил тот, дрожа от страха.

– Итак, шесть дней назад они поехали в Орлеан... – пробормотал шевалье.

– Сначала в Орлеан, а потом в Эффья, – уточнил преданный оруженосец.

– Хорошо. Оседлай Фан-Лэра, – решительно распорядился Капестан.

Коголен бросился в конюшню. В ту же минуту в комнате

появился хозяин. Поклонившись, он заявил:

– Мне послышалось, что вы, сударь, приказали оседлать вашего коня. Позволю себе заметить, что вы должны мне заплатить, во-первых, за то, что я держал ваших лошадей в своей конюшне, во-вторых, за то, что я их кормил, в-третьих...

– Замолчи, палач! – прервал его шевалье. – Сейчас денег у меня нет, но скоро я обязательно разбогатею, и тогда ты получишь втрое больше, чем просишь. А пока, если ты не перестанешь утомлять этим гнусным нытьем мой уши, то в два счета лишишься своих!

– Помилуйте, сударь! – пролепетал испуганный хозяин. – Вы ведь не обидите своего старого знакомого, верно? Вы говорите, что у вас нет денег? В таком случае я готов предложить вам сделку: оставив мне лошадь вашего лакея, вы получите от меня сто пятьдесят ливров, и мы будем квиты.

– Неплохая мысль, – согласился шевалье. – Давай сюда свои пятнадцать пистолей.

В этот момент в комнату вошел Коголен и доложил:

– Сударь, лошади оседланы.

Тем временем Гаро отсчитал пятнадцать пистолей. Десять Капестан сунул себе в карман, а оставшиеся пять протянул Коголену:

– Бедняга Удача, ты присоединишься ко мне попозже. Или же я сам тебя найду...

– Как! Вы не берете меня с собой! – в отчаянии возопил Коголен. – Вы меня гоните! О я несчастный! Опять меня

преследует проклятое невезение! Ах, незадача, незадача!..

Коголен не смог сдержать слез.

– Послушай, ты разрываешь мне сердце, – вздохнул шева-
лье. – Но ты ведь не можешь идти за мной пешком. Лонжю-
мо, Этамп, Орлеан – все это довольно далеко. Где ты сейчас
живешь?

– Увы, сударь, на углу Ломбардской улицы, – всхлипнул
Коголен. – Раз вы меня оставляете, мне придется вернуться
к господину Тюрлюпену...

Несколько минут спустя шевалье и Фан-Лэр покинули по-
стоялый двор. Проводив их взглядом, опечаленный Коголен
уныло поплелся на Ломбардскую улицу...

Вернувшись к себе, Гаро увидел Понтрая – и не одного.
Понтрай беседовал с каким-то человеком. Это был Шалабр.
Читатель помнит, что он следил за шевалье с той минуты,
как заметил Капестана на улице Турнон.

– Господа, – сказал хозяин, – он поехал в Орлеан, после
этого он собирается в Лонжюмо, а потом – в Этамп.

– А этот Базорж до сих пор не привел нам подкрепления! –
проворчал Шалабр.

– Может, нагоним его и нападём вдвоем? – предложил
Понтрай.

– Только не вздумайте вести себя, как Капитан! – ответил
Шалабр. – Дождемся остальных: мы ведь знаем, по какой до-
роге он поедет!

Около пяти часов пополудни Капестан прибыл в Лонжюмо. Остановился он в гостинице «Цветочная корзина».

Для начала шевалье плотно пообедал, а затем отправился в свою комнату, чтобы отдохнуть. Вечерело. Когда пробило одиннадцать часов, Капестан решили что пора ложиться спать. Но только он подошел к кровати, как услышал, что кто-то тихонько скребется в дверь. Шевалье шагнул к двери и распахнул ее. На пороге стояла симпатичная девушка. Лицо ее поражало бледностью. Казалось, нежданная гостья была чем-то страшно напугана.

– Сударь, меня зовут Марго, – быстро проговорила она. – Вам нужно бежать – и как можно скорее. Я оседлала вашего коня, он на дворе. Дверь открыта. Вам нельзя терять ни минуты.

– Почему же я должен бежать? – изумился шевалье. – Объясни мне, моя прелесть!

– Они хотят вас убить! – прошептала Марго. – Их там восемь или десять человек. Я все слышала. Это просто ужасно! – всхлипнула девушка.

Капестан вытащил свою шпагу и принялся ее чистить.

– Успокойся, малышка, – улыбнулся он Марго. – Не надо ничего бояться. Где они?

– Внизу, вон там, – пролепетала девушка, махнув своей тонкой ручкой в сторону лестницы.

– Ага, понятно, – задумчиво произнес Капестан. – Говоришь, их там восемь или десять? Ну что ж! Раз ты, малышка,

боишься, мне, конечно, придется скрыться... Какая же ты хорошенькая! – воскликнул шевалье и обнял девушку. Марго вздрогнула, но не отпрянула. – Черт подери! – продолжал Капестан, прижимая красотку к себе. – Ты уже оседлала моего коня! Все, мне пора бежать. Но сначала я хочу их послушать. Отведи меня к той комнате, где они находятся, – попросил он девушку.

Марго вздрогнула и грустно сказала:

– Хорошо. Следуйте за мной.

Вскоре они добрались до маленького зала. Там оказалось не восемь и не десять человек, а целая дюжина. Разумеется, среди присутствующих находились Понтрай и Шалабр, поскольку они прибыли в гостиницу раньше других. За ними сюда приехали Базорж и Монреваль с четырьмя оруженосцами. Потом подоспел Лувиньяк с какими-то тремя проходимцами. Никто не предупредил ни Ринальдо, ни Кончини. Кстати, маршал обещал за голову Капестана двести тысяч ливров, так что каждый хотел заполучить эту награду. К тому же у всех была еще одна причина, чтобы расправиться с шевалье: каждый из них ненавидел Капестана лютой ненавистью.

Сейчас эти люди держали совет. Вернее, они пили и хвастались друг перед другом своими подвигами. Действительно, три дня назад каждый из них совершил одно или два убийства. Этими рассказами головорезы пытались придать себе побольше храбрости перед предстоящей схваткой. Но

внезапно гвалт прекратился.

– Хватит! – рявкнул Лувињьяк. – На этот раз мы не имеем права упустить его. Поднимаемся по этой лестнице, потом – третья дверь направо. Четверо будут стоять в конце коридора. Любого, кто попробует вмешаться, уьем на месте. Еще четверо будут следить за хозяином и за слугами: нам не нужно лишнего шума... Остальные восемь пойдут к Капитану.

И вдруг произошло нечто невероятное. С ужасным грохотом рухнула на пол выбитая дверь, и трое из присутствующих тотчас попадали с табуретов, крепко получив по головам: один – эфесом шпаги, а двое других – кувшинами. Почти тут же свалился со стула Шалабр: у него было перерезано горло. Затем опрокинулся стол. За эти три-четыре секунды никто не успел ничего понять. Все стояли, окаменев от изумления. Двигался только один человек. Взмах руки, блеск кинжала – и повержен пятый преследователь. Тогда оставшиеся в живых завопили. Капестан ответил им устрашающим рыком. Негодяи пытались сопротивляться. Окровавленные, они ползали на четвереньках, стараясь исподтишка поразить шевалье. Однако Капестан был начеку. Он топтал своих врагов, как ядовитых насекомых. На ногах остались только трое: Понтрай, Монреваль и Лувињьяк. Они так окончательно и не пришли в себя. Полная внезапность нападения сыграла свою роль. Прижавшись к стене, они смотрели на шевалье круглыми от ужаса глазами.

И тогда Капестан пошел на этих троих. Он приближался,

неумолимый как смерть. И тут Понтрай, Монреваль и Луви-
ньяк поняли: пробил их последний час. Странная вещь: им
ничего не стоило прикончить шевалье, однако они не могли
даже шевельнуться: все трое окаменели от ужаса.

– Я сдаюсь! – проговорил Лувиньяк и бросил шпагу.

– Я тоже! – сказали Понтрай и Монреваль в один голос,
следуя примеру Лувиньяка.

В эту минуту внезапно зазвонил колокол. Это было дело
рук хозяина. Услышав шум, он прибежал в зал и увидел вы-
шеописанную картину. После этого трактирщик, естествен-
но, кинулся бить в набат.

Капестан не получил в схватке ни единой царапины. Так
как ярость его поутихла, он вложил свою шпагу в ножны и
глухо проговорил:

– Убирайтесь!

Понтрай, Монреваль и Лувиньяк не заставили себя дол-
го упрашивать и тут же пустились наутек. Следом за ними
из зала вышел шевалье. При виде Капестана хозяйка упа-
ла на колени, а слуги бросились врассыпную. Но вокруг го-
стиницы понемногу собирались люди. Колокол продолжал
звонить, на улице становилось все больше пылающих факел-
лов...

Спустившись во двор, Капестан схватил малышку Марго
и крепко расцеловал в обе щеки. Девушка вся дрожала.

– Бегите! – прошептала Марго. – Сейчас все возьмутся за
оружие! Вот сюда! В заднюю дверь!

– Открой ворота! – распорядился шевалье. Девушка повиновалась. Капестан вскочил в седло и пустил коня вскачь. Тут же раздались неистовые крики. Затем наступило гробовое молчание. Все, затаив дыхание, наблюдали за шевалье. Это был для него миг смертельной опасности. Но нервы врагов Капестана сдали: Фан-Лэр неудержимо рвался вперед, шевалье выглядел столь устрашающе, что все невольно расступились перед грозным всадником. Никто не посмел напасть на Капестана. Толпу обуял ужас. Окна поспешно захлопывались, люди разбегались в разные стороны. И минуту спустя силуэт шевалье растворился в ночи...

Хотя наш искатель приключений прекрасно знал, что преследовать его никто теперь не решится, он все же продолжал гнать Фан-Лэра. В душе шевалье бушевал гнев. Капестан не переставал бормотать угрозы и проклятия. Иногда ему удавалось обуздать свои чувства, и тогда он с ужасом вспоминал то, что с ним недавно произошло.

Когда шевалье добрался до постоянного двора в Эстампе, он, не раздеваясь, рухнул прямо в конюшню на соломенную подстилку и проспал до восьми часов утра. Встав же, Капестан снова отправился в путь. После полудня он прибыл в Орлеан. Наш герой не думал больше о происшествии в Лонжюмо. Теперь его мысли были заняты совсем другим. Шевалье яростно шептал:

– Маркиза де Сен-Мар, знайте, что я вас презираю. Я буду драться с вашим мужем. А когда я его убью, может быть, вы

вспомните, что когда-то сказа ли мне: «Я люблю тебя!»

Капестан ехал по левому берегу Луары. На следующее утро он был уже в Жьене, через день – в Бурже, а еще через сутки оказался в лесах Тронсе. Он чувствовал себя совершенно разбитым. Однако Капестан продолжал свой путь. Минуя водопады, он поднимался в горы, поросшие каштанами, и под вечер заметил деревню, над которой возвышался прекрасный замок. У шевалье забилося сердце.

– Что это такое? – спросил он у крестьянина.

– Замок д'Эффья, – ответил тот.

За неделю Капестан проделал путь в сто двадцать лье.

Шевалье направил Фан-Лэра напрямик к замку. Когда до него оставалось не больше пятисот шагов, Капестан свернул к ближайшей лачуге, нашел какого-то старика, вручил ему несколько монет и попросил присмотреть за конем. Затем миновав главные ворота, шевалье оказался во дворе замка. Здесь Капестан встретил несколько человек, но никто не спросил у него, куда он спешит. Перед входом в замок толпились люди: мужчины и женщины были одеты в праздничные наряды, но все почему-то были очень печальны. И вдруг шевалье услышал похоронный звон. Капестан затесался в толпу и стал ждать. Вскоре в глубине двора появилась погребальная процессия. Первыми двигались капеллан и другие священники, распевавшие псалмы. Во главе процессии шел церковный сторож с большим крестом в руках. За ним сле-

довали двенадцать мальчиков в строгих черно-белых одеждах. Это был хор, за которым вышагивал рослый швейцарец с родовым гербом Сен-Маров. И наконец показался большой гроб под бархатным покрывалом. Его несли двенадцать слуг, облаченных в траурные платья. За гробом шел Анри де Сен-Мар, которого сопровождали два десятка сеньоров, живших по соседству. Замыкала процессию толпа вассалов и крестьян. Все они медленно направлялись к часовне.

Капестан попал на похороны старого маркиза Сен-Мара! Когда гроб проносили мимо шеваляе, он низко поклонился и прошептал:

– Этот дом погружен в траур. А я собирался принести сюда вторую смерть, еще более ужасную, чем первая?! Нет, тысячу раз нет! Сеньор, пусть земля вам будет пухом! А вы, маркиза де Сен-Мар, прощайте навсегда!

Это решение далось Капестану нелегко и потребовало величайшего напряжения всех его душевных сил. Однако шеваляе сумел справиться с чувствами, кипевшими в его груди. Итак, он решил покинуть замок д'Эффья... Капестан огляделся вокруг. Он даже не заметил, как остался один: все давно были в часовне. Ну что ж, тем лучше! Капестан уже подходил к воротам, как вдруг какой-то человек догнал его и, тронув за плечо, сказал:

– Шеваляе де Капестан, вас ожидает маркиза. Не соизволите ли последовать за мной?

Лицо Капестана стало белее мела. В эту минуту шева-

лье хотел лишь одного: вскочить на лошадь и сломя голову умчаться в Париж. Однако когда слуга повернулся и двинулся к замку, Капестан покорно пошел за ним. Шевалье поднялся по лестнице и очутился в элегантной гостиной. Он задышался от волнения, его сердце бешено колотилось... Вдруг в комнате появилась белая тень. Шевалье быстро опустил глаза. Он хотел увидеть лицо новой хозяйки замка – и в то же время панически боялся этого. Жестокие слова, горькие упреки – все это мгновенно вылетело у него из головы. Он был рядом с любимой! И это не сон! Женщина бесшумно приблизилась к Капестану, взяла его за руки, что-то произнесла... и тогда шевалье поднял глаза, взглянул на нее – и остолбенел от изумления. Наконец он пробормотал:

– Марион! Марион Делорм!

– Я знаю, почему вы так удивлены, – грустно усмехнулась Марион. – Вы не понимаете, отчего маркизу де Сен-Мару вздумалось привезти в свой фамильный замок особу вроде меня. Да еще в такой момент... Разумеется, это поразительно... Что поделаешь! Я противилась, как могла, я умоляла его не совершать столь опрометчивого поступка. Однако он вбил себе в голову, что если оставит меня в Париже одну, то весь город будет сходить по мне с ума и все столичные щеголи немедленно захотят отнять меня у него.

– Марион Делорм! – повторил Капестан, который никак не мог прийти в себя от изумления.

Женщина звонко расхохоталась. О, как хорошо шевалье

знал этот смех!

– Маркиза де Сен-Мар? – ошеломленно прошептал он.

– Успокойтесь! – ответила Марион. – Здесь никогда не будет маркизы де Сен-Мар. Здесь будет только Марион Делорм.

– Однако, – нерешительно возразил Капестан, – мне сказали: «Вас ждет госпожа маркиза»!

– Это все тупица Лантерн, – отмахнулась женщина. – Он зовет меня именно так. Ему так больше нравится.

И тут в мозгу шевалье молнией сверкнула внезапная мысль: маркизы де Сен-Мар не существует! Значит, Жизель в Париже! А женщина, которую Коголен и Лантерн назвали маркизой де Сен-Мар, – это Марион! Теряя голову от восторга, Капестан схватил руки Марион и покрыл их поцелуями.

– Черт побери! – вскричал он. – Наконец-то я могу вздохнуть спокойно! Даже не верится! Как я счастлив!

– Я очень рада, – улыбнулась красавица. – Теперь я понимаю, зачем вы прибыли в Эффья.

– Зачем я сюда прибыл? – переспросил Капестан.

– Очевидно для того, чтобы целовать мне руки, – рассмеялась Марион. – Чтобы поблагодарить за то, что я тогда сделала. Трактирщик Горжу меня предал...

– Трактирщик Горжу? – пробормотал озадаченный шевалье.

– А кто же еще? Хозяин гостиницы «Три короля».

– Марион! – воскликнул потрясенный шевалье. – Значит, это вы доставили меня туда? Это вы спасли меня от мучительной смерти?!

– Да, – просто ответила Марион Делорм. Капестан упал на колени. Марион побледнела.

Как он ей благодарен!.. Но что ей его признательность? Его любовь... Вот за что, не задумываясь, отдала бы она все на свете! Ах, если бы это было возможно...

По щеке Марион скатилась слеза: красавица вспомнила о Жизель...

Хотя шевалье был сейчас немногословен, женщина чувствовала, что отныне она может всегда и во всем рассчитывать на него и что, если понадобится, Капестан пожертвует для нее жизнью.

Они провели вместе два часа. За это время красавица ни разу не произнесла имени Жизель Ангулемской. Марион искренне хотела, чтобы юный искатель приключений был счастлив, но требовать от нее, чтобы она способствовала его счастью с другой женщиной – это было бы уже слишком... Марион поведала Капестану о своей встрече с Коголеном, о чувствах, охвативших ее в тот момент, – волнении, тревоге... Рассказала красавица и о своем решении. Затем Марион перешла к празднику в особняке Кончини. Шевалье, затаив дыхание, слушал, что отважная женщина предприняла ради его спасения. Теперь Капестан понял, что местом его заключения был особняк маршала д'Анкра, а ужасный

сон про железную плиту оказался кошмарной яввью. Шевалье восхищался смелостью Марион. Когда она упомянула про Бельфегора, Капестан вздрогнул.

– И что же стало с этим демоном? – внезапно охрипшим голосом спросил он.

– Не знаю, – пожала плечами Марион. – Получив от меня обещанную награду, он отправился восвояси... Наверное, вернулся к Леоноре Галигаи...

– Она убьет его, – пробормотал шевалье. – И правильно сделает, – добавил он.

– Нет, – покачала головой Марион. – Галигаи нуждается в нем. Возможно, она убьет его позже.

– А как вы его вознаградили? – любопытствовал Капестан.

Марион побледнела, затрепетала и опустила глаза.

– Я избавила его от отчаяния, – тихо промолвила она.

– Это очень странно, – прошептал Капестан. – Чтобы заставить такого преданного слугу пойти против своей госпожи, нужно было посулить ему что-то невероятное... Итак, я обязан вам жизнью. Теперь я хочу молить вас об одной милости.

– О милости? Молить меня? – щеки Марион порозовели.

– Однажды в Париже вы намекнули мне, что у вас есть враги, – проговорил шевалье. – Так вот: обещайте, что, если вам или кому-нибудь из тех, кого вы любите, будет грозить опасность, вы сразу вспомните обо мне и призовете меня на

помощь. Поклянитесь!

– Клянусь вам, шевалье, – выдохнула женщина.

– Спасибо, мадам, – сжал ее пальцы Капестан. – Если Кончини проведает, что это вы вырвали меня из его лап...

– Дорогой мой, – перебила шевалье Марион, – есть кое-кто поопаснее Кончини.

– Кто? Я вернусь в Париж и вызову его на дуэль! – воскликнул Капестан.

– Это Леонора Галигаи, маркиза д'Анкр, – мрачно произнесла красавица.

– Женщина! – пробормотал обескураженный шевалье. – О черт!

– Но это такая женщина, с которой вы можете вступить в бой на равных, не запятнав своей чести! Берегитесь, шевалье! – поежилась Марион. – Леонора преследует вас. Вы не подозреваете, как опасны могут быть женщины. А эта женщина – сущий дьявол! Она убьет вас одной своей улыбкой.

– Я не боюсь ее, – решительно заявил Капестан. – Но что я ей такого сделал? За что она хочет убить меня?

В этот момент зазвонил колокол. Это означало, что церемония погребения окончилась. С минуты на минуту в гостиную мог войти Анри де Сен-Мар. Но Марион и бровью не повела. Пусть даже ей грозит разрыв с богатым и знатным любовником: ни за что на свете она не намекнула бы Капестану, что его присутствие здесь нежелательно. Однако шевалье не надо было ничего объяснять.

Он встал и сказал:

– Прощайте, мадам! Когда я явился сюда, сердце мое было разбито. А уйду я счастливым. Не забудь те же ваше обещание!

Марион тоже поднялась со стула. Минуту они молча смотрели друг другу в глаза. И вдруг женщина заплакала. Шевалье нежно прикоснулся губами к ее глазам: он выпил последние слезы первой любви Марион Делорм.

– Прощайте, Марион! – прошептал Капестан. – И помните: теперь у вас есть брат.

С этими словами шевалье покинул гостиную. За дверью его уже ждал Лантерн, который вывел Капестана через потайной ход во двор замка. С похорон возвращалось множество народа, поэтому на молодого человека никто не обратил внимания; шевалье поспешил в хижину, где оставил Фан-Лэра, и вскоре уже ехал обратно в Париж.

На этот раз Капестан не слишком торопился. Приближалась зима. В кошельке шевалье оставалось всего-навсего четыре или пять эю. Но это совершенно не беспокоило молодого человека. Шевалье ликовал. Он без конца повторял имя своей возлюбленной: «О, Жизель, Жизель, Жизель!»

Когда до Парижа оставалось всего несколько лье, Капестан завернул на постоянный двор у большой королевской дороги. Это было жалкое заведение, но более приличные гостиницы были ему не по карману: шевалье приходилось беречь последние деньги. Они были нужны молодому челове-

ку, чтобы накормить Фан-Лэра! Капестан скорее сам согласился бы голодать, чем хоть в чем-нибудь отказать своему скакуну.

Отведя Фан-Лэра на конюшню, шевалье вошел в дом. Обстановка там была довольно убогой: два стола и четыре скамьи. Один стол стоял возле камина, другой – в противоположном конце комнаты. За первым столом сидели двое дворян, сушившие у огня свою одежду.

Как только появился Капестан, они немедленно замолчали. Один из них, имевший особенно важный вид, жестом выразил свое неудовольствие и сердито надвинул на лицо шляпу.

Проведя весь день в седле, шевалье тоже изрядно промок. Он поприветствовал незнакомцев, которые ему не ответили, взял табурет, поставил его у камина, уселся поудобнее и постучал по столу.

– Черт возьми, сударь! – надменно проговорил человек в надвинутой на лоб шляпе, – вы мне мешаете. Тут есть еще один стол.

Капестан удивленно огляделся по сторонам.

– Я с вами говорю! – еще больше рассердился незнакомец.

– Правда? А я с вами – нет! – гневно ответил шевалье.

И наш искатель приключений протянул ноги к огню.

– Вы не очень-то вежливы! Я научу вас разговаривать, а потом – и молчать! – прорычал разъяренный незнакомец.

– Вот как? – насмешливо взглянул на него шевалье – Что

ж, защищайтесь, сударь!

С этими словами Капестан встал и обнажил свою шпагу. Незнакомец сделал то же самое. Однако его сосед быстро шепнул ему на ухо:

– Что вы делаете, монсеньор! Разве вы забыли, что вас ждут в Париже?! Вы не принадлежите себе!

– Да вы правы! – ответил тот, досадливо поморщившись. И в этот миг шевалье увидел его лицо.

– Герцог де Гиз! – прошептал изумленный Капестан.

Глава 16

Гиз и его спутник направились к двери. Однако шевалье не позволил им выйти: опередив их, он решительно встал на пороге. Капестан был вне себя от ярости. – В чем дело, монсеньор? – закричал он. – По-вашему, сначала можно заявить человеку, что вы собираетесь преподать ему урок хороших манер, а потом попроситься, вскочить в седло и отправиться восвояси? Нет уж! Вынимайте вашу шпагу, сударь! Гиз презрительно взглянул на Капестана:

– Все ясно, – холодно сказал он. – Теперь я вас узнал. Посмотри-ка, Монморен, ведь это Капитан!

– Черт возьми! – выругался шевалье. – Если вы узнаете Капитана, значит, видели его в деле!

– Да, – невозмутимо ответил герцог де Гиз. – Я видел, как он шпионил, и после этого его спасли только мольбы одной женщины.

Капестан побледнел, как смерть.

– Капитан – всего лишь хвостун, – продолжал герцог. – Идемте, Монморен.

– Нет! – прогремел шевалье, шагнув вперед. Воспользовавшись этим, Монморен бросился к двери, распахнул ее и крикнул:

– Поезжайте, монсеньор! А я пока проучу этого негодяя!

Гиз последовал совету своего спутника. Капестан хотел

было броситься за герцогом, но увидел прямо перед своим носом острие шпаги Монморена. Шевалье тут же успокоился. Барон де Монморен совсем не знал Капестана и был уверен, что быстро разделается с ним. Барон был блестящим фехтовальщиком; он придумал один коварный удар и стал благодаря этому непобедимым. Монморен всегда поражал своих противников в пупок. Итак, барон усмехнулся и сказал:

– Вы не знаете меня, молодой человек?

– Нет, сударь, – ответил шевалье, хотя ему было отлично известно, что Монморен со шпагой в руке – это сущий дьявол. – Однако я знаю вашего спутника и могу вас заверить, что он еще пожалеет о нашей встрече.

– Да что вы говорите! И что же ему грозит, уважаемый Капитан? – спросил Монморен, делая обманный выпад. – Вы убьете его?

– Да. Но перед этим я поставлю его на место! – заявил шевалье, отражая удар Монморена и нанося ответный удар.

– А почему бы вам не посадить его в Бастилию? – продолжал насмехаться Монморен.

– Неплохая мысль! Пожалуй, мне это нравится! – ухмыльнулся Капестан.

– Хвастовство! Все это – лишь слова, которые ничего не стоят! – вскричал Монморен и сделал неожиданный выпад; Капестан ловко увернулся.

– Однако вы до сих пор не назвали мне своего имени! –

напомнил шевалье.

Противники опустили шпаги. Теперь они уже знали силу друг друга и поэтому смотрели друг на друга с явным уважением. Спутник Гиза ответил:

– Сударь, меня зовут барон де Монморен.

– А меня – шевалье де Капестан, – поклонился молодой человек. – Монморен? А, теперь я вас вспомнил. Я видел, как вы сражались возле Королевской площади. Это вы изобрели знаменитый укол в пупок?

– Да, – гордо ответил Монморен.

– Поздравляю! – произнес шевалье. – Я видел, как вы это проделываете. Прекрасный удар!

– Вы находите? – спросил окончательно оттаявший Монморен.

Неожиданно шевалье рассмеялся и воскликнул:

– А знаете, было бы забавно, если бы я убил вас вашим же собственным ударом в пупок!

– Вам это не удастся. Тайной этого приема владею лишь я один, – заявил Монморен.

– Да что вы! – искренне изумился Капестан. – Это по силам любому мальчишке!

– Черт подери! – взревел Монморен. – Держитесь, сударь: теперь вы покинете этот дом только вперед ногами!

Противники схватились снова. Тем временем по этампской дороге к постоялому двору подъехал какой-то человек. Он спешил и с интересом стал наблюдать за поединком.

– Барон де Монморен, – произнес Капестан, – я видел ваш прием, и сейчас я его повторяю. Наношу два прямых удара. Занимаю третью позицию, – перешел на скороговорку шева-лье, – затем – четвертую, еще один удар, ухожу вниз и колю в пупок. Противник падает навзничь.

Капестан выпрямился, а барон действительно повалился на спину: он был поражен точно в пупок.

– Bravo! – воскликнул только что прибывший незнако-мец.

– О, какой позор! – простонал побледневший Монморен.

– Все в порядке. Вы храбро сражались! – улыбнулся ему шева-лье.

– Я сейчас умру. Этот удар смертелен, – прошептал барон.

Капестан внимательно осмотрел рану, не обращая внима-ния на вопли хозяина и хозяйки постоянного двора; прибежав на шум, перепуганные трактирщики теперь громко зывали к Небу.

– Вы будете жить! – сообщил шева-лье, обращаясь к ба-рону. – Вы бы убили меня этим ударом, даже если бы того и не желали. Но я сумел достаточно быстро отдернуть ру-ку, поэтому вы не умрете. Хотя, конечно, вам придется с ме-сяц пролежать в постели. Эй, вы, отнесите этого господина в комнату и уложите его на самую лучшую кровать. Прощай-те, барон де Монморен. Я попробую настичь герцога.

– О Боже! Вы убьете его ударом, который изобрел я! – простонал раненый.

– Нет! Я последую вашему совету и посажу его в Бастилию, – светло улыбнулся молодой человек.

Монморен застонал громче и потерял сознание.

Бросив на него последний взгляд, Капестан отправился на конюшню, оседлал Фан-Лэра и выехал во двор. Незнакомец, присутствовавший при дуэли, нагнал шевалье, вежливо поприветствовал его и сказал:

– Сударь, меня зовут граф де Монморанси-Бутвиль. Я обожаю фехтование. Я часто слышал о приеме «укол в пупок» и мечтаю его освоить. Научите меня – и я заплачу вам за это двести пистолей.

– Хорошо, сударь, сейчас я вам покажу, как это делается, – ответил Капестан.

– Правда? – просиял Монморанси.

– Не сходя с этого места! – заверил его молодой человек. – Но обещайте мне, что вы не будете использовать этот прием в дурных целях.

Оба молодых человека спешили и надели на кончики своих шпаг стальные шарики. За пять минут граф вполне усвоил урок. Он горячо поблагодарил шевалье и стал отсчитывать двести пистолей. Капестан дотронулся до его плеча:

– Сударь, – произнес молодой человек, – я не учитель фехтования. Я – Тремазан, шевалье де Капестан. Или вы немедленно спрячете свои деньги, или вам придется обнажить вашу шпагу, только на этот раз уже без шарика на острие.

– Он просто дьявол! – пробормотал граф. – Если бы я

только что не видел Капестана в деле, то счел бы его слова пустой похвальбой. Шевалье, – сказал он громко, – я убираю деньги. Вот моя шпага. Она изготовлена в Милане. Не окажете ли вы мне честь поменяться со мной, отдав мне ваше оружие, чтобы я всегда мог помнить о храбром дворянине, который его носил?

– Мне очень нравится ваше предложение, граф, – воскликнул Капестан. – Почту за честь носить вашу шпагу! Вот вам моя!

Согласно обычаю, молодые люди обнялись. Затем Капестан вскочил на Фан-Лэра и помчался в Париж. Вскоре шевалье уже был у ворот Сен-Оноре.

Очутившись в Париже Капестан принялся искать гостиницу. Однако, проезжая мимо Лувра, шевалье подумал:

«А чем я буду платить?..»

Капестан порылся в своем кошельке и обнаружил, что у него остались один ливр, три су и восемь денье.

«Нам – Фан-Лэру и мне – даже не на что пообедать! Кто бы поверил, что в этом дворце сидит король, который трижды или четырежды обязан мне жизнью и дважды или трижды – тронем! Может быть, попросить, чтобы Его Величество Людовик Тринадцатый угостил меня обедом? Нет уж! Его Величество назовет меня Капитаном! Принц Конде... О, я обязательно должен вытащить из Бастилии этого бедного принца Конде! Черт возьми! Я возьму Бастилию штурмом, я разрушу ее!»

В эту минуту желудок Капестана свело от голода. Шевалье грустно засунул все свое состояние – один ливр, три су и восемь денье – обратно в карман. Для этого молодому человеку пришлось слегка наклониться влево. Шевалье уныло подумал: «О, почему у меня сейчас нет под рукой бриллиантов моей матери...» – и вдруг остолбенел от изумления. Не веря собственным глазам, Капестан, как замороженный, смотрел на эфес своей шпаги. Той самой шпаги, которую вручил ему граф де Монморанси-Бутвиль. Ее эфес был украшен великолепными бриллиантами!

Поколебавшись немного, Капестан решился. Он вытащил свой кинжал, и вскоре драгоценные камни лежали на его ладони. Затем после недолгих поисков шевалье нашел в Ситэ одного еврея и показал ему свои бриллианты.

Еврей выложил за них триста пистолей. Обрадованный Капестан набил золотом все свои карманы – но тут вдруг представил лицо Бутвиля. Шевалье словно услышал укоризненный голос графа:

– Не стоило привередничать и отказываться от двухсот пистолей, которые я вам предлагал!

Это повергло Капестана в глубокое уныние, но вид белоснежной скатерти и прекрасной сервировки накрытого к обеду стола резко поднял настроение шевалье.

«Черт подери! – подумал он. – Теперь у Монморанси-Бутвиля есть шпага, которую я прославил, – а это стоит по меньшей мере три тысячи пистолей! Так что он еще мой

должник!»

Успокоив таким образом свою совесть, наш храбрый искатель приключений отлично отобедал, после чего отправился пешком на Ломбардскую улицу, где рассчитывал найти своего достойного оруженосца Коголена.

«Чтобы взять Бастилию, – решил шевалье, – мне нужен по крайней мере еще один человек.»

Было уже шесть часов. Наступал ранний зимний вечер. Смеркалось... Обычно в это время улицы Парижа пустели, поэтому Капестан был удивлен, замечая то тут, то там большие группы людей. Все они двигались в одном направлении: казалось, бурные реки стремятся к морю. Подхваченный одним из этих потоков, шевалье вскоре очутился на Гревской площади. Там уже собралась огромная толпа: дворяне, мещане, горожанки... У каждого в руке был маленький фонарь. Капестан осведомился у какого-то толстяка:

– Чего ждут все эти люди?

– Чего они ждут? – удивленно переспросил толстяк. – Вы, сударь наверное, из провинции?

– Да, вы правы, – кивнул шевалье.

– Оно и видно! Мы ждем Большого Анри, который только что вернулся в Париж и отправился в свой особняк, – заявил он.

– Большого Анри? – повторил озадаченный шевалье.

– Ну да! Кого же еще! Большого Анри де Гиза! – вскричал толстяк.

– Анри де Гиза? А я считал, что его зовут Шарлем, – изумился Капестан.

– Его называют Большим Анри в честь его знаменитого отца, святого и мученика, – объяснил горожанин. – Он был главой Лиги. А теперь Лига снова возрождается из пепла. И нас не устраивает, что Францией правит сын еретика. Мы собираемся... Гиз!.. Гиз! – внезапно заорал толстяк. – Да здравствует Гиз! Да здравствует Лотарингия! Смерть гугенотам! Смерть флорентийцам! Да здравствует Большой Анри!

– Гиз! Гиз! Да здравствует месса! Смерть Кончини! Смерть еретику! Гиз! Гиз! – неслось со всех сторон.

Поднялся невообразимый гвалт. Люди бросали в воздух шарфы, шляпы, чепчики. Эту бурю восторга вызвало появление герцога Гиза, сопровождаемого кавалькадой знатных сеньоров. Процессию освещали факелы.

На ветру затрепетали флаги. Среди них Капестан заметил старое знамя Лиги. Зазвучали трубы. Из всех окон высывались люди, радостно приветствуя своего кумира. Да, это бы он, Гиз, Шарль де Гиз, сын Анри, святой, сын Меченого!

– К Лувру! К Лувру! – вопила толпа.

Гиз побледнел. В эту минуту решалась судьба Франции и его собственная судьба. Он круто повернул коня. На Лувр! Пора! Династия Бурбонов отжила свой век. И вдруг раздался чей-то крик:

– Из Лувра идет гвардия! Гвардия! Берегитесь, гвардейцы!

Гиз понял: еще минута, – и начнется кровавая междоусобица. И ему не выйти победителем из этой схватки, потому что король послал против него свою гвардию.

Гиз взмахнул рукой, и кавалькада понеслась по улице Тиссерандри – к особняку герцога. Лувр спасен! Но прежде чем покинуть площадь, де Гиз успел бросить взгляд на человека, который первым крикнул, что сюда идут гвардейцы. И вдруг герцог узнал того, с кем повздорил сегодня утром на постоялом дворе! Он узнал Капитана! Взгляды шеваље и герцога встретились. Капестан громко расхохотался.

Кавалькада спешила к особняку Гизов: сторонники Лиги не были готовы к уличному бою. Наконец всадники остановились перед громадным зданием.

– Опустите подъемный мост! – громко распорядился герцог. – Поднимите решетку!

В этот момент к Гизу подбежал дворянин из его свиты.

– Нужно было идти к Лувру: против нас никого не посылали! Из Лувра не вышло ни одного человека! – задыхаясь, вскричал он.

– На Лувр! На Лувр! – тут же завопили сторонники герцога.

– Слишком поздно! – прошептал Гиз. Теперь он понял, почему смеялся Капестан. С уст герцога со рвалось яростное проклятье.

Лувр был темен и мрачен. Лишь в нескольких окнах вид-

нелся слабый свет. В одной из освещенных комнат неподвижно стояли люди, похожие на призраков.

У окна, сжав губы, замер побледневший маленький король. Его волосы стали влажными от ночного тумана. Людовик Тринадцатый смотрел на того, кто завтра взойдет на престол, если пожелает... Юный король слушал неистовые крики, каждый из которых был пощечиной ему. За его спиной стоял Альбер де Люин. Он тоже смотрел в окно. Время от времени Люин наклонялся к Людовику и говорил:

– Сир, стоит вам только приказать. Какая охота! Какая превосходная охота! Позвольте нашей французской гвардии выйти! Давайте возьмем швейцарцев, сир! Возьмем корсиканцев господина д'Орнано – и на охоту!

– Сир, – поддерживал его Орнано, подкручивая усы, – стоит вам только пожелать – и мы обнажим шпаги!

Король отворачивался.

– Нет, сир! – произносил другой голос. – Схватить сегодня де Гиза – значит возродить Лигу и начать кровавую междоусобицу. Больше выдержки, сир! Будем действовать, как политики! И в один пре красный день мы расправимся с этими надутыми индюками. Давайте подождем, сир!

Юный король склонил голову. Этот голос его подавлял. И будет подавлять всю жизнь! Этот голос принадлежал Ришелье...

Люину пришлось уйти. Орнано тоже отступил на несколько шагов. Ришелье, не сомневаясь, что его выслушали и

поняли, спокойно и величественно удалился. В дверях он столкнулся с каким-то человеком, одетым во все черное, который поклонился и прошептал:

– Монсеньор, Марион Делорм и маркиз де Сен-Мар только что вернулись в Париж.

Ришелье вздрогнул. Ришелье побледнел.

– Идем! – сказал он негромко.

Оба, епископ и человек в черном, Ришелье и Лаффема, быстро спустились по лестнице. Внизу они встретили дворянина, который поприветствовал их и стал подниматься по широким ступеням. Это был Ринальдо. Почему-то он бросил на Лаффема странный взгляд...

В комнате кроме короля, Орнано и Люина было еще несколько человек. У двери неподвижно стоял Витри. В углу смеялась маленькая королева Анна. Она не задумывалась ни о сегодняшних волнениях, ни о будущей жизни. За столом сидела королева-мать; чутко прислушиваясь к шуму, доносившемуся снаружи, она холодно смотрела на своего сына. Иногда королева вполголоса переговаривалась с Кончини – и тогда ее взгляд становился совсем другим. Мария Медичи снова завоевала сердце маршала д'Анкара!

Кончино Кончини улыбался. Однако он был бледен, как смерть. Этот человек не хотел больше жить! И все же он продолжал играть свою роль. Мария Медичи страстно шептала:

– Повтори, Кончино, повтори, что ты любишь только меня!

Кончини закрывал глаза и, стараясь придать своим словам как можно больше убедительности, отвечал:

– Я люблю только вас одну...

Как только маршал опускал веки, перед ним вставал образ Жизели Ангулемской! Мария Медичи вздрагивала от счастья и, чтобы скрыть свое волнение, отдавала распоряжения об обеде. Через некоторое время эта сцена повторялась – с небольшими вариациями. Вдруг Кончини почувствовал, что кто-то трогает его за плечо. Марии в этот момент не было рядом. Он обернулся и увидел Леонору Галигаи.

– Ты страдаешь? – тихо спросила она.

– Как проклятый! – простонал маршал д'Анкр.

– Потерпи еще немного, Кончино, – прошептала женщина. – Ты ее увидишь!

– Леонора! Мое сердце... – чуть не плача, выговорил Кончини.

– Мужайся, мой дорогой, – улыбнулась его жена. – Еще несколько дней. Не стоит бросать вызов Провидению: Лоренцо предупредил меня, что этот Капестан может оказаться причиной твоей смерти. Ты же знаешь, с той самой ночи я делаю для тебя все, что могу! Сегодня я наконец нашла Бельфегора... и с его помощью разыщу твою Жизель!

Кончини вздрогнул... Леонора Галигаи бросила на Людовика Тринадцатого странный взгляд... Затем женщина удалилась.

«Иди, демон, – подумал Кончини. Он был в бешенстве. –

Мне нужно от тебя только одно, чтобы ты вернула мне ту, которую у меня похитила. А тогда... О, тогда тебе придется плохо, Леонора!»

Поклонившись королю, Кончино Кончини вышел. Вслед ему с ненавистью смотрел Витри. В прихожей маршал подошел к Ринальдо, для которого только что купил графство Леруяк.

– Ну, что мой дорогой граф? – спросил маршал. Ринальдо что-то тихо проговорил. Затем добавил громче:

– Я только что встретил господина Ришелье – разумеется, в компании Лаффема. В последнее время этот епископ становится все более влиятельным! Если бы я был маршалом д'Анкром, я быстро бы избавился от него.

– Всему свое время, граф, всему свое время. Потерпите, – пробормотал Кончини.

– А может, мы отделаемся пока хотя бы от Лаффема? – настаивал Ринальдо. – Один удар кинжалом – и все...

– Завтра я вручу тебе приказ о его аресте, а ты доставишь Лаффема в Бастилию, – усмехнулся Кончини. – Я поговорю с комендантом крепости. Десять ударов кинжалом в сердце...

Теперь Людовик Тринадцатый остался в комнате почти совсем один. Он решил испить горькую чашу до дна. Окно выходило на улицу Бове. Все соседние улицы были запружены народом. Вдали, неизвестно почему, звонили колокола. То там, то тут раздавались возгласы:

– Гиз! Гиз! – Да здравствует Лотарингия! – Да здравствует месса! – Да здравствует Большой Анри! – Да здравствует спаситель народа!

Побледневший Людовик отошел от окна и прошептал:

– О! Ни одного крика «Да здравствует король!»

Ни одного! Ни одного!

И в это время под окном раздался звонкий молодой голос. Кто-то бросил вызов всему Парижу!

– Да здравствует Людовик! Да здравствует король! – кричал смельчак.

Юноша покраснел от удовольствия.

– Да здравствует король! – снова зазвенело в воздухе.

– Этот голос, этот голос! – бормотал Людовик. – Я его знаю!

– Да здравствует Людовик! Да здравствует король! – разносилось по улице.

«Это он! Мой Капитан! Капитан!» – радостно думал юный государь, и в сердце его оживала надежда...

На следующий день Париж все еще бурлил. Еще с ареста Конде народ затаил ненависть. Однако до последнего времени нельзя было открыто выражать свои чувства. И вот теперь плотину прорвало. Хотя надо признать, горожане не питали особой симпатии к принцу де Конде, который был ужасным скрягой...

Феодалы, католики-фанатики, мещане, чернь – все объ-

единились вокруг Гиза.

Поэтому по улицам Парижа бродили толпы, вооруженных людей, которые то вопили: «Да здравствует!», то орали: «Долой» и призывали к погромам и убийствам. «Гиз собирается покинуть свой особняк!» «Гиз решил пойти на Лувр!»

Но Гиз все не появлялся. Он был занят тем, что спорил со своими домочадцами. А пока герцог колебался, Париж кричал: «На Лувр!»

Где-то около девяти часов вечера через толпу пробирался какой-то человек. Наконец он попал на улицу Сен-Антуан и зашел в один кабачок, пользовавшийся весьма дурной славой. Этим человеком был Лаффема.

В кабачке он увидел семерых мужчин. Шестеро сидели за столом в глубине комнаты и играли в кости. Седьмой держался особняком. Перед ним стояла кружка с крепким медом. Это был худой, костлявый субъект с устрашающими усищами. Как только в кабачке появился Лаффема, он встал и поклонился. Затем они уселись друг против друга. Несколько мгновений усатый молча смотрел на Лаффема, а Лаффема – на усатого. Наконец они заговорили.

– Как твои люди? – поинтересовался шпион Ришелье.

– Они готовы. А ваши пистолы? – осведомился усач.

– Тоже готовы, – ответил Лаффема.

– Хорошо, – кивнул усач. – Что дальше?

– Остальное вас не касается, – отрезал Лаффема.

– Пистолы? – поднял брови головорез.

– Половину сейчас, половину потом, – отозвался шпион Ришелье.

– Давайте сюда, – потребовал усатый.

Лаффема вытащил из под полы своего плаща кожаный кошелек и высыпал его содержимое на стол. Не успел он это сделать, как шестеро игроков в кости дружно вскочили и бросились к Лаффема и усачу. Двенадцать жадных рук потянулись к монетам...

– Полегче, ребята, полегче! – осадил игроков головорез. – Первый, кто дотронется до золота, получит шесть дюймов железа в брюхо! Видите, сеньор, какие они послушные? – улыбнулся он Лаффема. – Все будет в ажуре. Птичку посадят в клетку, не беспокойтесь.

Минутой позже банда испарилась. Лаффема уплатил по счету и тоже покинул сие сомнительное заведение.

Он направился к углу улицы Пти-Мюск. Там он зашел под навес и стал ждать. Лаффема думал:

«Сейчас я окажу монсеньору бесценную услугу. Поэтому я за нее ничего не попрошу. По крайней мере, пока... Нет, монсеньор, не надо денег... Потом, когда вы станете первым человеком в королевстве, Лаффема потребует свою награду!»

На его тонких губах заиграла коварная улыбка. Однако прошло уже полчаса... Лаффема начал беспокоиться.

«Еще немного, и маркиз де Сен-Мар вернется в свой особняк. Тогда завяжется драка, в которой мы можем и не побе-

дить...»

Вдруг прямо перед Лаффема выросла тень.

– Все в порядке, монсеньор, – произнес хриплый голос.

Лаффема узнал главаря банды и невольно вздрогнул.

– Ты что, смеешься надо мной? – сердито прошипел шпион Ришелье. – Я не слышал ни одного звука.

– Все в порядке, – усмехнулся головорез. – Платите! – решительно потребовал он.

– Я ничего не видел! – забыв об осторожности, вскричал Лаффема. – Негодяй, ты, может быть, хочешь...

Бандит схватил Лаффема за руку и резко толкнул к стоявшей в десяти шагах карете. Шпион Ришелье заглянул внутрь и увидел женщину со связанными руками и с кляпом во рту. Лаффема сразу узнал ее. Это была Марион Делорм. Ни слова не говоря, Лаффема протянул главарю кошелек. Тут же из темноты появились еще шесть теней. Бандит быстро пересчитал деньги и прошептал:

– В любое время я к вашим услугам; вы знаете, где меня найти... Все, мы сматываемся!

И в мгновение ока банда улетучилась. Лаффема захлопнул дверцу кареты и уже собрался опуститься на сидение, как вдруг на углу улицы показался всадник. И тут же дверца экипажа распахнулась и чей-то зычный голос завопил:

– На помощь! На помощь! Скорей! Сюда!

Уже почти усевшийся Лаффема неожиданно почувствовал, как кто-то схватил его за ноги и потащил вниз. Это был

всадник, подоспевший на крик.

– Трогай! – заорал Лаффема, очутившись на мостовой. Кучер подхлестнул лошадей, и экипаж рванулся с места.

– На помощь! Караул! – продолжал завывать отчаянный голос.

– Замолчи, луженая глотка! – приказал человек, уже державший Лаффема за горло.

– О! Господин маркиз! Пощадите! Я... – залепетал тот, кто только что испускал истошные вопли.

– Так, Лантерн, объясни мне, зачем сюда приезжала эта карета, кто этот человек и почему ты кричишь? – спросил мужчина, не выпуская из рук Лаффема.

– Только что похитили госпожу маркизу! – снова взвыл лакей.

Анри де Сен-Мар испустил яростный крик. Экипаж уже исчез из вида. Сен-Мар подумал и решил, что единственный шанс отыскать Марион – это допросить человека, которого он задержал.

– Ты был там? – проревел маркиз.

– Нет, – прохрипел шпион. – Я просто проходил мимо и услышал шум...

– Ты был там! – дрожа от ярости, повторил Сен-Мар. – Если не признаешься, тебе конец!

И маркиз выхватил кинжал.

– Не убивайте меня! – взмолился перетрусивший Лаффема. – Я все вам расскажу...

Сен-Мар наконец опустил руку, сжимавшую горло шпиона, и убрал кинжал. Лаффема прокашлялся, отдышался и заявил:

– Мадемуазель Марион Делорм не сделают ничего плохого.

– Кто приказал ее похитить? – вскричал маркиз, бешено сверкая глазами. – Куда ее отвезли? Говори!

Молодого человека душила ярость. Лаффема подумал: «Если я сознаюсь, меня убьет Ришелье. Если нет, то меня прикончит Сен-Мар. Ох, ну и влип же я!»

– Решайся! – прогремел маркиз.

Он приставил кинжал к груди Лаффема. Но шпион вдруг мрачно улыбнулся.

– Я ничего не могу вам сказать, – произнес он.

– Хорошо! Сейчас ты умрешь, собака! – прорычал Сен-Мар.

– Но я могу провести вас в тот дом, где находится Марион Делорм, – предложил Лаффема.

– Если ты сделаешь это, то я осыплю тебя золотом, понимаешь? – вскричал маркиз.

– Золотом? Почему бы и нет? – усмехнулся шпион. – Идемте, – решительно сказал он Сен-Мару.

И они отправились в путь. Сен-Мар дрожал, как в лихорадке. Время от времени он судорожно сжимал руку Лаффема. Наконец они остановились перед старым особняком.

– Здесь! – заявил Лаффема.

– Идем! – ответил маркиз.

Шпион особым образом повернул дверной молоток, и дверь открылась. Они вошли в переднюю.

– Где мы? – спросил Сен-Мар.

– У епископа Люсонского, – откликнулся Лаффема.

Маркиз скрипел зубами.

– Ришелье! – Сен-Мар злобно расхохотался. – Как же я раньше не догадался! Проводи меня к своему хозяину. Быстро!

– Хорошо, – кивнул Лаффема. – Сейчас монсеньор вас примет.

И шпион распахнул перед маркизом какую-то дверь. Но не успел Сен-Мар войти в комнату, как услышал, что дверь за его спиной захлопнулась. Молодой человек стремительно обернулся. Лаффема в комнате не было! Маркиз колотил в дверь, пока не разбил руки в кровь. Затем он принялся кричать, но скоро понял, что никто его не услышит, убежать отсюда было невозможно: Сен-Мар не обнаружил в комнате ни одного окна, зато увидел, что дубовая дверь окована железом. Несчастный пришел в отчаянье. Он плакал, умолял, рычал от бессильной ярости. Наконец, весь окровавленный, маркиз потерял сознание...

На следующий день, в два часа пополудни Лаффема покинул особняк на набережной Огюстен – тюрьму Марион Делорм и Сен-Мара. До этого у шпиона состоялся долгий разговор с хозяином.

«Ну, что ж, сегодня ночью я нанес двойной удар, – думал Лаффема, шагая по улице. – Теперь монсеньор у меня в руках. Остается Гиз: теперь тебе придется следить еще и за ним, мой маленький Лаффема. Схватить герцога будет нетрудно: повод всегда найдется... И если мне удастся привести Гиза на виселицу или, по крайней мере, в Бастилию, я пойду дальше. Кончини? В сущности, этот Кончини глупец, и я...»

В этот момент он почувствовал, что кто-то дотронулся до его плеча. Лаффема обернулся и увидел Ринальдо, которого сопровождали трое или четверо стражников.

– Сударь, я должен препроводить вас в замечательное место, – с любезной улыбкой заявил Ринальдо. – Обстановка там такая, что ей не погнушается даже принц, а кормить вас будут, как епископа. Вы узнаете королевскую печать?

И Ринальдо сунул под нос шпиону документ с печатью короля. Это был приказ об аресте Лаффема!

– Вам велено схватить меня? – пролепетал слуга Ришелье. – Куда вы собираетесь меня отвести?

– В Бастилию, дорогой мой, – усмехнулся Ринальдо. – Как принца де Конде!

И через час Лаффема был в камере...

Этим утром епископ Люсонский долго совещался с таинственным монахом-капуцином, которого иногда принимал у себя. Епископ звал своего гостя отцом Жозефом. После ухо-

да монаха Ришелье долго пребывал в задумчивости.

«Итак, – размышлял он, – Лаффема посадили в Бастилию. Неужели Кончини перестал мне доверять? Значит, это начало войны?»

Несколько минут Ришелье медленно прогуливался по залу. Затем епископ надел перчатки, прикрепил к поясу шпагу и уверенным шагом вошел в комнату, где было лишь одно окно – слуховое. В эту комнату вчера поместили Марион Делорм. Красавица казалась немного бледнее, чем обычно, и все же она улыбалась.

«Как я устал от этой улыбки!» – подумал Ришелье.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга. В глазах Ришелье полыхала любовь, смешанная с презрением.

– Позавчера я предложил вам миллион, – без всяких вступлений начал епископ. – Кроме этого, особняк в Париже и загородный дом. Я обещал подарить вам любые драгоценности, какие вы только пожелаете...

Марион расхохоталась.

– Да! – воскликнул Ришелье. – Именно таким и был ваш ответ.

– Простите меня, господин епископ, – ответила женщина, по-прежнему смеясь, – но вы выражаетесь, как нотариус. Это не объяснение в любви, а опись имущества!

Ришелье побагровел. Он чувствовал себя униженным.

– Может быть, вы соизволите присесть, монсеньер? – нежно спросила Марион. – Нет? Ну, что же! В таком случае поз-

вольте мне сидеть перед моим пастырем!

– Вчера, – продолжил Ришелье, – я предупредил вас, что вам предъявят обвинение в государственной измене. Вы участвовали в заговоре, и все доказательства собраны...

Марион снова залилась звонким смехом.

– Да! – скрипнул зубами Ришелье. – Во второй раз вы ответили мне точно так же.

– Сами посудите, ведь теперь вы говорите, как судья! – произнесла женщина. – Это не объяснение в любви, это обвинительная речь!

Ришелье почувствовал, как в его душе закипает ярость.

– Итак, монсеньор, позавчера была опись, вчера – обвинительная речь, – сказала Марион. – Что же я услышу сегодня?

– Сегодня я не буду ни нотариусом, ни судьей, – мрачно ответил Ришелье.

– Значит, вы будете палачом? – холодно осведомилась красавица.

Ришелье отшатнулся, словно его хлестнули по лицу. Он опустил голову, но через секунду снова поднял ее. Лицо епископа страшно исказилось. Марион встала.

– Палачом? – медленно произнес Ришелье. – А почему бы и нет?

Марион была отважной женщиной. В ее глазах вспыхнуло пламя – пламя бунта. Ришелье попятился. Марион наступала на него.

– Пусть будет так! – воскликнула она. – Я могу выбирать,

поцелуй смерти на моей шее или ваш поцелуй на моих губах. Что ж! Я предпочитаю первый!

– Нет! – вскричал Ришелье. – На эшафот взойдешь не ты! На плаху ляжет голова того, кто тебе дорог! Это будет твой любовник! Слушай: Сен-Мар в моих руках. Теперь только ты можешь спасти его!

Марион Делорм задрожала. Она прошептала:

– Бедный мальчик! Любовь, которую я начала к нему испытывать, не принесет ему счастья!

Ришелье заметил, что происходит с его пленницей, и подумал:

«Теперь она моя!»

– Послушайте, Марион, – продолжал епископ. – Вы разбили мое сердце. Тем хуже для вас! Вашего любовника я ненавижу. Хотите знать, что я сделаю? Отправлюсь в Лувр, пойду к королю, объявлю ему, что раскрыт заговор герцога Ангулемского, и докажу, что маркиз де Сен-Мар – один из самых ярых сторонников сына Карла Девятого! Этим же вечером ваш любовник окажется в Бастилии и вскоре предстанет перед судом. Может быть, вы и теперь находите, что я выражаюсь как нотариус или как судья? А может быть, это и есть то самое объяснение в любви, которое вам так хотелось услышать?

И в третий раз Марион рассмеялась.

– Объяснение в любви? Скажите лучше – донос шпиона! – воскликнула она. – Если бы здесь был маркиз де Сен-Мар, он

поговорил бы с вами так, как вы заслуживаете. Но поскольку его нет, то вам отвечу я!

Марион резко шагнула вперед и дала епископу звонкую пощечину.

Герцог даже не шевельнулся. Пощечина, полученная от женщины, – это же почти ласка...

– А теперь уходите, – решительно потребовала Марион.

– Ухожу, – ответил Ришелье. Он был спокоен, однако его тон заставил Марион содрогнуться от ужаса. – Но на прощание хочу вам сказать, что вы только что приговорили Анри де Сен-Мара к смерти. Пусть он попробует избежать ее, если сумеет... Завтра или через неделю, через год или через десять лет – но я приведу приговор в исполнение.

Побледневший епископ поклонился и вышел. «Тебе аукнется эта оплеуха, Сен-Мар!» – подумал он.

Ришелье спустился на первый этаж и подошел к двери комнаты, где был заточен Сен-Мар. Епископ взглянул в потайное окошко. Первое, что бросилось ему в глаза, – это переломанная мебель. Затем он заметил лежавшего в углу молодого человека.

Ришелье улыбнулся, закрыл окошко и удалился. Минуту спустя он вскочил на коня и помчался в Лувр.

Епископ нашел юного короля на самом оживленном дворике Лувра. Людовик находился здесь в обществе своего учителя соколиной охоты. Увидев Ришелье, Люин сердито пробурчал себе под нос:

– Настанет день, когда этот ястреб обрушится на меня. Пора бы его остановить!

– Здравствуйте, господин епископ, – улыбнулся король.

Ришелье низко поклонился и ответил:

– Я очень сожалею, сир, что отвлекаю вас от дел...

– Вы хотите сказать, что желаете поговорить со мной наедине? – спросил обеспокоенный король.

– Да, сир, осмеливаюсь просить аудиенции... Речь идет о благе государства.

– Хорошо, сударь, – вздохнул Людовик Тринадцатый. – Через пять минут я буду в своем кабинете и прикажу собрать совет.

– Нет, сир! – тихо проговорил Ришелье. – То, что я должен сообщить Вашему Величеству, не должны слышать ничьи уши.

С этими словами епископ Люсонский проследовал во дворец. Однако Люин сделал все возможное, чтобы задержать Людовика Тринадцатого подольше. Наконец через час слуга проводил Ришелье в кабинет. Там епископа ждал король.

– Я слушаю вас, – проговорил Людовик.

– Сир, Париж спокоен, – начал Ришелье. – Гроза кончилась. Теперь мы можем благодарить Господа за то, что Он внушил вам недоверие к советчикам, призывавшим к насилию. Но это еще не все. Сир, мне кажется, что настало время, когда нужно действовать, как действовал ваш прославленный отец: используя и хитрость, и силу.

– Итак, вы собираетесь посоветовать мне схватить герцога де Гиза? – жадно спросил король.

– Боже сохрани, сир! – вскричал Ришелье. – Может быть, позже... Позвольте мне объяснить свою мысль с помощью притчи. Однажды...

В этот момент внезапно распахнулась дверь, и лакей объявил:

– Ее Величество королева!

Ришелье согнулся в низком поклоне. Людовик Тринадцатый встал, приблизился к Марии Медичи и поцеловал ей руку.

– Какой приятный сюрприз, мадам! – произнес юноша.

– Сир, я действительно пришла сюда, чтобы сделать вам сюрприз, – ответила королева. – Вернее, я хочу рассказать вам о сюрпризе, который приготовил всем нам маршал д'Анкр. Он устраивает праздник в садах нового дворца, и я поспешила к вам, сир, чтобы просить вас принять участие в этом торжестве.

– Праздник у Кончини! – промолвил король.

– Нет, сир! У меня! – сухо сказала королева.

– И когда же он состоится? – осведомился Людовик.

– Сегодня, сир! – откликнулась Мария Медичи.

– Но это невозможно, мадам! – вскричал юноша.

– О, какая жалость! – произнесла Мария Медичи таким же тоном, каким сказала бы: «Мне это совершенно безразлично!» – В таком случае, прощайте, сир, – заявила она. – Я

пойду к молодой королеве.

С этими словами Мария Медичи удалилась. В предвкушении праздника королева-мать пребывала в радостном возбуждении. Людовик вздохнул и опустился в кресло.

– Итак, однажды, господин епископ?.. – вернулся он к прерванной беседе.

– Однажды, сир, некоему пастуху сказали, что в горах бродит лев, который угрожает его стаду. Один человек посоветовал пастуху: «Вооружись своим посохом и напади на льва!» Второй добавил: «Возьми свой лук, свои стрелы и срази его!» А третий сказал: «Вон там, у подножия скалы, его логово, – и тебе нужно только замуровать вход в пещеру». Но пастух все сделал по-своему. Он подождал, пока лев уснет, а потом отрезал ему один коготь. Однако лев лишь притворился спящим и прекрасно видел, что делает пастух. Но ведь один коготь – это такой пустяк, что лев только рассмеялся. На следующий день пастух пришел снова и отрезал еще один коготь. Но и это не обеспокоило льва: когтем больше, когтем меньше – какая разница! Так продолжалось до тех пор, пока лев не обнаружил, что пастух отрезал ему последний коготь. Тогда он зарычал: «Пастух, ты поплатишься за свою дерзость!» Но пастух, не говоря ни слова, заковал льва в цепи – ведь теперь тот уже не мог защищаться! Вот какова моя притча, сир! Людовик Тринадцатый улыбнулся и сказал:

– Согласитесь, ваш лев был чересчур снисходителен!

– Нет, сир: он был слишком тщеславен, вот и все, – пожал

плечами епископ. – Нам не поймать герцога де Гиза в его собственном логове. Но если вы вырвете ему один коготь, он только посмеется. Коготь за когтем, сир, и через три месяца лев будет в оковах. Ваше Величество, я имею честь предложить вам заняться Сен-Маром.

– Тем, что недавно потерял отца? – вскинул брови юноша.

– Да, сир, – кивнул Ришелье. – Это один из когтей льва.

Впрочем, его легко вырвать.

– Скорее, Сен-Мар – приверженец герцога Ангулемского, – задумчиво проговорил Людовик.

– Сен-Мар – противник короля, – холодно ответил епископ. – Ангулемский в Бастилии. Следовательно, теперь маркиз поддерживает Гиза.

Людовик погрузился в размышления.

– И много таких когтей нужно вырвать? – наконец медленно спросил он.

– Нет, сир, – покачал головой Ришелье. – Штук двадцать, не больше.

Король вздрогнул и прошептал:

– Нужно составить списки тех, кто подлежит изгнанию?

– Они уже составлены, сир! – спокойно заявил епископ Люсонский.

Людовик поднял глаза на Ришелье.

«Зачем я удалил от себя моего Капестана? – с тоской подумал юноша. – Он бы сумел вступить в схватку со львом.»

– Сир, – снова заговорил епископ, – это еще не все. Также

необходимо защищать тех, кто вам предан. Сир, без вашего ведома одного из самых верных слуг Вашего Величества заключили в Бастилию. Сир, я прошу вас подписать приказ об освобождении этого отважного защитника престола.

– Хорошо. Это мне нравится гораздо больше, – улыбнулся Людовик. – Как зовут этого человека?

– Сир, имя его отца – Босамблан, – ответил Ришелье.

– Как! – вскричал король. – Это сын слуги моего отца?

– Да, сир, – подтвердил епископ. – Он взял имя Лаффема.

– И вы говорите, что он в Бастилии? – побледнел юноша.

– Да, сир, – снова кивнул Ришелье. – Он попал туда за то, что слишком ревностно защищал Ваше Величество.

– Хорошо, – проговорил Людовик Тринадцатый, сжав зубы.

Он открыл выдвижной ящик секретера и достал оттуда две бумаги. Они были почти заполнены: надо было лишь внести имена и поставить подпись. Это были приказ об аресте и приказ об освобождении.

– Мне нужно сказать Вашему Величеству еще несколько слов, – произнес епископ.

– Говорите, – вновь повернулся к нему Людовик. – Я полностью доверяю вашим советам.

Ришелье поклонился и прижал руку к груди.

– Господина де Лаффема заточили в Бастилию люди, которые хотели лишить вас верного слуги, – вкрадчиво начал он. – С ними нужно быть поосторожнее, поэтому пускай они

думают, что господин де Лаффема по-прежнему томится в своей камере. Следовательно, не стоит вносить его имя в список лиц, покинувших тюрьму. И в то же время его имя, разумеется, должно остаться в списке заключенных.

– Вы подумали обо всем! – воскликнул король, восхищенно глядя на епископа.

– Да, сир, обо всем! По той же причине господин де Гиз не должен знать, что маркиз де Сен-Мар в Бастилии, – решительно продолжал Ришелье. – Поэтому имя маркиза не стоит упоминать в записях.

Людовик поежился. Ришелье заговорил о том, чтобы освобождение Лаффема держалось в глубокой тайне только для того, чтобы в списках арестованных не появилось имени Сен-Мара.

– Вы правы, – сказал наконец король. – Никто не должен знать, что господин де Лаффема на свободе, а господин де Сен-Мар в тюрьме.

Людовик взял перо и задумался. Казалось, он колеблется. Ришелье ласково произнес:

– Если Ваше Величество позволит, то я продиктую...

Король грустно кивнул. Тогда епископ начал говорить, а Людовик – писать:

*Приказ коменданту
нашей крепости Бастилия*

Господин де Невиль передаст подателю сего письма заключенного, которого ему укажут; этот заключенный по-

кинет Бастилию без всяких формальностей; присутствие при этом охраны запрещается.

Податель сего письма доставит в Бастилию другого заключенного, какового господину де Невиллю надлежит поместить в камеру. Коменданту, охране и надзирателям запрещается разговаривать с заключенным и пытаться узнать его имя.

Приказ вступает в силу с момента получения письма.

Лувр, девятнадцатый день декабря года 1616.

Людовик,

Король Франции и Наварры.

Король расписался.

Ришелье схватил документ и тут же исчез.

Вернувшись на набережную Огюстен, епископ послал за кадетом из Турени.

– Господин де Шеман, – сказал он ему, – соблаговолите прочесть вот это.

Молодой человек исполнил распоряжение Ришелье.

– Вы все поняли, Шеман? – строго спросил тот.

– Да, монсеньор, – кивнул туренец. – Речь идет о двух узниках: одного надо вывести из Бастилии, а второго надо туда доставить. А как зовут человека, которого я должен освободить? Нужно, чтобы я знал его имя.

– Лаффема, – коротко ответил епископ.

– А кто второй? – поинтересовался де Шеман.

– Заключенный с первого этажа, – заявил Ришелье.

– Как! – вскричал туренец. – Господин де...

– Заключенный с первого этажа! – перебил его Ришелье. –

Прочтите еще раз приказ. Горе тому, кто узнает его имя!

– Хорошо, монсеньор. Я отправляюсь, – заторопился де Шеман.

– Не сейчас, – остановил его епископ. – Позже, когда Париж уснет. В десять часов. Надежная карета. Кто-нибудь из ваших людей – хорошо вооруженный. Вы рядом с узником, с пистолетом в руке.

Кадет сунул приказ в карман и уже собрался уходить, но Ришелье задержал его.

– Кстати, – произнес епископ, – предупредите господина де Невиля, что завтра утром я приеду к нему сам, чтобы отдать распоряжения, касающиеся нового заключенного. А теперь идите!

Оставшись один, Ришелье направился к комнате Марион Делорм. Он долго стоял под дверью, но, так ничего и не услышав, удалился... Вскоре епископ был уже в седле. Улыбнувшись, он проговорил:

– А теперь посмотрим на праздник маршала д'Анкара!

Если бы Кончини видел эту улыбку, он бы не на шутку испугался.

Зарешеченное окно камеры номер четырнадцать в Казначейской башне выходило на поля и луга. Четверо часовых стояли у подножия башни, еще четверо – на крепостной сте-

не.

Конде закончил скудную трапезу. Охранник унес посуду. Тогда заключенный подошел к окну. Внезапно он вздрогнул.

«Кто этот человек? – прошептал Конде. – Что он здесь делает? Чего ждет?»

Какой-то мужчина, стоявший по ту сторону рва, внимательно смотрел на Бастилию.

И вдруг принца осенило: этот человек пришел сюда ради него!

Схватив клочок бумаги, он быстро написал несколько слов и завернул в листок монету в пять ливров.

Затем Конде снова кинулся к окну. Мужчина стоял на прежнем месте.

Тогда принц громко крикнул, чтобы привлечь его внимание, и, просунув руку между прутьями, швырнул записку вниз.

Она упала, и человек тут же подобрал ее. Внезапно раздались выстрелы. Мужчина бросился бежать и вскоре скрылся из вида. На лестнице раздался громкий топот. Через несколько секунд в камере появился комендант Бастилии в сопровождении десяти охранников.

– Что вы от меня хотите? – в ужасе пробормотал Конде.

– Монсеньор, – произнес де Невиль, – вы бросили записку прохожему. Отрицать бесполезно: мы все видели. Я вынужден строго наказать вас.

– Наказать? – вздрогнул принц.

– Теперь вы будете находиться в другом месте! Стража, отведите монсеньора к Четвертому Колодцу! Это как раз одна из излюбленных камер принцев. Окно там выходит во внутренний двор.

Конде успокоился: он был даже доволен. Принц устало махнул рукой. Это означало, что ему все равно.

– Однако, господин комендант, – сказал офицер, – эта камера уже занята. Куда нам деть заключенного, который там сидит?

– Но это же очень просто! Приведите его сюда!

Итак, Конде очутился в камере, очень напоминавшей его прежнее обиталище. Правда, окно выходило на узкий темный двор.

От нечего делать принц стал наблюдать за окном своего бывшего места заключения. Конде удивило, что там до полуночи горел свет...

Глава 17

Шевалье де Капестан поселился на постоялом дворе «Славная встреча», у господина Гаро. Первым делом молодой человек отправился на угол Ломбардской улицы, где нашел Коголена, который, балансируя на верхушке шаткой лестницы, малевал какую-то вывеску. За его работой, задрав головы, наблюдали Тюрлюпен, Готье-Гаргий, Толстый Гийом, хозяин постоялого двора и десятков пять зевак. Капестан присоединился к толпе. Наконец Коголен закончил свой шедевр и вдруг увидел шевалье. Громко вскрикнув от радости, он потерял равновесие и шлепнулся на мостовую – впрочем, без всякого ущерба для своего здоровья.

– О! Господин шевалье! – завопил верный оруженосец. – Какая радость! Какое счастье! Теперь меня по праву можно называть Коголеном-Удачей!

Затем Капестан поспешил на улицу Вожирар, приказав Коголену следовать за ним, держась в трех шагах за его спиной.

«Прощайте навсегда, удары палкой! – ликовал Коголен. – Прощайте, все незадачи! Да здравствует удача! Нет никаких сомнений в том, что мой хозяин разбогател, и теперь-то я наконец узнаю, что такое – есть четыре раза в день.»

Правда, когда Коголен увидел, что они идут к «Славной встрече», а не к какой-нибудь роскошной гостинице, он слег-

ка засомневался в том, что шевалье и впрямь стал богачом...

...Итак, Адемар де Тремазан, шевалье де Капестан временно проживал на постоялом дворе «Славная встреча». Однако молодой человек заверил своего верного оруженосца, что настанет день, когда они переберутся в великолепный особняк, на воротах которого будет красоваться герб Тремазанов.

– Ибо, – добавил шевалье, – я приехал в Париж, чтобы разбогатеть, а значит, совершенно невозможно, чтобы мне это не удалось. Тогда ты будешь моим главным экономом.

Весь день Капестан пытался разыскать Жизель Ангулемскую. Весь день он думал о своей любимой. Сначала его посещали в основном приятные мысли. «Жизель – не маркиза, – рассуждал шевалье, – и я почти уверен, что она никогда ею не станет.» Но затем в душу Капестана закралась тревога. К несчастью, опасения шевалье были отнюдь небезосновательными.

«Она меня любит, – говорил себе молодой человек. – Но ведь она – знатная дама. Возможно ли, чтобы она вышла замуж за такого ветрогона, как я?»

Капестан тяжело вздыхал... Но как бы то ни было, он решил повидать Жизель и герцога Ангулемского. Шевалье не знал, что герцог находится в Бастилии. Капестан искал их, но так и не нашел. Однако, как ни странно, молодой человек был почти счастлив, что не смог встретиться со своей возлюбленной! Он был убежден, что, когда ему удастся снова

поговорить с Жизелью, он услышит, что впредь никогда не должен ее видеть. Потому шевалье был рад, что удалось оттянуть этот ужасный миг.

Как только стемнело, Капестан направился к Бастилии. Он упрекал себя в том, что принц де Конде оказался в тюрьме. И теперь шевалье твердо решил освободить его. Ко всему прочему это послужит еще и хорошим уроком юному королю.

Капестан долго бродил вокруг старой крепости, пытаясь найти в ее укреплениях слабые места. Но пока ему ничего не приходило в голову... Однако шевалье не отчаивался: он знал, что в решающий момент обязательно что-нибудь придумает. Велев Коголену глядеть в оба и предупредить его в случае опасности, Капестан двинулся направо...

Он остановился там, где ров ближе всего подходил к башне. Шевалье тщетно всматривался в окна: ему не удавалось ничего разглядеть. Он приподнялся на цыпочки и замахал руками. И вдруг Капестан вздрогнул. Одно из узких окошек башни отворилось, и оттуда вылетел какой-то белый предмет, упавший прямо рядом с ним.

Какой-то узник попытался с ним связаться! Шевалье поднял предмет, лежавший у его ног. Это была монета, обернутая бумагой. В тот же миг грянули выстрелы. Шевалье увидел, что пули взрыхляют землю в двух шагах от него.

Капестану оставалось лишь одно: пуститься наутек. Разумеется, он не забыл прихватить с собой клочок бумаги. Вско-

ре шевалье был уже там, где оставил Коголена.

– О Боже! – в ужасе вскричал верный оруженосец. – Господин шевалье! В вас стреляли! Пулями!

– Нет, – спокойно ответил Капестан, разворачивая бумагу. – Это было эю. Видишь, я подобрал кое-что.

И шевалье с усмешкой показал оруженосцу тяжелую серебряную монету. Затем он разгладил смятый листок – и прочел вот что:

«Парижане, на помощь принцу де Конде, который умирает в нищете в камере номер четырнадцать Казначейской башни!»

Шевалье побледнел. Его сердце болезненно сжалось.

– Он умирает! Он в нищете! – прошептал Капестан. – И все это из-за меня! А ведь этот несчастный принц не сделал мне ничего дурного! О, если бы это был Гиз! Герцог де Гиз, который меня оскорбил! Если бы я мог засадить Гиза в камеру номер четырнадцать Казначейской башни!

Однако шевалье понимал: проникнуть в Бастилию ему не удастся.

– Уходим! – внезапно сказал он.

И Капестан с Коголеном отправились на улицу Сен-Антуан. Они уже дошли до ее угла, где возвышался особняк Сен-Мара, как вдруг Коголен прошептал:

– О! Лантерн!

– Лантерн! – в тот же миг завопил чей-то голос. – Лантерн, ко мне! Сюда, мои люди!

Шевалье резко остановился. Крик доносился из кареты, во весь опор мчавшейся по улице. Очевидно, кричавший попал в скверную историю... Тем временем карета поравнялась с Капестаном.

– Ко мне! – продолжал вопить человек. – На помощь Сен-Мару!

– Сен-Мар! – Шевалье не поверил собственным ушам. – О Марион! Наконец-то я смогу отблагодарить тебя! И я сделаю это, пусть даже мне придется поплатиться жизнью!

Капестан бросился к карете и изо всех сил вцепился в упряжь.

– Погоняй, мерзавец! – рявкнул грубый голос.

– Ко мне! – хрипел Сен-Мар.

– Господин де Шеман! – обернувшись назад, крикнул кучер. – На нас напал грабитель!

– Сюда, Коголен! – прогремел шевалье.

Кучер тщетно хлестал лошадей: они замерли и стояли теперь, как вкопанные. Дверца кареты отворилась, и Шеман, выпрыгнув на мостовую, подошел к Капестану. С другой стороны к шевалье спешил Коголен. Голоса маркиза больше не было слышно.

– Прочь, негодяй! – крикнул человек Ришелье. – Пошел вон!

– Сам пошел вон! – отвечивал шевалье.

– Берегитесь! – процедил офицер, поняв, что имеет дело с серьезным противником. – Я выполняю приказ моего гос-

подина. Я состою на службе у монсеньора де Ришелье. Мое имя де Шеман.

– Мое имя – Тремазан де Капестан. И я ни у кого не состою на службе, – заявил шевалье.

– Что вам угодно? – злобно спросил де Шеман.

– Мне угодно освободить вашего заключенного! – решительно произнес молодой человек.

Взревев от ярости, Шеман бросился на Капестана. Было очень темно, и противники бились вслепую. Вдруг Шеман выронил шпагу, рухнул на колени, застонал и свалился на бок.

– Может, я его убил? – пробормотал шевалье. – Если бы он не назвал меня негодяем, с ним было бы все в порядке... Впрочем, я сделал это не нарочно.

Капестан присел на корточки и приложил ухо к груди Шемана. Сердце билось... Тогда шевалье перенес поверженного противника на левую сторону улицы, которая была освещена луной. Теперь Капестан увидел рану. Шеман был поражен в бедро. «Травма, конечно, очень неприятная, но не смертельная», – подумал шевалье и облегченно вздохнул. Вдруг он заметил, что за поясом у Шемана находится какая-то бумага. Капестан схватил ее, развернул, бегло прочитал и спокойно спрятал в карман своего камзола. Затем шевалье вернулся к карете. В ней – без сознания, с кляпом во рту – лежал Сен-Мар. Несмотря на то, что была ночь, шевалье сумел разглядеть лицо маркиза. Дело в том, что стало немного светлее...

В то время, как Шеман и Капестан сражались, на Коголена, державшего лошадей, набросился кучер. Это был здоровенный малый, да еще и вооруженный огромным кинжалом. Итак, этот человек кинулся на Коголена и нанес ему страшный удар. Бедняга рухнул, как подкошенный.

– Я разрубил его пополам! – расхохотался великан.

Он нагнулся над поверженным: увы, Коголен не подавал никаких признаков жизни!

В этот момент что-то свалилось кучеру на плечи. Это было какое-то волосатое существо. Длинные патлы попали великану в рот, в глаза... Он ничего не видел, ему было нечем дышать! Кучер попытался стряхнуть с себя эту тварь, но она уселась на нем верхом, и он почувствовал, что в глотку ему вцепилось два десятка скрюченных пальцев... Великан попытался их разжать, но безуспешно. Вскоре силы ему изменили, и он рухнул на землю, как мешок.

А случилось вот что: Коголен, спасаясь от удара кинжалом, бросился на мостовую, а потом, улучив момент, вскочил на лошадь, а оттуда – на плечи гиганта. Сдернув с головы свой парик, он залепил им лицо кучера и вцепился великану в горло. Таким образом, оруженосец шевалье одержал блестящую победу над грозным и опасным противником.

В мгновение ока Коголен очутился у дверей особняка Сен-Мара и принялся отчаянно колотить в ворота.

Ворота почти сразу же распахнулись, и на улице появились Лантерн и швейцар, оба вооруженные до зубов. Коголен

отвел слуг маркиза к карсте. При виде хозяина, лежавшего без памяти, Лантерн словно окаменел.

Маркиза осторожно перенесли в особняк. Туда же оттащили и кучера, которого заперли в одной из комнат. Наконец, в дом доставили Шемана, который уже пришел в себя.

Капестан обратился к нему:

– Сударь, вы сдаетесь? Если нет, то я вас убью. Если да, ответьте мне, почему Ришелье приказал вам отвезти маркиза де Сен-Мара в Бастилию.

Шеман понял, что шевалье не шутит. Туренец прочел во взгляде Капестана свой смертный приговор. Однако Шеман вовсе не собирался прощаться с жизнью! Поэтому он прошептал:

– Я сдаюсь, сударь!

Шевалье перевязал ему рану и приказал:

– А теперь – говорите!

«Что же это за человек? – изумленно подумал туренец. – Он хочет меня убить – и заботится обо мне, словно брат. Право, это настоящий дворянин!»

– Сударь, – начал Шеман, вздохнув, – правда проста... Господа де Ришелье и де Сен-Мар страстно влюблены в одну и ту же особу. Она же предпочитает господина де Сен-Мара. Господин де Ришелье приказывает схватить господина Сен-Мара и отправить его в Бастилию. А женщину он держит у себя дома. Видите, как все просто!

– Ага! – прошептал Капестан. – Значит, женщина у него.

– Да, сударь, в особняке на набережной Огюстен, – подтвердил де Шеман.

Дальше шевалье слушать не стал. Он бросился в комнату, где находился кучер, забрал его плащ и шляпу, приказал Коголену дожидаться здесь, выбежал на улицу, вскочил на козлы экипажа и хлестнул лошадей...

– Монсеньор, карета вернулась, – доложил слуга Ришелье.

– Хорошо! – удовлетворенно сказал епископ. – Пришли ко мне Шемана.

– Господин де Шеман, кажется, был вынужден задержаться в дороге, – осторожно сообщил лакей.

– Задержался? – недовольно пробурчал Ришелье. – Тогда пришли ко мне кучера.

– Я уже подумал об этом, монсеньор, – поклонился слуга. – Этот человек ждет за дверью. – С этими словами лакей удалился.

Через несколько секунд в кабинет Ришелье вошел кучер. Епископ нетерпеливо спросил:

– Что случилось? Заключенный в Бастилии?

– Нет, монсеньор, – ответил язвительный голос. – Господин де Сен-Мар находится в своем особняке.

– В своем особняке! – прошептал ошеломленный Ришелье. – Этот голос... О! Этот голос!

– А что касается Шемана, монсеньор, – продолжал посетитель, – то ему сейчас как раз перевязывают бедро, которое я слегка поранил...

Капестан снял шляпу и плащ. Ришелье окаменел.

– Сейчас я вам все объясню, монсеньор, – любезно улыбнулся шевалье. – Я спокойно прогуливался – и вдруг услышал, как господин де Сен-Мар зовет на помощь. У нас с ним старые счеты... Я хотел вызвать его на дуэль: мы уже дважды собирались сразиться, но оба раза поединок пришлось отложить. Теперь нам помешал господин де Шеман. Вот я и вынужден был заняться Шеманом, а мой слуга взял на себя вашего кучера. Ну а чтобы дать вам немедленный отчет обо всех этих событиях, я позволил себе воспользоваться вашей каретой, – с вежливым поклоном закончил свой рассказ молодой человек.

Из груди Ришелье вырвался хриплый стон. Наконец он глухо произнес:

– Капитан!

Шевалье выпрямился. Его глаза сверкнули.

– Капестан! – грозно проговорил он. – Да, монсеньор. Но будьте поосторожнее. Это уже не фарс, как у комедиантов на праздниках господина Кончини. Вы сочиняете трагедии, монсеньор. Одно оскорбительное слово – и я стану вашим соавтором: моя шпага будет пером, а писать мы будем кровью!

Губы епископа задрожали. Он протянул к шевалье руки, словно палач, собирающийся схватить приговоренного... Внезапно Ришелье кинулся к столу, где находился колокольчик и молоток. Но Капестан был начеку. В мгновение

ока он оказался между столом и Ришелье.

– Монсеньор, – холодно произнес шевалье, – вы хотите заставить меня убить вас?

Епископ бросил на молодого человека взгляд, полный жгучей ненависти.

– Неужели вы осмелитесь поднять руку на министра владыки земного и слугу Владыки Небесного? – прохрипел он.

– Да! – вскричал Капестан. – Я не побоялся бы напасть на вас, даже если бы вы сидели на троне!

И Капестан протянул руку – так же, как минуту назад это сделал его противник. Но, в отличие от Ришелье, рука шевалье не дрогнула, а решительно опустилась на плечо епископа! И под тяжестью этой руки Ришелье согнулся. То, что увидел в этот миг епископ, отбило у него всякую охоту сопротивляться. Лицо Капестана стало белым, как алебастр, и священнику показалось, что вокруг головы шевалье вспыхнул сияющий нимб.

– Монсеньор, – глухо проговорил Капестан, – вы являетесь символом всего того, что издавна почитает человечество. Вы – олицетворение земной и небесной власти. Париж трепещет под вашим взглядом. Говорят, что король считает вас железным столпом, нерушимой опорой монархии. Я же, сударь, ничего особенного из себя не представляю. Кем я буду завтра? Возможно, заключенным... Да, это вероятнее всего. А что ждет вас, сударь? Скоро вы окажетесь гораздо ближе к трону, чем сам господин д'Анкр! А это означает, что вы

станете всемогущим. Вы будете править Францией. Однако сейчас вы в моих руках. Одно движение – и вы, всесильный властелин, обратитесь в прах. И никто меня не остановит! – воскликнул Капестан, выхватывая свой кинжал. – Прежде чем вы успеете крикнуть, вы уже будете лежать на полу, у моих ног. – С этими словами шевалье приставил острие кинжала к горлу епископа. – Но я не хочу этого делать. Предлагаю вам соглашение: я оставляю вас в живых, а вы отдаете мне Марион Делорм.

Капестан отступил на шаг. Он рисковал: ведь теперь Ришелье мог позвать на помощь. Но епископ не сделал этого. Он был так бледен, словно в его комнату вошла сама смерть. Однако в эту минуту Ришелье думал не о смерти. И даже упоминание имени Марион не заставило его вздрогнуть. Сердце Ришелье терзала страшная мука. И причиной этой муки была уязвленная гордость... Сейчас он походил на тигра, попавшего в ловушку. Епископ с ненавистью смотрел на Капестана.

«Я побежден! – думал потрясенный Ришелье. – И кем? Этим мальчишкой!»

По щекам епископа медленно скатились две крупные слезы. Может быть, Ришелье плакал первый раз в жизни. Боль, горе, страх – ничто не могло заставить его плакать. Это оказалось по силам только унижению.

– Идемте! – прошептал епископ.

Шевалье схватил его за руку и глухо произнес:

– Монсеньор, вы только что приговорили меня к смерти. Я прочел это в ваших глазах. Что же, я не боюсь вас! Однако берегитесь! Одна ошибка с вашей стороны, одно резкое движение или слишком громко сказанное слово – и мы умрем вместе! А теперь – идите! Я последую за вами.

С этими словами Капестан вложил свой кинжал в ножны.

Лицо Ришелье снова приняло свое обычное бесстрастное выражение. Он вышел из кабинета и зашагал по коридору. У двери комнаты, где была заперта Марион Делорм, епископ остановился. Он медленно открыл дверь.

Марион увидела Ришелье и Капестана и сразу поняла, в чем дело. Она встала и молча взяла шевалье за руку.

– Монсеньор, – распорядился Капестан, – прикажите, чтобы открыли ворота, и проводите мадам до набережной.

Ришелье стал спускаться по лестнице.

– Мадам, – обратился шевалье к Марион, – будьте так добры, не держите меня за руку. Мне нужно, чтобы мои руки были свободными.

Женщина повиновалась. Она дрожала: может быть, от ужаса, а может быть, от восхищения и любви! У ворот стоял швейцар. Ришелье заглянул в привратническую: она была пуста.

– Откройте! – бросил епископ.

Швейцар мигом исполнил приказание своего господина.

– Монсеньор, – проговорил шевалье, – проводите нас до моста. Это всего лишь маленькая предосторожность...

На Новом мосту епископ замедлил шаг.

– До Гревской площади, монсеньор! – распорядился Капестан.

И Ришелье пришлось тащиться до Гревской площади. Наконец Капестан остановился и, отвесив епископу поклон, заявил:

– Вы свободны, монсеньор. Я прощаюсь с вами. Но прежде, чем мы расстанемся, позвольте мне сказать вас еще пару слов. Я восхищаюсь вами, монсеньор. Я полагаю, монсеньор, порой вам приходится делать то, что противно вашей совести. Наверное, иногда это бывают ужасные вещи. Может быть, ваш сон изредка тревожат воспоминания о них. Если это так, монсеньор, то долгой бессонной ночью подумайте, что однажды вы отдали некую женщину чело веку, который ее любит. Поверьте, это будет вам утешением.

Ришелье ничего не ответил. Он молча смотрел в след Капестану и Марион Делорм, которые быстро исчезали во мраке. Какие мысли проносились у епископа в голове? Этого не знает никто!

Вскоре шевалье и Марион добрались до особняка Сен-Мара. На все вопросы женщины Капестан давал весьма уклончивые ответы.

– А теперь, – проговорил он, – прикажите, чтобы в самую легкую карету маркиза запрягли самых резвых его лошадей, берите Сен-Мара и бегите! Нельзя терять ни минуты!

– Покинуть Париж? – прошептала Марион. – Париж, который я мечтала завоевать?

– Да поймите же, это всего-навсего военная хитрость, – с легким раздражением объяснил красавице шевалье. – Когда гроза пройдет, вы спокойно вернетесь обратно. Да, еще одно. Пришлите ко мне Коголена. Я оставил его в вашем доме.

– Прощайте! – промолвила Марион. – Увижу ли я вас когда-нибудь еще?

– Кто знает? – пожал плечами молодой человек. – Ну, уезжайте, уезжайте скорее! Сейчас Ришелье уже наверняка созывает своих людей.

Марион в последний раз посмотрела на Капестана и чуть слышно прошептала:

– Прощай, моя первая... моя единственная любовь!

Внезапно она притянула к себе голову Капестана и нежно поцеловала шевалье прямо в губы. Затем Марион отпрянула и исчезла в ночи, оставив шевалье в полном недоумении.

Капестан перешел на другую сторону улицы и стал ждать. Минут через десять он увидел своего верного оруженосца. Шевалье окликнул Коголена.

В эту минуту ворота особняка распахнулись, со двора вылетела почтовая карета, запряженная четверкой лошадей. Шевалье успел разглядеть в окошке головы Сен-Мара и Марион. Они целовались. Вскоре экипаж скрылся из вида. Капестан тяжело вздохнул.

– А кто вернет мне ту, которую люблю я? – грустно про-

шептал он. – Ах, Жизель, Жизель, где вы?

Вдруг шевадье горько расхохотался. Он смеялся над самим собой.

«Жизель! Да ведь она внучка Карла Девятого! Нет, Капитан, она не для тебя!» – мрачно подумал молодой человек.

– Пойдем, Коголен, продолжим наш путь! – вскричал он, обращаясь к верному слуге.

– А куда мы отправимся, господин шевадье? – осведомился тот.

– Искать удачу! – воскликнул Капестан.

Карлик Лоренцо расхаживал по своей лавке. Через открытую дверь был виден мост Менял. Карлик вышел на порог и принялся внимательно оглядывать окрестности.

Вдруг Лоренцо увидел какую-то женщину, и лицо его искажилось.

На женщине был прекрасный наряд. Ее роскошные белокурые волосы струились по плечам. Женщина медленно шла вперед. Ее взгляд был пуст.

Чем ближе она подходила к лавке, тем быстрее Лоренцо пятился назад. Наконец женщина пробрела мимо открытой двери, за которой спрятался карлик.

– Герцогиня Ангулемская! – пробормотал он. – Черное пятно на моей совести!

Дождавшись, когда герцогиня удалится на порядочное расстояние, Лоренцо выскользнул на улицу и последовал за

безумной женщиной. Он увидел, что герцогиня зашла на постоянный двор «Золотая утка», и завернул туда же.

В кухне была лишь хозяйка по имени Леонарда, переставлявшая кувшины.

Полученное от Лоренцо экию быстро развязал ей язык. К тому же Леонарда побаивалась карлика и не хотела раздражать его понапрасну.

– Я поселила эту даму наверху. Она спускается из своей комнаты довольно редко. Кто она, я не знаю. Думаю, она пробудет здесь недолго... В качестве платы эта женщина отдала мне скромную драгоценность. Не уверена, найдется ли у нее еще что-нибудь, чем можно заплатить за жилье.

– Эта несчастная пробудет у вас ровно столько, сколько сочтет нужным, – заявил Лоренцо. – Платить за нее буду я. Когда она пожелает покинуть это место, дайте ей провожатого – кого-нибудь из ваших слуг. Только сделайте это скромно, ненавязчиво. Пусть этот человек защитит ее в случае необходимости или, если она заблудится, поможет ей найти верную дорогу. Имейте в виду: это очень знатная дама, и ваши хлопоты будут щедро вознаграждены.

Не успел карлик вернуться домой, как услышал, что в дверь его лавки постучали. Это был условный стук, по которому Лоренцо распознавал самых важных своих клиентов.

Он спустился, приоткрыл дверь и увидел Леонору Галигаи.

– Лоренцо, случилось большое несчастье, – проговорила

она. – Жизель Ангулемская и Капестан, которые были в моих руках, убежали!

Карлик до крови закусил губу, но ничто в лице Лоренцо не выдало охватившего его волнения.

«Они на свободе! – ликовал маленький человечек. – Неужели судьба перестала преследовать меня?»

– Увы! – воскликнула Леонора. – Я захотела перехитрить Провидение – и жестоко поплатилась за это! Ты тогда сказал мне, что только король может вынести Капестану и Жизель смертный приговор. Но ты не произнес слова «королева»!

– Значит, вы вовлекли в это дело Марию Медичи? – ужаснулся Лоренцо.

– Да! – кивнула женщина.

– Какая ошибка! – вскричал карлик. – Расскажите мне, как случилось это несчастье.

– Откуда я знаю? – простонала Леонора. – Королева приказала Бельфегору спустить Капестана в колодез. Нубиец должен был дожждаться, когда этот искатель приключений умрет, а потом оставить Жизель наедине с трупом. Одним словом, его должен был убить страх, а ее – горе. И поскольку приказ отдавала августейшая особа, я считала, что мне удалось выполнить все условия, о которых ты говорил... Когда мы решили, что все кончено, то позвали Кончино и все вместе спустились в подземелье. А там никого не было: ни Жизели, ни Капестана, ни Бельфегора. Позже мне удалось разыскать нубийца. А ты, Лоренцо, помоги мне найти этих

двоих!

– Найти их? Что ж, я постараюсь, – заверил Леонору карлик. – Не беспокойтесь, мадам. Но запомните хорошенько то, что я вам сейчас скажу. Только Кончино Кончини может вынести смертный приговор Жизели Ангулемской и Капестану. Но для этого маршалу д'Анкру сначала нужно стать королем!

Ошеломленная Леонора покинула лавку. Проводив женщину взглядом, карлик усмехнулся и пробормотал:

– Кончини станет королем? Этого не случится никогда.

Лоренцо закутался в плащ, быстро вышел на крыльцо и запер лавку.

– Нужно спешить на улицу Дофин, – шептал Лоренцо. – Когда я спас мадемуазель Ангулемскую из Сены, она сказала, что, если мне будет плохо, я могу обратиться к ней в любой день и час. Она велела мне стучать пять раз подряд...

Сначала карлик заглянул на постоялый двор, который находился на углу улицы Мортлери. Человеку, открывшему дверь, Лоренцо что-то тихо сказал.

– Будет сделано, – ответил тот. – Через четверть часа на повороте у Нового моста вас будет ждать надежная карета.

После этого карлик поспешил на улицу Дофин. Добравшись до особняка герцога Ангулемского, он пять раз ударил молотком в дверь.

В двери открылось маленькое окошечко: Лоренцо узнали.

Какая-то женщина проводила его по коридору и лестнице к комнате Жизель. Обрадованная девушка первым делом начала благословлять тот день и час, когда она, наконец, сможет отблагодарить своего спасителя.

– Мадам, – прервал ее Лоренцо, – за этим домом скоро начнут следить люди маршала д'Анкра. Отсюда нужно бежать. Вам надо покинуть Париж. Если Кончини найдет вас, вы пропали!

– Куда же мне ехать? – прошептала побледневшая Жизель. – Где мне спрятаться?

– На постоялом дворе «Сорока-воровка», – спокойно ответил карлик. – Его хозяйка Николетта полностью вам предана.

Жизель встала. Теперь лицо ее выражало решимость.

– Хорошо, я уеду, – проговорила она. – Но сна чала я должна разыскать свою мать!

Лоренцо вздрогнул.

– Положитесь на меня, – пробормотал он. – Вам пора!

Жизель, ее служанка и карлик покинули особняк. На повороте у Нового моста уже ждала заказанная карета.

– Садитесь! – велел Лоренцо. – Будьте спокойны: завтра я приступлю к поискам того человека, который в одиночку, с одной лишь шпагой в руке может сделать больше, чем Кончини со всеми свои ми солдатами. Я говорю о шевалье де Капестане...

Забравшись в карету, карлик указал кучеру направление.

«Почему я пообещала моему отцу стать женой Сен-Мара? – в отчаянии думала Жизель. – Ведь имя того, кого я люблю – Капестан!»

Скоро карета остановилась на улице Барре, совсем рядом с особняком герцога Ангулемского. Лоренцо вышел из экипажа и постучал в окно какого-то дома. Оттуда высунулась чья-то голова, и недовольный голос спросил, что хочет поздний посетитель.

– Вручить вам десять золотых экую, уважаемая Леонарда, – ответил карлик.

Хозяйка немедленно пригласила его в дом. После недолгих переговоров Лоренцо вновь появился на пороге и приказал служанке войти внутрь и ждать в зале свою госпожу. Горничная вопросительно взглянула на Жизель, и та утвердительно кивнула головой. Служанка повиновалась.

Тогда карлик произнес:

– Мадемуазель, теперь я должен вас оставить, но вы не беспокойтесь, карета отвезет вас, куда нужно. Я прощаюсь с вами. Возможно, вы никогда меня больше не увидите. Мне бы только хотелось, чтобы вы обещали мне две вещи. Во-первых – покинуть Париж сразу же после того, как вы найдете свою мать. Вторая же моя просьба такова: добейтесь от герцогини Ангулемской, чтобы она сказала, что прощает карлика, который ее когда-то предал в Орлеане!

Жизель хотела было что-то спросить, но Лоренцо поднес палец к губам. Прежде чем исчезнуть, он прошептал:

– А теперь войдите в дом. Ваша мать – здесь!

Конец зимы был для Капестана неудачным.

Молодому человеку так и не удалось разыскать в Париже Жизель Ангулемскую, и он решил, что девушка уехала куда-нибудь в провинцию и давно забыла своего очень пылко-го, очень отважного и очень бедного поклонника...

К весне у шевалье кончились деньги. Коголен пересчитал то, что осталось от трехсот пистолей. Оказалось, что в кошельке всего тридцать монет.

«А ведь я приехал в Париж, чтобы разбогатеть!» – уныло вздыхал Капестан.

Коголену уже надоело быть то Незадачей, то Удачей. Если бы он не беспокоился за своего хозяина, то без малейших сожалений променял бы жизнь, полную приключений, на более спокойное и размеренное существование.

Нужно заметить, что с некоторых пор постоянный двор «Славная встреча» приобрел для Коголена особое очарование. Это случилось в тот миг, когда отважный оруженосец впервые увидел некую темноглазую Джузеппу с черными, как смоль, волосами.

При встречах с Коголеном эта девушка всегда весело смеялась. Сначала бедняга очень смущался, но потом понял, что Джузеппа не просто относится к нему очень серьезно, но даже восхищается им.

Поскольку у Коголена не было случая сразиться с кем-ни-

будь, защищая даму сердца – никто и не думал на нее нападать – ему пришлось снизойти до того, чтобы помогать ей на кухне. Шло время, и их связали такие чувства, которые не купишь за все золото мира.

Кстати, раз уже речь зашла о деньгах, то следует заметить, что Джузеппа вовсе не была привередливой. Родственников у нее не было, и она работала у хозяина Гаро за стол и кров. Коголен считал, что его возлюбленная заслуживает того, чтобы жить в куда более приличных условиях, однако, к несчастью, он никак не мог обеспечить ей достойного существования.

Поэтому он ходил грустный, а Капестан – мрачный. Тем временем Гиз, которого так превозносили парижане, трижды являлся в Лувр, чтобы уверить сына Генриха Четвертого в своей неизменной преданности.

Казалось, гроза миновала, но вдруг снова начались волнения.

Внезапно по Парижу прошел слух, что Гиз собирается выступить в защиту народа, а заодно расправиться с гугенотами. Говорили, что он решил в сопровождении пятисот сеньоров прибыть в Лувр, чтобы донести до короля волю народа. Повсюду раздавались крики:

- Да здравствует Гиз! Да здравствует наш освободитель!
- Смерть кровопийцам! Смерть Кончини!

Париж снова бурлил... И вот как-то вечером, подхва-

ченный людской волной, Капестан внезапно очутился возле особняка Гиза. Герцог сидел у окна и наслаждался громкими проявлениями народной любви.

– Завтра, – проговорил он с довольной улыбкой, – кричать «Да здравствует Гиз!» будут не только на улицах, но и в Лувре! Завтра! Ну, что же, господа, нам пора!

Вскоре шевалье увидел, что из особняка вышли трое мужчин. Одного из них он узнал сразу: это был де Гиз. Герцог и двое сопровождавших его дворян направлялись к центру города.

Шевалье решил: если де Гиз двинется к Лувру, то он, Капестан, убьет герцога. Поняв, что Гиз идет в другую сторону, шевалье облегченно вздохнул. А герцог тем временем пересек Ситэ и зашагал по улице От-Фей. Стало ясно, что он спешит к особняку Конде.

Вдруг Капестану показалось, что Гиза и его спутников нагоняет небольшой отряд. Шевалье взгляделся во мрак и быстро убедился, что его подозрения не напрасны. Он даже узнал одного из вооруженных людей. Это был Ринальдо.

Капестан колебался. Как ему следует вести себя в такой ситуации? Внезапно шевалье услышал звон шпаг.

«Если я не вмешаюсь, – подумал молодой человек, – с Гизом и его друзьями все будет кончено.»

В такие моменты шевалье никогда не размышлял о том, что ему выгодно, а что нет. Он бросился вперед и закричал: – Держитесь, монсеньор! К вам идет подмога!

Капестан схватил свою шпагу за клинок и принялся наносить удары тяжелым эфесом. Не ожидавшие такого поворота событий люди Ринальдо дрогнули и обратились в бегство. Кто-то стонал, кто-то ругался, но никто не смог оказать шевалье достойного сопротивления.

Четверо лежали на земле. Они были мертвы. Эта схватка стоила жизни двум головорезам Ринальдо и двоим спутникам Гиза.

Сам герцог был цел и невредим. Что касается Ринальдо, то слуга Кончини успел скрыться.

– Сударь, – сказал герцог де Гиз своему спасителю, лица которого не мог разглядеть, – я обязан вам жизнью. Как мне вас отблагодарить?

В этот момент Капестана осенила блестящая идея.

– Монсеньор, вы вовсе не должны вознаграждать меня за то, что я сделал, – ответил он. – Дело в том, что в мои обязанности входит охранять и сопровождать вас.

– Сопровождать меня? – переспросил удивленный Гиз. – И куда же?

– Монсеньор, место собрания внезапно изменилось, – вдохновенно импровизировал шевалье. – Я должен отвести вас на постоянный двор «Генрих Великий». Там вас ждут те господа...

– В «Генрих Великий»? Значит, там собираются люди Конде? – уточнил герцог.

– Да, монсеньор, – не моргнув глазом, заявил Капестан.

Поколебавшись немного, герцог пожал плечами и пошел обратно.

«Мне снова удалось спасти нашего юного короля!» – ликовал шевалье, шагая вслед за герцогом.

Глава 18

Читатель, наверное, не забыл, что, когда Коголен прозябал в нищете, он жил на покинутом и наполовину сожженном постоялом дворе «Генрих Великий». – Как же так получилось, – расспрашивал шевалье своего оруженосца, – что хозяин Люро бросил свой постоянный двор на произвол судьбы?

– Срок аренды еще не истек, – объяснил Коголен, – и герцог де Роган это прекрасно знал. Однако сей благородный дворянин пригрозил Люро, что сдерет с него кожу заживо, если трактирщик осмелится еще раз появиться в «Генрихе Великом». Вот так и получилось, что я стал единоличным хозяином этих хором.

Капестан тогда сказал себе, что если дела его будут совсем плохи, то он тоже сможет найти себе убежище в полуразрушенных стенах «Генриха Великого». И вот теперь, разговаривая с Гизом, шевалье вспомнит про этот постоянный двор... Скоро они уже были у цели, Капестан открыл ворота, и через минуту шевалье и герцог вошли в большую комнату, погруженную во тьму.

– Подождите немного, монсеньор, – сказал Капестан, пропуская герцога вперед, – я пойду поищу огня: нам надо будет спуститься в подвал, где ваши друзья...

– Поторопитесь, – пробурчал герцог, которого начинало

охватывать беспокойство.

Шевалье отправился на кухню, высек огонь и зажег огарок свечи. Затем Капестан вернулся в зал и поставил свечку на стол.

– Добрый вечер, монсеньор, – проговорил молодой человек. – Вы узнаете меня?

– Капитан! – пробормотал изумленный Гиз. Однако он все еще надеялся, что большой беды не случилось: ведь этот человек только что спас ему жизнь!

– Вы правы, монсеньор, перед вами Капитан, – усмехнулся шевалье.

И по голосу Капестана герцог понял, что дела его плохи.

– Ну что ж, – презрительно сказал Гиз, – выполняйте возложенное на вас поручение.

– Монсеньор, здесь нет никакого собрания, – произнес Капестан, – я сам отдал себе приказ привести вас сюда.

– Это западня! – возмущенно вскричал герцог.

– Западня? Нет, монсеньор, – покачал головой шевалье. – Если бы я хотел заманить вас в ловушку и убить, я бы просто не стал вмешиваться в схватку, и вас бы уже не было в живых...

– Ясно. Значит, вы захотели поговорить со мной наедине, – довольно грубо сказал Гиз. – Но поскольку вы так храбро вмешались в этот бой, я прощаю вам способ, который вы использовали, чтобы добиться аудиенции.

В эту минуту шевалье не мог не восхищаться герцогом.

Действительно, этот человек умел держать себя в руках! Однако Капестан знал, как следует вести себя в таких ситуациях. Он решил быть еще более грубым, чем Гиз.

– Монсеньор, вы помните нашу встречу на одном захудалом постоялом дворе на Орлеанской до роге? – резко спросил молодой человек. – В тот день мы сразились с бароном Монмореном, вашим спутником, вы же поспешили уехать.

– Нет! – презрительно бросил Гиз. – Не помню. Лицо шеваляе вспыхнуло.

– Монсеньор, – сказал он, – вы тогда меня оскорбили. Меня, Адемара де Тремазана, шеваляе де Капестана!

– Я вас оскорбил? – вскинул брови герцог. – Неужели? Я этого не помню.

– Зато я помню, монсеньор! – вскипел Капестан.

– Хорошо! Что вы хотите? – надменно осведомился Гиз.

– Забавный вопрос! – насмешливо откликнулся шеваляе. – Знаете, монсеньор, почему я убил двоих людей лишь ради того, чтобы они не прикончили вас? Я не могу жить, помня о нанесенном мне оскорблении! Помогите мне забыть о нем – вы будете свободны!

– Помочь вам забыть?.. – усмехнулся герцог. – Прекрасно! Но как?

– Очень просто, – спокойно проговорил Капестан. – Попросите у меня прощения.

– В самом деле! – продолжал усмехаться Гиз. Он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что они одни. – И это все,

что вы от меня хотите?

– Да, монсеньор, только этого, – подтвердил шевалье. – Извинитесь – и вы свободны.

Тогда герцог разразился громким смехом.

– Действительно, я не ошибся, – воскликнул он. – Передо мной и правда Капитан – собственной персоной!

– Так будьте же с ним поосторожнее! – взревел шевалье.

– Хватит! – отрезал Гиз. – Быстро открывайте дверь!

Капестан выхватил из ножен шпагу. Он был в бешенстве.

– Герцог де Гиз, – произнес молодой человек звенящим от гнева голосом, – на этом месте я дрался даже с принцем Конде, который стоит вас, и с герцогом де Роганом, который стоит нескольких таких, как вы! Вынимайте свою шпагу и защищайтесь!

Гиз пожал плечами и скрестил руки на груди.

– Монсеньор, защищайтесь! – дрожа от ярости, повторил шевалье. – Иначе будет поздно! Герцог де Гиз, вы приносите свои извинения?

Казалось, герцог заколебался. Однако он решил не менять своей тактики.

– Bravo! – насмешливо воскликнул он. – Ты вызвал на дуэль герцога де Гиза! Но драться с ним ты не сможешь!

– Это ваше последнее слово? – внезапно успокаиваясь, осведомился шевалье.

Гиз снова пожал плечами. Капестан опустил шпагу.

«Я победил его!» – подумал герцог.

Шевалье подошел к де Гизу и положил ему руку на плечо.

– Монсеньор, – сказал молодой человек, – я не хотел, чтобы вы попали в Бастилию...

– Что? В Бастилию? – прохрипел герцог. Это слово парализовало его. Он решил, что рядом находится целая армия, которой приказано его арестовать, Гиз пробормотал:

– Хорошо! Раз уж вам непременно хочется сразиться...

– Слишком поздно, монсеньор! – прервал его шевалье ледяным тоном. – Именем короля я беру вас под стражу.

– Вы берете меня под стражу? – пролепетал герцог. – А кто вы такой, чтобы арестовать меня именем короля!? Вы – всего лишь Капитан!

– Нет, монсеньор! Я королевский рыцарь! – с гордостью ответил молодой человек.

– Ах, ты королевский рыцарь?! И ты имеешь наглость меня арестовать?! – взревел Гиз. – Хорошо!

Умри же!

Герцог выхватил кинжал и нанес сокрушительный удар. Однако удар этот пришелся в пустоту: шевалье успел броситься на землю. В следующий миг Капестан уже снова был на ногах. Герцог, находившийся в трех шагах от него, начал наступать. Капестан же спокойно скрестил на груди руки – точно так же, как Гиз пару минут назад.

– Теперь вы больше не принадлежите мне, монсеньор, – заявил шевалье. – Я уже не имею права всадить вам в глотку кинжал, которым вы пытались меня прикончить. Разумеет-

ся, вы можете меня убить. Однако имейте в виду: вы убьете посланца короля Франции!

Рука герцога, уже занесенная для нового удара, безвольно упала.

– И даже если вы расправитесь со мной, – продолжал Капестан, – вас все равно арестуют мои люди.

Гиз застыл на месте.

– Но это уже будет вооруженное сопротивление представителю власти, то есть открытый мятеж, – торжественно провозгласил молодой человек.

Герцог попятился назад.

– И тогда вам отрубят голову, монсеньор! – мрачно заявил шевалье.

Гиз пробормотал проклятие и бросил кинжал на грязный пол.

– Если же вы сдадитесь без борьбы, то, скорее всего, дешево отделаетесь. Через неделю вы уже будете на свободе! – усмехнулся Капестан.

«А ведь верно, – подумал герцог, – я же ничего не теряю. Возможно, несколько дней, проведенных в тюрьме, лишь укрепят мои позиции и поднимут мою популярность. Пожалуй, я выйду из Бастилии даже более сильным, чем раньше».

– Вот моя шпага! – сказал он, протягивая свое оружие шевалье.

– Оставьте ее себе, монсеньор, – проговорил тот. – Вы просто будете следовать за мной: этого вполне достаточно.

Капестан распахнул дверь и знаком пригласил герцога пройти в маленькую комнатку. Гиз повиновался. Тогда шевалье захлопнул дверь и запер ее на два оборота ключа: герцог оказался под замком! Он был заточен в клетушке, где не было даже окон!

Капестан вышел на улицу и направился на постоянный двор «Славная встреча». Сначала шевалье оседлал своего коня, а потом разбудил Коголена. Через четверть часа Коголен, еще не совсем проснувшийся, стоял на часах у дверей комнаты, в которой шевалье запер герцога де Гиза.

– Коголен, – сказал своему оруженосцу Капестан, вкладывая ему в руку пистолет, – я последовал твоему совету: поставил на карту все – и выиграл. Богатство здесь, за этой дверью. Сто тысяч золотых экю, слышишь?

Глаза Коголена округлились. Он издал нечленораздельный звук.

– Я распорядился, чтобы хозяин игорного дома принес деньги сюда, – продолжал шевалье. – Сейчас я буду искать тайник, чтобы их спрятать, но боюсь, как бы этот мерзавец не вздумал сбежать вместе с золотом.

Рука Коголена судорожно сжала пистолет.

– Пусть только попробует! – проговорил верный оруженосец. – Он у меня получит!

– Хорошо! – кивнул шевалье и вскочил на Фан-Лэра.

Было уже одиннадцать часов вечера. Капестан поскакал на Ломбардскую улицу. Парижанам надоело кричать и бес-

новаться, и они разбрелись по домам. Париж спал – но нервным, беспокойным сном, который предшествует дням страшных потрясений.

Шевалье постучал в дверь постоянного двора, где выступали комедианты. Войдя в зал, он сунул хозяину в руку пять пистолей и что-то шепнул ему на ухо.

Хозяин поставил на стол три бутылки своего лучшего вина и четыре кружки и, пока Капестан откупоривал бутылки, поднялся наверх. Через десять минут появился Тюрлюпен, а за ним – Толстый Гийом и Готье-Гаргиль. Из-за того, что их разбудили, у них поначалу было плохое настроение, но оно мгновенно улучшилось, как только комедианты увидели бутылки.

Скоро вино было выпито. Тогда Капестан спросил:

– Господа, не желаете ли вы сыграть фарс, который я сочинил? Но я тоже хотел бы участвовать в представлении...

Тюрлюпен вздрогнул и удивленно уставился на шевалье.

– Черт возьми! – воскликнул Толстый Гийом. – Я просто восхищаюсь вами, сударь!

– Эй! Эй, хозяин! – крикнул Капестан. – Эти бутылки уже пусты!

Он бросил на стол золотую монету. Хозяин полетел в погреб так, словно за спиной у почтенного трактирщика выросли крылья.

– Я согласен с Гийомом! – заявил Готье-Гаргий. – Мы будем счастливы играть с таким благо родным человеком.

– А вы что скажете, мэтр Тюрлюпен? – обратился шевалье к третьему актеру.

– Я согласен с моими друзьями, – важно откликнулся тот. – Хотя мне все-таки хотелось бы, чтобы вы рассказали нам сюжет пьесы.

– Хорошо! – кивнул Капестан. – Скажите, являетесь ли вы сторонниками Его Величества Людовика Тринадцатого, храни его Господь?

– Разумеется! – воскликнул Тюрлюпен. – Я ненавижу тех негодяев, которые хотят его убить. В наших пьесах мы всегда за слабых и против сильных!

– Прекрасно! – обрадовался шевалье. – Тогда слушайте. В моем фарсе речь идет об одном нахале, который возомнил себя властелином.

Тюрлюпен придвинулся к Капестану и шепнул:

– Гиз?

– Да! – выдохнул тот.

– Это опасно? – деловито осведомился актер.

– Вовсе нет! – заверил его шевалье. – Никакого риска и много славы.

– Только добейтесь для нас привилегии, которые имеют господа из Бургундского отеля¹⁸, а об остальном я позабочусь, – сказал Тюрлюпен, возвращаясь на свое место. Го-

---

¹⁸ Бургундский отель – старейший драматический театр в Париже; основан в 1548 г. В 1680 г. в результате слияния его труппы с труппами Мольера и театра «Маре» был создан театр «Комеди Франсез». Здание Бургундского отеля снесено в 1866 г.

тье-Гаргий и Толстый Гийом пили.

– Пьеса этого господина достойна того, чтобы ее сыграть, – объявил Тюрлюпен.

– Значит, сыграем! – дружно воскликнули актеры. – Когда будет представление?

– Сейчас! – ответил Капестан.

– Ого! Даже не будем разучивать роли? – удивились комедианты.

– Сыграем экспромтом, – решил Тюрлюпен.

– Но где мы возьмем публику? – недоумевали актеры.

Шевалье поднял свою кружку. После того, как все чокнулись, он произнес тост:

– За ваше здоровье, за вашу славу, господа! Вы говорили о публике? У вас будет такая прекрасная публика, о какой вы никогда и не мечтали! На ваш триумф будут взирать миллионы глаз!

– Но где мы найдем такой большой зал? – робко спросил Толстый Гийом.

– Он уже найден, – ответил Капестан. – Нашим залом будет весь Париж! И помните, господа: среди зрителей будет присутствовать одна достойная дама!

– Дама! – оживился Готье-Гаргий. – И что же это за дама?

– Ее имя – История! – воскликнул шевалье. Через несколько минут Капестан, поручив Фан-Лэра заботам трактирщика, вел трех комедиантов к развалинам «Великого Генриха». Там их встретил Коголен. При виде актеров он

скорчил недовольную гримасу. «Может, они хотят, чтобы им перепало несколько монет из выигрыша господина шева-лье?!» – сердито подумал верный оруженосец.

– Идите за мной! – скомандовал Капестан. – Коголен, ступай вперед и освещай нам дорогу.

С этими словами шева-лье достал из кармана ключ и спустился в подвал.

«Отлично. – промелькнуло в голове у Коголена, – вот где мы спрячем наши сокровища.»

Капестан открыл дверь одного из погребов. Подвал был забит старыми плащами, аркебузами, алебардами – словом, вещами, по которым можно сразу узнать королевских гвардейцев. Это было именно то необходимое, что герцог де Роган приготовил для пятидесяти дворян, которые должны были сопровождать Конде до Лувра той ночью, когда наш искатель приключений привел принца к королевскому кабинету.

– Одеваемся, господа, – произнес Капестан, – а то публика уже нервничает!

Через несколько минут Тюрлюпен, Готье-Гаргий, Толстый Гийом и оторопевший Коголен превратились в гвардейцев. Капестан облачился в костюм офицера. На левом плече каждого из новоявленных швейцарцев лежала аркебуза, а в правой руке каждый сжимал алебарду. Шева-лье запер дверь погреба, и все пятеро поднялись наверх. Здесь по знаку своего хозяина Коголен открыл дверь комнаты, в которой находится герцог де Гиз...

Заглянув в коморку, Капестан увидел герцога. Гиз был бледен как смерть, Этот человек мечтал о том, что будет править королевством, и вдруг... Шевалье все прочел во взгляде Гиза.

Казалось, герцог вовсе не удивился, увидев Капестана в костюме офицера швейцарской гвардии. Гиз покорно встал между мнимыми швейцарцами, и все шестеро вышли на улицу.

В Париже стояла глухая ночь. Город тонул во мраке. Вдруг перед Капестаном выросла чья-то темная фигура.

– Кто идет? – прокричал зычный голос. Шевалье поднял глаза и вздрогнул. Перед ним чернела громада Бастилии.

– Слуга короля! – ответил молодой человек. Послышался шум шагов. Это приближался офицер.

– Кого вы ведете? – спросил он.

– Пленника Его Величества! – отозвался искатель приключений.

Заскрежетали цепи, и подъемный мост опустился.

– Идемте, монсеньор, – прошептал Капестан Гизу на ухо. – Заключите с королем мир и позвольте ему спокойно царствовать.

Процессию ввели в тесное помещение, где обычно совершались всякие формальности. Офицера, несшего вахту у главных ворот, разобрало любопытство. Ему захотелось узнать, что же это за арестант, которого доставили в крепость с такими предосторожностями. Он осветил фонарем лицо

пленника... Затем побледневший офицер повернулся к Капестану и прошептал:

– О, я понимаю! Как прекрасно, что король решился!..

С этими словами офицер бросился искать коменданта. Комедианты и Коголен остались мерзнуть во дворе. В тесной каморке сидели лишь клевавший носом шевалье, мрачный Гиз и трое надзирателей. Вскоре появился запыхавшийся господин де Невиль.

Он поклонился герцогу, затем подбежал к Капестану и простонал:

– Просто ужасно, что король решился на такое! Шевалье равнодушно пожал плечами, давая понять, что его это совершенно не касается.

– Где вы его арестовали, сударь? – взволнованно спросил де Невиль.

– На улице, – коротко ответил Капестан.

– Как? Вам и трем швейцарцам удалось схватить герцога?! – прошептал потрясенный комендант.

– А вы считаете, что для того, чтобы выполнить одно простое распоряжение, нужна целая рота? – вскинул брови шевалье.

– Приказ у вас с собой, не так ли? – мрачно осведомился де Невиль.

– Вот он! – сказал шевалье и вытащил из кармана сложенный вчетверо лист пергамента.

В жизни Капестана было много ужасных минут. Но это

мгновение стало одним из самых мучительных.

Шевалье протянул коменданту Бастилии тот самый приказ, который король написал под диктовку Ришелье. Это был приказ, по которому де Невиль должен был освободить Лаффема и заточить в крепость Сен-Мара, приказ, отобранный Капестаном у раненого Шемана.

Если король успел изменить свое решение и де Невиль знает об этом, то сейчас в камере окажется не Гиз, а сам Капестан. Сердце нашего искателя приключений готово было выскочить из груди.

– Почерк короля! – прошептал де Невиль. Он медленно прочел приказ еще раз.

– Так, передать подателю письма указанного заключенного... Хорошо! – проговорил наконец комендант.

Он подозвал офицера и что-то прошептал ему на ухо.

Затем де Невиль приблизился к Гизу и с поклоном произнес:

– Прошу вас, монсеньор, следуйте за этими людьми.

Капестан облегченно вздохнул. В комнату вошли восемь вооруженных стражников и увели герцога де Гиза.

Как только дверь за ними захлопнулась, шевалье бросился во двор, чтобы отдышаться.

– А запись в книге?... – спросил комендант, догоняя Капестана.

– Молчите, сударь! – вскричал шевалье. – Никаких записей! И если вы узнали заключенного, советую вам поскорее

забыть его имя.

– Этот человек мне неизвестен, – пролепетал испуганный тюремщик.

– Вот и отлично. Это – государственная тайна, понимаете? – понизил голос шевадье.

Де Невиль подошел к Капестану совсем близко.

– Да, в приказе сказано о тайне, – согласился он. – Но там ничего не говорится о том, как я дол жен обращаться с заключенным. Завтра я выясню это в Лувре.

– Обращайтесь с ним, как с принцем крови, – усмехнувшись, посоветовал шевадье.

– Думаю, что это правильно, – кивнул комендант. – Но этот документ еще и предписывает мне передать вам заключенного, имени которого я не знаю.

– И я не знаю – и не должен знать! – воскликнул Капестан. – Король сказал мне только одно: вы приведете ко мне заключенного, которого содержат в камере номер четырнадцать Казначейской башни.

– О! – хлопнул себя по лбу де Невиль. – Понимаю! Оставайтесь здесь. Сейчас его сюда доставят, однако советую вам не спускать с него глаз.

– Будьте спокойны! – свирепо ухмыльнулся молодой человек.

– Хотите, я дам вам дюжину своих людей? – предложил тюремщик.

– Да нет же, черт побери! Мне вполне достаточно моих

четырёх швейцарцев, – надменно заявил шевалье.

Комендант уже сделал несколько шагов, но вдруг остановился.

– Вы, наверное, поступили в гвардию совсем недавно? – спросил он. – Я не имел чести видеть вас раньше среди офицеров Лувра.

– Действительно, я – новичок. Но это не мешает мне быть преданным слугой Его Величества! – гордо проговорил Капестан.

– Мои поздравления, господин... господин?.. – вопросительно взглянул на собеседника де Невиль.

– Адемар де Тремазан, шевалье де Капестан! – представился молодой человек.

Десятью минутами позже де Невиль и офицер привели заключенного из камеры номер четырнадцать Казначейской башни, предварительно удалив со двора стражу и надзирателей. Таинственный узник был передан четырьмя швейцарцам – то есть Коголену, Тюрлюпену, Толстому Гийому и Готье-Гаргию, и маленький отряд промаршировал по подъемному мосту, который тут же со скрежетом вернулся в вертикальное положение.

– Стой! – скомандовал Капестан, как только мрачная крепость скрылась из вида.

Он подошел к узнику. Было очень темно, и шевалье даже не мог разглядеть его лица. Вдруг таинственный заключенный рассмеялся и хлопнул Капестана по плечу.

– Сударь, – произнес обитатель камеры номер четырнадцать, – знаете, чем я занимался, когда за мной пришли, чтобы передать меня в ваши руки?

– Нет, монсеньор, – ответил Капестан.

– Так вот, я точил этот кусок железа! – заявил узник.

И действительно, в его руках что-то блеснуло.

– Я сделал из него кинжал, – продолжал заключенный. –

И как вы думаете, зачем?

– Не знаю, монсеньор! – удивленно проговорил шевалье.

– Я собирался убить себя, – спокойно сообщил узник.

– Убить себя! – воскликнул потрясенный Капестан.

– Да! – решительно кивнул заключенный. – Господин офицер, вы дворянин? Я прошу вас, умоляю! – вскричал он. – Вы должны знать, что хочет от меня король. Отправят ли меня обратно в Бастилию?! Вы не хотите отвечать? – простонал таинственный арестант. – Что ж! Вам придется доложить вашему королю, что вы доставили в Лувр не человека, а труп!

И узник попытался вонзить кинжал себе в грудь, но Капестан успел схватить заключенного за руку.

– Монсеньор, вы свободны, – глухо произнес молодой человек.

Узник вскрикнул, словно от резкой боли, и прохрипел:

– Вы сошли с ума, сударь. Что вы говорите?

– Эй, вы, отойдите! – распорядился шевалье. Мнимые гвардейцы удалились.

– Свободен! – повторил узник. – Может, все это – сон?

– Прощайте, монсеньор! – с поклоном сказал Капестан. –

Вы вольны, как ветер! Но прошу вас: не злоупотребляйте вашей свободой! Не забывайте о том, что наш король Людовик еще молод и неопытен. Шевалье де Капестану позволено дать вам такой совет. Прощайте!

И шевалье ушел, оставив потрясенного узника посреди улицы.

– Бедный Конде! – пробормотал молодой чело век. – Как он сдал в своей камере номер четырнадцать! Ну, ребята, а теперь пойдем обратно. Вас ждет королевский ужин: мы должны отпраздновать триумф пьесы, которую мы только что имели честь сыграть!

Четверо швейцарцев окончательно пришли в себя только при виде роскошного стола.

– За автора пьесы! – воскликнул Тюрлюпен, наполняя первый стакан.

Читатель, конечно, давно понял, что таинственным узником был вовсе не принц Конде. Итак, спасенный из тюрьмы человек еще минут пять стоял на улице. Голова его кружилась. Он все время повторял одно и то же слово.

– Свободен! Свободен!

Понемногу к нему вернулись силы. И только тогда он заметил, что его спаситель исчез. Оглядевшись, бывший узник пошел, вернее побежал по улице Барре.

«Сначала – моя дочь! – думал он. – Я должен увидеть мою

Жизель!»

В эту минуту Карл Ангулемский не помнил ни о ком и ни о чем, кроме своей дочери. Он забыл даже имя того, кто вырвал его из рук тюремщиков. Наконец герцог увидел перед собой дверь того самого дома, где он надеялся встретить Жизель. Карл Ангулемский остановился и заплакал.

Глава 19

Рассказывая о событиях, случившихся на следующий день, мы должны начать с того, что произошло вечером на постоялом дворе «Славная встреча». Весь этот день Капестан бродил по Парижу: он хотел узнать, что творится в городе.

Вечером шевалье вернулся в гостиницу усталый и мрачный. Он был недоволен собой, Конде, королем, Жизелью, всем на свете. Это свидетельствовало о том, что Капестан не знал, кого винить в постигшем его разочаровании: где заслуженное вознаграждение, где благодарность великих мира сего, где почести и слава?!

Не раздеваясь, шевалье бросился на кровать и погрузился в более или менее печальные размышления. Так он пролежал около часа. Через час молодой человек вскочил на ноги.

– Ба! – вскричал он. – Я понял, чего мне не хватает: бутылки хорошего сомюрского. Коголен! – заорал шевалье. – Уже девять часов, а я не ужинал!

Появился Коголен и, ни слова не говоря, принялся накрывать на стол. Удивленный Капестан немедленно начал браниться.

– Так, в чем дело? – накинулся он на своего оруженосца. – Почему у тебя такая мрачная физиономия? Ну-ка смейся, болван!

– Вы, господин шевадье, приказываете мне смеяться, а мне вот больше хочется плакать, – уныло проговорил Коголен.

– Глядя на твою рожу, я и сам сейчас разрыдаюсь! – поморщился Капестан. – Что это ты вздумал плакать, Коголен? Твоя любовница тебе изменила?

– Ах, господин шевадье, прошу вас, называйте меня Незадачей! – вздохнул верный оруженосец. – Коголена больше не существует! Сказать по правде, я надеялся, что сегодня вечером вы откажетесь от ужина.

– И почему же я должен поститься? – поинтересовался Капестан.

– Потому что это спасло бы наше последнее эю! – горько произнес Коголен.

– Черт! – выругался шевадье. – Неужели это правда?

– Это представление, в котором я ничего не понял, лишило нас последних денег... Вчерашний пир обошелся в одиннадцать пистолей! – сообщил Коголен, укоризненно глядя на Капестана. – Ах, господин шевадье, пора бы нам разбогатеть!

– Я подумаю об этом, – спокойно заверил своего оруженосца молодой человек. – Буду размышлять всю ночь...

И через двадцать минут шевадье уже спал сном праведника, чего нельзя было сказать о Коголене, который, вернувшись в свою комнатенку, высыпал на стол содержимое кошелька и удовлетворенно захихикал.

– Пять пистолей! – прошептал верный оруженосец. – По-

следние пять пистолей! Бедные вы мои, я, конечно, плохо сделал, что спас вас, но зато теперь вы лежите здесь в целости и сохранности. Пистолы, друзья мои, вы достанетесь колдуну с моста Менял, а чертов карлик взамен научит нас, как постоянно выигрывать деньги в карты и в кости!

Таков был план Коголена. Он засунул пистолы в карман, выскользнул на улицу так, что никто из обитателей постоянного двора этого не заметил, и быстро направился к Ситэ. Скоро Коголен был уже у двери дома, в котором жил Лоренцо.

Теперь мы вернемся к началу этого дня и заглянем в особняк Кончини. Ворота этого дома закрыты и даже забаррикадированы. Во дворе находятся шестьдесят аркебузирова: три взвода по двадцать человек. На лестницах, в передних, в комнатах, соседствующих с покоем маршала – везде расхаживают вооруженные люди, группами по пять-шесть человек. Ими командует Ринальдо, которому помогает Лувишняк, единственный лейтенант, оставшийся в его распоряжении: Понтрай, Базорж, Монреваль и Шалабр мертвы...

Даже слуги сняли свои роскошные ливреи, облачились в кожаные плащи, взяли в руки оружие и заняли стратегические позиции.

В комнате, которую мы уже имели случай описать, находилась Леонора Галигаи. Она стояла у окна и смотрела на безлюдную улицу. Однако Леонора ничего не видела: она

глубоко задумалась. Женщина прикидывала, строила предположения, взвешивала шансы Гиза... Если герцог одержит победу, с маршалом д'Ангром будет покончено.

Она надеялась на вмешательство каких-нибудь таинственных сил, благодаря которым этот герцог в один прекрасный день просто исчезнет. Растворится без следа! О, если бы это было возможно! Если бы Гиз и правда пропал! Это стало бы триумфом Кончино! Но Леонора не только мечтала, но и действовала. Она уже все устроила. Наняла двести дворян, получивших немного золота и много обещаний. Заручилась поддержкой десяти гвардейских офицеров, несших службу в Лувре. Теперь стоит Леоноре лишь щелкнуть пальцами, и Людовик Тринадцатый будет, как пылинка, сметен с пути Кончино. Маршала д'Анкра ждет королевский трон!..

Леонора обернулась и оцепенела: она была в комнате не одна! Какой-то мужчина упал перед ней на колени! Женщина хищно улыбнулась.

– Бельфегор! – прошептала она. Наконец-то! Сейчас Леонора узнает, что стало с Жизелью и Капестаном. Галигаи медленно приблизилась к нубийцу.

– Встань! – приказала она.

Бельфегор повиновался. Леонора внимательно посмотрела на него. Нубиец похудел. Вид его внушал жалость. Бельфегор опустил голову и на удивление спокойно произнес:

– Госпожа моя, после того, что я сделал, я думал, что никогда больше не вернусь к вам. Не потому, что я боялся:

смерть была бы для меня избавлением... Но я узнал, что вас хотят убить. Тогда через потайную дверь я проник сюда. Раз уж мне все равно суждено погибнуть, я хочу принять смерть, защищая вас...

На Леонору этот монолог преданного пса не произвел особого впечатления: Бельфегор принадлежал ей, так почему же ее должно было удивить его желание отдать за нее жизнь? Женщину сейчас интересовало совсем другое...

– Что ты сделал с мужчиной и девушкой? – резко спросила она.

– Я освободил их, – ответил Бельфегор.

На этот раз Леоноре не удалось сохранить спокойствия.

– Ты освободил их! – воскликнула она. – И почему же?

– Мне приказал это сделать какой-то голос, – тихо проговорил нубиец.

– Голос? – вздрогнула Леонора. – Голос! – пробормотала она в задумчивости.

«Может быть, это тот самый голос, который часто слышит Лоренцо? – подумала Галигаи. – Голос высших сил?»

– Итак, ты повиновался приказу какого-то голоса, Бельфегор? – пристально взглянула Леонора на нубийца.

– Да, моя госпожа! – скорбно вздохнул тот. – Даже если вы велите приковать меня к железной плите и опустить в колодец, я буду повторять вам то же самое...

Леонора погрузилась в размышления. Она не сомневалась в том, что нубиец не лжет. Мысль о том, что Бельфегор мо-

жет ее предать, даже не приходила ей в голову... Наконец, словно очнувшись от тяжелого сна, женщина провела рукой по лицу и прошептала:

– Лоренцо! Звезды, как всегда, сказали тебе правду...

В этот миг Бельфегор проговорил:

– Но я могу сообщить вам, что стало с женщиной и девушкой, которые должны были умереть.

Побледневшая Леонора вскрикнула от неожиданности.

– Говори! – выдохнула она. – И я прощу тебе все! Я озолочу тебя!

– Мне не нужно богатства, – покачал головой нубиец. – Но я рад, что вы меня прощаете. Голос велел освободить их – и все. Больше он мне ничего не приказывал... Так что слушайте. Девушку вы найдете на постоялом дворе «Сорока-воровка» в Медоне.

Вдруг раздался какой-то слабый шорох. Бельфегор насто-рожился. Однако Леонора, по всей видимости, ничего не слышала. Нубиец с беспокойством взглянул на дверь.

– А мужчина? – нетерпеливо спросила Галигаи. Понизив голос, Бельфегор ответил:

– Однажды я встретил его на Ломбардской улице и пошел за ним. Он живет на улице Вожирар, на постоялом дворе «Славная встреча».

Леонора закрыла лицо руками.

– Хорошо, – холодно произнесла она через минуту. – Я не буду выпытывать у тебя, Бельфегор, чьему приказу ты пови-

новался и что происходило в подземельях особняка: сейчас не время... Ты сказал, что меня собираются убить...

Нубиец хотел было что-то сказать, но Леонора ему не позволила:

– Да, да, я знаю, – вновь заговорила она. – Ты готов умереть за меня. Отлично! Бельфегор, возьми какой-нибудь хороший кинжал. В твоей руке – это грозное оружие. Ты будешь ждать меня у дверей комнаты монсеньора. Ты будешь следовать за мной, куда бы я ни направилась. И если я словом или знаком укажу тебе на какого-нибудь человека, убей его!

Леонора и нубиец вышли в зал. Там женщина остановилась: какой-то карлик, казалось, внимательно рассматривал картину, висевшую на стене.

– Лоренцо! – вздрогнула Галигаи.

В душу ей закралось подозрение. Леонору удивило не присутствие Лоренцо в особняке маршала д'Анкра – карлик часто бывал здесь – а кое-что другое. Лоренцо обернулся. Он подошел к Леоноре и, поклонившись, промолвил:

– Мадам, я подумал, что в такой день мои советы могут быть вам полезны. И вот я в вашем доме.

Женщина содрогнулась: никогда еще она не видела карлика таким бледным! Что произошло?

– Спасибо, мой добрый Лоренцо, – с трудом произнесла Леонора. – Ты меня не покинешь, я знаю. Я собираюсь в Лувр: мне нужно быть подле королевы. Ты пойдешь туда

вместе со мной.

– Я полностью в распоряжении вашей милости, – вновь поклонился карлик.

– Прекрасно! Я отблагодарю тебя за твою преданность, Лоренцо!

И тут же Леонора шепнула на ухо Бельфегору:

– Если этот уродец попытается ускользнуть – пусть даже на минуту – заколи его!

Вслух же Галигаи распорядилась:

– Подождите меня оба у покоев маршала.

Маршал д'Анкр сидел в кресле. Услышав, что открывается дверь в его комнату, он вздрогнул. Кончини всерьез опасался, как бы этот день не стал последним в его жизни. Но было кое-что такое, чего он страшился даже больше смерти. Он боялся умереть, не отомстив Капестану и не увидев еще раз Жизель!

Две страсти – ненависть и любовь – измучили этого человека. О своей любви и о своей ненависти он и размышлял в тот момент, когда в комнату вошла Леонора.

– Что! Что случилось? Кто здесь? – завопил Кончини, хватаясь за кинжал. – А, это вы, Леонора, – облегченно вздохнул он, увидев Галигаи.

– Да, мой Кончино, – нежно отозвалась та. – Ну, чего ты боишься? Ведь я с тобой!

Кончини с ненавистью посмотрел на эту женщину. На ее любовь, нежность и верность он отвечал лишь презрением.

– Да, конечно, ты со мной, – проворчал маршал, – словно злой дух, приносящий несчастье... О чем ты явилась сообщить мне на этот раз? Когда ты приходишь ко мне, я всегда жду беды. Ты и горе неразлучны, в этом я давно убедился. Зачем ты притащилась сюда? Мы же договорились, что будем видеться только на людях.

Кончини встал и принялся мерить комнату большими шагами.

– Что тебе от меня надо? – резко спросил он.

– Кончино, нужно идти в Лувр! – настойчиво проговорила Леонора.

Маршал пожал плечами и криво усмехнулся:

– Идти через это пекло? Вы что, ничего не понимаете? Все ополчились на меня! – истерически закричал он.

– Нет, Кончино, ни на тебя, ни на короля, – успокаивающе произнесла женщина. – Этот мятеж – не против, а за... Они выступают за герцога де Гиза.

Гиз должен прибыть в Лувр, чтобы изложить королю свои требования. Кончино, если он все-таки осмелится явиться во дворец, нужно сделать так, чтобы живым он оттуда не вышел.

– Что?! – взревел Кончини. – Да с ним там будет тысяча человек!

– Многие из них преданы мне! Половина поможет тебе убить его! – принялась горячо убеждать маршала Леонора.

Яростно тряхнув головой, д'Анкр сказал:

– Ладно! Предположим, что сегодня, вся знать нас поддержит – хотя бы для того, чтобы расправиться с нами завтра. Неужели ты не понимаешь, что подкупить надо было весь Париж? – вновь закричал он. – Нет, Леонора! Грозу купить невозможно. Взбунтовавшийся народ – тоже. Послушай, как ревет на улице толпа! Правда, это похоже на раскаты грома?

– Правда, – ответила Галигаи. – И если сверкнет молния, то она поразит тебя скорее здесь, чем там. В Лувр, Кончино, в Лувр! – воскликнула женщина. – Здесь тебя защищают лишь стены и несколько аркебуз. А в Лувре ты окажешься под сенью трона!

– Хорошо! – сказал он наконец. – Идем в Лувр: сейчас распоряжусь, чтобы Ринальдо обеспечил нам охрану.

– Сколько бы человек нас не охраняло, они ничем не смогут нам помочь, – спокойно проговорила Леонора. – Буря рассеет любой отряд, словно ворох сухих листьев. Карету нашу наверняка опрокинут и сломают, так что пойдем пешком. Мы вы скользнем из особняка одни. Ринальдо присоединятся к нам позже. Смелее, Кончино! – подбодрила маршала женщина. – Верь той, которая всю свою жизнь отдает тебе и будет это делать до тех пор, пока не остановится ее сердце...

И, взяв Кончини за руку, Леонора вывела его из дома.

Как только маршал д'Анкр прибыл в Лувр, собрался совет, на котором присутствовали королева-мать, епископ Люсонский, Витри, капитан гвардейцев и Орнано. Говорили,

что герцог де Гиз собирается явиться к королю в полдень. Витри предложил помешать герцогу проникнуть во дворец. Кончини предложил отправить в особняк Гиза посла, чтобы узнать, какие условия выдвигает герцог, а затем заключить с ним почетный мир. Орнано предложил позволить герцогу войти в Лувр, а потом поступить с ним так же, как поступили когда-то с его отцом, Меченым, в замке Блуа¹⁹.

Старый солдат считал, что ситуация сейчас точно такая же, как тогда... Король спокойно выслушивал всех, воздерживаясь от комментариев.

– А что посоветуете вы, господин епископ? – наконец спросил Людовик.

– Сир, – твердо и уверенно проговорил Ришелье, – Ваше Величество не может сейчас покинуть Лувр. Король, который оставил свой трон, уже не король...

Людовик Тринадцатый кивнул и прошептал:

– Возможно, меня убьют. Но на моем троне!

– Мы также не в силах помешать господину де Гизу проникнуть в Лувр, – продолжал Ришелье. – За герцогом стоят сто тысяч парижан... И вместо того, чтобы войти сюда, как подобает подданному, Гиз ворвется во дворец как победитель. Отправить посла в особняк герцога мы тоже не можем. Это будет доказательством нашего страха и бессилия. Ваше Величество, вы – монарх и не должны идти на поводу

---

¹⁹ Генрих I, герцог де Гиз, прозванный Меченым (1550—1588) – убит в Блуа по приказу короля Генриха III Валуа.

у мятежников, место которым на виселице. Разумеется, вы примете то решение, которое вам по душе, сир... Но если бы я был на вашем месте, я бы позволил герцогу беспрепятственно проникнуть в Лувр, однако ни в коем случае не стал бы убивать Гиза во дворце. Одна пролитая кровь неминуемо влечет за собой другую... Итак, я впустил бы сюда сына Меченого. Я выслушал бы его требования, а в ответ сказал бы, что хочу пригласить в Париж представителей всех сословий, чтобы узнать об их чаяниях... Ваше Величество может не сомневаться, что указа о созыве Генеральных Штатов было бы достаточно, чтобы народ успокоился. Что же касается знати...

И Ришелье, не договорив, резко рассек воздух ладонью, словно рубанул топором...

Мысль о созыве Генеральных Штатов – собрании представителей всех сословий – заставила присутствующих затрепетать от радости.

– Мы спасены! – воскликнула Мария Медичи. Витри, Орнано и даже Кончини заявили, что это действительно спасительная идея. С этим согласился и Людовик Тринадцатый. Совет был окончен. Теперь оставалось только дожидаться Гиза.

В тот момент, когда Ришелье завершил свою речь, драпировки в комнате, где проходил совет, слегка заколыхались. Дело в том, что женщина, которая подслушивала, притаившись за тяжелой шторой, ускользнула в коридор. Это была

Леонора Галигаи...

«Завтра этот священник станет подлинным хозяином королевства, – подумала она. – Пора действовать. Да, пора!»

Что касается юного короля, то он отправился в просторный зал, из окон которого, открывался вид на площадь.

– Ах! – прошептал Людовик, – я целый час слушал министров, солдат, священников! Но среди них не нашлось человека, который предложил бы смелое решение, достойное короля. Ни один не сказал мне: «Сир, господин де Гиз – мятежник! Только повелите, и я брошу его в Бастилию!» А я ведь знаю человека, который отважился бы на такой поступок... но я удалил от себя этого храбреца!»

Вдруг король увидел пробежавшего мимо Люина, и лицо юноши прояснилось.

– Мы держали совет, а тебя там почему-то не было, – произнес Людовик, подражая гасконскому выговору Генриха Четвертого, своего отца.

– Я появлюсь там очень скоро – и скажу: пора прикончить зверя! – решительно отчеканил Люин.

– Значит, ты считаешь, что будет сражение, мой храбрый Люин? – спросил юный король.

– Взгляните, сир! – вскричал его наставник. Король подошел к окну. Картина, открывшаяся его взору, заставила юношу вздрогнуть. Людовик повернулся к Люину и с жаром воскликнул:

– Ну, что ж! Пусть будет битва!

Король окинул взглядом огромный зал. В глубине, под балдахином из синего бархата, возвышался золотой трон, украшенный многочисленными изображениями цветов лилий; на этом троне имел право сидеть только он, Людовик Тринадцатый!

Юноша увидел две сотни дворян, руки которых лежали на эфесах шпаг, увидел Люина, Кончини, своих гвардейцев, своих офицеров, радостно улыбающуюся королеву Анну, дам из ее свиты – и эта картина пробудила в его сердце гордость истинного монарха. Он почувствовал себя настоящим королем. Звенящим голосом Людовик крикнул:

– Господа, мы победим или умрем!

– Да здравствует король! – Да здравствует король! – Да здравствует король! – разнеслось под сводами дворца.

Это восклицание прозвучало, словно вызов, брошенный грозе, бушевавшей снаружи, на площади. К окну, выходявшему на эту площадь, как раз и хотел повернуться гордый Людовик Тринадцатый, но вдруг взгляд юноши остановился на какой-то фигуре, показавшейся в дверном проеме. Короля неприятно поразили глаза особы, проскользнувшей в зал. Женщина была бледна, но улыбалась... Людовик тихо пробормотал:

– Леонора Галигаи!

Юноша, как зачарованный, продолжал смотреть на Леонору. И внезапно он услышал чей-то шепот:

– Вот та, которая напоила допьяна вашего коня! Та, кото-

рая пыталась вас отравить! Та, которая меч тает убить вас с помощью своего мужа Кончини! Сир, берегитесь этой женщины! Она опаснее, чем вся эта беснующаяся толпа за окном! Сир, прикажи те обыскать Леонору, и вы получите доказательство ее преступных намерений!

Этот голос, говоривший столь чудовищные вещи, доносился, казалось, откуда-то снизу, будто из-под ног! Да, действительно, из-под ног! Король опустил глаза и увидел какого-то уродца, карлика, который быстро прошмыгнул мимо юноши и стремительно бросился прочь.

Пока ошарашенный Людовик пытался собраться с мыслями, пока оглядывался по сторонам, соображая, кому бы приказать задержать карлика, тот исчез. Тем временем юношу окружили королева, дамы, офицеры, дворяне, гвардейцы...

Отовсюду неслись приветственные клики;

– Да здравствует король! – Да здравствует король! – Да здравствует король!

Людовик выглянул в окно. Вид огромной толпы, знамен, искаженных яростью лиц и тысяч кулаков, грозивших Лувру, пробудил в сердце Людовика Тринадцатого жажду власти. Так что же скажет народ своему королю?

– Да здравствует наш защитник! – Да здравствует Гиз! – редела толпа...

Наступил полдень. Герцог де Гиз давно должен был явиться в Лувр. Орнано со своими людьми ждал герцога снаружи, Витри – во внутреннем дворе. Король ожидал Гиза в

тронном зале. Громко призывавший герцога народ высматривал его на площади. Напряжение нарастало... И тут раздался возглас:

– Господа, пришло время победить или умереть! Вдруг произошло что-то удивительное. Внезапно толпа, теснившая роты Орнано, подалась назад. Люди вели себя очень странно. Казалось, они полностью лишились воли. То вокруг одного человека, то вокруг другого на площади возникали целые скопления людей. Было видно, как меньшинство что-то терпеливо объясняет большинству.

И, выслушав эти объяснения, парижане стали бросать свои протазаны и аркебузы и мирно расходиться... Изумленный король не верил своим глазам: толпа рассеивалась! Площадь быстро пустела: через полчаса на ней оставалось не более двух-трех сотен человек. Через час их было сто... Затем пятьдесят... Наконец ушли последние. Только где-то вдалеке еще слышались отголоски недавней бури. Париж постепенно успокаивался.

– Господь сотворил чудо! – воскликнул Ришелье. Ошеломленный Людовик Тринадцатый вернулся в свой кабинет.

К четырем часам над Парижем нависла мрачная тишина. Теперь стало ясно, почему мятеж так и не вспыхнул. Герцог де Гиз исчез... И парижане решили, что их идол их предал.

Людовик ломал голову над сложившейся ситуацией, не понимая, что же происходит... Король дрожал от страха. Да, он, не убоавшийся утром кровавой битвы, теперь испугал-

ся. Людовик считал, что исчезновение Гиза – лишь военная хитрость, что Гиз здесь, неподалеку, следит за ним и выжидает, чтобы в подходящий момент нанести удар... А помогает герцогу эта Леонора Галигаи, которая хотела отравить юного короля!

Взгляд короля упал на Кончини, который беседовал в эту минуту с Леонорой. Оба они были очень бледны. Внезапно в душу короля закралось страшное подозрение. Эти двое знают, где находится Гиз! Они с ним сговорились! И тут Людовику доложили, что из Бастилии прибыл всадник со срочной вестью. Король вышел ему навстречу. Преклонив перед монархом колено, посланец протянул юноше письмо.

– От кого оно? – спросил Людовик.

– От господина коменданта, сир! – ответил офицер. Ришелье, Кончини, Люин, Орнано, Витри – все поспешно подошли к королю. Каждый из них в этот миг подумал, что случилось какое-то несчастье. Людовик Тринадцатый опустил в кресло, распечатал письмо и пробежал глазами по строчкам.

Внезапно юноша вскочил и, стоя, перечел послание еще раз. Руки короля дрожали. Он снова вернулся к началу письма. Щеки Людовика побагровели, а глаза округлились от удивления. Однако через несколько минут изумление на лице короля сменилось беспредельной радостью, на глазах выступили слезы... Людовик тихо прошептал чье-то имя, которое, впрочем, никто не расслышал.

– Сир! Сир! Ради Бога, скажите, что случи лось? – услы-

шал король взволнованные голоса приближенных.

Монарх бросил на своих советников гордый взгляд. Глаза юноши сияли.

– Господа, – сказал он, – сейчас я прочитаю вам это письмо. Оно заслуживает того, чтобы его огласил властелин Франции!

Людовик Тринадцатый обнажил голову. Стоя, со шляпой в руке, король принялся громко читать послание Невилля. И люди, окружившие молодого монарха, слышали вот что:

«Сир!

Согласно Вашему распоряжению, переданному мне господином де Тремазаном, шевалье де Капестаном, верным слугой Вашего Величества, пребывание в Бастилии узника, доставленного сюда прошлой ночью, держится в строжайшей тайне. Поэтому, сир, я не обратился ни к маршалу д'Анкру, ни к епископу Люсонскому, а направляю письмо лично Вашему Величеству, чтобы узнать, как мне обходиться впредь с господином герцогом де Гизом.

Господина герцога де Гиза никак нельзя считать обычным узником. Господин де Тремазан, шевалье де Капестан, арестовавший по Вашему приказанию господина герцога, не смог дать мне никаких разъяснений относительно того, как я должен обращаться с этим заключенным.

Сир, имею честь смиреннейше просить Ваше Величество соизволить сообщить мне, в каких условиях надлежит содержать господина герцога де Гиза. Надеюсь, Ваше Величе-

ство простит меня, если я осмелюсь поздравить Вас, сир, с этим отважным поступком, который уже приносит свои плоды, ибо уstraшенный Париж: отказывается от всяких мыслей о мятеже. Позвольте мне также выразить свое восхищение Вашим преданным слугой, господином де Тремазаном, шевалье де Капестаном, выказавшим достаточно похвальной дерзости, чтобы осуществить этот арест.

Соблаговолите, сир, принять мои заверения в глубочайшем почтении. Ваш верноподданный

Луи-Мари, барон де Невиль,

комендант королевской крепости Бастилия»

Люин, Ришелье и Кончини переглянулись. Лица их стали белее мела. Казалось, перед их округлившимися глазами таинственная рука судьбы только что начертала чье-то имя, которое повергло этих могущественных вельмож в полное смятение:

– Капитан!..

Глава 20

После той тревожной ночи, когда Лоренцо устроил встречу Жизели Ангулемской и Виолетты, карлик отправился на поиски Капестана. Маленькому человечку казалось, что шевалье сможет защитить этих несчастных женщин. Однако Лоренцо напрасно обшарил весь Париж... При этом карлик не переставал следить за Леонорой Галигаи и Кончини. Лоренцо часто приходил в особняк маршала д'Анкра. Наконец карлик убедился: Леонора не знает, что Жизель находится в Медоне. Каждый раз, появляясь в доме Кончини и его жены, маленький торговец травами использовал всю силу своего убеждения, чтобы внушить Леоноре одну-единственную мысль: никто не сможет причинить Жизели никакого вреда до тех пор, пока в руках Кончини не окажется все королевство. Если же Галигаи не прислушается к совету Лоренцо, ее мужу грозит смерть... «Королевство в руках Кончини – это невозможно!» – думал карлик.

Хотя чего только не бывает на свете! Разве Лоренцо не видит, как вдохновенно действует Леонора Галигаи? Как она хочет, чтобы ее мечта стала явью?

Когда карлик заметил, что Париж начинает бурлить, у маленького человечка появилось предчувствие: эта интриганка обязательно попытается использовать народное возмущение в своих целях.

И вот наступил тот день, когда Гиза ждали в Лувре... Через несколько часов все должно было решиться. Лоренцо понял: он не может допустить, чтобы у Леоноры были развязаны руки. Он не будет отставать от нее ни на шаг, будет прислушиваться к каждому ее слову, и, если понадобится, он ее убьет!

Карлик прикрепил к поясу надежный кинжал и явился в особняк маршала д'Анкра: пароль Лоренцо сообщила сама Леонора. Пройдя в покои хозяйки, Лоренцо добился от ее служанки Марселлы разрешения подождать в прихожей.

Оставшись один, маленький человечек задумался над тем, какой бы ему измыслить повод поправдоподобнее, чтобы провести весь день рядом с Леонорой. Вдруг из комнаты госпожи Кончини до карлика Донеслись чьи-то голоса. Лоренцо прислушался, и кровь застыла в его жилах: Бельфегор сообщал своей хозяйке, что Жизель находится в Медоне, на постоялом дворе «Сорока-воровка».

Затем нубиец начал рассказывать о Капестане! А ведь Капестан должен спасти Виолетту и ее дочь! Но теперь Бельфегор говорил так тихо, что Лоренцо ничего не мог разобрать. Тогда карлик подумал: надо спешить в Медон, чтобы предупредить Жизель. Увы, было уже слишком поздно!

Когда Лоренцо был у самого выхода, дверь в комнату Леоноры отворилась, и карлик почувствовал на себе взгляд хозяйки. Нужно было как-то выкручиваться... Лоренцо остановился, и, не поворачиваясь к Леоноре, сделал вид, что по-

глощен созерцанием картины. Наконец, карлик «заметил» Галигаи. Последовал разговор, содержание которого уже известно читателям.

Час спустя Кончини и Леонора были уже в Лувре. Их сопровождали Бельфегор и Лоренцо. По дороге карлик хотел было потихоньку улизнуть, но нубиец сказал ему спокойно:

– Моя госпожа желает, чтобы вы последовали за ней в Лувр. Если вы туда не пойдете, я всажу вам в спину кинжал.

«Я попался! – подумал Лоренцо. – А что станет с ними, с Виолеттой и Жизелью?»

Когда вся четверка достигла Лувра, Леонора провела карлика и Бельфегора в комнату, расположенную по соседству с тронным залом. Затем Галигаи велела, чтобы они ждали ее здесь, и ушла, предварительно бросив выразительный взгляд на нубийца, чтобы напомнить слуге о полученном приказе. Лоренцо перехватил этот взгляд, но лицо карлика осталось бесстрастным. Маленький человечек внимательно наблюдал за Бельфегором. А тот вскоре погрузился в мрачные размышления. Нубиец тщетно пытался вызвать в памяти образ той, которую ему довелось однажды сжимать в своих объятиях. С тех пор Бельфегор ее не видел... Карлик подошел к нему и спросил:

– Ну что, теперь нам нельзя отсюда выходить?

– Моя госпожа не запрещала покидать эту комнату, – ответил Бельфегор. – Но она не разрешила выходить из Лувра.

– Значит, я могу побродить, посмотреть, что здесь проис-

ходит? – осведомился Лоренцо.

– Да, – кивнул нубиец. – Но учтите, я буду повсюду следовать за вами, – добавил он.

– Я буду только рад, – улыбнулся карлик. – Я слабый, а ты сильный. Если что-нибудь случится, ты сможешь меня защитить.

Лоренцо присел на корточки возле портьеры, загораживавшей вход в соседний зал. Приподняв ее, карлик увидел, что в зале никого нет. Может быть, попробовать убежать? Однако Бельфегор не спускал с Лоренцо глаз. Маленький человечек по-прежнему был узником Леоноры. Но почему Галигаи вдруг стала подозревать его? Лоренцо то и дело спрашивал себя об этом – и не находил ответа. А время летело. Нужно было рискнуть и найти какой-нибудь способ предупредить Жизель об опасности. Внезапно карлик услышал, как нубиец бормочет:

– Если я разыщу ее... Много золота... Лоренцо вздрогнул. Он принял решение.

– Бельфегор, подойди сюда, – велел он нубийцу. Тот повиновался.

А в Лувре тем временем царила страшная суматоха.

Офицеры отдавали приказы, что-то издалека кричали друг другу, повсюду бегали гвардейцы. В соседней галерее появились два человека. Они тихо переговаривались, прислушиваясь к каждому шороху, и тревожно озирались. Это были Леонора Галигаи и Кончино Кончини. Леонора увлек-

ла сюда мужа в тот момент, когда король направился в тронный зал. Теперь она держала Кончини за руку, словно пытается передать ему часть своей отваги и своих сил.

– Кончино, тебе осталось сделать только один шаг – и ты окажешься на престоле! – страстно шептала Леонора.

– Нет! – прохрипел маршал. – Все это пустые бредни. Посмотри на этих людей!

– Вся эта знать, славящая сейчас короля, предана тебе! – доказывала женщина.

– А гвардия?! – продолжал упорствовать Кончини.

– Как только Витри и Орнано прикажут открыть огонь, они подпишут себе смертный приговор: первые же пули сразят их самих! – убеждала мужа Леонора.

– Да, но король! – простонал маршал д'Анкр.

Волосы у него на голове встали дыбом.

– Короля я беру на себя! – твердо ответила Галигаи.

Она поднялась со стула, посмотрела по сторонам и повторила:

– Маленького короля я беру на себя. А ты займись Гизом. Он скоро явится сюда. Слушай и запоминай. Входит Гиз. Толпа хочет следовать за ним. Начинается бой. Убивают Орнано и Витри. Гвардия сдерживает народ. Ты вместе с Ринальдо и его людьми занимаешь лестницу и...

– Тихо! – шепнул Кончини. – Я слышу голоса!

– Да перестань же ты всего бояться! – прикрикнула на мужа Леонора. – Решайся! Сегодня или никогда! Тебе нужно

только убить Гиза... О, хоть бы он пришел!

– Ради Бога! – побледнел маршал. – Говорю тебе, что за этой драпировкой кто-то есть!

– Да, ты прав! – кивнула Галигаи. – Что ж, тем хуже для них!

– Лоренцо! – прошипел Кончини. – Это голос Лоренцо!

Супруги прислушались. Действительно, говорил Лоренцо. Судя по его интонации, он кого-то о чем-то просил. И вот что донеслось до маршала д'Анкара и его жены:

– В моем доме на мосту Менял, Бельфегор, нужно подняться на чердак. Там ты увидишь сундук и откроешь его. В нем лежат драгоценности, которые стоят десять тысяч ливров. Все это твое. Все! На эти деньги ты без труда купишь женщину, о которой мечтаешь. А прошу я сущую безделицу. Сейчас я напишу на листке бумаги две строчки. Ты отнесешь эту записку в дом, про который рассказывал, своей хозяйке сегодня утром; я имею в виду гостиницу «Сорока-воровка» в Медоне. Там ты передашь этот листок Жизели Ангулемской. Понятно? Тебе ведь жаль эту бедную девушку, Бельфегор? И за один день ты станешь богатым, как принц!

Больше Леоноре ничего не удалось разобрать. В эту ужасную минуту, когда Галигаи так нуждалась в Кончини, в его энергии, его решительности и воле он подвел жену! Наконец-то маршал д'Анкр узнал, где находится та, которую он любил всем сердцем! И от радости Кончини потерял сознание. Леонора принялась трясти мужа, бить его по щекам, но

все напрасно. Может быть, впервые в жизни она посмотрела на него трезвым взглядом. Сейчас эта женщина ненавидела и презирала своего жалкого супруга.

«Трус! Какой же он трус!» – едва не плача от отчаяния, думала Галигаи.

В бешенстве она выхватила кинжал, приставила его к горлу Кончини и проткнула кожу! Брызнула кровь. Резкая боль привела маршала д'Анкара в чувство. Он увидел свою разъяренную жену с кинжалом в руке. И Кончини, который всю жизнь боялся, что его убьют, на этот раз не испытал ни малейшего страха! Маршал забыл в эту минуту обо всех своих честолюбивых мечтах. Сейчас его занимало совсем другое... Кончини пробормотал:

– Медон... Постоялый двор «Сорока-воровка»... Жизель!

– Да! – воскликнула Леонора. – Да, она там!

Бери ее, когда хочешь, я отдаю ее тебе!

– Леонора! – восторженно прошептал Кончини.

– Да, когда хочешь, – повторила Галигаи. – Завтра. Ты отправишься туда завтра. А сегодня ты принадлежишь мне. Но если ты сейчас дезертируешь, я пойду к королю и выдам и тебя, и себя, – пригрозила женщина.

– О! – взревел маршал д'Анкр. – Почему я тебя не убил!

– Ты убьешь меня завтра! – твердила Леонора. – Завтра ты получишь свою Жизель! Потому что завтра, Кончино, ты станешь королем! А сейчас по спешу к тому, кто еще

несколько часов будет занимать твое место!

И она толкнула Кончини в направлении тронного зала. Сама Леонора хотела проскользнуть в комнату, где находились Бельфегор и Лоренцо, но женщине не пришлось никуда идти. Возле нее стоял нубиец.

– Где Лоренцо? – выдохнула Леонора, бросив на Бельфегора угрожающий взгляд.

– Не бойтесь, госпожа, я слежу за ним, – успокоил Леонору слуга.

– Он пытался подкупить тебя, не правда ли? Отвечай! – прошипела Галигаи.

– Да, но я не продаюсь, госпожа, – проговорил Бельфегор. – Я ответил ему отказом. Тогда он вдруг приподнял драпировку. У него был такой вид, будто он внезапно рехнулся.

– А потом? Где он сейчас? Говори же, презренный раб! – затряслась от ярости Леонора.

– Там! – спокойно произнес нубиец, вытянув руку.

Он указывал на толпу, окружавшую короля. И тут Леонора увидела, что карлик находится совсем рядом с Людовиком!

«Он все знает и теперь собирается меня выдать!» – в ужасе подумала Галигаи.

Но вскоре Леонора облегченно вздохнула. Лоренцо возвращался. Говорил ли он с королем? Нет, конечно! Тогда она схватила Бельфегора за руку и прошептала:

– Дождешься ночи, а потом проводишь Лоренцо домой.

По дороге ты убьешь его и бросишь труп в Сену.

«Это опасный человек, – рассудила Галигаи. – Нужно сделать так, чтобы не смогли найти даже его тела.»

Отдав этот приказ, женщина исчезла. Была уже половина десятого, когда Лоренцо в сопровождении Бельфегора покинул Лувр. Что касается Леоноры и Кончини, то король велел им остаться. Карлик чувствовал, что нубиец провожает его вовсе не из вежливости. На самом деле Лоренцо все еще находится под стражей. Леонора твердо решила не дать ему возможности предупредить Жизель. И вообще, как знать, не получил ли Бельфегор приказа убить его? Лоренцо думал:

«Весь вопрос в том, произвели ли мои слова должное впечатление на короля? Если он поймет, что Леонора представляет для него смертельную опасность, то еще не все потеряно...»

Торговец травами не пытался бежать: нубиец без труда догнал бы его. Улицы были пусты. Казалось, весь Париж погрузился в сон. Бельфегор и Лоренцо уже приближались к дому на мосту Менял, как вдруг услышали, что кто-то со страшной силой колотит в дверь. Пospешив к домику, великан и карлик разглядели в темноте длинную и тощую мужскую фигуру. Казалось, еще немного, и настойчивый гость разнесет дверь на куски. При этом он громко вопил:

– Эй! Хозяин! Лоренцо! Эй, господин колдун! Померли вы, что ли? Да говорю же вам, мне есть чем платить! Пять великолепных, почти новеньких пистолей! Неужели вы не от-

кроете такому хорошему клиенту, который пришел к вам с сотней ливров в кармане?

Лоренцо вздрогнул от радости. Теперь, при свидетеле, Бельфегор не осмелится расправиться с маленьким торговцем.

– Я здесь! Здесь! – громко крикнул карлик.

Он впустил посетителя в дом и вошел следом. Нубиец встал в дверях. Лоренцо зажег лампу и увидел перепуганную физиономию Коголена.

Бедняга Коголен похолодел. Выход из этого жуткого дома перекрыл огромный, страшный негр, а карлик смотрел на него, Коголена, с леденящей кровь улыбкой! Перепуганный слуга Капестана робко положил на край стола свои монеты.

– Бельфегор, – обратился к нубийцу Лоренцо, – ты позволишь мне заняться моим делом, не правда ли? Ведь речь идет о пяти пистолях.

Голос карлика в эту минуту был страшен.

Нубиец не проронил ни слова. Он ждал подходящего момента, чтобы броситься на Лоренцо и перерезать ему горло. Присутствие Коголена немного мешало Бельфегору. Верный слуга Капестана посмотрел сначала на чернокожего гиганта, потом на сморщенного карлика.

«Господи Иисусе! Можно подумать, что здесь находятся демоны ада!» – пронеслось в голове у Коголена.

Он попятился к двери, но продавец трав схватил его за руку, притянул к себе и прошептал:

– Не уходите, этот человек хочет меня убить!

Ошеломленный Коголен что-то пробормотал. Бельфегор ничего не разобрал, зато Лоренцо все услышал. Лицо его вспыхнуло от радости. Карлик воскликнул про себя:

«Теперь я могу спокойно умереть... Богу угодно, чтобы я испустил дух здесь, ибо Он не нуждается во мне, чтобы спасти ту, которую я предал... Он послал мне этого человека!»

А Коголен бормотал вот что:

– Это я не для себя, господин колдун; это – для моего хозяина, для господина де Тремазана, шевалье де Капестана.

Лоренцо выпустил руку Коголена. Тот все порывался подбраться к двери.

Оруженосец мечтал поскорее унести ноги из этого дьявольского дома. А карлик хотел объяснить посетителю, что нужно отправить шевалье де Капестана в Медон на помощь Жизели Ангулемской. И втолковать все это Коголену надо было, не произнося ни единого слова!

Бельфегор молча наблюдал за разыгрывавшейся перед ним сценой.

– Посмотрим, что вы хотите получить за пять пистолей! – воскликнул Лоренцо.

– Это не для меня, – пролепетал Коголен, – это для...

– Молчите! – прошипел карлик. Попятившись назад, испуганный Коголен про бормотал:

– Мне ничего не надо. Позвольте мне уйти отсюда!

– Нет! – строго взглянул на него Лоренцо. – Вы заплатили

мне, и теперь я должен дать вам товар. Так что никуда вы не уйдете.

Подумав немного, оруженосец счел такой ответ вполне разумным. И поколебавшись, Коголен пустился в объяснения:

– Ну вот, мой хозяин, значит, промотал все свои деньги. Однако мой господин, а зовут его...

– Молчите! – простонал Лоренцо. Коголен прижался к стене и пригнулся.

– И давно вы его видели в последний раз? – почти нежно спросил продавец зелий.

– Два часа назад, – ответил Коголен.

– А когда вы встретитесь с ним снова? – поинтересовался Лоренцо. – Это очень важно, – пояснил он.

– Очень скоро, – заверил карлика оруженосец. – Как только дойду до нашего постоянного двора, который называется...

– Молчите! – заорал на него Лоренцо. Коголен рухнул на колени и в отчаянии взвыл:

– Какая же дурацкая мысль пришла мне в голову – притащиться в это прибежище дьявола! О бедный Коголен!

Бельфегор взирал на эту сцену с полным равнодушием. Он находился здесь для того, чтобы убить Лоренцо и бросить его труп в Сену. Остальное нубийца не касалось. Он невозмутимо ждал, когда клиент Лоренцо уйдет и он, Бельфегор, сможет наконец заняться делом.

– Значит, вы должны встретиться с вашим господином этой же ночью? – продолжал карлик.

– Да, должен, с вашего позволения, – всхлипнул бедняга.

– Запомните, друг мой, – медленно проговорил Лоренцо, – если вы хотите, чтобы лекарство подействовало, нужно, чтобы этой ночью...

– Но мой хозяин вовсе не болен, клянусь Пресвятой Девой! – заверил оруженосец. – Никогда он не чувствовал себя таким здоровым...

– Да молчите же! – взорвался карлик. Упав ничком, Коголен прорыдал:

– Убейте меня сразу, и пусть это кончится!

– Ну, что вы, поднимитесь! – попытался успокоить его продавец трав. – Раз ваш хозяин не болен, чем же вы хотите ему помочь? Может быть, он влюблен? – осторожно спросил карлик.

– Нет... то есть, да... – окончательно запутался Коголен. – Но пришел я сюда не поэтому. Дело в том, что мой господин, как я вам уже сказал, совершенно разорен. Я подумал, что он захочет поискать удачи в игорном доме. И решил, что ему нужен хороший талисман... Ну, чтобы выигрывать!

Лоренцо расхохотался. Так смеется любовник, которому лекарь объявил, что смерть отступила от дамы его сердца.

Коголен, боясь вызвать у колдуна очередной приступ гнева, от смеха воздержался.

Бельфегор начал проявлять беспокойство.

– Всего-то навсего? – воскликнул Лоренцо. – Хорошо, я дам вам талисман, с помощью которого ваш хозяин разбога-

теет.

– О! – выдохнул Коголен.

– Да, – продолжал карлик, – вы получите от меня самое лучшее средство. И средство это – молитва.

– Молитва? – Верный оруженосец был просто счастлив.

– Сейчас я вам напишу, – заявил торговец. – Ваш хозяин должен выучить ее наизусть.

– Да, да, непременно, господин колдун! – радостно закивал Коголен.

– Причем он обязательно должен сделать это нынешней ночью, – продолжал наставляя оруженосца карлик. – Потому что сегодня заканчивается влияние Меркурия. Завтра будет уже поздно.

– Черт возьми! – не на шутку разволновался Коголен. – Шевалье обязательно начнет ее зубрить, как только я вернусь.

– Вы уверены в этом? – спокойно поинтересовался Лоренцо.

– Я разбудю его и вручу ему вашу молитву, – решительно пообещал верный слуга. – Я не дам ему спать, пока он не будет знать ее наизусть!

– Хорошо! – проговорил карлик дрожащим голосом.

Торговец травами схватил перо и листок бумаги и покопился на нубийца...

Бельфегор зевал! Лоренцо начал быстро писать... Чиркнув несколько строчек, Лоренцо подождал, пока просохнут

красные чернила, сложил листок, запечатал сие послание и протянул его Коголену.

– Иди, – прошептал карлик. – Только поторопись! Пусть твой хозяин выучит эту молитву сегодня же ночью, понял? И дело будет сделано! Твой господин станет богачом. Скажи ему, что колдун с моста Менял желает ему удачи. Да хранит его Господь!

Взволнованный Коголен поблагодарил продавца зелий и с опаской приблизился к двери, которую с готовностью распахнул страшный негр. В следующую секунду слуга шевалье уже растворился в ночи. Бельфегор запер дверь на тяжелый засов. Взгляды нубийца и карлика встретились.

– А теперь, Бельфегор, выполняй приказ своей хозяйки! – громко сказал Лоренцо.

Тем временем Коголен летел, как на крыльях. В руках у него было несметное богатство, и мысль эта подгоняла верного оруженосца. Коголену хватило десяти минут, чтобы добежать до постоялого двора «Славная встреча». Взяв свечу, слуга отправился в комнату Капестана. Шевалье, разумеется, крепко спал.

Свет разбудил юношу, и он открыл один глаз.

Увидев это, Коголен заорал во всю глотку:

– Господин шевалье, я принес вам богатство!

– Где оно? – произнес Капестан, открывая второй глаз.

– Сейчас я все вам объясню, – затараторил оруженосец. –

Достаточно только...

– Не надо мне ничего объяснять! – прервал его шевалье. – Раз ты говоришь, что принес богатство, я хочу его видеть. Покажи мне твои золотые горы.

– Господин шевалье, – засопел Коголен, – нужно, чтобы я все-таки объяснил...

– Покажи, говорю тебе! – крикнул Капестан, высунув одну ногу из-под одеяла. – А если не покажешь, отведаешь палки! Я тебе не Тюрлюпен! Я не буду стараться, чтобы удары приходились мимо...

Коголен приосанился и твердым голосом произнес:

– Господин шевалье, если я не ошибаюсь, вы хотели разбогатеть. В таком случае выслушайте меня, а уж колотить палкой будете потом.

Шевалье вскочил с кровати, схватил Коголена за ухо и завопил:

– Я не хочу слушать, я хочу видеть! Видеть богатство, ты меня понял?

– Вот оно!

С этими словами Коголен протянул Капестану листок бумаги.

– Что это такое? – вскинул брови молодой человек.

– Это восхитительный талисман, за который я заплатил пять пистолей, – гордо объявил оруженосец.

– Мои последние деньги! – взвыл Капестан. – Ах ты негодяй! Ты заслуживаешь...

– Да зачем вам эти пять пистолей? – перебил своего хо-

зьяина Коголен. – С помощью этого талисмана вы можете в первом попавшемся игорном доме загрести тысячу экую!

– А может, тысячу пистолей или тысячу дублонов? – расхохотался шевалье.

Его гнев прошел. Он снова улегся в кровать и промолвил.

– Дурак!

– Вот награда за все мои старания, – запричитал оруженосец. – Я, рискуя погубить свою душу, добыл для вас богатство, а вы так со мной обращаетесь!

– Бедняга Коголен, да пойми же ты: если бы благодаря этой бумажке можно было выигрывать деньги, то человек, который продал ее тебе, давно уже был бы богатым, как Крез, и ему не надо было бы торговать талисманами. Иди спать, – вздохнул Капестан.

– Господин шевалье, вы меня убиваете! – простонал верный слуга. – Прошу вас, пожалуйста, выучите то, что написано на этом листке!

– Иди спать, говорю тебе! – взревел Капестан.

Коголен поспешно юркнул в свою комнату. Однако через секунду он высунул голову и трагическим тоном изрек:

– Завтра будет слишком поздно!

Шевалье пулей вылетел из кровати. Коголен быстро захлопнул дверь. Капестан снова лег в постель; в бешенстве он схватил записку Лоренцо, скатал из нее шарик и яростно швырнул в угол. Затем шевалье закрыл глаза и безмятежно заснул.

Юноша так и не прочел того, что написал ему карлик. Вот что это была за молитва:

«Если Вы хотите спасти Жизель Ангулемскую и ее мать, не теряя ни минуты, скачите в Медон на постоянный двор «Сорока-воровка». Завтра утром, а может быть, и сегодня ночью, за дело возьмутся Кончины и Леонора Галигаи. Спешите. Когда Вы спасете герцогиню Ангулемскую, скажите ей, чтобы она простила карлика из Орлеана, колдуна с моста Менял».

Глава 21

Пока шевалье сладко спит в своей постели, мы вернемся в дом на мосту Менял. Здесь стоят лицом к лицу карлик Лоренцо и великан Бельфегор... Нубиец не испытывал к колдуну ни ненависти, ни даже неприязни. Леонора Галигаи отдала своему слуге приказ, и Бельфегор должен был его исполнить, вот и все.

Нубиец спокойно отнесся к словам Лоренцо. Закрыв дверь и задвинув засов, чернокожий гигант проговорил:

– Моя хозяйка велела мне проводить вас до дома, а потом заколоть кинжалом. После этого я должен сбросить ваш труп в Сену, привязав вам на шею большой камень, чтобы никто не знал, что стало с продавцом трав, который жил на мосту Менял.

Карлик с любопытством смотрел на нубийца. Казалось, Лоренцо изучал какое-то диковинное животное.

– Что ж, – произнес наконец маленький человечек, – давай – бей!

С этими словами он попятился к деревянной лестнице, которая вела в лабораторию. Лоренцо успел продумать план защиты, оставлявший ему хоть какую-то надежду на спасение – правда, надежду весьма слабую... Этот план заключался в том, чтобы как-нибудь отвлечь на минуту внимание нубийца, быстро взбежать по лестнице, открыть окно, которое

выходило на Сену, и прыгнуть в воду.

Нубиец стоял неподвижно, словно черное изваяние.

– Бей! – с усмешкой повторил он последнее слово карлика. – Я должен был это сделать уже давно... Но вместо этого я позволил вам написать письмо. Может быть, я оставлю вас в живых. Я уже однажды предал свою хозяйку. И не исключено, что предал ее во второй раз, когда отпустил этого чело века. Следовательно, я могу предать ее и в третий раз.

Лоренцо поднялся на три ступеньки и уселся на четвертую. Его не держали ноги... Он был уже почти уверен, что умрет, и вдруг появился луч надежды!

– Сегодня, – продолжал Бельфегор, – вы предложили мне забрать ваш сундук с драгоценностями. Я отказался. Знаете ли вы, что у меня самого уйма золота? Знаете ли вы, что я могу не только оставить вас в живых, но и преумножить ваши сокровища, и сделаться вашим преданным рабом?

Все это нубиец произносил тусклым, бесцветным голосом. Чернокожий великан опустил глаза... Карлик понял: душу Бельфегора терзает какая-то боль.

– Говорят, что вы умеете предсказывать будущее. Это правда? – с надеждой спросил Бельфегор.

– Да, – ответил Лоренцо, спускаясь на две ступеньки. – Когда ты заявил мне, что собираешься меня убить, я даже не вздрогнул. Я знал, что ты не ударишь меня кинжалом, который сжимаешь в руке.

Нубиец несколько секунд молчал, обдумывая слова Ло-

ренцо. Если бы карлик в этот миг взбежал по лестнице, он наверняка сумел бы выпрыгнуть из окна. Однако продавец трав считал, что ему уже удалось одержать победу.

– Хозяин, люди утверждают, что вы колдун, – вновь заговорил Бельфегор. – Правда ли, что вы можете увидеть любое место на земле, как бы далеко отсюда оно ни находилось? А способны ли вы узнать, где сейчас тот или иной человек?

– Кто тебя интересует? – спросил карлик, внимательно слушавший своего собеседника.

– Одна женщина... – ответил нубиец.

– Ее имя? – осведомился Лоренцо.

– Марион Делорм, – прошептал Бельфегор. Продавец трав, улыбнулся. «Это – победа», – подумал он.

– Ты хочешь выяснить, где сейчас находится Марион Делорм? – уточнил маленький человечек.

– Да, хозяин, – хрипло произнес Бельфегор. – Скажите мне это, и я буду вашим вечным должником! А моя госпожа никогда не узнает, что вы этой ночью отправили какое-то письмо! Понимаете? – пристально взглянул нубиец на карлика.

Если бы Лоренцо сейчас изрек: «Марион Делорм находится в эту минуту на такой-то улице в таком-то доме», нубиец напрямик отправился бы туда. Однако Бельфегор упомянул о записке, которую торговец травами вручил Коголену. Карлик стал мертвенно бледным. Он сказал себе: «Нубиец обо всем догадался и теперь предупредит Леонору».

Поэтому маленький человечек сказал:

– Мне нужно произвести вычисления. Приходи завтра, и ты узнаешь, где Марион.

Произнося эти слова, Лоренцо хорошо понимал, чем рискует. И сразу же увидел, что добился своего... Ведь ему нужно было убедить Бельфегора в том, что он, колдун, не может отыскать Марион Делорм! И ему это, увы, удалось! Карлик прочел в глазах нубийца, что вера Бельфегора в магические способности маленького уродца угасла.

«Завтра! Вычисления! Значит, люди болтают ерунду! Этот человек не может проникать взглядом сквозь стены! Он – обыкновенный калека, а никакой не колдун!»

Все это стало ясно Бельфегору в мгновение ока. Великан расправил плечи. Ему казалось, будто он только что очнулся от сна. Нубиец посмотрел по сторонам, затем взгляд его остановился на Лоренцо, который бесшумно карабкался по лестнице.

Сжав зубы, Бельфегор ринулся вперед. Теперь это уже был не бесстрастный палач, который выполняет свою работу без ненависти и гнева. Теперь нубиец хотел отомстить мнимому колдуну за свои растоптанные надежды. Ведь этот человек только что доказал Бельфегору, что его мечта – химера. Дрожа от ярости, нубиец поднимался по лестнице. В руке он сжимал кинжал.

«Иди, иди сюда, – думал Лоренцо, улыбаясь. – Нужно, чтобы мое письмо дошло... и чтобы Леонора об этом не

узнала!»

В тот момент, когда карлик был уже у двери своей лаборатории, Бельфегор нанес ему в спину удар кинжалом. Маленький уродец растянулся на полу.

– Подыхай! – злобно прохрипел нубиец.

Он нагнулся, чтобы ударить Лоренцо еще раз, и вдруг увидел, что стальной клинок сломался! А рана, которая должна была появиться на спине карлика, не кровоточила! Пока Бельфегор изумленно разглядывал свой кинжал, Лоренцо вскочил на ноги и бросился в лабораторию. Дело в том, что торговец носил под колетом прочную кольчугу: удар нубийца был силен, поэтому карлик упал, но острое лезвие не причинило ему никакого вреда. В мгновение ока Лоренцо подлетел к окну. К счастью утром карлик оставил его открытым.

Помешать Бельфегору предупредить Леонору можно было лишь одним единственным способом: убить нубийца. Только его гибель могла спасти герцогиню Ангулемскую и ее дочь.

Лоренцо встал на подоконник. К нему огромными прыжками мчался Бельфегор. Еще миг, и великан схватил карлика! Лоренцо поднял глаза к небу и прошептал:

– Это предначертано в книге судеб. Таково продолжение драмы в Орлеане.

Маленький человечек обхватил шею Бельфегора обеими руками и повис на ней. Нубиец отчаянно колотил Лоренцо по голове. Однако тот все крепче сжимал пальцы, стараясь

подтолкнуть противника поближе к окну. И карлику это удалось! Великан потерял равновесие, и оба, сплетясь, как пара змей, стремительно полетели вниз.

Раздался громкий всплеск. Несколько секунд Бельфегор и Лоренцо барахтались на поверхности реки. Затем наступила тишина. Слышался только шум воды у опор моста. Бельфегор и Лоренцо пошли ко дну.

Освобожденный Капестаном Карл Ангулемский сразу же бросился разыскивать свою дочь. Герцог полагал, что она должна быть где-то неподалеку. За замком в Медоне, скорее всего, следили, и уж наверняка не спускали глаз с дворца на улице Дофин.

Потому герцог поспешил в тихий особнячок, стоявший на улице Барре. Постучав в дверь, Карл Ангулемский негромко произнес имя Жизели. И вдруг он заметил, что дверь приоткрыта... Дом был пуст. Несчастный отец похолодел.

Однако новая мысль слегка приободрила герцога. Наверное, Сен-Мар взял его дочь, свою невесту под защиту!

Карл Ангулемский побежал к особняку маркиза. Герцогу открыл слуга.

– Мой хозяин уехал, монсеньор, – с поклоном сообщил слуга. – Особняк пуст.

– Уехал? – переспросил герцог. – С моей дочерью? Чтобы доставить ее в безопасное место? Живее, отвечай! Но только правду!

– Увы! – опустил глаза лакей. – Простите меня, монсеньор, за то, что я вынужден сообщить вам грустное известие. Мы не видели вашу дочь. Господин маркиз уехал не с ней. Больше я ничего не могу вам сказать. Не просите меня, чтобы я предал своего хозяина.

– Прошу тебя, чтобы ты проявил уважение к горю отца, это все! – вскричал Карл Ангулемский.

– Хорошо! – вздохнул слуга. – Монсеньор, господин маркиз уехал с женщиной, которую зовут Марион Делорм!

Побледневший герцог Ангулемский, шатаясь, побрел к резиденции герцога де Гиза. Разумеется, он даже представить себе не мог, что Гиз сейчас в Бастилии.

Во дворе особняка герцог Ангулемский увидел множество знакомых лиц, но все отшатывались от него, словно от прокаженного. Вскоре герцог узнал, что Гиз арестован. Карлу Ангулемскому даже поведали, что завтра Гиз выйдет из тюрьмы и, возглавив отряд из тысячи заговорщиков, штурмом возьмет Лувр. Разумеется, это были всего лишь слухи.

Герцог Ангулемский выбрался на улицу, обливаясь слезами.

Его предали Гиз и Сен-Мар, у него не было больше единомышленников, друзей и даже дочери! У него осталась только Виолетта... Герцог решил, что сначала нужно найти жену, а дочь они будут потом искать вместе. Спасение было только в этом.

Карл Ангулемский отправился в Медон и прибыл туда

около четырех часов утра. Первым делом герцог поспешил в гостиницу «Сорока-воровка», чтобы расспросить там обо всем, что случилось, благоговевшую перед ним хозяйку Николетту.

Разбуженная слугой трактирщица тут же куда-то исчезла. Через несколько минут она вернулась с Жизелью и Виолеттой!

Когда герцог, едва не лишившийся рассудка от счастья, пришел наконец в себя, он заметил, что его жена сильно изменилась. Взгляд Виолетты стал более осмысленным. По всей видимости, к ней возвращался разум. Герцог с нежностью посмотрел на супругу.

– О дорогая! – воскликнул он, осыпая ее поцелуями.

Виолетта, обнимая радостно улыбающуюся Жизель, произнесла таинственную фразу, смысла которой никто не понял:

– Теперь торговец травами с моста Менял прощен!

...Пробило восемь. Николетта распорядилась, чтобы конюхи запрягли в карету лошадей.

Вскоре Карл Ангулемский с женой и дочерью входил в свой особняк. Вдруг совсем рядом послышался странный шум.

Изо всех домов, которые окружали гостиницу, выходили люди. Каждый мужчина сжимал в руке шпагу.

Жизель, стоявшая на крыльце родительского дома, мгновенно все поняла, – и через минуту увидела, как ее отца,

с кляпом во рту, швырнули в подкатившую карету. Там же оказалась и ее мать. Девушка услышала, как кто-то, сидевший в этом мрачном экипаже, крикнул: «В Лувр!» Лошади помчались, и скоро карета скрылась вдали.

Вдруг Жизель заметила, что к ней приближается группа людей. Впереди шел человек, которого она сразу узнала!

– Кончини! – прошептала девушка. Ей казалось, что она вот-вот лишится чувств.

Кончини был уже в трех шагах, когда красавица пришла в себя. Она в ужасе попятилась и наткнулась на дверь собственного дома. Дверь отворилась, Жизель быстро юркнула в особняк и повернула ключ в замке.

– Тащите сюда какие-нибудь бревна или балки! – взревел Кончини.

Тридцать головорезов немедленно окружили дом. Маршал не обратил ни малейшего внимания на карету, стоявшую неподалеку. Рядом с ней спокойно ждал слуга Николетты. Но Кончини в этот момент было не до него.

Люди маршала приволокли огромное бревно, и после нескольких мощных ударов дверь сорвалась с петель.

Бретеры тут же с гиканьем ринулись в зияющее отверстие...

Людовик XIII не спал. Вместе с ним бодрствовали и его советники. В королевском кабинете находились Ришелье, Кончини и многие другие.

Две новости, словно два громовых раската потрясли дворец: пленение Гиза Капестаном и предостережение, которое король услышал от Лоренцо.

Жизнь Кончини висела на волоске...

Пора действовать. Людовик XIII должен было проявить силу и решительность. Приближался роковой момент, а король был один. Почему он отдалил от себя Капестана?! Зачем оскорбил своего отважного рыцаря? Людовик постоянно спрашивал себя об этом – и не находил ответа.

Король приказал запереть все ворота Лувра. Однако Лоренцо и Бельфегор к тому времени уже покинули дворец. Леонора Галигаи пришлось остаться. Она находилась при Марии Медичи.

Леонора подозревала, что карлик все-таки сумел поговорить с королем. Женщина понимала, какая страшная опасность нависла над Кончини.

О чем Галигаи беседовала с королевой? Мы этого не знаем. Но, выйдя из покоев Марии Медичи, Леонора покинула дворец.

Тем временем юный монарх, оставив совет, пришел в кабинет Витри.

– Капитан, – сказал Людовик, – пора начинать сражение!

– С кем, сир? – оживился Витри.

– С маршалом д'Анкром, – решительно заявил подросток.

– Ну наконец-то! – радостно воскликнул капитан. – Я должен его арестовать?

– Нет, пока еще рано, – покачал головой Людовик. – Нужно бить наверняка. Идите за его женой, которая только что покинула Лувр, и проведите в их особняке обыск. Если вы найдете какой-нибудь документ, свидетельствующий о том, что Кончини являлся участником заговора, арестуйте Леонору Галигаи и возвращайтесь во дворец.

Витри поспешно ушел. Король же заторопился обратно в кабинет, где находился совет. Не успел Людовик опуститься в кресло, как возникший в дверях лакей объявил:

– Господин комендант Бастилии!

Король строго взглянул на вошедшего в комнату де Невилля.

– Объясните мне, сударь, смысл вашего письма, – потребовал Людовик. – Ну, говорите, граф. Мы вас слушаем.

Комендант почувствовал: сейчас начнутся неожиданности... Де Невиль смешался.

– Этот молодой человек, сир... – забормотал он.

– Молодой человек? – вскинул брови Людовик.

– Да, сир. Господин де Тремазан, шевалье де Капестан...

Он доставил в Бастилию арестованного, – принялся сбивчиво рассказывать комендант.

– Значит, – вмешался Ришелье, – герцог де Гиз действительно в тюрьме? И его привел туда этот Капестан?

– Если произошла какая-то ошибка, – стал защищаться де Невиль, – то я не виноват. Я выполнял приказ, подписанный самим королем!

– Приказ? – воскликнул Людовик. – Он у вас с собой?

– Вот он, сир!

С этими словами де Невиль, поклонившись, протянул королю документ. Схватив пергамент, подросток торопливо пробежал глазами по строчкам.

– Капестан! – прошептал он. – О мой храбрый рыцарь!

Потом Людовик передал документ Ришелье. Тот чуть не задохнулся от ярости, когда узнал приказ, который сам продиктовал королю.

– Здесь сказано, – прошипел епископ, – что коменданту Бастилии передадут заключенного, имя которого должно остаться в тайне. Но это еще не все. Тут говорится и о том, что господин де Невиль обязан препроводить к подателю сего письма другого заключенного, имя которого также не указано. Господин комендант, вы позволили этому Капестану увести из крепости какого-нибудь узника?

– Разумеется, монсеньор! – пробормотал окончательно растерявшийся де Невиль.

– Какого? – мрачно осведомился Ришелье.

– Того, которого он затребовал! Арестанта из камеры номер четырнадцать, из Казначейской башни! Господина герцога Ангулемского!

– Герцога Ангулемского?! – повторил побледневший Людовик XIII.

– Вот правда и выплыла наружу! – подал голос Кончини. – Этот негодяй Капестан – участник заговора Карла Ангулем-

ского! Сей шевалье – достойный помощник самого грозного противника Вашего Величества!

– Сир, – добавил Ришелье, – это преступление – не просто оскорбление королевского величия: это предательство, государственная измена и прямое покушение на жизнь монарха!

Людовик XIII долго сопротивлялся, но в конце концов сдался... Аргументы советников казались юному королю неопровержимыми.

– Сир, – заключил Кончини, – нужно схватить этих двоих сегодня же ночью.

– Кто этим займется? – вздохнув, спросил Людовик. – Кто знает, где они находятся?

– Я, – ответил Кончини. – Только прикажите, сир, и я приведу к вам и Капестана, и герцога Ангулемского.

– Хорошо! – мрачно кивнул головой король. – Но я требую, чтобы их доставили сюда живыми! А теперь идите! Пароль – Медон! Маршал, возьмите с собой столько гвардейцев, сколько сочтете нужным.

– Мне не понадобятся гвардейцы, Ваше Величество. Мои люди ожидают меня во дворе Лувра, – довольно неосторожно ответил маршал д'Анкр.

Посоветовавшись с Ринальдо и Лувиньяком, Кончини быстро составил план действий. Сначала маршал решил заняться Капестаном, а потом, когда рассветет, отправиться в Медон.

Вскоре Кончини со своими головорезами уже был у гости-

ницы «Славная встреча». Он приказал своим людям окружить здание. Вдруг послышался лязг отодвигаемого засова, и дверь отворилась. На пороге появился Капестан. Заметив, что по двору снуют какие-то подозрительные личности, юноша обнажил шпагу. В ночи блеснула сталь клинка.

– Капестан! – прорычал Ринальдо. – Если вы не сдадитесь, вам конец!

– Конец – так конец! – спокойно ответил шевалье. – Сейчас вы увидите, как умирает Капестан!

Что он мог сделать в одиночку против целой банды? И очень скоро Капестан упал... Головорезы маршала схватили юношу, скрутили по рукам и ногам и бросили поперек седла.

– Восемь человек отвезут арестованного в Лувр, – распорядился Кончини. – Вы, господин де Марсак, возглавите этот отряд. Передадите королю следующее: «Сир, Капестан пойман. Что касается герцога Ангулемского, то господин маршал устремился за ним в погоню и сам доставит вам пленника сегодня утром».

Группа всадников под командованием Марсака поскакала к Лувру, а Ринальдо со своими людьми отправился в Медон.

– Капитан! – процедил сквозь зубы Кончини и пришпорил коня.

Покинув Лувр, Леонора Галигаи вернулась в свой особняк. Она бросила в камин охапку хвороста и развела огонь. Нужно было действовать – и притом быстрее, чем Людо-

вик. Тогда Кончини станет хозяином положения.

Не теряя хладнокровия, Леонора принялась жечь бумаги, в каждой из которых упоминалось какое-нибудь прославленное имя.

«Те, кого касаются эти документы, никогда не узнают, что бояться больше нечего, – думала женщина. – Эти люди по-прежнему будут думать, что у нас имеется оружие против них, и, следовательно, как и раньше, будут у нас в руках.»

В огонь летели пачки договоров и соглашений. Люди, которые их когда-то подписали, обещали помощь Кончини в том или ином деле – разумеется, за солидное вознаграждение.

Три последние бумаги Леонора получила от колдуна с моста Менял. Первая рукопись содержала рецепт красоты, вторая была гороскопом Кончини и предсказывала, что маршал д'Анкр должен стать королем, сменив на французском престоле одного из Бурбонов, которому суждено умереть насильственной смертью. В последнем пергаменте говорилось о яде, предназначенном Людовику XIII.

Леонора Галигаи разглядывала этот лист, когда чья-то рука неожиданно схватила записку.

Женщина вцепилась в эту руку зубами, прокусила ее до крови, но неизвестный все же завладел пергаментом.

Обернувшись, Леонора увидела того, кто на нее напал. За спиной этого мужчины стояли еще семь или восемь человек. Галигаи, как разъяренная тигрица, бросилась на своего вра-

га, стремясь отобрать у него драгоценный документ. Но силы были неравны. Женщине ничего не удалось сделать.

И тут Леонора наконец узнала офицера, с которым только что яростно боролась. Перед ней стоял Витри!

– Именем короля! – произнес он. – Мне приказано провести здесь обыск.

Теперь Леонора отчаянно старалась вести себя спокойно, но это ей плохо удавалось.

– Витри, – проговорила она, – свой чин вы получили благодаря моему мужу.

– Да, это правда, мадам, – согласился офицер.

– Витри, так окажите же мне услугу, – прошептала Леонора. – Я хочу побеседовать с вами без свидетелей.

Кивнув головой, капитан велел своим людям выйти. Но перед этим проверил, надежно ли упрятаны документы, которые он отобрал у Галигаи.

Тогда Леонора заявила:

– Витри, у меня есть десять миллионов. Я отдам их тебе, если ты вернешь мне мои бумаги.

Капитан презрительно посмотрел на женщину и, ничего не ответив, открыл дверь. Вернувшись, гвардейцы перекрыли все выходы из апартаментов Леоноры.

– Я уезжаю в Лувр, – сказал Витри, – чтобы отчитаться перед королем. Я выполнил поручение Его Величества.

Молча выслушав эти слова, Леонора некоторое время в оцепенении стояла посреди комнаты. Внезапно глаза жен-

щины закрылись, и она, как подкошенная, рухнула на пол. Гвардейцы даже не шелохнулись. Галигаи неподвижно лежала на полу, а из рассеченного лба струйкой стекала кровь.

Теперь необходимо вернуться к бедняге Коголену, с которым так несправедливо обошелся Капестан, когда верный слуга принес ему от колдуна чудесный талисман – молитву, написанную Лоренцо на клочке пергамента. Читатель помнит, что шевалье предпочел вновь завалиться спать, решительно отказавшись изучать так называемую молитву.

Укрывшись в своей каморке от гнева хозяина, Коголен грустно почесал лысый череп: в отчаянии оруженосец бросил свой парик в угол.

– Ну видел ли кто-нибудь когда-нибудь такое презрение к богатству?! – чуть не плача, стонал Коголен. – Последние пять пистолей! Потраченные на волшебный талисман! Что теперь с нами будет? Ведь у господина шевалье не осталось ни гроша за душой!..

Этой ночью Коголен никак не мог заснуть. Может быть, через час, а может быть, через два после описанных нами событий он услышал, что к постоялому двору подъехал какой-то человек.

Скоро в дверь постучали.

Выглянув в коридор, Коголен увидел перед собой господина Гаро, хозяина «Славной встречи», который сказал:

– Разбудите вашего хозяина, какой-то дворянин хочет с

ним поговорить.

Из-за спины трактирщика вышел человек, закутанный с ног до головы в длинный плащ. Загадочный посетитель протянул Коголену кошелек. По весу мешочка оруженосец догадался, что кошелек полон золота. Радостный Коголен тут же помчался в комнату, где мирно почивал Капестан.

– Эй! Господин шевалье, просыпайтесь! – принялся трясти его за плечо слуга. – Пожалуйста, вставайте! К вам вернулась удача!

Разбуженный таким образом Капестан вскочил с кровати, схватил палку и хорошенько треснул верного оруженосца по спине.

– Не бейте его, дорогой шевалье, – произнес чей-то голос, – это я заслуживаю наказания.

С этими словами мужчина в плаще вошел в комнату Капестана. Воспользовавшись тем, что шевалье уставился на посетителя, Коголен убежал в свой чуланчик и поспешно захлопнул дверь. Тогда человек распахнул свой плащ, и изумленный шевалье увидел лицо нежданного гостя.

– Сен-Мар! – воскликнул юноша. – Минутку, дорогой маркиз. Позвольте мне уделить немного внимания своей внешности, дабы предстать перед вами в более подобающем виде. Добро пожаловать! Хотя надо заметить, что этот час больше подходит для сна, чем для дуэли.

Сен-Мар сел. Казалось, он был взволнован. Капестан быстро оделся.

– Так, – произнес он, опускаясь на стул рядом с маркизом. – Я к вашим услугам. Что вы хотите мне сказать? Надеюсь, вас привел сюда не какой-нибудь пустяк. Помните, маркиз, нашу первую встречу на берегах Бьевра? Там мы имели с вами серьезный разговор. Может, вы хотите возобновить его? Повторяю, я к вашим услугам, хотя и немного сержусь на вас за то, что вы меня разбудили. Похоже, этой ночью мне не суждено сомкнуть глаз...

Капестан задумался. А ведь действительно странно: сегодня его постоянно будили! Как будто чей-то голос отчаянно кричал: «Не спи! Не спи! Вставай! Капестан! На помощь!»

И тут заговорил Сен-Мар:

– Шевалье, я прибыл в Париж в полночь. Я оста вил своего коня в «Трех королях» и поспешил к вам. Извините меня за то, что я поднял вас с постели. Но меня оправдывают три обстоятельства. Во-первых, за мной по пятам идут люди Ришелье, поэтому я могу передвигаться по Парижу только после наступления темноты. Во-вторых, рано утром я вынужден буду уехать. И, в-третьих, то, что я должен вам сказать, не терпит отлагательств. Шевалье, я подозревал, что вы помогаете любви моей дорогой Марион. Меня ослепила ревность... Но Марион доказала мне, что вас ни в чем нельзя упрекнуть.

– Я очень рад это слышать, – привстав со стула, поклонился Капестан.

– Вы спасли мне жизнь, тогда, на улице Дофин, хотя могли

считать меня своим врагом, – продолжал молодой маркиз.

– Ба! – воскликнул шевалье, несколько озадаченный оборотом, который принял разговор. – На моем месте вы поступили бы точно так же...

– Кто знает... Может, да, а может быть, и нет, – тихо вымолвил Сен-Мар. – Во всяком случае, я этого не сделал. Но это еще не все, шевалье: вы ведь вытащили меня из той кареты, которая везла меня в Бастилию.

– Я понятия не имел, что там были вы, – пожал плечами Капестан. – Послушайте, маркиз, вы ничего мне не должны.

– Шевалье, – вновь заговорил Сен-Мар прерывающимся от волнения голосом, – вчера я узнал от Марион, что вы вырвали ее из лап Ришелье. Это вы отвезли ее в мой особняк...

– Да, – спокойно кивнул Капестан.

– Шевалье, я трижды обязан вам жизнью, – вскричал маркиз. – Вы для меня – не просто непобедимый герой. Я считал вас своим врагом, в то время как вы были для меня бесценным другом...

Глаза молодого вельможи увлажнились.

– Шевалье, когда Марион рассказала мне, как вы пришли к Ришелье... Описала всю эту сцену... я понял, что должен увидеть вас. – Сен-Мар вскочил со стула. – Шевалье, я прошу у вас прощения за то, что оскорбил вас в подвалах особняка герцога Ангулемского.

– Маркиз! – вспомнив о Жизели, Капестан побледнел.

– Шевалье, я прошу у вас прощения за то, что скрестил с

вами шпаги. Я прошу у вас прощения за то, что был вашим врагом. Позволите ли вы мне считать вас своим братом? – воскликнул Сен-Мар.

Ничего не ответив, шевалье шагнул к маркизу, и молодые люди крепко обнялись.

Как только состоялось примирение, Капестан кликнул Коголена и велел ему принести вина, холодного цыпленка и какого-нибудь паштета. С недовольной миной слуга порылся в кошельке, и скоро друзья сели за стол.

Они попиروвали на славу.

Наконец Сен-Мар объявил, что ему пора забирать из «Трех королей» своего коня. Маркиз заставил Капестана поклясться, что тот приедет к нему в Орлеан погостить. После этого Сен-Мар пошел к двери, но на пороге внезапно остановился. Казалось, молодой человек был чем-то смущен.

– Дорогой друг, – наконец произнес он, – у меня к вам есть еще одна просьба. Окажите мне последнюю услугу. Может быть, она важнее, чем все предыдущие, потому что сейчас дело касается моей чести.

– Вы хотите, чтобы я был вашим секундантом? – осведомился Капестан.

– Нет, – опустил глаза Сен-Мар. – Послушайте, однажды, и может быть, даже совсем скоро, вы женитесь...

Шевалье побледнел и энергично замотал головой.

– Да, – продолжал маркиз. – Похоже, я понимаю это лучше, чем вы... Шевалье, вы женитесь на девушке, достойной

вас, я в этом не сомневаюсь.

– Никогда, – прошептал Капестан.

– Послушайте же! – вскричал Сен-Мар. – По отношению к той, что предназначена вам судьбой, и по отношению к ее благородному отцу я вел себя не так, как подобает дворянину.

– Значит, вам известно что... – тихо проговорил потрясенный шевалье.

– Выслушайте меня до конца, – прервал его маркиз. – Умоляю вас, скажите этой девушке и ее отцу, что у маркиза де Сен-Мара есть только одно оправдание: он был ослеплен страстью. Заверьте их, что я преклоняюсь перед ними. Капестан, добейтесь того, чтобы они меня простили!

Изумленный шевалье жадно внимал словам Сен-Мара.

– Наконец, когда вы будете говорить с ней наедине, – продолжал молодой вельможа, – передайте ей, что маркизу де Сен-Мару очень стыдно за то, как он себя вел. И хотя этим он опозорил себя, он все же рад, вернее, пытается радоваться тому, что его поведение в какой-то мере способствовало браку Жизели с самым благородным рыцарем нашего времени!

Капестан хотел было что-то сказать, но Сен-Мар быстро повернулся и исчез за дверью. Через минуту он уже стоял на крыльце гостиницы.

Маркиз собирался отправиться на улицу Турнон. У него было легко на душе: он улыбался будущему, улыбался Ма-

рион, образ которой всегда и везде сопровождал молодого человека. Но вдруг Сен-Мар услышал резкую трель свистка. Оглядевшись по сторонам, маркиз увидел каких-то людей, выскочивших из-за забора. Через несколько секунд они окружили Сен-Мара плотным кольцом. Юноша выхватил шпагу, намереваясь дорого продать свою жизнь. «А не позвать ли на помощь Капестана?» – пронеслось в голове у Сен-Мара. И в этот миг кто-то крикнул:

– Капестан, если вы не сдадитесь, вам конец!

«Значит они охотятся за Капестаном!» – сообразил маркиз.

И тогда Сен-Мар решил: «Нужно спасти шевалье.

Необходимо убедить этих разбойников, что я и впрямь Капестан! Надо хотя бы раз помочь человеку, который так часто помогал мне». И маркиз ответил бандитам:

– Сейчас вы увидите, как умирает Капестан!

Читатель знает, чем закончилась эта схватка. Сен-Мара связали, бросили на лошадь и повезли в Лувр, к королю.

Теперь мы вернемся к нашему искателю приключений, на которого прощальные слова маркиза произвели большое впечатление.

«Сен-Мар, – говорил себе шевалье, – догадался, что я люблю Жизель. Раз он сам счастлив в любви, он думает, что должны быть счастливы и все вокруг. Ладно, надо попытаться заснуть в третий раз. Завтра придется позаботиться о

деньгах... Коголен утверждает, что мы разорены. И этот дурак выбросил на ветер мои последние пять пистолей! Просто взял. – и отдал какому-то шарлатану!»

Капестан невольно покосился на бумажный шарик, валявшийся на полу.

Наконец юноша, не раздеваясь, вытянулся на кровати. Погруженный в свои мысли, он не услышал шума борьбы, который доносился с улицы. Впрочем, схватка у гостиницы оказалась недолгой... Зато Коголен понял, что внизу происходит что-то страшное. Весь дрожа, слуга вбежал в комнату шевалье как раз в ту минуту, когда Капестан закрыл глаза, собираясь заснуть в третий раз.

– По-моему, на дороге кого-то убивают! – сообщил своему господину Коголен.

«Нет, сегодня мне явно не дадут поспать, – обреченно подумал Капестан. – Наверное, такова воля небес. Этой ночью мне нельзя нежиться в постели!»

Он встал, зажег фонарь, вышел на улицу и, убедившись, что все спокойно, вернулся обратно.

– Ну как, господин шевалье, вы видели кучи трупов? – заикаясь спросил Коголен.

– Дурак! – ответил шевалье. – О, я, кажется, вижу кое-что другое! Вы, господин оруженосец, имели наглость положить на мой стол этот паршивый клочок бумаги, который обошелся мне в пять пистолей! Убирайся отсюда, болван! И если ты вздумаешь еще раз явиться ко мне, когда тебя не звали, я

насажу тебя на вертел!

И Капестан снова заснул.

На рассвете он пробудился и привел себя в порядок. Шевалье находился в прекрасном расположении духа. Весело улыбаясь, юноша кликнул своего оруженосца. Коголен, видя, что у хозяина хорошее настроение, умоляюще сложил руки и храбро промолвил:

– Господин шевалье, может быть, еще не слишком поздно?

– Слишком поздно? – переспросил удивленный Капестан. – Объясни, о чем это ты толкуешь?

– А вы не насадите меня на вертел? – осведомился преданный слуга.

– Нет, слово Капестана! – рассмеялся молодой человек.

– Хорошо! – облегченно вздохнул Коголен. – Прочитайте ее один раз, всего лишь один разочек, ну пожалуйста! – занял он.

– Что прочитать, болван? – изумился шевалье.

– Молитву! – вскричал оруженосец. – Молитву Меркурию²⁰! Молитву, которая должна принести вам сказочное богатство! Так мне обещал колдун!

И шевалье наконец сжалился над бедным Коголеном. Юноша взял скомканный кусок пергамента, разгладил его, сломал печать, развернул и лукаво произнес:

– Внимание! Сейчас с неба посыплются золотые монеты!

---

²⁰ Меркурий – древнеримский бог прибыли, покровитель торговцев и плутов.

Готовь карманы! Я читаю.

И взглядом шевалье заскользил по строчкам.

Через несколько секунд взволнованный Коголен увидел, что руки его хозяина задрожали. Капестан дочитал до конца. И тогда он воскликнул:

– О Боже!

Отшвырнув Коголена с дороги, шевалье вихрем слетел с лестницы и кинулся к конюшне. Капестан не стал терять времени на то, чтобы оседлать коня. Фан-Лэр закусил удила и, как ветер, помчался. Первый раз в жизни шевалье оскорбил своего коня ударом плети.

Через несколько секунд прохожие увидели, как по дороге пронеслось что-то, похожее на смерч. Это был Фан-Лэр, стрелой летевший в Медон!

Капестан выглядел сейчас как человек, лишившийся рассудка. И юноша, и его конь громко хрипели. Бледный, как смерть, с глазами горящими, точно угли, шевалье рычал:

– Слишком поздно! Слишком поздно! Слишком поздно!

Итак, Жизель Ангулемская закрылась в медонском особняке. Первым делом она побежала к выходу, через который можно было попасть в парк. Но и из парка можно было таким же образом проникнуть в дом... Через несколько секунд эта дверь была надежно заперта изнутри. Оставалось еще окно на первом этаже, которое не было защищено железной решеткой. Именно в это окно Кончини влез той ночью, когда

похитил девушку. Жизель хотела выиграть время, чтобы решить, что же ей делать, и поэтому быстро забаррикадировала окно.

Усилием воли девушка заставила себя не думать о родителях, которых увезли в Лувр. Она гнала от себя даже мысли о Капестане, чтобы сосредоточиться на одном-единственном вопросе:

Как ей не попасть живой в руки Кончини? Вдруг Жизель услышала какой-то шум, доносившийся из парка. Кончини и его люди были уже там. Бандиты быстро приближались к заднему крыльцу.

Головорезы, оставшиеся у двери, выходящей на дорогу, продолжали работать тараном. Жизель слышала треск дерева. Доски вот-вот не выдержат! Девушка задрожала. В тот же миг раздался стук в дверь, ведущую в парк. Знакомый голос, от которого Жизель похолодела, прокричал: – Откройте! Именем короля! Красавица застонала. Это конец! Девушка поняла, что пробил ее последний час.

Бросившись вглубь особняка, Жизель вбежала в ту комнату, где Капестан нашел когда-то множество разных костюмов, один из которых взял себе. Большие шкафы были набиты мушкетами. А в соседнем зале стояло двенадцать бочонков. В этих бочонках хранился порох! Вот что было нужно Жизель!

Минуты, подобной этой, в ее жизни еще не было. Это был безумный и героический миг. Своими нежными, изящными

ручками девушка выкатила на середину зала три бочонка. Достав из шкафа топор, она несколько раз ударила им по одному из бочонков. Из него посыпался порох. На этот порох Жизель поставила два других бочонка.

Затем красавица зажгла свечу, которая стояла на камине. Одно движение – и смерть спасет Жизель от бесчестия!

Дрожащая девушка прислонилась к мрамору камина. Ей осталось всего несколько минут... И она решила посвятить их своей любви.

Девушка вытащила из-за корсажа смятый листок бумаги, который уже долгое время хранила на груди. Взгляд Жизели затуманила нежная грусть. В последний раз красавица смотрела на письмо, которое перечитывала столь часто... Это послание начиналось словами:

«Я, Адемар де Тремазан, шевалье де Капестан, благодарю от всего сердца хозяйку этого замка...»

Тихо-тихо Жизель прошептала последние слова письма: «...за гостеприимство прошу таинственную даму принять в дар мою жизнь.»

Листок задрожал в ее пальцах. Жизель закрыла глаза и негромко повторила:

– «...Принять в дар мою жизнь...»!

В этот момент послышался треск ломающихся досок, а затем – оглушительный топот. Со стороны дороги в особняк ворвались люди. Жизель бросила прощальный взгляд на строки, написанные рукой Капестана, и поднесла листок

к губам. В следующую секунду девушка бережно спрятала письмо обратно за корсаж.

После этого Жизель схватила свечу. Крики приближались. Бандиты осматривали все комнаты замка подряд. Девушка поняла: медлить больше нельзя. Сейчас они будут здесь. И тогда Жизель шагнула к куче пороха.

И вдруг раздался вопль, который заглушил все. Жизель застыла на месте – и тут же вновь услышала отчаянный призыв:

– Жизель! Я здесь! Жизель! Жизель!

– Это он! Это Капестан! – воскликнула девушка. – Я здесь, любимый! Скорее! Сюда!

Поставив свечу на место, красавица бросилась к двери и распахнула ее настежь. В эту страшную минуту Жизель наконец открыто заявила о своей любви.

– Сюда, Капестан! – кричала девушка. – Я здесь!

Она выбежала из комнаты – и увидела вот что.

Большой зал был полон людей. Больше дюжины бандитов с дикими воплями нападали на одного человека.

На него! На Капестана!

Но шайка Кончини не могла остановить шеваляе. Он упорно продвигался вперед. Мертвенно бледный, окровавленный, юноша не в силах был отвести взгляда от своей любимой.

Жизель почувствовала, что вот-вот лишится чувств.

Глава 22

Несколько минут назад Капестан остановил своего коня у гостиницы «Сорока-воровка». Фан-Лэр был весь в пене. Шевалье спрыгнул на землю и оглянулся вокруг.

У ворот ждала карета. На крыльце застыла бледная, как смерть, хозяйка гостиницы. По двору носились взад-вперед перепуганные мужчины и женщины. Никто из них не решался перейти дорогу и приблизиться к таинственному замку. А там творилось что-то невообразимое. Дверь особняка была сорвана с петель. Рядом с ней валялись на земле бревна и железные балки.

Капестан все понял. Он бросился к выбитой двери. Причавшись в Медон, шевалье так и не проронил ни единого слова. Его верхняя губа приподнялась, обнажив крепкие белые зубы. В эту минуту юноша походил на великолепного льва. И двигался он, как лев: стремительными, уверенными, яростными прыжками.

Капестан не стал вытаскивать из ножен свою шпагу. Он быстро нагнулся и поднял что-то с земли. Затем шевалье ринулся в дом.

Капестан вооружился огромным железным брусом. Юноша держал его одной рукой, не чувствуя тяжести металла. Наверное, шевалье не ощутил бы ее, даже если бы этот брус весил в два раза больше. Из рта молодого человека выры-

валось короткое хриплое дыхание. Капестан бежал по дому и время от времени испускал отчаянный крик: «Жизель! Я здесь! Жизель!»

Бандиты под предводительством Ринальдо переходили из комнаты в комнату. Каждый головорез сжимал в руке шпагу. Только Ринальдо до сих пор не вытащил из ножен свой клинок. Итальянец чувствовал себя превосходно. Без особой спешки продвигаясь вперед, он беспечным тоном отдавал приказы. Обыскав одну комнату, негодяи устремлялись в другую. Во всех коридорах Ринальдо оставлял часовых. Бандиты уже добрались до четвертого зала, когда Ринальдо услышал, как отряд Кончини взламывает дверь, выходящую в парк. Итальянец усмехнулся:

– Потерпите, мио синьор, какого черта вы так надрываетесь! Сейчас мы поймаем вашу пташку и посадим в прочную клетку!

В этот момент один из бандитов упал с проломленной головой. Через секунду треснул второй череп, и еще один человек рухнул, как подкошенный. Ринальдо на миг оцепенел, не в силах понять, что происходит. Затем он увидел своего врага и заорал во всю глотку:

– Капестан!

Шевалье стремительно продвигался вперед. Его палица со свистом рассекала воздух. Но ужас, который на минуту сковал бандитов, уже прошел. Банда ринулась на шевалье, окружила юношу и обрушила на него град ударов. Но остановить

Капестана негодьям не удалось. То здесь, то там раздавались вопли, стоны и проклятия.

Капестан дрался молча. Лишь время от времени он кричал: «Жизель! Я здесь! Жизель!» Но вот она выбежала на его зов, и теперь взгляд шевалье был прикован к девушке. Очередной взмах железной дубиной – и еще один бандит падает с разбитой грудью или проломленной головой. Расстояние между Капестаном и Жизелью быстро сокращалось!

Ринальдо, весь в пене, бросился ничком, чтобы ударить шевалье снизу. Капестан не обратил на действия итальянца ни малейшего внимания. Шевалье не отступил в сторону ни на шаг. И в тот момент, когда головорез очутился на полу, шевалье лишь высоко поднял ногу, а затем с силой опустил ее на своего врага.

Ринальдо захрипел, дернулся в последний раз и затих...

Капестан проломил ему череп.

Последняя преграда, разделявшая шевалье и Жизель, была сметена. Капестан перешагнул через труп итальянца, швырнул назад свой железный брус и подхватил на руки девушку, лишившуюся чувств.

Он внес Жизель в комнату, из которой она выбежала на его зов, и запер дверь.

Семь человек, включая Ринальдо, лежали на полу. Они были либо мертвы, либо испускали дух. Однако девять бандитов были еще живы и здоровы. Они переглянулись и поняли друг друга без слов. У всех на лицах было написано

одно и то же: ненависть к Капестану! Отомстить ему! Любой ценой! Схватить его и содрать с него, живого, его поганую шкуру!

Два негодяя подняли громадную железную балку. Остальные засуетились вокруг. Раздались мерные удары. Все это происходило в гробовом молчании. Слышалось только хрипение умирающих и тяжелое дыхание живых, ожесточено вышибавших дверь.

Через две минуты доски разлетелись в щепки. Бандиты дружно ринулись в зияющее отверстие. Теперь у этого Капестана не было его устрашающей дубины! Теперь он – обыкновенный человек, а не дьявол во плоти! Вдруг бандитов что-то остановило. Они словно окаменели. Наступила тишина. Слышалось только потрескивание пороха. К бочонкам бежал огненный ручеек!

И в следующий миг все было кончено! Прогремел страшный взрыв, и часть здания взлетела на воздух.

Стены и потолок зала рухнули. Вокруг бушевало пламя. Когда рассеялся черный дым, окутавший весь дом, стали видны обгоревшие куски стен и обломки вещей. То там, то здесь что-то падало, разваливалось, рушилось. И нигде – ни единой живой души...

А предшествовало этому чудовищному взрыву вот что.

...Капестан взял Жизель на руки и унес ее в соседнюю комнату. Времени на размышления не оставалось, надо бы-

ло действовать. Но действия шевалье могли ужаснуть кого угодно... Усадив Жизель в кресло, молодой человек быстро вернулся в тот зал, где только что заметил порох.

Теперь у Капестана появилось грозное оружие! Шевалье зловеще расхохотался. Присев на корточки, он набрал полные горсти пороха и принялся делать из него дорожку. Когда эта дорожка стала достаточно длинной, Капестан вернулся к камину, взял свечу и вышел из зала. Юноша двигался, точно во сне.

Снова подхватив Жизель на руки, шевалье шагнул к началу пороховой дорожки. Там он наклонился и опустил свечу... Порох загорелся. Капестан бросился к лестнице. Он был уверен, что успеет выскочить в парк раньше, чем грянет взрыв. Шевалье сбежал по ступеням и толкнул дверь. Но дверь была заперта! А снаружи раздавались чьи-то голоса! Это была вторая половина банды! Узнав голос Кончини, Капестан зарычал. Юношу душила ярость. И самое ужасное, что он уже ничего не мог предпринять!

Шевалье остановился. На лбу его выступил холодный пот, на лице появилась мрачная улыбка. Капестан взглянул на Жизель. Девушка открыла глаза и тоже улыбнулась!

И в этот миг прогремел взрыв. Дверь слетела с петель, стены зашатались. На Капестана и Жизель посыпались обломки, но шевалье успел закрыть собой девушку.

– Не бойтесь, – тихо проговорил молодой человек.

– Теперь я ничего не боюсь, – так же тихо ответила Жи-

зель.

Раздался взрыв, и маршала д'Анкра с его бандой точно ветром сдуло с крыльца. Могло показаться, что головорезов отшвырнуло в сторону взрывной волной. В действительности же их смел со ступенек страх. Лишь очутившись в двадцати шагах от заветной двери, Кончини пришел в себя.

– Умерла! Она умерла! – в отчаянии закричал маршал д'Анкр.

– Нет, монсеньор! – проговорил один из бандитов. – Взгляните! Там, на крыльце! Видите?

– Она не одна! – заметил другой головорез. – С ней какой-то мужчина! Кто это?

– Ринальдо! Это ты? – громко спросил Кончини.

Подул ветер, и дым, который окутывал две человеческие фигуры, появившиеся на крыльце, рассеялся. Кончини остолбенел. Он не верил собственным глазам. Капестан! Но ведь люди маршала схватили этого юнца, связали и увезли в Лувр! А может, это сам дьявол в облиции шевалье?!

– Вперед! Убить его! – взревел Кончини.

Он совершенно забыл, что король приказал взять Капестана живым. Забыл, что, если удастся захватить шевалье в плен, с него, Кончини, будут сняты все подозрения. Но что маршалу д'Анкру король со своими подозрениями?! Что ему Леонора, заговоры и интриги?! Все это больше не интересовало Кончино Кончини. В целом мире для него существова-

ла только Жизель. Она здесь, на этом крыльце. Сейчас она окажется у него в руках, и он будет счастлив! А для того, чтобы эта дивная мечта стала реальностью, надо только убить Капестана! Ведь шевалье – один, а их двадцать человек. Кончини выхватил свою шпагу и устремился вперед. Его головорезы с гиканьем и воплями последовали за ним.

Шевалье уже начал было спускаться с крыльца, теперь он снова поднялся и обнажил шпагу. Нежно отстранив Жизель, бледный, окровавленный юноша приготовился к бою.

– Сейчас мы попытаемся пробраться через первый этаж, – полуобернувшись, сказал Капестан девушке. – Второй этаж все еще горит.

– Да, – ответила Жизель.

– Идите вперед, мадемуазель, – проговорил шевалье, – вы будете указывать мне дорогу.

– Да, – повторила девушка.

Один из бандитов был уже рядом с Капестаном. Одним ударом шевалье сломал его шпагу, другим проткнул его насквозь.

– Вы здесь, мадемуазель? – крикнул молодой человек.

– Да, – промолвила Жизель.

Она вошла в дом. Наверху было настоящее пекло. Все – в огне и в дыму, все рушится... Капестана атаковали бандиты. Он нанес еще три удара, и три тела остались лежать на земле. Шевалье вбежал в особняк – негодяи ринулись следом.

Жизель храбро шагала вперед. Она уже миновала две

комнаты. Где-то рядом был Капестан, поэтому девушка ничего не боялась. Иногда она останавливалась, чтобы окликнуть шевалье, и тот понимал, в каком направлении нужно двигаться. И он пробирался вперед – то обходя кучу головешек, то быстро уворачиваясь от валявшихся кусков горячей стены.

И при этом Капестану приходилось непрерывно сражаться с преследовавшими его бандитами.

– Убейте его! Убейте его! – доносился до юноши голос Кончини.

Тем временем пожар спускался вниз. Еще минута, и огонь перекинется на первый этаж.

– Сюда! – прозвучал голос Жизели.

Шевалье нанес еще один удар и отпрыгнул к двери. В тот же миг потолок в комнате, которую он только что покинул, обвалился. Кончини и его люди едва успели отскочить назад. Пылавшие балки отрезали их от беглецов, и бандитам пришлось вернуться в парк. Все они были вне себя от ярости и ужаса. Маршал д'Анкр сел на ступеньку крыльца, схватился за голову и зарыдал.

Итак, Капестан в последний момент выскочил из-под падавших сверху обломков. Очутившись рядом с девушкой, он взял ее на руки. Свою шпагу шевалье бросил. Весь сияя от счастья, он двинулся вперед. Пожар разгорался все сильнее. Проход становился все уже. Волосы Капестана обгорели, но

он не замечал этого. Вокруг молодых людей бушевало пламя. Шевалье снял с себя плащ и закутал в него Жизель.

Весь оборванный, перепачканный, истекающий кровью, Капестан вышел на улицу. Толпа ахнула. Мужчины сняли шляпы, женщины принялись радостно обниматься. Nicolette упала в обморок.

А Капестан ничего не замечал. Он видел только карету и стремительно шагал к ней. Подойдя к экипажу, шевалье бережно усадил Жизель на мягкие подушки. Кучер взялся за вожжи; он должен был везти герцога Ангулемского. Так почему бы не везти дочь этого вельможи?

В эту минуту Жизель забыла о том, что она – невеста Капестана, который спас ее от гибели и бесчестья. Сейчас девушка была дочерью Виолетты – и только. Наклонившись к шевалье, Жизель произнесла:

– Моя мать находится в Лувре. Отвезите меня в Лувр!

– В Лувр! – крикнул Капестан кучеру и вскочил на Фан-Лэра.

Через четверть часа по Медону промчалась группа всадников. Это были Кончини и его люди. Сердце маршала рывалось от боли, однако он все еще не терял надежды. Пусть Капестан и Жизель сбежали от него, но в его руках власть! Он отыщет их, где бы они не находились. Засунув за пояс пистолет, маршал д'Анкр скакал в Лувр. Он собирался сказать Людовику XIII следующее:

– Сир, мои люди доставили к вам герцога Ангулемского, которого я арестовал лично. Что же касается этого гнусного Капитана, то он сегодня ускользнул от меня, однако далеко ему уйти не удалось. Теперь он мертв. Извините меня за то, что не смог привезти его в Лувр живым, однако вы спасены, сир! Да здравствует король!

Было около десяти часов утра. Король стоял у окна, выходящего во двор, и не сводил пристального взгляда с больших ворот. Монарх был бледен. Еще бы – ведь он мог лишиться и трона, и жизни! Ришелье стоял рядом с Людовиком и тоже внимательно смотрел в окно. Епископ думал:

«Кто же теперь заменит Кончини? Есть все основания полагать, что я!»

В тронном зале находились также Люин и Орна-но. Первый по обыкновению бахвалился, а второй безмятежно ждал.

У стен теснилась толпа взволнованных придворных, готовых кричать: «Да здравствует король!», если Людовик XIII осмелится арестовать маршала д'Анкра, или «Да здравствует Кончини!», если последнему удастся захватить власть.

Все чувствовали, что приближаются серьезные события. Всем было известно, что в соседнем зале находится маркиз де Сен-Мар, схваченный ночью, и герцог и герцогиня Ангулемские, арестованные на рассвете.

Все знали, что в три часа утра из особняка Кончини вер-

нулся Витри. с какими-то новостями.

Выслушав доклад капитана, король немедленно позвал своих ближайших советников и удалился с ними в пустой зал. Что там происходило – неизвестно. А Витри тем временем ждал у ворот. С ним был отряд из двадцати гвардейцев. Никому не разрешалось покидать дворец. Ослушавшемуся грозила Бастилия. Над Лувром нависло мрачное беспокойство.

И наконец нужно добавить, что Ришелье и Люина весьма встревожило одно событие: король долго беседовал с глазу на глаз со своей пленницей, герцогиней Ангулемской. Этот разговор длился почти час, после чего герцогиня вернулась к мужу – то есть, в тот зал, который отвели им и маркизу де Сен-Мару.

Король погрузился в мрачные размышления.

«Значит, он хотел меня убить! – Думал Людовик. – Значит, Кончини мечтал усесться на мой трон! Это он... вернее, Леонора напоила вином мою лошадь, чтобы я погиб на медонской дороге! Это они подлили в мой кубок яд той ночью, когда во дворец ворвался Капестан!»

В эту минуту у ворот Лувра раздался какой-то шум. Король выглянул в окно. К монарху быстро подошли Люин, Орнано, Ришелье и еще несколько придворных.

– Что случилось? – встревоженно спросил Людовик XIII.

– У подъемного моста остановилась какая-то карета, – ответил Орнано.

– По мосту идет девушка, – пробормотал Людовик. – Ее сопровождает мужчина. Ну и вид у него! И в таком виде являться в Лувр! Откуда взялся этот несчастный?

– Сир, – произнес Ришелье, – если Вашему Величеству угодно, я пойду...

– Никому не двигаться с места! – резко прервал его король.

Людьми, спешившими во дворец, были, разумеется, Капестан и Жизель. Стража скрестила перед ними алебарды.

– Прочь отсюда! – громко заорал офицер.

– Подождите, – хрипло произнес шевалье. – Позовите господина де Витри и скажите ему, что я иду из Медона!

Тут их заметил Витри, который стоял во дворе, окруженный гвардейцами.

– Медон! – изо всех сил крикнул Капестан. Капитан вздрогнул и гаркнул:

– Пропустить!

Шевалье и Жизель вошли во двор и направились к двери, которая вела в покои короля. В тот же миг во двор влетела целая кавалькада. Капестан оглянулся и воскликнул:

– Кончини!

Побледневшая Жизель сказала шевалье:

– Это тот человек, который хотел меня обесчестить. Это тот человек, из-за которого два года назад сошла с ума моя мать!

И юноша зашагал к Кончини. Шевалье понял: это продол-

жение боя в Медоне. Один из них должен умереть. Машинально Капестан стал искать рукой эфес своей шпаги, собираясь выхватить ее из ножен. Его шпага! Шевалье вспомнил, что он отшвырнул ее перед тем, как взять на руки Жизель. И тем временем Капестан продолжал идти вперед.

Перед ним действительно был маршал д'Анкр. Он спрыгнул с коня, и Лувр тут же загудел, как улей. Витри и его гвардейцы направились к Кончини. Тот побледнел. Казалось, он не знал, что предпринять. Наверху, у окна, король, Ришелье и Люин ждали, затаив дыхание.

И вдруг они увидели, что ободранный, окровавленный незнакомец тоже приблизился к Кончини. Маршал заметил Витри и шевалье в одно и то же время.

– Капестан! – прорычал Кончини.

– Капестан! – прошипел Ришелье.

– Капестан! – выдохнул король.

– Капестан! – завопил Кончини. – Гвардейцы! Я требую, чтобы этого человека немедленно арестовали! В противном случае...

Фаворит выхватил из-за пояса свой пистолет. Шевалье заметил, что из-за пояса Витри, который находится совсем рядом, торчит такое же оружие. Юноша метнулся к офицеру и мгновенно его пистолет оказался в руках у шевалье.

– Мерзкий Капитан! Сейчас умрешь! – злобно завопил Кончини.

Фаворита и Капестана разделяло шагов десять. Маршал

д'Анкр не двигался с места. Лицо его было искажено гримасой ненависти. Капестан продолжал спокойно приближаться к своему врагу. Жизель не сводила с шевалье восхищенных глаз. Тщательно прицелившись, Кончини выстрелил. Почти одновременно с ним, лишь секундой позже, нажал на курок шевалье. Два выстрела слились в один. В наступившей затем тишине Капестан по-прежнему надвигался на маршала, а тот упал на спину и конвульсии потрясли его тело.

– Кончини, – медленно произнес шевалье, снимая шляпу, – от имени Виолетты, от имени Жизели и от своего имени я прощаю тебе то зло, которое ты нам причинил...

– Это было предсказано Лоренцо! – прошептал Кончини. В следующий миг из его горла хлынула кровь, и он замолчал навеки.

Эта сцена длилась три или четыре секунды. Когда все увидели, что Кончини рухнул на землю, во дворце началась суматоха. Витри выхватил свой второй пистолет и прокричал:

– Да здравствует королевское правосудие!

И выстрелил в воздух. Тут же примеру капитана последовали пять или шесть гвардейцев. Двор быстро наполнялся людьми.

Становилось все шумнее, Несколько человек подняли труп и понесли его в караульное помещение. Орнано обнял юного монарха своими огромными ручищами, высунулся вместе с ним в окно и крикнул:

– Да здравствует король!

– Да здравствует король! – раздалось во дворе. Побледневший Людовик XIII, высвободившись из объятий Орнано, повернулся к своим советникам и сказал:

– Вы можете смело кричать «Да здравствует король!» – Ибо теперь я действительно король!

– Да здравствует король! Да здравствует король! – грянули придворные в тронном зале.

Когда через час восторженные крики немного поутихли, к королю подошел Ришелье. Поклонившись, он произнес:

– Сир, я велел арестовать шевалье де Капестана. Прикажете доставить его в Бастилию?

– Нет. Не сейчас, – ответил Людовик. – Сначала я сам должен поговорить с ним. Господин епископ – и вы, господа – извольте подождать меня в тронном зале. Скоро я приду туда. Витри, проводите меня к заключенным.

Витри отвел короля в зал, где находились Капестан, Жизель, Сен-Мар, герцог Ангулемский и Виолетта. Увидев юного монарха, все встали. Людовик XIII приблизился к Капестану и остановился... И тогда произошло то, от чего остолбенели все вокруг: король низко поклонился шевалье де Капестану.

– Сир, – изумленно прошептал молодой человек.

– Капестан, – промолвил Людовик, – я хочу попросить вас об одном одолжении.

– Сир! – вскричал шевалье, не веря своим ушам.

– Вы ведь не откажете мне? – продолжал король.

– Сир! Сир! – повторял растерянный Капестан.

– Позвольте мне обнять вас, мой дорогой шевалье, рыцарь без страха и упрека! – воскликнул Людовик XIII.

Глаза Капестана увлажнились. Он порывисто прижал юного монарха к своей груди.

А через несколько секунд Людовик XIII сказал:

– Теперь ваша очередь просить, шевалье!

– Сир, – произнес молодой человек, – я умоляю вас исполнить два самых больших моих желания. Если вы окажете мне эту милость, я до конца жизни буду признателен Вашему Величеству.

– И каково же ваше первое желание, шевалье? – поинтересовался король.

– Сир, освободите моего друга, маркиза де Сен-Мара, который присутствует здесь, – проговорил Капестан.

– Да будет так. Смотрите, маркиз, больше не устраивайте заговоров, – улыбнулся Людовик, обращаясь к молодому вельможе.

– Да здравствует король! – воскликнул Сен-Мар, упав на колени.

– Ну, а ваше второе желание, рыцарь? – спросил Людовик, снова поворачиваясь к Капестану.

– Дайте свободу монсеньору герцогу Ангулемскому, который также находится в этом зале, – произнес шевалье.

– Да будет так! – ответил король. – Но при одном условии...

Он приблизился к Карлу Ангулемскому, замершему в низком поклоне, и строго взглянул на своего пленника.

– Герцог, вы согласны выполнить мое условие? – осведомился Людовик.

– Исполнить условие, которое ставит Ваше Величество, – это честь для меня! – пылко вскричал Карл Ангулемский.

Тогда Людовик XIII шагнул к Жизели, подвел ее к Капестану и соединил руки молодых людей. Шевалье едва не сошел с ума от счастья.

– Дети! Мои дорогие дети! – прошептала Виолетта с радостной улыбкой.

– Сир, – не скрывая волнения, произнес герцог Ангулемский, – любовь сильнее честолюбия и величественнее королевской власти... Подойди же ко мне, сын мой! – воскликнул отец Жизели.

С этими словами он заключил шевалье в объятия.

После этого король увлек Капестана в тронный зал, уже заполненный придворными. Взяв за руку оборванного шевалье, покрытого засохшей кровью, грязью и копотью, Людовик подвел его к самому трону.

– Господа, – громко произнес юный монарх, – я представляю вам человека, дважды спасшего мне жизнь и трижды – престол. Господа, я кланяюсь человеку, который только что доказал всему миру, что храбрость, сила духа и благородство сердца по-прежнему непобедимы! Нет преград, которые они не смели бы со своего пути, нет врагов, которых бы не одоле-

ли. Господа, король Франции говорит: «Да здравствует Капитан!»

Спустившись по ступеням трона, Людовик снова взял Капестана за руку и повел его через весь зал, в то время как все люди, присутствовавшие там, кричали:

– Да здравствует Капитан!

Нам остается рассказать только о верном Коголене, о котором мы совсем позабыли, увлекшись бурными событиями в герцогском замке и королевском дворце.

Тем утром, когда шевалье умчался, как вихрь, – и, по всей видимости, вовсе не в игорный дом – преданный слуга утешился тем, что пересчитал пистолы, оставшиеся на дне кошелька, который подарил ему Сен-Мар.

Теперь Коголен думал о Джузеппе больше, чем когда бы то ни было, полагая, что он вполне заслуживает счастья и удачи. Коголен представлял, как он попросит руки своей красавицы, а потом станет засыпать ее дорогими подарками, роскошными туалетами и великолепными драгоценностями. Эта мечта была поистине прекрасна, однако вскоре Коголена заставил спуститься с небес на землю один простой вопрос.

– А когда вернется шевалье? – поинтересовалась Джузеппа.

– Откуда я знаю? – вскричал оруженосец. – Может быть, мой господин снова ранен? С ним же вечно случаются всякие ужасные неприятности!

Тут у Коголена начался очередной приступ раздвоения личности. Заставив замолчать Незадачу, верный слуга призывал к ответу Удачу.

– Шевалье вот-вот будет здесь, – твердо заявил Коголен своей невесте.

Затем, догадавшись, видимо, что такого ответа явно недостаточно, он добавил:

– Скоро мой хозяин разбогатеет, и тогда...

– Что тогда? – спросила Джузеппа, повиснув у Коголена на шее.

– И тогда, – закончил оруженосец, – мы поженимся!

В этом он уже не сомневался. Будущее рисовалось Коголену в самых радужных тонах – и никак иначе. Но скоро слуге надоело ждать, когда, наконец, Капестан снова появится на постоялом дворе «Славная встреча».

Ночью Коголен решил отправиться на поиски своего господина. Увы! Судьба еще раз жестоко посмеялась над беднягой! На улице Дофин на Коголена напали разбойники, отняли у него кошелек и крепко отколотили палкой.

На следующее утро верный оруженосец решил навсегда покинуть постоялый двор, ставший ему уже родным домом. Коголен страдал от невыносимой боли – как телесной, так и душевной. Он спрашивал себя, увидит ли когда-нибудь Джузеппу, и обливался горячими слезами. Хозяин гостиницы Гаро был настолько тронут, что предложил Коголену место мойщика посуды.

Оруженосцу оставалось лишь одно: распрощаться со своими честолюбивыми мечтами, с погоней за удачей, которая все время ускользала от него, и принять предложение трактирщика. По крайней мере, это позволяло Коголену ждать изменений своей жизни к лучшему, не покидая Джузеппу.

...Пробило полдень. Коголен задумчиво мыл на кухне кружки, когда его позвал Гаро. Хозяин объявил слуге, что его, Коголена, хочет видеть какой-то важный господин.

Джузеппа и Гаро тут же устроились под дверью в надежде что-нибудь подслушать. Весь дрожа, Коголен вышел во двор. Там только что спрыгнул с коня офицер королевской гвардии...

– Ваше имя Коголен? – строго осведомился он.

– Да, монсеньор, – пролепетал бедняга, становясь блее мела.

«Наверное, господин шевалье устроил ужасный скандал, – тоскливо подумал оруженосец. – Теперь меня сочтут его сообщником и повесят».

– Следуйте за мной, – сурово приказал офицер. – Мы отправляемся к господину рыцарю короля!

– Ну так и есть! – скорбно прошептал Коголен. – Ах, Незадача я, Незадача!

Грустно попрощавшись с Джузеппой, он поплелся за офицером. Скоро они очутились на улице Барре и вошли в тот самый дом, ключ от которого Коголен некогда украл у Лантерна.

Вдруг его кто-то схватил за ухо, и знакомый голос про- бурчал:

– В чем дело, мерзавец? Почему я не вижу тебя уже три дня? Тебе что, больше по душе плевать в потолок, чем чи- стить мою одежду?

– Господин шевалье! – вне себя от радости завопил Кого- лен.

– Да, это я! – ответил Капестан. – Ну-ка, положи вон в тот сундук эти экю – они, между прочим, принадлежат тебе – а потом поставь сундук в карету, которую увидишь во дворе. Только поживее! Мы уезжаем в Орлеан.

– Экю! Сундук! – тупо повторил Коголен.

– Смотри! Вот оно – королевское богатство!

С этими словами шевалье высыпал содержимое своего мешка. На пол хлынул целый дождь монет.

При виде такого количества экю Коголен едва не лишился рассудка.

– О! – выдохнул он. – Значит, молитва Меркурию все- таки помогла?

– Да, – серьезно кивнул Капестан. – Вот твоя часть.

– Да здравствует удача! – завопил Коголен.

Он немедленно принялся считать деньги. Оказалось, что его доля равняется двадцати пяти тысячам экю.

– Все, теперь едем! – Шевалье уже начал терять терпе- ние. – Меня ждут!

– Увы! Монсеньор... – потупился Коголен.

– Что еще? Ты хочешь меня покинуть? – изумился молодой человек.

– Что вы, монсеньор! – ужаснулся преданный слуга.

– Тогда в чем дело? – сердито посмотрел на него шевалье.

– Дело в том, – вздохнул Коголен, – что меня тоже ждут.

Здесь, на постоялом дворе. И я не могу бросить эту особу...

– Пустяки! – воскликнул Капестан, вскочив в седло. – Как зовут эту твою особу?

– Джузеппа, монсеньор, – заулыбался слуга.

– Хорошо, Коголен, я поеду первым, а тебе оставляю экипаж, в котором отправитесь вы с Джузеппой. Встретимся в Орлеане, – объявил шевалье.

Через несколько секунд он исчез в клубах пыли...

...Коголену понадобилось совсем немного времени для того, чтобы уладить все свои дела; а на то, чтобы уговорить Джузеппу уехать вместе с ним, времени не потребовалось вовсе.

Прибыв в Орлеан, они направились в особняк герцога Ангулемского. Там наконец и встретились все герои нашей истории: дочь Виолетты, ее новая горничная, шевалье де Капестан и его верный оруженосец.

Через месяц счастливый Коголен женился на Джузеппе, а Жизель Ангулемская вышла замуж за Капестана.